

84(4)

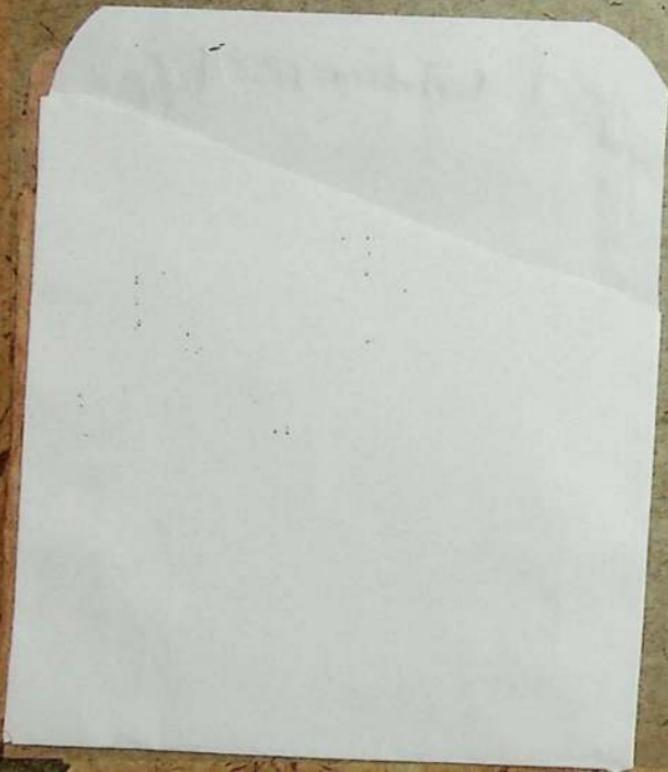
Б48

Беранже

8432

Полное собрание
лесен.

5/10 1107 1 2/11

ИСФР

7-48

Рубль

42

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПЪСЕНЪ БЕРАНЖЕ

ВЪ ПЕРЕВОДЪ

РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ

съ многочисленными иллюстраціями,
автобіографіей знаменитаго французскаго поэта

— * и * —

и критической оцѣнкой его литературной дѣятельности.

17

Подъ редакціей С. С. Трубочева.

ПОГАШЕНО

136690

Томъ I.

Вологод. жел. деп.
Библиотека „Корп“

МУК «ЦБС»
г. Вологда

Ж. Д. БИБЛИОТЕ
Читальня
1904

Ц. Зр
Центр писателя
Висвилова
книгохранилища

Учет 1935

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. О. Пантелеева, Врейская, 16.

1904.

1027

84(49ра) 944
548

Дозволено цензурою. СПб. 18 Декабря 1903 г.

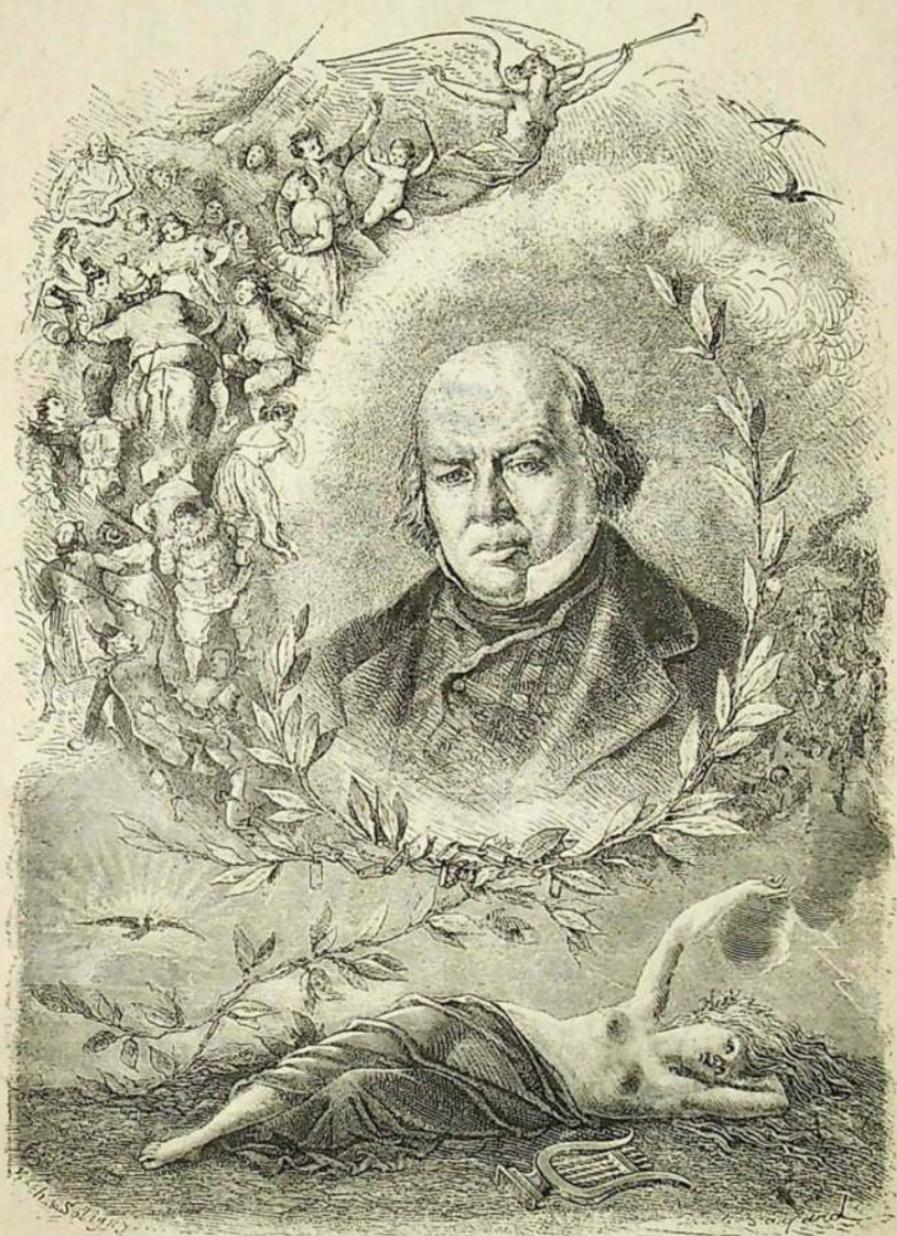
11051

ВЫДАНО
18 12 1903

МАК-ЦЕО
1. Вольно

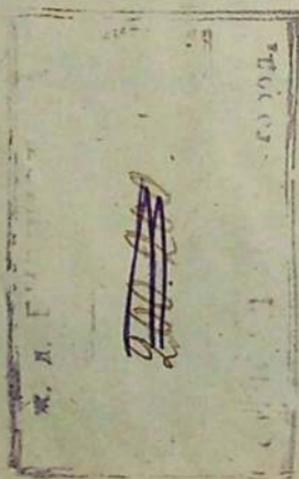
ВЫДАНО
18 12 1903

808

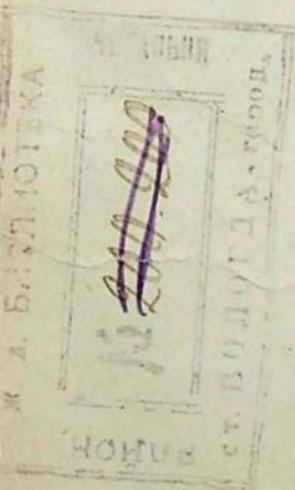

Вераиже п его муза.

Библиотека КОР

МОЯ БІОГРАФІЯ.

Учет 1935 г.

ΒΙΒΛΙΟΤΗΚΗ ΕΛΛΗΝΙΚΗΣ ΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑΣ

Пьеръ-Жанъ Веранже.
(Лучшій изъ портретовъ поэта, конія съ офорта Шарла, исполненаго въ 1834 г.).

Малого... кор.
Библиотека... КОР

Библиотека
Малого... кор.
Библиотека... КОР

МОЯ БІОГРАФІЯ.

Что за дѣло великимъ поэтамъ до того, дойдетъ ли правдивая исторія ихъ жизни до потомства или нѣтъ? Все ихъ существованіе—въ жизни ихъ произведеній, и часто легенды, которыми за недостаткомъ положительныхъ свѣдѣній люди окружаютъ колыбель или могилу любимыхъ писателей, только оказываютъ имъ услугу.

Сочинитель пѣсень, болѣе или менѣе вѣрный отзвукъ своего времени, не можетъ надѣяться на подобный свѣтлый ореолъ. Если случайно куплеты переживутъ ихъ автора, можетъ статься, для ихъ вѣрной оцѣнки послѣдующему поколѣнію нужно будетъ узнать, какія обстоятельства, какія чувства вдохновляли писателя.

Это часто говорили мнѣ мои друзья, просившіе меня написать записки; но я долго отвѣчалъ имъ:

— Что такое исторія человѣка, составлявшаго ничто въ тотъ вѣкъ, когда столько людей было или считало себя чѣмъ-то важнымъ?

Но мнѣ всегда возражали.

— Ваша біографія, написанная вами, можетъ сдѣлаться лучшимъ поясненіемъ вашихъ пѣсень.

Наконецъ, друзья побѣдили мою лѣнь, и я записываю здѣсь множество моихъ личныхъ воспоминаній. Прежде всего мнѣ необходимо предупредить читателей, что хотя я былъ современникомъ великихъ событій, эпохи, столько создавшей, я не имѣю притязанія въ моихъ разсказахъ и размышленіяхъ выходить за предѣлы моего призванія пѣвца. Конечно, меня прежде всего занимали интересы моей родины, и я глубоко обдумывалъ множество общихъ вопросовъ. Обладая политической натурой, я могъ бы высказывать мнѣнія о многихъ болѣе или менѣе важныхъ событіяхъ; но въ этихъ замѣткахъ я собираю только факты, касавшіеся лично меня

одного, факты очень мало значительные и нерѣдко самаго зауряднаго характера. Что же касается до моего вліянія на активную политику, я предоставляю историкамъ судить о немъ, если только найдутся люди, которые пожелаютъ отыскивать его слѣды въ послѣднихъ событіяхъ Франціи.

Читая мои воспоминанія, читатели убѣдятся, что мой созерцательный характеръ очень часто низводилъ меня до роли зрителя. Такъ, когда я, пятидесяти лѣтъ отъ роду, очутился рядомъ со властью, я только мимоходомъ взглянулъ на нее, совершенно такъ же равнодушно, какъ во дни моей бѣдной юности, глядя на зеленое сукно, покрытое золотомъ, наблюдалъ за превратностями игры, нисколько не завидуя игрокамъ, державшимъ въ рукахъ карты. Въ такомъ поведеніи съ моей стороны не было ни презрѣнія, ни благоразумія: я повиновался внушеніямъ моего характера. Итакъ, размышленія, которыя примѣняются къ моимъ разсказамъ, будутъ носить привкусъ повседневнаго существованія, особенно сильно привлекавшаго меня. Великимъ людямъ—великія дѣянія, великія повѣствованія. Я же пишу только исторію жизни челоука, слагавшаго пѣсни.

Если бы можно было избирать себѣ мѣсто рожденія, я остановился бы на Парижѣ, который еще раньше нашей великой революціи превратился въ царство свободы и равенства, въ мѣсто, въ которомъ несчастіе встрѣчаетъ, можетъ быть, больше сочувствія, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Я появился на свѣтъ 19-го августа 1780 года, въ квартирѣ моего добраго стараго дѣдушки Шампи, портного въ улицѣ Montorgueil.

Узнавъ, что я родился въ одной изъ самыхъ шумныхъ и грязныхъ улицъ, кто подумалъ бы, что я съ такой силой буду любить лѣса, поля, цвѣты и птицъ?

Мой отецъ служилъ у нотариуса въ провинціи, но потомъ занялъ мѣсто бухгалтера у бакалейщика, тоже въ улицѣ Montorgueil. Онъ женился, когда ему было около тридцати лѣтъ. Молодая дѣвушка 19-ти лѣтъ, живая, миленкая, съ хорошей фигурой, ежедневно проходила мимо дверей бакалейной лавки, направляясь въ модный магазинъ, въ которомъ она работала. Мой отецъ влюбился въ нее и попросилъ ея руки у портного Шампи, имѣвшаго еще шестерыхъ дѣтей.

Мой дѣдъ въ видѣ приданаго доставилъ своему зятю только полезныя связи, которыми тотъ могъ бы воспользоваться.

Но вышло иначе: черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ свадьбы супруги разстались; мой отецъ отправился въ Бельгію, моя мать вернулась къ родителямъ. Она продолжала работать у модистки и не сожалѣла о мужѣ, котораго никогда особенно не любила, хотя онъ

былъ миль, любезенъ, веселъ и недуренъ собой. Мое рожденіе чуть было не стоило ей жизни; пришлось прибѣгнуть къ щипцамъ, чтобы помочь мнѣ войти въ міръ, изъ котораго я желалъ бы выйти безъ такихъ церемоній! Позже, когда во мнѣ развилось сильное недовѣріе къ себѣ и я видѣлъ затрудненія повсюду, даже въ мелочахъ, я нерѣдко говорилъ, что все мнѣ было трудно—даже родиться.

Меня отравили къ кормилицѣ въ окрестности Окзера; тамъ я пробылъ больше трехъ лѣтъ, и никто не заботился о томъ, хорошо ли мнѣ живется или худо. Мнѣ было хорошо, даже очень хорошо. Хотя у моей кормилицы пропало молоко съ первыхъ же мѣсяцевъ, какъ это обнаружилось позже, и хлѣбъ, размоченный въ винѣ, по бургондскому обычаю, нерѣдко замѣнялъ для меня вареное мясо, она все же воспитывала меня заботливо и нѣжно. Кормилицѣ платили до крайности неаккуратно; тѣмъ не менѣе, она съ грустью вернула меня дѣдушкѣ, у котораго я и прожилъ до девяти лѣтъ. Бабушка и дѣдъ выказывали мало нѣжности къ своимъ дѣтямъ; но, вѣрные назначенію стариковъ, они очень баловали меня, превратили моихъ дядей и тетокъ въ слугъ, покорявшихся мнѣ, и, право, не по ихъ винѣ я не сталъ любить одѣваться изящно и изысканно. Я перенесъ много опасныхъ болѣзней и съ самыхъ раннихъ лѣтъ жизни страдалъ жестокими мигренями, а потому меня поздно помѣстили въ школу, бывшую какъ разъ противъ нашего дома, въ глухомъ переулкѣ de la Bouteille. Врядъ ли я побывалъ въ ней больше двадцати разъ: съ такой ловкостью мнѣ удавалось находить предлоги, чтобы избавить себя отъ этого тяжелаго дѣла. Дѣдушка и бабушка съ сожалѣніемъ посылали меня въ классъ, хотя сами очень любили чтеніе. Я помню, какъ бабушка читала романы Прево и произведенія Вольтера, а дѣдушка громко толковалъ о книгѣ Рейналя, которая тогда пользовалась большимъ успѣхомъ. Впослѣдствіи я сомнѣвался, чтобы бабушка понимала что-нибудь изъ книгъ, которыя такъ увлекали ее. Она то-и-дѣло приводила выдержки изъ сочиненій „г-на де-Вольтера“, что не мѣшало ей на праздникѣ Тѣла Господня заставлять меня проходить подъ дарохранильницей.

Любовь къ ученію долго не являлась во мнѣ. Я предпочиталъ тихонько сидѣть въ уголкѣ, вырѣзать что-нибудь, рисовать или дѣлать маленькія корзиночки изъ вишневыхъ косточекъ, которыя я осторожно выдалбливалъ и вырѣзывалъ; созданіе этихъ вещицъ занимало меня по цѣлымъ днямъ и возбуждало восхищеніе во всѣхъ моихъ родственникахъ.

Моя мать жила одна, и я время отъ времени гостилъ у нея съ недѣлю или двѣ; это разнообразило тихую жизнь, которую я

вель въ улицѣ Montorgueil. Мать часто брала меня въ бульварные театры, на балы, на загородныя прогулки.

Я слушалъ и мало говорилъ. Я узнавалъ многое, но все еще не могъ научиться читать.

Мой отецъ, попрежнему разлученный съ женой, жилъ тогда въ Анжу, и я видѣлъ его всего два или три раза, когда онъ проѣзжалъ черезъ столицу. Онъ вернулся въ Парижъ въ началѣ 1789 г., и тогда меня помѣстили въ одинъ пансіонъ въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ. Оттуда я съ домовыхъ крышъ видѣлъ взятіе Бастиліи. Кажется, больше я не получилъ тамъ никакихъ полезныхъ свѣдѣній: не помню, чтобы я хоть разъ присутствовалъ на урокъ чтенія или письма. Между тѣмъ, я уже прочелъ „Генриаду“ съ замѣтками и варіаціями и „Іерусалимъ“ въ переводѣ Мирабо, подаренный мнѣ однимъ изъ моихъ дядей, портнымъ, стремившимся вселить въ меня любовь къ чтенію. Какъ научился я читать — я никогда не могъ дать себѣ въ этомъ отчета.

Мое недолгое пребываніе въ пансіонѣ, кромѣ взятія Бастиліи, оставило во мнѣ два воспоминанія, которыя мнѣ пріятно теперь воскресить въ памяти.

Въ пансіонъ часто приходилъ одинъ старикъ, чтобы повидать своего внука, старшаго изъ воспитанниковъ, который, благодаря старшинству, пользовался уголкомъ сада съ зеленымъ куполомъ трельяжа; тамъ любилъ сидѣть его дѣдъ. Я подкрадывался и молчаливо смотрѣлъ на почтеннаго восьмидесятилѣтняго старца, имя котораго часто повторялось моими товарищами. Это былъ Фаваръ, основатель комической оперы, авторъ многихъ произведеній, имѣвшихъ успѣхъ на сценѣ, между прочимъ, пьесъ: „Анета и Любенъ“, „Искательница“ и „Три султанши“. Я спрашиваю себя теперь, почему въ моемъ невѣдѣніи мнѣ было такъ пріятно съ любопытствомъ смотрѣть на стараго поэта, хотя я не былъ въ состояніи понимать ни его значенія, ни его репутаціи.

Можетъ быть, предчувствіе будущей судьбы привлекало меня къ этому автору столькихъ положенныхъ на музыку стихотвореній, къ этому Фавару, который, говоря о своихъ драматическихъ курсахъ, помѣщавшихся подлѣ лагеря, замѣтилъ:

— Маршалъ де-Саксъ сдѣлалъ меня пѣсенникомъ арміи.

Другое воспоминаніе носить иной характеръ. Въ числѣ пансіонеровъ было нѣсколько сыновей Граммона, трагика „Французскаго Театра“. Я такъ и вижу младшаго изъ нихъ, одѣтаго въ красную хламиду — героическій остатокъ костюма его отца! Въ какой восторгъ приходилъ я, когда онъ читалъ намъ роль Іоаса, которую его заставляли играть! Я сдружился съ этимъ воспитанникомъ, потому что онъ былъ спокоенъ и кротокъ, а это соответствовало моей

мечтательной, лѣнливой натурѣ. Граммонъ-старшій, которому уже минуло лѣтъ пятнадцать, совсѣмъ не походилъ на своего брата; онъ внушалъ мнѣ ужасъ дурнымъ обращеніемъ со мной. Къ счастью, мы съ нимъ встрѣчались не часто; онъ принадлежалъ къ категоріи старшихъ, я—младшихъ. Впослѣдствіи я догадался о причинѣ его отвращенія ко мнѣ.

Мнѣ покровительствовала одна родственница моего дѣдушки, давно знавшая аббата, содержателя пансіона. Въ угоду ей всѣ подчиненные ухаживали за мною и, вслѣдствіе частыхъ мигреней, то-и-дѣло освобождали меня отъ уроковъ. Такая милость превращала меня въ предметъ зависти другихъ учениковъ. Въ одинъ торжественный день ненависть Граммона вырвалась наружу. Раздавались награды; я не имѣлъ ни малѣйшихъ притязаній на нихъ и безъ тѣни злобы смотрѣлъ, какъ мои младшіе товарищи получали ихъ. На мое несчастіе, мнѣ присудили крестъ за благонавіе, этотъ вѣчный знакъ отличія школьныхъ ословъ.

Говоря правду, я имѣлъ нѣкоторое право на эту награду, такъ какъ не былъ ни игрокомъ, ни шалуномъ, ни буяномъ. Воспитанники меня освистали, но я все же получилъ проклятый крестъ. Если во мнѣ и возгорѣлась гордость, то она потухла въ самомъ скоромъ времени. Въ тотъ же день на рекреационномъ дворикѣ собрались пансіонеры всѣхъ возрастовъ, еще не распущенные на каникулы; я стоялъ у рѣшетки улицы и смотрѣлъ на продавцовъ, пришедшихъ съ пирожками и плодами и искушавшихъ тощіе кошельки школьниковъ. Маленькія суммы, которыя родители даютъ своимъ дѣтямъ на недѣльные расходы, быстро обмѣнивались на эти лакомства. Увы, мнѣ было суждено только одно удовольствіе—смотрѣть: я не получалъ карманныхъ денегъ. Одно громадное яблоко съ аппетитнымъ румянцемъ составляло особенный предметъ моихъ желаній. Я пожиралъ его моими дѣтскими глазами; вдругъ рѣзкій голосъ закричалъ мнѣ надъ ухомъ:

— Возьми яблоко, возьми, не то я отколочу тебя!

Говорилъ не змѣй-искуситель, говорилъ ужасный Граммонъ. Его желѣзная рука прижала меня къ рѣшеткѣ. Что совершилось въ моей наивной душѣ? Я не смѣлъ послѣдовать его приказанію; но страхъ и желаніе полакомиться восторжествовали; уступая настояніямъ моего врага и безъ малѣйшаго уваженія къ полученной мною наградѣ, я, протянувъ дрожащую руку къ роковому яблоку, схватилъ его. Только-что преступленіе совершилось, какъ Граммонъ взялъ меня за шиворотъ, сталъ кричать: „Воръ, воръ!“ и показалъ вещественное доказательство моего преступленія всему пансіону. Какой скандалъ! Образецъ благонавія впасть въ такой проступокъ. Меня отвели къ профессорамъ, но я такъ волновался,

что не слышалъ произнесеннаго приговора. Вѣроятно, дурная репутація обвинителя, ненавистнаго и ученикамъ, и учителямъ, а также благосклонныя показанія свидѣтелей просвѣтили судей.

Какъ бы то ни было, мнѣ отдали крестъ, который Граммонъ сорвалъ съ меня. Не знаю, не эта ли сцена, стоившая мнѣ многихъ слезъ, внушила мнѣ впоследствии такое отвращеніе къ яблокамъ и такую нелюбовь къ орденамъ.

Сколько разъ я смѣялся, вспоминая объ этомъ приключеніи дѣтства. Граммонъ же былъ бы счастливѣе, если бы ограничился подобными школьными шалостями.

Черезъ четыре года я узналъ, что мой бывший врагъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ сдѣлался однимъ изъ начальниковъ революціонной арміи, покрывшей кровью и развалинами западный департаментъ; они совершили столько безчеловѣчныхъ жестокостей, что „комитетъ охраненія“ для примѣра осудилъ ихъ на смертную казнь; они погибли на гильотинѣ, которую возили за арміей.

Я съ ужасомъ услышалъ объ этой смерти. Я помнилъ впечатлѣніе, произведенное на меня видомъ крови. Однажды въ октябрѣ 1789 г. я переходилъ улицу съ одной изъ моихъ тетокъ; насъ окружила толпа мужчинъ и женщинъ ужаснаго вида. На длинныхъ пикахъ они несли головы стражниковъ, зарѣзанныхъ въ Версалѣ. Это зрѣлище внушило мнѣ такой ужасъ, что даже теперь, вспоминая о немъ, я такъ и вижу одну изъ этихъ окровавленныхъ головъ, которая въ теченіе нѣсколькихъ минутъ была рядомъ со мною. Я благословляю небо за то, что во время Террора я жилъ вдали отъ Парижа. Моему отцу надоѣло платить за меня, и я былъ отправленъ въ Перонну—городъ, въ окрестностяхъ котораго онъ родился въ деревенскомъ кабачкѣ, что не мѣшало ему выражать притязанія на благородство происхожденія. Онъ поддерживалъ ихъ безумными семейными традиціями, которыя заставили его въ моемъ метрическомъ свидѣтельствѣ прибавить къ моему имени феодальную частицу „де“; моя мать, хотя и бывшая дочерью портного, дорожила ею не менѣе его. Въ оправданіе отца я долженъ сказать, что стремленіе къ дворянству составляло манію нашего семейства. Мой дѣдъ питалъ такія же притязанія, хотя онъ сдѣлался кабатчикомъ, оставшись одинокимъ, когда его отецъ отправился въ Англію и вторично женился тамъ подъ фамиліей Беранже де-Форментель. Такія стремленія къ дворянскому достоинству еще и до сихъ поръ очень обыкновенны во Франціи. Я знавалъ мелкаго пикардійскаго буржуа, который съ большою увѣренностью доказывалъ свое родство съ Бурбонскимъ домомъ. Это по крайней мѣрѣ стоило иллюзіи!

Я поставилъ передъ моей фамиліей частицу „де“ и заглав-

ныя буквы моего имени только по совѣту Арно, когда одни дурные стихи въ моемъ духѣ приписали Беранже, автору „Провансальскихъ вечеровъ“. Такимъ образомъ я установилъ различіе между моею подписью и подписями многихъ другихъ Беранже, писавшихъ въ ту эпоху; помнится, одинъ изъ нихъ сочинилъ стихи въ честь рожденія Римскаго короля, которые, въ свою очередь, приписали мнѣ. На этотъ разъ я не протестовалъ, но написалъ нѣсколько писемъ въ „Ежедневную Газету“ въ защиту другого Беранже: я не желалъ, чтобы его считали виновникомъ моихъ неудачныхъ рѣшѣній. „Ежедневная Газета“ не обратила никакого вниманія на мое заявленіе; изъ всего этого вышло только одно: въ литературѣ явилась лишняя частица „де“. Во время Реставраціи нѣкоторые друзья совѣтовали мнѣ уничтожить ее, но я настолько довѣрялъ прочности моихъ принциповъ, что не пожелалъ доказывать ихъ такимъ пустымъ способомъ. Отъ моего отца я, вмѣсто всякаго другого наслѣдства, получилъ генеалогію, украшенную гербами, которой недостаетъ лишь оправдательныхъ документовъ, исторической точности и моральной правдоподобности.

Но возвратимся къ моему путешествію въ Пикардію. Отецъ отправилъ меня въ дилижансѣ къ одной изъ своихъ сестеръ, бездѣтной вдовѣ, не предупредивъ ея. Я помню, какъ я пріѣхалъ съ моей спутницей, старой родственницей, въ маленькую гостиницу „Королевская шпага“. Тетка держала ее въ одномъ изъ предмѣстій Перонны и она составляла все ея богатство. Я тетки не зналъ; она встрѣтила меня съ сомнѣніемъ и, прочитавъ письмо моего отца, сказала кузинѣ:

— Я не могу взять его.

Это мгновеніе до сихъ поръ живетъ въ моей памяти. Мой дѣдъ, пораженный параличомъ, бросилъ свое ремесло, располагалъ очень небольшими средствами и не могъ оставить меня у себя. Мой отецъ сбрасывалъ съ себя заботы обо мнѣ, какъ обузу, а моя мать даже не помышляла о томъ, что у нея есть сынъ. Въ то время мнѣ было всего восемь лѣтъ съ половиной, но я живо чувствовалъ, что всѣ отталкиваютъ меня. Что было мнѣ суждено? Подобныя сцены заставляютъ скоро созрѣвать умъ людей, рожденныхъ съ нѣкоторымъ запасомъ мозга.

Когда я выросъ, то сталъ очень некрасивымъ, но въ дѣтствѣ былъ прехорошенькимъ мальчикомъ; я часто говорилъ себѣ, что мнѣ слѣдуетъ благодарить за это Провидѣніе. Дѣтская красота имѣетъ вліяніе на всю нашу жизнь, благодаря тѣмъ улыбкамъ, которыми она окружаетъ насъ въ юномъ возрастѣ. Я не хочу уменьшать заслуги моей тетки, но отлично помню, какъ она поглядѣла на меня; потомъ, взволнованная, растроганная, обняла

меня, прижала къ своей груди и сказала со слезами на глазахъ:

— Покинутый бѣдняжка, я замѣню тебѣ мать.

Никогда обѣщаніе не сдерживалось лучше.

Нѣсколько времени назадъ я потерялъ эту превосходную женщину, которая скончалась восьмидесяти шести лѣтъ отъ роду, продиктовавъ себѣ слѣдующую эпитафію:

«Она никогда не была матерью,
а между тѣмъ оставила дѣтей, которые о ней плачуть».

Ея племянникъ-поэтъ не могъ бы придумать ничего лучшаго; позвольте ему помѣстить здѣсь нѣсколько строкъ, посвященныхъ памяти той, которая была его истинной матерью. Рожденная съ недюжиннымъ умомъ, она восполнила недостатки своего образованія серьезнымъ и полезнымъ чтеніемъ. Все великое возбуждало въ ней энтузіазмъ; даже въ послѣдніе годы своей жизни эта женщина интересовалась новыми открытіями, успѣхами промышленности и даже украшеніемъ города. Она была способна увлекаться, и потому революція превратила ее въ настолько горячую республиканку, насколько это допускало ея чувство гуманности. Но съ патриотизмомъ она умѣла соединять религіозныя чувства, которыми люди часто бываютъ обязаны скорѣе природѣ, нежели первому воспитанію. Такова была бѣдная хозяйка гостинницы, взявшая на себя заботы обо мнѣ во второмъ періодѣ моей жизни. Она учила меня читать по „Телемаку“, Расину, по драматическимъ произведеніямъ Вольтера, составлявшимъ ея бібліотеку. До тѣхъ поръ я, знавшій почти наизусть двѣ эпическія поэмы, умѣлъ читать только глазами и былъ неспособенъ громко соединить хотя бы два слога, такъ какъ никто не преподавалъ мнѣ теоріи созвучій. Наконецъ, благодаря стараніямъ стараго школьнаго учителя, я научился писать и считать нѣсколько правильнѣе прежняго. Этимъ и закончился школьный періодъ моей жизни; тетка не имѣла средствъ дать мнѣ болѣе блестящее образованіе; кромѣ того, какъ разъ въ это время въ Пероннѣ закрыли коллежъ. Я очень любилъ рисованіе, и ей хотѣлось развить во мнѣ художественныя способности, но и въ этомъ случаѣ недостатокъ средствъ оказался помѣхой. Нравственное воспитаніе было менѣе ограничено, благодаря наставленіямъ которыя она по всякому поводу умѣла давать мнѣ, примѣняя ихъ къ моему дѣтскому разуму, до двѣнадцати лѣтъ развивавшемуся довольно быстро. Иногда учительница считала необходимымъ обращаться къ мнѣнію своего ученика. Слѣдовательно, вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ я даю совѣты другимъ. Повидимому, мнѣ было на роду написано заниматься этимъ глупымъ дѣломъ, столько же безполезнымъ для совѣтчика, сколько и для того, кто спрашиваетъ

совѣта. Можетъ быть, читатели скажутъ: „Помѣшала ли эта преждевременная разсудительность вамъ самому впасть въ ошибки?“. Увы, нѣтъ, но она рано научила меня не забывать моихъ мельчайшихъ провинностей и, благодаря этому, я могу теперь, не слишкомъ краснѣя, вспоминать уроки моей наставницы.

Я приведу здѣсь одинъ случай, который дастъ понятіе о средствахъ, которыя тетушка употребляла, чтобы прививать мнѣ свои принципы.

Въ эпоху Террора нѣкоторыхъ изъ ея друзей, жившихъ въ сосѣднемъ селѣ, арестовали и отвели въ Перонну ночью, чтобы заключить въ тюрьму. Когда они проходили мимо нашей гостинницы, имъ позволили остановиться и поговорить съ теткой. Шумъ голосовъ не разбудилъ меня; утромъ же она, не говоря мнѣ объ ихъ арестѣ, отвела меня въ городъ и, къ моему изумленію, направилась къ тюрьмѣ. Собираясь постучаться въ тюремную дверь, она сказала мнѣ:

— Дитя мое, мы сейчасъ увидимъ честныхъ людей, добрыхъ гражданъ, лишенныхъ свободы изъ-за клеветы; я хотѣла показать тебѣ, какимъ преслѣдованіямъ подвергается добродѣтель во время политическихъ волненій.

Подобные уроки, данные при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, глубоко врѣзываются въ умъ.

Получилъ я урокъ и другого рода. Пока церкви были открыты, моя тетка водила меня въ нихъ или отправляла съ кѣмъ-нибудь. Она даже принудила меня прислуживать во время обѣдни одному знакомому ей священнику, о которомъ впоследствии меня часто заставляла вспоминать братъ Жанъ.

Для церкви была нужна латынь, но, странная вещь, несмотря на прекрасную память, я никогда не могъ заучить наизусть ни одной латинской фразы. Во время перваго причастія священникъ, вопреки правиламъ, былъ принужденъ позволить мнѣ читать молитвы по-французски.

Возвращаясь къ моему ремеслу служки: я прислуживалъ священнику такъ плохо, такъ коверкалъ или путалъ отвѣты, такъ неловко обращался съ церковными сосудами, что, увидавъ однажды, что не осталось больше вина для приготовления даровъ, аббатъ бросилъ по моему адресу эпитетъ, не имѣвшій въ себѣ ничего священнаго, наскоро окончилъ обѣдню и ушелъ въ ризницу, увѣряя, что онъ никогда больше не допуститъ меня до служенія алтарю. Мнѣ совершенно не хотѣлось возвращаться въ церковь въ качествѣ служки. Мнѣ гораздо больше правилось слушать толки о политикѣ. Было бы бесполезно перечислять всѣ обстоятельства, объясняющія, какимъ образомъ я въ такомъ юномъ возрастѣ заинтересовался нашей Великой революціей.

136690 - 1кx
Отдѣл
книгохраненія писателя
В.И. Белова

Вологодская
городская ЦБС

8732
12144

ГОД. ДЕНЬ. М.
В. И. БЕЛОВА

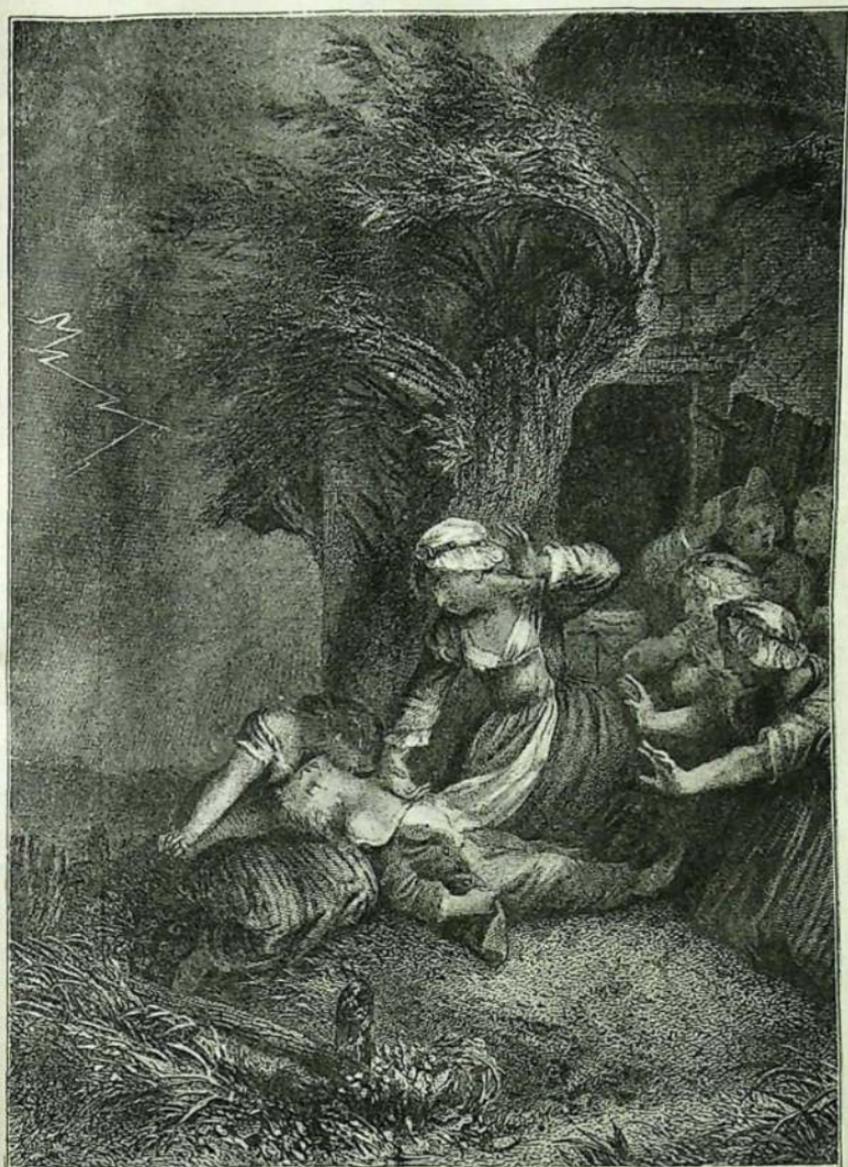
Въ какое безпокойство повергло насъ съ тетушкой появленіе соединенной арміи, аванпосты которой прошли за Камбрэ! Вечеромъ, сидя у дверей гостиницы, мы прислушивались къ грохоту пушекъ англичанъ и австрійцевъ, осаждавшихъ Валансьенъ въ шестидесяти миляхъ отъ Перонны. Съ каждымъ днемъ во мнѣ все возрастало отвращеніе къ иностранцамъ. И съ какой радостью я слышалъ о побѣдахъ республики! Когда пушка возвѣстила о томъ, что мы снова взяли Тулонъ, я былъ на стѣнѣ и при каждомъ выстрѣлѣ мое сердце билось съ такой силой, что мнѣ пришлось сѣсть на траву, чтобы отдышаться.

Теперь, когда нашъ патріотизмъ дремлетъ, эти дѣтскія волненія должны казаться странными. Читателей тоже очень удивить, если я скажу, что въ шестьдесятъ лѣтъ я попрежнему сохраняю экальтивированный патріотизмъ и что мнѣ нужно собирать въ себѣ всю любовь къ человѣчеству, весь мой здравый смыслъ, озаренный опытомъ, чтобы не изливать на народы, соперничающіе съ нами, такихъ же проклятій, какими я осыпалъ ихъ въ моей ранней юности.

Это живое чувство, можетъ (быть, тѣмъ болѣе живое, что я рано сосредоточилъ его въ себѣ, какъ и всѣ другія, имѣло вліяніе и на мои литературные вкусы. Друзья иногда удивлялись, что я не люблю Вольтера, хотя и восхищаюсь реформаторской дѣятельностью и плодovitостью его могучаго генія. Я сталъ холодно относиться къ извѣстной части его произведеній раньше, чѣмъ эта холодность сдѣлалась во Франціи модой, а именно съ того времени, когда я, совсѣмъ юный, замѣтилъ въ немъ несправедливое пристрастіе къ иностранцамъ; позже я почти возненавидѣлъ Вольтера, прочитавъ поэму, въ которой онъ позоритъ Жанну д'Аркъ—это патріотическое божество, бывшее съ дѣтства предметомъ моего восторженнаго культа. Я не посмѣлъ бы сказать эти слова, если бы оскорбилъ Наполеона, умиравшаго въ англійскомъ плѣну.

Да простятъ мнѣ, что я такъ настойчиво говорю о моей любви къ отечеству, составлявшей величайшую, слѣдовало бы сказать—единственную страсть моей жизни.

Если не считать лихорадокъ и жестокихъ мигреней, то, живя въ Пероннѣ, я былъ здоровъ. Но одно происшествіе чуть было не исключило для меня возможности всякихъ другихъ случайностей жизни. Въ маѣ 1792 г. я стоялъ на порогѣ входной двери; кончалась гроза; вдругъ сверкнула молнія, и я упалъ на землю безъ признаковъ дыханія. Домъ наполнился густымъ дымомъ; молнія уничтожила его внутренность и покрыла трещинами его башенки. Тетка, думая только обо мнѣ, безжизненно лежавшемъ передъ нею, схватила меня, подняла и положила подъ струей дождя.

Беранже, пораженный молнією (къ стр. 18).

Сбѣжалась толпа. Тетка пощупала мой пульсъ и, не найдя во мнѣ никакихъ признаковъ жизни, закричала: „Онъ умеръ!“ Я услышалъ ея голосъ гораздо раньше, чѣмъ могъ пошевелиться или произнести хоть слово, чтобы успокоить ее. Потомъ, когда меня мало-по-малу привели въ чувство, я, отвѣтивъ на ея радостныя ласки, сдѣлалъ одно замѣчаніе, вполне достойное маленькаго резонера, какимъ я и былъ тогда. Впослѣдствіи она часто напоминала мнѣ о немъ, каждый разъ прибавляя при этомъ: „Я увидѣла, что ты никогда не будешь набожнымъ человѣкомъ“. Я уже говорилъ, что моя тетка была истинно религіозна. Видя, что собирается гроза, она каждый разъ опрыскивала весь домъ святой водой.

— Это предохранить насъ отъ молніи,—говаривала она.

Итакъ, придя въ себя и еще лежа на кровати сосѣда, я, выслушавъ разсказъ о томъ, что произошло, замѣтилъ:

— Ну, какую пользу принесла твоя святая вода?

Я долго оправлялся послѣ ужаснаго потрясенія, и мое зрѣніе, до тѣхъ поръ очень острое, пострадало такъ сильно, что меня не могли помѣстить ученикомъ къ часовому мастеру, хотя это ремесло меня привлекало и было очень подходящимъ, такъ какъ я обладалъ большою ловкостью рукъ. Я очень хотѣлъ заниматься какимъ-нибудь ремесломъ и подкрѣплялъ мои желанія хорошо извѣстной фразой Руссо *).

Моя тетка также чувствовала, что она не обезпечитъ моей будущности, если сдѣлаетъ меня своимъ помощникомъ въ гостиницѣ. Кромѣ того, она замѣтила, что мое юное тщеславіе страдало, когда мнѣ приходилось прислуживать за столомъ или работать въ конюшнѣ, и говорила себѣ, что мое хрупкое тѣлосложеніе неспособно выносить всякую работу. Прежде всего я попробовалъ свои силы въ ювелирномъ искусствѣ. Но я имѣлъ дѣло съ плохимъ мастеромъ, который толковалъ со мною о своихъ любовныхъ дѣлахъ и только научилъ меня немного работать надъ мѣдью. Изъ-за его станка я сразу перескочилъ къ нотаріусу, ставшему мировымъ судьей. Онъ, другъ моей тетки, умъ которой привлекалъ его, осыпалъ меня знаками своего благоволенія, и воспоминаніе о немъ оставило пріятный слѣдъ въ моей памяти.

Балю де-Беленглизъ, жаркій послѣдователь Руссо и горячій партизанъ революціи, былъ призванъ въ Законодательное Собраніе. Окончивъ свою миссію, Беленглизъ вернулся въ Перонну и основалъ въ этомъ городѣ бесплатныя начальныя школы по плану, можетъ быть, достойному болѣе серьезнаго разсмотрѣнія.

) «Я хочу, чтобы Эмиль избралъ себѣ опредѣленный родъ занятій».

Желая формировать людей, а не ученых, онъ находилъ нужнымъ, чтобы ученики сами приучали себя къ дисциплинѣ. Они избирали изъ своей среды судей, членовъ окружныхъ управленій, мэра, муниципальныхъ совѣтниковъ, мирового судью; всѣ эти должностныя лица дѣйствовали въ предѣлахъ своихъ полномочій, примѣняясь къ потребностямъ общества мальчиковъ, изъ которыхъ самому старшему было не больше пятнадцати лѣтъ. Существовала и военная сила, составленная изъ всѣхъ учениковъ; были стрѣлки, гренадеры и артиллеристы, также выбиравшіе изъ своей среды начальниковъ. Во время прогулокъ мы носили съ собою пики и сабли и волочили зарядный ящикъ и лафетъ съ маленькой пушкой, которою учились управлять. Если у насъ не было ружей, то лишь потому, что ихъ фабриковалось недостаточно много для двѣнадцати армій, защищавшихъ республику.

У насъ былъ также клубъ, и его засѣданія привлекали толпу перонцевъ всѣхъ возрастовъ. Что же касается учебной программы, то основатель изгналъ изъ нея латынь, хотя самъ былъ ученымъ латинистомъ. Несмотря на его увѣщанія, мы обращали мало вниманія на грамматику; ее намъ преподавалъ старый священникъ, для котораго наша школа представляла очень хорошее убѣжище. Республиканскія пѣсни казались намъ гораздо привлекательнѣе уроковъ французскаго языка, и такъ какъ въ моей семьѣ пѣли рѣшительно всѣ, я полагаю, что именно тогда-то во мнѣ и зародилась любовь къ пѣснѣ. Тогда же я приучился говорить публично, потому что меня вѣчно выбирали президентомъ нашего клуба, и мнѣ часто приходилось привѣтствовать членовъ Конвента, произжавшихъ черезъ Перонну; равнымъ образомъ я произносилъ рѣчи моего сочиненія во время національныхъ церемоній, такъ какъ намъ всегда отводилось въ нихъ официальное мѣсто. Прибавьте, что въ исключительныхъ случаяхъ мнѣ поручали сочинять адреса, обращенные къ Конвенту и къ Максимилиану Робеспьеру.

Оставляя въ сторонѣ наше самовольное вторженіе въ высшую политику и небрежное отношеніе къ ученію—два недостатка, порожденные нашимъ революціоннымъ пыломъ, которому Беленглизъ напрасно противился,—мнѣ всегда казалось, что его воспитательный планъ могъ быть очень полезенъ для страны, считавшей своимъ базисомъ избирательное начало.

Нашъ Ликургъ распространилъ свой планъ даже на воспитаніе дѣвочекъ, конечно, примѣняя его къ требованіямъ ихъ пола.

Когда воспитатели прививаютъ дѣтямъ любовь къ формамъ, только-что установившимся въ обществѣ, среди котораго имъ предстоитъ жить, они, такъ сказать, придаютъ этимъ новымъ формамъ зна-

ченіе столѣтнихъ законовъ, развиваютъ преждевременную опытность въ юныхъ существахъ, родившихся при недавно возникшемъ политическомъ строѣ, и приучаютъ ихъ не только подчиняться законамъ, но и критически относиться къ нѣкоторымъ изъ нихъ. Развѣ наши большія воспитательныя заведенія не выпускаютъ лишь немногихъ ученыхъ и множество школьниковъ? Много ли людей выходитъ изъ нихъ? О томъ, чтобы создавать гражданъ для страны, никто даже и не помышляетъ!

Школы, основанныя Беленглизомъ, просуществовали недолго: стали кричать, и его систему покинули. Горе выдающемуся чело-вѣку, который осужденъ жить въ маленькомъ городкѣ, въ особен-ности, если онъ въ немъ родился. Всеобщее непониманіе состав-ляетъ для него еще далеко не главное неудобство; глухость и зависть создаютъ ему множество враговъ. У Беленглиза было до-статочно противниковъ, но онъ, казалось, не замѣчалъ ихъ.

Это былъ республиканскій Фенелонъ. Я никогда не могъ пред-ставить себѣ автора „Телемака“ съ другимъ лицомъ, съ другимъ звукомъ голоса. Его простыя и серьезныя черты отличали его ото всѣхъ людей. Я отлично помню его прекрасные глаза, бѣлый цвѣтъ кожи, улыбку. Я такъ и вижу его длинное коричневое пальто, застегнутое на одинъ рядъ пуговиць, и его круглую шляпу! Какое уваженіе внушалъ мнѣ его образъ! Двѣ собачки сопрово-ждали его въ прогулкахъ, и когда онъ заходилъ слишкомъ далеко для маленькихъ созданій, онъ поочередно несъ ихъ на рукахъ. Его домъ наполняли цвѣты и очаровательныя птицы развлекали его своимъ пѣніемъ, не мѣшая ему ни работать, ни размышлять. Беленглизь, знавшій всѣ науки, понимавшій всѣ искусства, съ успѣхомъ игралъ въ комедіи и въ особенности въ драмѣ, тогда еще составлявшей новинку. Онъ внушилъ намъ желаніе разучи-вать различныя роли и заставлялъ насъ читать ихъ при себѣ. Говорилъ онъ увлекательно, но немногословно; его наставленія были мягки и проникали въ душу. Мы и безъ словъ—„Не пре-пятствуйте малымъ симъ подходить ко Мнѣ“—бѣжали за нимъ:

Мои близкіе часто повторяли мнѣ, что этотъ сильно любившій меня чело-вѣкъ предсказалъ имъ, что современемъ я выдвинусъ изъ толпы. Беленглизь не услыхалъ о той извѣстности, которая выпала мнѣ на долю, такъ какъ онъ умеръ въ Амьенѣ, не до-стигнувъ старости. Передъ смертью онъ занималъ мѣсто прези-дента уголовного суда въ департаментѣ Соммы. Высокая долж-ность тяготила его. Разъ ему пришлось осудить одного несчаст-наго, который поджогомъ отплатилъ врагу, несправедливо, но по закону присвоившему его имущество; Беленглизь при полномъ засѣданіи обратился къ присвоителю съ такою энергичною порицаю-

щею рѣчью, что тотъ, несмотря на все свое богатство, былъ принужденъ уѣхать изъ департамента. Беленглизъ не признавалъ смертной казни, и каждый разъ, когда первый консулъ проѣзжалъ черезъ Амьенъ, старался доказать ему всю несправедливость и бесполезность этой мѣры. Чудный человекъ, истинный, благосклонный и милостивый философъ, да будетъ благословенна память о тебѣ!

Онъ помѣстилъ меня въ типографію, основанную, благодаря его поддержкѣ, книгоиздателемъ Ленэ въ Пероннѣ. Я пробылъ тамъ около двухъ лѣтъ, съ большой охотой занимаясь типографскимъ дѣломъ, но не усовершенствовался въ правописаніи. Эта наука мнѣ не давалась, несмотря на старанія сына Ленэ, который былъ немного старше меня, подружился со мною и постарался научить меня правиламъ языка. Ему только удалось преподать мнѣ законы версификаціи. Не скажу, чтобы онъ ввухилъ мнѣ любовь къ стихамъ—она жила во мнѣ гораздо раньше. Когда мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, я, даже не подозрѣвая, что стихи подчиняются какимъ бы то ни было законамъ размѣра, набрасывалъ риемованныя строки, какъ умѣлъ; всѣ онѣ были одинаковой длины, благодаря двумъ карандашнымъ чертамъ, проведеннымъ сверху до низу бумажнаго листа, и я воображалъ, что пишу стихи, такіе же правильные, какъ Расинъ. Однако, свободные стихи Лафонтена, наконецъ, заставили меня понять, что въ моей методѣ есть какой-то недостатокъ.

Моя тетка вышла вторично замужъ за Буве, человека образованнаго, развитога, можетъ быть, гениальнаго, но съ крайне измѣнчивымъ настроеніемъ духа; онъ былъ близокъ къ помѣшательству и далъ мнѣ ключъ для пониманія характера Руссо, идеями котораго былъ пропитанъ; порой онъ старался подражать и его краснорѣчію. Буве также вполне безуспѣшно силился научить меня правиламъ французскаго языка, но онъ меньше всѣхъ другихъ могъ имѣть на меня вліяніе, потому что я, уже привыкшій судить окружающихъ меня, вскорѣ замѣтилъ, что тетя несчастна съ нимъ, какъ я ей и предсказывалъ. Я старался отвратить ее отъ мысли выйти за него замужъ. „Слѣдовало мнѣ послушаться тебя“, часто говорила потомъ бѣдная женщина.

Въ то время, какъ она прививала мнѣ республиканскія идеи, живя въ городѣ, который, благодаря Андре Дюмону, былъ избавленъ отъ убійствъ, заливавшихъ кровью Аррасъ подъ правленіемъ жестокаго Лебона, мой отецъ въ Бретани управлялъ имѣніями графини Бурмонъ, матери теперешняго маршала. Отца арестовали, какъ федералиста, и онъ вошелъ въ число ста тридцати двухъ уроженцевъ Нанта подъ именемъ Беранже де-Мерси. Мои родные скрывали отъ меня его арестъ и страданія, пока его не освободили—послѣ суда 9-го термидора.

Когда въ 1795 г. отецъ пріѣхалъ къ намъ, его возмутили мои воззрѣнія, совершенно противорѣчившія его взглядамъ. И вотъ онъ завязалъ со мной политическій споръ, полагая, что, благодаря моей молодости, ему будетъ легко вести его. Но онъ скоро замѣтилъ, что имѣеть дѣло съ маленькимъ резонеромъ, который не уступалъ ни наставленіямъ, ни ласкамъ. Это раздосадовало отца, и онъ по этому поводу имѣлъ разговоръ съ моей теткой; я присутствовалъ при этой бесѣдѣ и никогда не забывалъ ея, потому что сама тетушка, смѣясь, часто вспоминала о ней.

— Сестра,—сказалъ ей отецъ,—этотъ мальчикъ зараженъ якобинствомъ.

— Скажи лучше, что онъ читался республиканскими идеями, братъ. У насъ якобинство—только пустой звукъ.

— Для меня якобинецъ или республиканецъ одно и то же, и этотъ малышъ всосалъ самыя вредныя ученія.

— Это мои доктрины и доктрины лучшихъ гражданъ.

— Какъ могла ты, такая религіозная, поторопиться и допустить, чтобы отлученный священникъ далъ ему первое причастіе?

— Развѣ было бы лучше дожидаться, чтобы въ округѣ не оказалось больше ни священниковъ, ни церквей, какъ случилось теперь?

— Конечно, слѣдовало ждать въ интересахъ религіи, которая возродится вмѣстѣ съ королевскимъ достоинствомъ.

— Мнѣ смѣшно слышать, какъ говоришь о религіи ты, у котораго нѣтъ ни тѣни вѣры.

— Сестра, мы, аристократы, должны защищать тронъ и алтарь. За то, что я служилъ королю и церкви, меня таскали изъ тюрьмы въ тюрьму въ теченіе года; не окажи мнѣ небо милости, я взшелъ бы на эшафотъ.

— Вѣрнѣе, твое тщеславіе заставило тебя примкнуть къ людямъ, которые за это не стали лучше относиться къ тебѣ. Но оставимъ вопросъ о взглядахъ; я не хочу стѣснять никого; вернемся къ твоему сыну.

— Какъ мнѣ дальше воспитывать его?

— Такъ же, какъ и до сихъ поръ. Вчера, видя, какъ онъ съ увѣренностью предсѣдательствовалъ въ своемъ дѣтскомъ клубѣ, слыша, какъ онъ говорилъ о родинѣ въ такихъ горячихъ и трогательныхъ выраженіяхъ, причемъ каждое его слово покрывалось аплодисментами, ты былъ тронутъ до слезъ.

— Я не отрицаю; онъ очень уменъ, сестра, но, какъ преданный роялистъ, я долженъ былъ бы пугаться того употребленія, которое онъ можетъ сдѣлать изъ своихъ способностей.

— Онъ будетъ служить республикѣ.

— Боже мой, значить, ты не хочешь слушать разумныя дово-

ды! Твоя республика просуществует не больше шести мѣсяцевъ; я уже тебѣ говорилъ, что наши законные владыки скоро вернутся. Одинъ изъ людей, которые готовятъ возможность ихъ возвращенія, графъ де-Клермонъ Галлерандъ ¹⁾, нѣсколько дней тому назадъ увѣрялъ меня въ этомъ; молодой графъ Бурмонъ ²⁾, который дерется за нихъ въ Бретани, держится того же мнѣнія. Повторяю тебѣ: черезъ шесть мѣсяцевъ намъ представится возможность броситься къ ногамъ Людовика XVIII.

— Что это за Людовикъ XVIII?

— Это твой и мой король, сестра, король Франціи и Наварры, получившій права на престолъ послѣ смерти Людовика XVII. Развѣ ты не знаешь, что этотъ юный и несчастный принцъ умеръ въ Тамплѣ ³⁾? Онъ погибъ жертвой ужаснаго обращенія.

— О, не говори мнѣ о немъ; я такъ сожалѣла о судьбѣ бѣднаго мальчика! Но что значить его смерть для его дяди, а главное—для твоего сына?

— Дѣло въ томъ, что когда Бурбоны вернутся, я надѣюсь, мнѣ удастся помѣстить моего сына въ число пажей его величества.

— Право, Беранже, ты съ ума сошелъ; неужели ты думаешь, что если бы къ намъ вернулась династія, вооружившая всѣ державы противъ Франціи, кто-нибудь изъ высокихъ особъ удостоилъ бы тебя одного благосклоннаго взгляда?

— Я докажу свое дворянское происхожденіе.

— Полно, опять ты со своими глупостями! Не забудь, что ты родился въ сельскомъ кабачкѣ и что наша добрая мать была служанкой ⁴⁾. Правда, эта достойная женщина часто говорила, что у тебя и у твоего отца, вѣроятно, есть въ жилахъ дворянская кровь. „Мой мужъ, — замѣчала она, — не пошевелилъ пальцемъ, чтобы заработать хоть одно су. и напивался виномъ въ своемъ кабачкѣ не хуже сельскаго помѣщика. Сынъ мой не можетъ жить безъ долговъ, точно вельможа“.

— Сестра, твои шутки не помѣшаютъ тому, чтобы мой сынъ, который послѣ меня займетъ мѣсто главы нашего рода, сдѣлался пажомъ его величества.

— Твой сынъ никогда не согласится на это.

— Какъ, вѣдь это честь, которой добиваются отпрыски самыхъ знаменитыхъ родовъ!

— Ну, тогда я спокойна за него.

— Сестра, даю тебѣ слово, что едва вернутся Бурбоны, я представлю нашимъ добрымъ господамъ моего сына.

— Смотри, чтобы онъ не спѣлъ имъ Марсельезы.

Пусть читатели не думаютъ, что я сочинилъ этотъ діалогъ,

который впоследствии часто вспоминалъ во всѣхъ его мелочахъ во время другихъ разговоровъ съ отцомъ.

Вскорѣ мнѣ пришлось уѣхать къ отцу въ Парижъ; онъ, наконецъ, сошелся съ женой и пустился въ биржевыя операціи, такъ какъ находилъ, что ему нужно просуществовать до возвращенія династіи.

Я часто мечталъ о Парижѣ, объ этомъ городѣ, котораго не забываетъ даже тотъ, кто покинулъ его въ самомъ раннемъ дѣтствѣ; но въ минуту разлуки съ теткой я былъ глубоко взволнованъ. Она давала мнѣ благоразумныя наставленія, проливая потоки слезъ; видя ея печаль, я также заплакалъ и плакалъ все время до пріѣзда въ столицу; въ тѣ смутныя времена дилижансъ употреблялъ на это путешествіе два дня съ половиной. Я обладалъ способностью смотрѣть впередъ, и это достоинство (я чуть было не сказалъ „этотъ недостатокъ“) внушало мнѣ, пятнадцатилѣтнему мальчику, предчувствіе, говорившее мнѣ, что меня ждутъ превратности судьбы. Я зналъ, что мой отецъ, несмотря на всю свою доброту, не будетъ для меня полезнымъ руководителемъ, и видѣлъ, что мнѣ предстоитъ очень рано сдѣлаться мужчиной. А мысль о томъ, что я стану взрослымъ, ужасала меня; конечно, это можетъ показаться всѣмъ очень страннымъ, но тѣмъ не менѣе я говорю чистую правду. Вотъ доказательство. Я такъ не хотѣлъ быть и даже казаться взрослымъ, что, когда мнѣ сказали, будто у того, кто сниметъ свою бороду ножницами, она плохо растетъ, я въ молодости никогда не употреблялъ бритвы, да и до сихъ поръ я бреюсь только ножницами!

Чѣмъ я занимался въ Парижѣ? Увы, я вмѣстѣ съ моимъ отцомъ сдѣлался ловкимъ финансистомъ. Я скоро научился считать, хотя все же не руководствовался установленными ариѳметическими правилами. Мнѣ всегда во всемъ приходилось изобрѣтать собственные способы. Несчастныя времена заставили моего отца братья за всевозможныя ремесла! Всѣмъ извѣстно, какія затрудненія въ тѣ времена представляли всякія денежныя операціи и въ какомъ безпорядкѣ были денежныя конторы и банки. Мой отецъ въ этомъ занятіи увидѣлъ средство къ жизни и нашелъ примѣненіе своей энергіи.

Паденіе бумагъ придавало громадную цѣнность золоту и серебру; мы занимали по два съ половиной, даже по три процента, и все же оставались въ выгодѣ. Меня, ребенка, сначала заняло это дѣло, можетъ быть, потому, что оно давало возможность выказываться моей сообразительности; мой финансовый геній восхищалъ отца. Понятно, денежныя операціи скоро перестали увлекать меня. Я быстро вникъ въ суть вещей, и наши аферы предстали

передо мною въ самомъ отталкивающемъ освѣщеніи. Мой отецъ, ослѣпленный выгодной стороною дѣла, не былъ ни жадець, ни недоувѣрчивъ, и его легкомысленная доброта превращала его въ игрушку всякаго, кто умѣлъ стонать или льстить. Я старался доказать ему, что онъ не годится для подобной несимпатичной профессіи. Тѣмъ не менѣе мнѣ, семнадцатилѣтнему юношѣ, вскорѣ пришлось одному вести дѣла. Я потерялъ мать, близъ которой прожилъ не больше десяти мѣсяцевъ. Она сблизилась съ мужемъ только въ силу необходимости, такъ какъ рѣдко жила съ нимъ въ мирѣ. Она не захотѣла выписать изъ деревни мою сестру⁵⁾. Ея равнодушіе ко мнѣ вполне понятно и извинительно. Бюфонъ сказалъ, что мальчики наследуютъ свойства матерей. Между тѣмъ, никогда ребенокъ не походилъ на мать менѣе, чѣмъ я на нее, какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи; ей хотѣлось сдѣлать изъ меня блестящаго „мюскадена“, какъ говорили въ то время, но моя натура противилась этому. Неосторожность положила конецъ ея жизни; она умерла, когда ей не минуло еще и тридцати семи лѣтъ.

Вскорѣ послѣ ея смерти отецъ, попрежнему роялистъ, не желавшій слышать ни моихъ политическихъ уговоровъ, ни моихъ финансовыхъ замѣчаній, былъ вовлеченъ въ заговоръ Бротье и де-Лавиллегернуа, ловкораскрытый генераломъ Мало⁶⁾. Нашъ домъ выписалъ деньги изъ Лондона, въ которомъ всегда можно найти средства для поддержки враговъ Франціи. И меня, бѣднаго маленькаго патріота, заставляли относить золото къ заговорщикамъ, которые, какъ я долженъ сказать себѣ въ оправданіе, болѣе тратили его на себя и на свои частныя надобности, нежели на осуществленіе политическихъ плановъ. Я долженъ сказать также, что мало было такихъ скромныхъ заговорщиковъ-роялистовъ: они удовольствовались двумястами тысячъ франковъ.

Де-Бурмонъ, безъ сомнѣнія, скрывавшійся въ Парижѣ для того, чтобы стать во главѣ движенія, казался мнѣ единственнымъ чело-вѣкомъ, имѣвшимъ какую-нибудь цѣну, хотя онъ былъ еще очень молодъ и его могли принять за переодѣтую женщину. Я бывалъ у него въ улицѣ *Magais du Temple*, гдѣ онъ нашель вѣрное убѣжище въ домѣ, стоявшемъ посреди большихъ садовъ. Меня пора-жало, съ какою смѣлостью и ловкостью онъ обманывалъ бдительность полиціи. Остальные же заговорщики служили цѣлью моихъ эпиграммъ, которыя были настолько удачны, что забавляли даже моего отца.

Заговоръ открылся, моего отца арестовали вмѣстѣ съ другими главарями и ихъ сообщниками. Его, также какъ и ихъ, судили военнымъ судомъ, но оправдали за недостаткомъ уликъ.

Пока онъ содержался въ тюрьмѣ, мнѣ пришлось замѣнять его въ

дѣлахъ, которыя принесли около двухсотъ тысячъ франковъ барыша. Тогда онъ, восхищенный моимъ финансовымъ гениемъ, предсказалъ мнѣ, что я современемъ сдѣлаюсь первымъ банкиромъ Франціи. Это утѣшало его въ томъ, что я не пажъ Людовика XVIII.

Онъ не былъ единственнымъ роялистомъ, пустившимся въ денежные аферы, чтобы вознаграждать себя за политическія невзгоды. Многіе знатные люди входили съ нами въ денежные сношенія. Правда, нѣкоторые изъ нихъ играли очень скромную роль и просто-на-просто занимали у насъ деньги. Конечно, они не оказывались лучшими плательщиками: нѣкоторые изъ нихъ такъ и не отдали намъ денегъ. Тѣмъ не менѣе мой отецъ (какъ г-нъ Журденъ) гордился; что оказываетъ услуги важнымъ лицамъ, опускавшимся до лести. Я видѣлъ, какъ нѣкоторые изъ аристократовъ помогали ему одѣваться.

Я уже упомянулъ вскользь имя Клермона Галлеранда. Мнѣ казалось, что онъ полонъ чувства собственнаго достоинства. Кромѣ того, онъ обращался къ намъ только для биржевыхъ операцій, въ то время бывшихъ почти неизбѣжными для всѣхъ. Графъ Клермонъ, котораго я встрѣчалъ нечасто, казался мнѣ человѣкомъ со свѣтлымъ разсудкомъ и твердой волей. Онъ сыгралъ роль во дни вандемьера, во время которыхъ роялизмъ имѣлъ значеніе. Когда окончились первыя итальянскія войны, генералъ занялъ домъ въ улицѣ Chantegreine. Именно изъ квартиры Клермона, бывшей рядомъ съ отелемъ Бонапарта, я увидѣлъ генерала, шедшаго по улицѣ.

— Какой великій полководецъ!—сказалъ я графу.

— Да, но его убьетъ республика, если онъ не убьетъ республики.

— Онъ сдѣлается диктаторомъ.

— Это школьное предсказаніе, молодой человѣкъ. Если республику выметутъ метлой, въ нее сейчасъ же войдутъ наши законные властители.

— И вы, графъ, думаете, что Бонапартъ согласится взяться, за метлу?

Нѣсколько мгновеній онъ не отвѣчалъ, потомъ сказалъ:

— Онъ дворянинъ, онъ воспитывался съ людьми вроде насъ; такіе слѣды не пропадаютъ. Впрочемъ, директорія не позволитъ ему возвыситься.

Я достаточно зналъ исторію, чтобы понять, что Клермонъ назначалъ герою Италіи роль Монка. Не онъ одинъ ласкалъ себя подобными иллюзіями, даже во время консульства.

Читатели должны видѣть, что мнѣ всѣми силами старались привить понятіе о божественномъ правѣ; если я не сдѣлался роялистомъ, то, вѣроятно, только потому, что у меня была очень

неподатливая натура. Этотъ разговоръ напомнилъ мнѣ о другомъ, происходившемъ въ ту же эпоху.

Въ то время мой отецъ умолялъ всѣхъ своихъ знакомыхъ отвлечь меня отъ моихъ республиканскихъ взглядовъ. Въ особенности въ этомъ отношеніи онъ полагался на кавалера де-Ла-Картери, человѣка пожилого, не безъ интереса слушавшаго мою болтовню. Однажды, когда я разсуждалъ съ нимъ въ его домѣ, онъ тоже началъ говорить о нашихъ „законныхъ властителяхъ“. Утомленный вѣчно повторявшимся словомъ, я сказалъ ему:

— Скажите же мнѣ, кто эти люди, о которыхъ спорятъ даже ихъ партизаны?

— О комъ говорите вы, мой юный другъ?—серьезно спросилъ меня старый кавалеръ.

— Да о вашемъ Людовикѣ XVIII, о графѣ д'Артуа, о его сыновьяхъ.

— Гм... гм!.. Стоитъ ли говорить объ этихъ господахъ; вѣдь это просто семья узурпаторовъ.

— Вотъ это-то меня и смущаетъ! Какъ! принцы, за которыхъ жертвуетъ собой столько дворянъ-вандейцевъ,— узурпаторы!

— Настоящіе узурпаторы, мой другъ, и они сами знаютъ это.

— Просвѣтите меня, пожалуйста, я ровно ничего не понимаю.

— Охотно вѣрю. Выслушайте меня, и вы увидите, въ какое заблужденіе васъ вовлекли ваши роялисты. Прежде чѣмъ на свѣтъ явились Людовикъ XIV и его братъ, герцогъ Орлеанскій, у Анны Австрійской былъ сынъ, прозванный впоследствии „Желѣзной Маской“. Его права были переданы незаконнымъ дѣтямъ королевы.

— Но неужели этотъ человѣкъ имѣлъ права на престолъ?

— Конечно; онъ былъ сыномъ Людовика XIII. Но Анна Австрійская рѣшила, что король, который рѣдко бывалъ ея истиннымъ супругомъ, можетъ, уступая влиянію Ришелье, усомниться въ законности ребенка, и согласилась скрыть своего первенца; ей обѣщали, что послѣ этого между нею и ея царственнымъ супругомъ установятся болѣе близкія отношенія, которыя помогутъ ей оправдать законность ея слѣдующихъ дѣтей. Ришелье, ради выгоды притворившійся влюбленнымъ въ Анну, вскорѣ узналъ объ ея тайной любви... Вотъ, мой юный другъ, какимъ образомъ незаконнорожденные сдѣлались наследниками трона Генриха.

Хотя я въ то время мало зналъ исторію, тѣмъ не менѣе могъ бы возражать противъ романической части этого разсказа, но промолчалъ и только замѣтилъ, что для оправданія подобныхъ притязаній слѣдовало допустить, что у Желѣзной Маски были потомки.

— Онъ оставилъ наслѣдниковъ. слава Богу,—возразилъ де-Ла-Картери. — Узнайте, что онъ воспитывался въ Нормандіи и за нимъ [мало слѣдили. Раньше чѣмъ ему минуло двадцать лѣтъ, онъ вступилъ въ тайный бракъ съ молодой дѣвушкой знатнаго рода; у него родился сынъ, котораго несчастный никогда не видалъ, потому что именно въ эпоху свадьбы онъ подвергся строгому заключенію, сдѣлавшему его такимъ знаменитымъ. Тогда же его жена узнала, какаѣ кровь текла въ его жилахъ, и рѣшила скрыть ребенка рѣшительно отъ всѣхъ, чтобы и съ сыномъ не обошлись такъ же, какъ съ отцомъ, или еще хуже. Этотъ ребенокъ воспитывался необычайно заботливо: онъ узналъ о своихъ правахъ, только когда уже былъ въ состояніи хранить тайну, переданную ему вмѣстѣ со всѣми документами, которые подтверждали факты, рассказанные мною. Это наслѣдство переходило къ старшимъ сыновьямъ его потомковъ, до нынѣшняго времени.

— А кто же тотъ счастливый смертный, который пользуется теперь этою честью?

— Человѣкъ лѣтъ тридцати, носящій имя Вернонъ; онъ живетъ въ Бретани, въ своемъ замкѣ; многіе изъ его вѣрныхъ подданныхъ считаютъ долгомъ навѣщать его. Даже тѣ, которые не знаютъ о его королевскомъ происхожденіи, уважаютъ Вернона, потому что его умъ, воспитаніе и царственная наружность ставятъ его выше обыкновенныхъ людей. Во время Террора революціонеры его охраняли, и онъ далъ замолкнуть бурѣ, которая должна была его освободить отъ ужаснѣйшихъ враговъ.

— Когда же онъ думаетъ заявить свои права?

— Погодите, погодите; уже появился человѣкъ, повидимому, предназначенный вернуть ему тронъ.

— Не Бонапартъ ли это?

— Именно. Онъ совсѣмъ не то, что о немъ думаютъ, и вы скоро услышите о немъ.

Исторія Желѣзной Маски такъ занимала меня, что я и не подумалъ смѣяться надъ увѣренностью, съ которой кавалеръ силился объяснить мнѣ всю эту необъяснимую исторію. Больше всего мнѣ понравилось въ ней то, что я могъ почерпнуть изъ нея орудіе противъ доводовъ отца. Дѣйствительно, когда послѣ этого отецъ заговорилъ о нашихъ „законныхъ властителяхъ“, я рассказала чудесную исторію Желѣзной Маски ему и нѣсколькимъ роялистамъ, присутствія которыхъ нарочно поджидалъ.

— Что за вздоръ!—вскрикнулъ мой отецъ.— Кто могъ наскать тебѣ такихъ басенъ?

— Г-нъ де-Ла-Картери!

Это имя ошеломило его.

— А онъ-то,—сказаль отецъ,—еще обѣщаль мнѣ вылечить тебя отъ твоей республикоманіи.

Друзья отца, видя его смущеніе, назвали стараго кавалера сумасшедшимъ. Между тѣмъ, онъ не былъ безумцемъ. Однако, позже я узналъ, что онъ принадлежалъ къ сектѣ иллюминатовъ, основанной Сведенборгомъ, измѣненной и распространенной во Франціи Сень-Мартеномъ. Говорятъ, что Каботъ, авторъ „Влюбленнаго дьявола“, былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ послѣдователей этого ученія. Многіе французскіе иллюминаты раздѣляли политическія идеи де-Ла-Картери; одинъ изъ нихъ, говорившій со мною въ духѣ своей секты, въ 1806 году предсказаль мнѣ паденіе Наполеона, который долженъ былъ погибнуть за то, что онъ не исполниль миссіи, данной ему Богомъ, т. е. не вернулъ трона наслѣдникамъ Желѣзной Маски. Смѣйтесь послѣ этого надъ деревенскими предразсудками; вы видите, что и свѣтскіе просвѣщенные люди увлекаются бреднями.

Читатели не удивятся, что я постарался узнать, что такое этотъ Вернонъ. Долго я не могъ напасть на его слѣды, но, наконецъ, человекъ, заслуживающій довѣрія, сказаль мнѣ, что онъ его зналъ или, лучше сказать, видѣлъ въ Бретани. Дѣйствительно, наружность Вернона походила на портретъ, нарисованный мнѣ кавалеромъ де-Ла-Картери. Онъ жилъ въ скромномъ замкѣ, но, благодаря усердію своихъ довѣрчивыхъ партизановъ, повидимому, не терпѣлъ недостатка ни въ чемъ; окрестные жители шепотомъ толковали о его происхожденіи и о его правахъ. Кажется, во время Имперіи за нимъ слѣдили, по крайней мѣрѣ, по словамъ лица, доставившаго мнѣ эти свѣдѣнія, полицейскій префектъ часто приглашалъ его къ себѣ. Эти вѣжливыя приглашенія полиціи не возмущали Вернона, но онъ являлся только въ крайности и при томъ съ видомъ человека, принужденнаго склоняться передъ волей людей низшихъ. Безъ сомнѣнія, полный мыслей, переданныхъ ему, де-Вернонъ вѣрилъ въ свое происхожденіе, и онъ мнѣ кажется почтеннымъ не менѣе остальныхъ претендентовъ. Если его уже нѣтъ болѣе въ живыхъ, онъ, вѣроятно, оставилъ наслѣдника короны, убѣжденнаго, какъ и его отецъ, въ правахъ Желѣзной Маски и своихъ собственныхъ.

Пусть читатели не думаютъ, что знакомство съ нѣкоторыми людьми высшаго круга, завязавшееся въ силу ремесла отца, ослабляло для меня тягостное впечатлѣніе, которое оно порождало. Мы также входили въ сношеніе съ низшими классами и съ бѣдняками.

Благодаря ужасному состоянію казны, крайнему паденію денежныхъ знаковъ, невозможности начинать какое бы то ни было дѣло безъ извѣстнаго фонда, mont de Pieté, учрежденіе, которое при

лучшей организаціи могло бы поддерживать людей, перестало слу-
жить для бѣдняка источникомъ помощи. И такъ, рабочій обращался
въ частныя конторы, чтобы получать деньги, которыя ему прода-
вали очень дорого. Если бы даже я не родился сострадательнымъ,
я сдѣлался бы такимъ при видѣ нищеты, которую мы увеличи-
вали, оказывая помощь бѣднякамъ! Мнѣ пріятно отдать здѣсь спра-
ведливость отцу: онъ позволялъ мнѣ помогать несчастнымъ и часто
самъ подавалъ примѣръ сострадательности. Сколько нищихъ вмѣ-
стѣ съ деньгами уносили съ собою и одежду, которую собирались
отдать намъ въ залогъ. Моя добрая бабушка Шампи⁷⁾, помогавшая
намъ, иногда говорила мнѣ: „Тебя обманываютъ“. Мнѣ часто повто-
ряли эти слова уже послѣ того, какъ я приобрѣлъ опытность, но
они не были въ состояніи сдѣлать меня глухимъ къ стонамъ моихъ
братьевъ. Въ числѣ громаднаго количества обездоленныхъ, кото-
рыхъ мнѣ приходилось видѣть въ то время, я, на мое счастье,
встрѣтилъ старую работницу, которая присутствовала при моемъ
рожденіи. Ея исторія, похожая на жизнь столькихъ женщинъ рабо-
чаго класса, мнѣ кажется, достойна занять здѣсь мѣсто, хотя она
совершенно чужда моей біографіи.

Когда я встрѣтилъ старушку Жари⁸⁾, ей было не менѣ шести-
десяти шести лѣтъ. Я даже во время нашей бѣдности, смѣнлившей
періодъ кратковременнаго богатства, старался по мѣрѣ силъ по-
мочь ей; она также оказывала мнѣ услуги: то приводила въ
порядокъ мое холостое помѣщеніе, то чинила старое платье, и это
установило между нами близость, длившуюся до ея смерти. Однажды,
когда старуха убирала мою комнату, мнѣ показалось, будто она
плачетъ.

— Что съ вами, матушка Жари?

— Увы, всплыли старыя печали. Простите меня...

— Сядьте и поговоримъ о вашихъ старыхъ печаляхъ. Можетъ
быть, васъ опять беспокоитъ плата за квартиру? Говорите. Сегодня
я богатъ.

— Нѣтъ, мое дитя, дѣло не въ квартирѣ. Я никогда не раз-
сказывала вамъ исторіи моей жизни, моей жалкой жизни.

— Ну, матушка Жари, расскажите мнѣ ее теперь.

— Но вы пишете...

— Что за важность!

— Хорошо, я скажу вамъ все; можетъ быть, такимъ 'образомъ
я дамъ вамъ возможность помочь мнѣ.

Исторія старушки Жари.

— Я была хороша собой, очень весела и очень любила смѣяться. Моя мать, портниха не изъ важныхъ, передала мнѣ свое искусство, и я скоро стала довольно хорошей швеей. Когда мнѣ минуло семнадцать лѣтъ, Жари сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Онъ былъ красивъ, веселъ и служилъ въ королевской конюшнѣ; это равнялось богатству. Моя мать не могла оправиться отъ удара, нанесеннаго ей смертью моего брата, который былъ гораздо старше меня, все хворала и была очень слаба; предчувствуя близкій конецъ и видя, что Жари мнѣ нравится, матушка поспѣшила свадьбой. Цѣлый мѣсяцъ мы жили въ довольствѣ и были вполне счастливы. Но вскорѣ Жари показался такимъ, какимъ былъ на самомъ дѣлѣ: игрокомъ, пьяницей, развратникомъ. Мы жили въ Версалѣ; онъ возвращался домой пьяный, билъ меня и приводилъ съ собой погибшихъ дѣвушекъ. Моя мать умерла, и послѣ ея смерти мнѣ стало еще тяжелѣе... Я все скрывала отъ нея, и она умерла, думая, что я вполне счастлива. Я была бы дѣйствительно счастлива, если бы Жари велъ себя хорошо. Но онъ надѣлалъ долговъ, потерялъ мѣсто и однажды пришелъ ко мнѣ и сказалъ:

„— Нанеть, я уѣзжаю въ Англію, такъ какъ хочу усовершенствоваться въ моемъ ремеслѣ и сдѣлаться образцовымъ конюхомъ.

„— А какъ же буду жить я?

„— Вотъ,—сказалъ онъ,—возьми луидоръ. Ты экономна; продай нашу мебель, вернись въ Парижъ и работай. Если хочешь, выйди вторично замужъ. Я вышлю тебѣ изъ Лондона актъ о моей смерти.

„Онъ поцѣловалъ меня и уѣхалъ; я осталась пораженная и нѣмая. Больше я никогда не слыхала ничего о немъ.

„Намъ, бѣднякамъ, некогда плакать; я поспѣшила переѣхать въ Парижъ, помѣстилась въ маленькой мансардѣ и стала работать на портныхъ. Мнѣ въ то время еще не было восемнадцати лѣтъ и суровое одиночество очень тяготило меня. Работая, я пѣла безо всякаго удовольствія. Всѣ подружки моего дѣтства разсѣялись; боясь опасныхъ знакомствъ, я ни съ кѣмъ не дружилась вновь. Мнѣ все казалось, что другъ свадится ко мнѣ съ неба.

„Въ томъ домѣ, въ которомъ я жила, противъ моего окна видѣлось такое же слуховое окошечко; однажды весной я замѣтила въ немъ молодого портного; онъ работалъ до того усердно, что въ теченіе всего дня не посмотрѣлъ въ мою сторону. Надо сказать, что въ тотъ день я не пѣла. Это былъ красивый, хотя и очень блѣдный блондинъ. На слѣдующій день, на разсвѣтѣ, я снова увидѣла его; онъ сидѣлъ и шилъ такъ же прилежно, какъ и нака-

нужь. Въ этотъ день я рѣшилась заѣхать, но потихоньку. Его глаза обратились ко мнѣ, и мы обмѣнялись поклономъ. Потомъ пошли встрѣчи на лѣстницѣ, услуги сосѣдей, наконецъ, между нами, бѣдными молодыми людьми, установилась полная интимность. Онъ былъ на четыре года старше меня и содержалъ бѣдную больную мать, къ которой ѣздилъ въ Шаронну по праздникамъ и воскресеньямъ. Вскорѣ взаимная нѣжность сдѣлала насъ неразлучными, и мы рѣшили, что будетъ экономнѣе жить однимъ хозяйствомъ и соединить наши кошельки. Я часто просила прошенія у Господа Бога, Которому мы вмѣстѣ молились. Увы, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала нашей счастливой связи я почувствовала, что стану матерью: для насъ это было лишней радостью. Мать моего друга только-что умерла и, умирая, благословила насъ; мы зарабатывали достаточно, чтобы воспитать ребенка. Я до сихъ поръ вспоминаю мѣсяцы, проведенные мною съ милымъ, добрымъ Полемъ Гоше. Новаго счастья, которое могло бы заставить меня забыть о немъ, я не испытала. А между тѣмъ, бѣда уже подстерегала насъ. Гоше давно страдалъ болѣзнью груди; неожиданно и внезапно его болѣзнь страшно усилилась. Онъ обладалъ большимъ характеромъ, но, несмотря на это, ему пришлось сократить часы работы, а потомъ и прибѣгнуть къ помощи доктора. Вскорѣ онъ былъ принужденъ ежедневно оставаться въ постели по нѣсколькимъ часамъ въ день. Всѣ наши маленькія сбереженія ушли, явилось много долговъ; наше бѣлье, наша мебель, наши вещи отпавились въ закладъ. Все было бы ничего, если бы здоровье Поля поправилось, но, напротивъ, онъ съ каждымъ днемъ слабѣлъ, и когда родился ребенокъ, у насъ едва осталось чѣмъ заплатить акушеркѣ.

„Богъ далъ мнѣ сына, прелестнаго сына, но у меня не было молока, чтобы кормить его. Вѣроятно, Онъ хотѣлъ такимъ образомъ наказать меня за мой проступокъ. Нанять кормилицу мы не могли. Какое отчаяніе смѣнило мою материнскую радость! Къ довершенію несчастья, послѣ рожденія ребенка я была долго и тяжело больна. Мы не знали, что дѣлать, чтобы успокоить крики бѣднаго дорогого малютки. Черезъ три дня послѣ его рожденія Гоше, лежавшій на постели, быстро поднялся.

„— Дай мнѣ сына,—сказалъ онъ.—Я увѣренъ, что найду ему кормилицу въ той деревнѣ, въ которой умерла моя мать. Я поспѣшу туда.

„Не знаю, право, откуда у него взялась сила, чтобы встать и выйти, унося нашего ребенка, котораго я покрыла поцѣлуями и слезами. По моимъ расчетамъ, Гоше долженъ былъ вернуться только къ вечеру; между тѣмъ, онъ пришелъ черезъ нѣсколько часовъ и, не говоря ни слова, упалъ на тюфлякъ. Несмотря на охва-

тившую меня лихорадку, я подошла къ нему и заставила его выпить остатокъ вина, которое онъ хранилъ для меня. Онъ оживился, но слезы покрыли его измученное блѣдное лицо. Тайное безпокойство овладѣло мной.

„— А наше дитя?—спросила я его.

„Онъ заплакалъ еще сильнѣе и крѣпко обнялъ меня слабыми руками.

„— Нашъ сынъ въ воспитательномъ домѣ,—отвѣтилъ, наконецъ, Поль, снова падая на постель.

„Вотъ, дорогой мой баринъ, когда я пережила самую ужасную минуту въ жизни; это мгновеніе наполнило ее такою горечью, которую не могли бы заглушить всѣ блага земли.

„— Какъ, ты отнесъ туда мое дитя?—вскрикнула я.

„— Послушай, Нанетъ,—сказалъ онъ, взявъ меня за руку,— я проживу всего нѣсколько дней, можетъ быть, нѣсколько часовъ. Я оставляю тебя въ долгахъ, безъ друзей, безъ покровителей... Что случилось бы съ тобой, если бы у тебя на рукахъ былъ еще ребенокъ, котораго ты не могла бы кормить? Какая судьба ждала бы этого ребенка? Кто знаетъ, не вернется ли твой мужъ? Прости его и, молю тебя, выслушай меня. Раньше чѣмъ отнести его въ воспитательный домъ, я сдѣлалъ ему на лѣвомъ бедрѣ крестъ, формой напоминающій его заложенный крестикъ. Такъ какъ мы его еще не крестили, я къ его пеленкамъ привязалъ записку, въ которой прошу, чтобы ему дали мое имя—Поль.

„Гоше было трудно говорить такъ долго, но ему пришлось много разъ повторять мнѣ сказанное, такъ какъ я въ моемъ угнетенномъ состояніи не понимала и не слышала его. Онъ прибавилъ:

„— Крестъ не сотрется: я выжегъ его каленымъ желѣзомъ.

„— Каленымъ желѣзомъ!—закричала я въ ужасѣ и отшатнулась отъ Гоше, точно отъ убійцы.

„— Успокойся,—сказалъ мнѣ несчастный Поль.—Я принялъ столько предосторожностей, что малютка почти не плакалъ.

„Я успокоилась, только рѣшивъ въ глубинѣ души на-дняхъ пойти въ воспитательный домъ и взять обратно сына; однако, состояніе моего здоровья, вѣроятно, ухудшившееся вслѣдствіе жестокаго горя, не позволяло мнѣ выходить. Кромѣ того, послѣ нравственныхъ волненій и физической усталости у Гоше въ ту же ночь сдѣлались такія жестокия конвульсіи, что мнѣ показалось, будто онъ умираетъ. Докторъ не оставилъ мнѣ никакой надежды и, не получивъ денегъ за визиты, прекратилъ свои посѣщенія. Гоше протянулъ еще десять дней, наконецъ, какъ разъ въ ту минуту, когда во мнѣ снова зародилась надежда, я, послѣ ужас-

наго припадка, истерзавшаго его, приняла его послѣдній вздохъ Бѣдный другъ, какъ онъ былъ честенъ и добръ! Господь, конечно, скалится надъ его душой. О, сколько разъ я молилась за него Богоматери и святому Павлу!

„Увы, мой дорогой господинъ, со дня его смерти прошло сорокъ восемь лѣтъ, и все это время я жила среди воспоминаній о немъ и моемъ сынѣ. Да, съ девятнадцати лѣтъ я была одна, всегда одна. Впрочемъ, вашъ дѣдушка иногда принималъ меня въ своей семьѣ, онъ же научилъ меня своему ремеслу и, благодаря его доброй заботливости, я никогда не оставалась безъ дѣла. Онъ считалъ работу развлеченіемъ, такъ какъ у него не было другихъ удовольствій; впрочемъ, по воскресеньямъ онъ ходилъ за-городъ, бралъ съ собою васъ, тогда еще малютку. Какъ разъ во время одной изъ этихъ загородныхъ прогулокъ я, задолго до свадьбы вашей матушки, имѣла счастье встрѣтить его. Я была съ Гоше, который работалъ на него; съ тѣхъ поръ этотъ милый старикъ постоянно помогаль мнѣ; итакъ, я работала. Но мнѣ нужно было заплатить сто семьдесятъ пять франковъ долга. Никто не знаетъ, сколько времени должна употребить бѣдная работница, чтобы внести такую большую сумму, какъ бы мужественна, трудолюбива и бережлива она ни была; семнадцать франковъ и десять су въ годъ, взятые изъ ежедневнаго заработка,—сумма громадная. Я все заплатила, мое дорогое дитя, все. Мнѣ понадобилось на это десять лѣтъ. Въ теченіе десяти лѣтъ, считая со дня моего выздоровленія, я много разъ старалась узнать что-нибудь о моемъ сынѣ. Мои попытки въ этомъ направленіи остались тщетными, потому что воспитательный домъ никогда не говоритъ матерямъ, куда онъ отправляетъ своихъ питомцевъ. Это неизмѣнный обычай, и я съ отчаяніемъ поняла, что ничего не узнаю по первымъ же жесткимъ отвѣтамъ, которые услышала тамъ; сухое отношеніе смутило меня и, можетъ быть, помѣшало мнѣ говорить и дѣйствовать какъ слѣдуетъ. Никто не слушаетъ насъ, не помогаетъ намъ, бѣднымъ! О, если бы я могла узнать, что съ нимъ случилось! Чего бы я ни дала, чтобы вернуть его къ себѣ, имѣть возможность воспитывать его! Сколько лишнихъ ночей согласилась бы я сидѣть за работой! Послѣ долгихъ лѣтъ одна изъ сестеръ сжалилась, наконецъ, надо мною. Она посмотрѣла книги и въ спискахъ, относившихся къ указанному мною времени, нашла новокрещеннаго, которому было дано имя Поль. Потомъ она написала въ ту отдаленную деревню, въ которую его послали; ей сообщили, что такъ какъ и кормилица, и ея мужъ умерли, ребенка отдали богатому путешественнику, заинтересовавшемуся его хорошенькимъ личикомъ. Съ тѣхъ поръ о мальчикѣ никто ничего не слыхалъ, а мѣстный

священникъ забылъ и фамилію проѣзжаго господина, и мѣсто его жительства.

„Эти слишкомъ скудныя для материнскаго сердца извѣстія все же глубоко обрадовали меня. Мой сынъ избѣжалъ первыхъ дѣтскихъ болѣзней; онъ долженъ былъ жить, онъ жилъ! Чѣмъ больше я думала объ этомъ, тѣмъ больше убѣждалась въ справедливости моихъ предположеній. Всѣ мои сны, казалось, говорили мнѣ о надеждѣ.

„Съ тѣхъ поръ я мысленно жила близъ моего дорогого сына, близъ Поля, не только отыскивая его повсюду, насколько мнѣ позволяла это моя трудовая жизнь, но и годъ-отъ-году опредѣленнѣе рисуя его себѣ. Я видѣла его совсѣмъ маленькимъ, видѣла, какъ онъ подросталъ, дѣлался мужчиной; теперь я вижу его уже въ зрѣломъ возрастѣ. Онъ походитъ на меня, онъ обладалъ бы моею силой. Онъ живъ, мое сердце увѣрено въ этомъ. Едва и остаюсь одна, онъ стоитъ передъ моими глазами. Недавно я вскрикнула: „Сколько у тебя сѣдыхъ волосъ, мой Поль!“, а онъ грустно улыбнулся мнѣ. Вѣроятно, онъ тоже много страдалъ. Однако, не знаю почему, но мнѣ кажется, что онъ, наконецъ, достигъ блестящаго положенія. Я представляю его себѣ всегда въ очень хорошемъ платьѣ, но даже если бы онъ былъ въ лохмотьяхъ, я хотѣла бы его прижать къ своему сердцу передъ смертью.

Съ какимъ вниманіемъ и интересомъ я слушала эту мать, создавшую себѣ образъ сына, о которомъ она безпрестанно грезила. Читатели, не думайте, что мозгъ этой женщины былъ боленъ: напротивъ, она обладала здравымъ разсудкомъ, но материнская чувствительность слишкомъ развилась въ ней, благодаря одиночеству и потребности любить. Сердце матери—неисчерпаемый источникъ чудесъ.

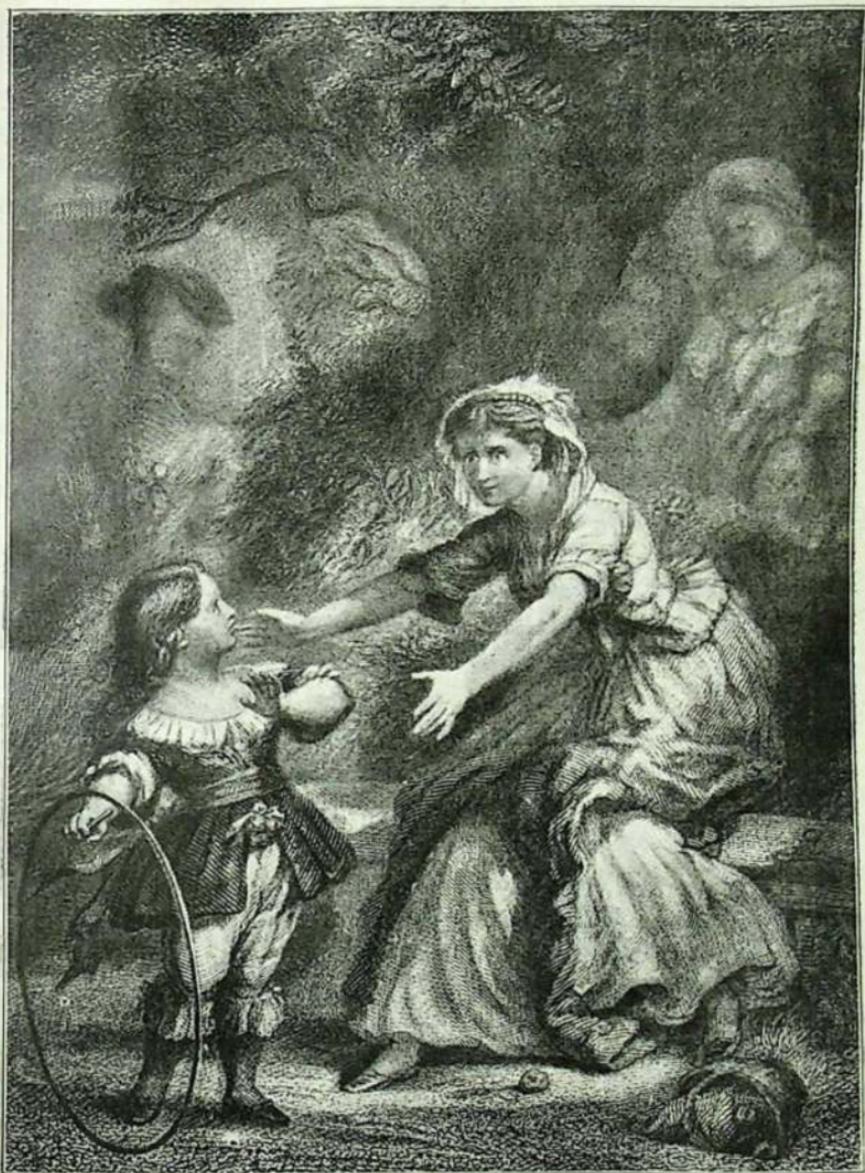
Замѣтивъ, что я слушаю ее съ волненіемъ, она спросила:

— Неправда ли, я его найду?

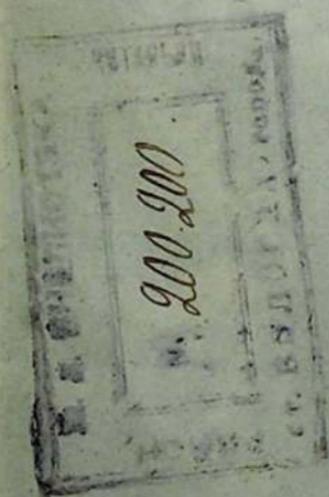
— Я надѣюсь, какъ и вы, Жари. Если бы онъ умеръ, вы потеряли бы способность видѣть его. Господь не захотѣлъ бы играть такую трогательною привязанностью.

Радость заблестѣла въ глазахъ бѣдной женщины и она поспѣшно прибавила:

— Я много разъ говорила себѣ это. Ахъ, если бы вы только знали! На улицѣ я смотрю навсѣхъ прохожихъ его лѣтъ; я даже осмѣливаюсь, несмотря на мою робость, останавливать нѣкоторыхъ изъ нихъ. когда ихъ фигура, черты или ростъ напоминаютъ мнѣ моего сына, который походилъ на меня, какъ двѣ капли воды. Одни смѣются и отталкиваютъ меня, называя сумасшедшей; другіе, повидимому, сожалѣютъ. А сказать ли вамъ? Я, женщина, неразъ ходила на берегъ Сены смотрѣть, какъ купаются мужчины, въ надеждѣ открыть крестъ,

Жари принимает чужого ребенка за своего сына. (Къ стр. 41).

который долженъ былъ остаться на тѣлѣ Поля. Сколько часовъ проводила я на Новомъ мосту, по воскресеньямъ послѣ обѣдни,—вѣдь тамъ всегда большая толпа,—чтобы испытать, не пробудитъ ли кто-нибудь во мнѣ материнскаго чувства или самъ при видѣ меня не услышитъ ли голоса крови. Я рѣшалась обращаться ко многимъ буржуа или рабочимъ, носившимъ имя Поля или безроднымъ. Даже теперь меня занимаютъ новые розыски, и вотъ именно поэтому-то я и нашла необходимымъ рассказать вамъ исторію моихъ несчастій. Въ театрѣ „Комической оперы“ есть актеръ по имени Поль, и я не могла достать его адресъ. Не разыщите ли вы его? Мнѣ кажется, что вы принесете мнѣ счастье.

— Да,—сказаль я,—сегодня же я принесу вамъ адресъ актера.

Дѣйствительно, я исполнилъ это обѣщаніе. Какъ и слѣдовало ожидать, на слѣдующій день старушка пришла ко мнѣ печальная и унылая. У актера Поля были и отецъ, и мать; онъ познакомилъ съ ними Жари и обошелся съ нею чрезвычайно ласково, потому что понялъ чувства бѣдной женщины.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ нищета и моральныя страданія сломили, наконецъ, сильную натуру Жари. У нея на ногахъ открылись злокачественныя раны, и ее отправили въ больницу для бѣдныхъ—я не могъ избавить ее отъ этой участи. Въ первый же разъ, когда я ее навѣстилъ, она мнѣ сказала:

— Ахъ, если бы я смѣла!..

— Будьте смѣлѣе, Жари.

— Ну, такъ вотъ что: въ тотъ самый день, когда я поступила въ больницу, я узнала, что бывший питомецъ воспитательнаго дома, по имени Поль, живетъ на набережной de-la-Fegaille. Меня увѣрили, что ему столько же лѣтъ, сколько и моему дорогому сыночку.

Я повидался съ этимъ славнымъ рабочимъ, но онъ родился на югѣ и ему было всего тридцать шесть лѣтъ. Мнѣ опять-таки пришлось огорчить бѣдную больную; ей становилось все хуже и хуже. Одна изъ сестеръ, приставленная къ ея палатѣ, очень любила ее. Отъ нея я узналъ, что на выздоровленіе старушки нечего было рассчитывать и что потому позволялось удовлетворять всѣ ея маленькія прихоти. Однажды утромъ я, по ея просьбѣ, принесъ ей баночку варенья. Но она, не обращая ни малѣйшаго вниманія на лакомство, сказала съ блескомъ неземной радости въ глазахъ:

— Мой добрый другъ, мой добрый другъ! Я его видѣла, наконецъ, подлѣ моей кровати! Это онъ, я не могла ошибиться. Онъ похожъ на портретъ, который Господь Богъ начерталъ во мнѣ, и у него сѣдые волосы, какъ я вамъ говорила. Это онъ! Я поправляюсь.

— Тѣмъ лучше, Жари, но расскажите мнѣ, какимъ образомъ пришло къ вамъ это счастье.

— Онъ былъ среди другихъ докторовъ и толпы студентовъ; мнѣ казалось, что онъ ихъ начальникъ. О, какъ сладко звучалъ его голосъ; онъ уже подходилъ къ моей кровати, но тутъ случилось что-то, чего я не понимаю. Онъ исчезъ, когда я вскрикнула: „Поля, сынъ мой!“ Я впала въ безпамятство. Добрая сестра привела меня въ себя, и я описала ей Поля. Завтра онъ придетъ опять; она обѣщала мнѣ привести его къ моей кровати. Это онъ, онъ! Придите завтра непременно.

* * *

Слушая ее, я повялъ, что чувство, наполнявшее всю ея жизнь, превратилось въ бредъ; состояніе ея ума предвѣщало близость конца, несмотря на то, что ея голосъ звучалъ громко, глаза горѣли и она съ силой сжимала мою руку. На слѣдующій день ея не стало: она умерла счастливая, въ самый прекрасный моментъ своей грезы, которая давала ей силу въ теченіе пятидесяти лѣтъ выносить нищету и горе.

Я желалъ бы рассказать эту исторію съ той наивной простотой, которую старушка вкладывала въ свои слова; пусть этотъ эпизодъ послужитъ переходомъ къ повѣствованію о моихъ собственныхъ невзгодахъ.

Въ 1798 г. нашъ банкирскій домъ обанкротился⁹⁾, и давно предвѣнное мною несчастіе нанесло мнѣ одинъ изъ самыхъ ужасныхъ ударовъ, которые я когда-либо получалъ.

Воспитанный тетушкой въ правилахъ самой строгой честности, я чуть было не заболѣлъ при мысли о катастрофѣ, которую могъ только отсрочить; меня еще болѣе ужасало предположеніе, что я буду казаться отвѣтственнымъ за несчастіе. Дѣйствительно, многіе капиталисты, оказывая довѣріе нашему дому, смотрѣли на меня какъ на залогъ безопасности своихъ капиталовъ. Хотя я уже цѣлый годъ не принималъ никакого участія въ дѣлахъ, нѣкоторыя лица послѣ нашего банкротства позволили себѣ осыпать меня незаслуженными упреками. Если мой отецъ, по натурѣ очень расточительный, тратилъ слишкомъ много, я не былъ тяжелымъ бременемъ для кассы: я жилъ въ мансардѣ безъ печки и снѣгъ или дождь нерѣдко падали на мою простую постель. Мои удовольствія не стоили много; я даже не любилъ щеголять; игра никогда не привлекала меня. „Богатство твоего отца недолго продержится“, какъ-то разъ сказала мнѣ моя тетка, и я жилъ, руководствуясь ея словами. Я былъ некрасивъ и невзраченъ, но мнѣ не случалось тратиться на женщинъ, между тѣмъ только онѣ одни могли бы вовлечь меня въ большіе расходы.

Во время этихъ печальныхъ дней во мнѣ развилась новая страсть.

До тѣхъ поръ я писалъ отрывочныя и безцѣльныя рюмованныя строки, но теперь мною овладѣла истинная любовь къ поэзіи. Хотя я попрежнему былъ очень слабъ въ грамматикѣ, но сталъ изучать всѣ роды поэзіи и попробовалъ свои силы почти во всѣхъ формахъ стиховъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ я составилъ себѣ почти полную поэтику, которая, конечно, впоследствии усовершенствовалась, но въ главныхъ чертахъ почти не измѣнилась. Въ эту же эпоху я много думалъ о языкѣ; такимъ образомъ я началъ съ вершины науки, нижнія ступени которой вселяли въ меня отвращеніе. Я видѣлъ, что намъ грозитъ нищета, и поэзія казалась мнѣ утѣшеніемъ, ниспосланнымъ мнѣ небомъ. Многіе изъ нашихъ капиталистовъ, несмотря на мою крайнюю молодость, вѣрили въ мои финансовыя способности и въ мою честность, такъ ясно доказанную моими слезами и отчаяніемъ, и предложили мнѣ довольно значительный фондъ, при помощи котораго я могъ бы снова начать дѣло; отецъ уговаривалъ меня согласиться, но напрасно. Его ремесло внушало мнѣ такое отвращеніе, что я былъ скорѣе готовъ нуждаться, нежели вернуться на биржу, въ зданіе которой не могъ войти безъ дрожи ужаса.

Въ то время я горько сожалѣлъ, что меня оторвали отъ типографіи, я всегда ее любилъ, но мнѣ казалось, что я не настолько знаю типографское дѣло, чтобы найти въ немъ источникъ средствъ къ жизни. Я ошибался; я слишкомъ поздно убѣдился, что могъ бы сдѣлаться въ короткое время ловкимъ рабочимъ; увы, это избавило бы меня отъ многихъ лѣтъ бѣдности и тщетнаго ожиданія!

Несмотря на преслѣдованіе кредиторовъ и даже тюремное заключеніе, мой отецъ не терялъ ни своей безопасности, ни своего легкомыслія; я же стремился спрятаться отъ всего міра и отдавался припадкамъ тѣмъ болѣе горестной меланхоліи, что, экспансивный въ радости, я былъ сдержанъ въ печали. Я до того боялся встрѣчъ со свидѣтелями и жертвами нашего банкротства, что уходилъ далеко въ окрестности Парижа. О, Сенъ-Жерве, Романвиль, Булонъ, Венсенъ, сколько утѣшительныхъ грезъ навѣяли вы на меня! Но вскорѣ мнѣ пришлось завѣдывать читальней, которую купилъ мой отецъ. Это сдѣлалось для меня источникомъ новыхъ затрудненій; отецъ далъ мнѣ въ помощники кузена, веселаго малюга, который, пока я составлялъ и записывалъ рюмы, стоя за конторкой посреди читателей, тратилъ на удовольствія часть нашихъ маленькихъ барышей. Наконецъ, отецъ взялъ въ свои руки читальню, которая стала его послѣднимъ средствомъ къ существованію. Читальня помѣщалась на улицѣ Saint-Nicaise, и однажды вечеромъ, идя къ отцу, я чуть было не сдѣлался жер-

твоей адской машины, которая, конечно, разорвала бы меня на части, если бы взрывъ произошелъ на нѣсколько секундъ позже.

Въ силу странной случайности, за нѣсколько дней до этой ужасной катастрофы у моего отца обѣдали де-Бурмонъ, вступившій въ переговоры съ консульскимъ правительствомъ, аббатъ Ратель, человѣкъ, жившій роялистическими заговорами, и какой-то Шарль, фамилія котораго ускользаетъ отъ меня. Кромѣ нихъ у отца были еще два или три человѣка изъ той же партіи. Тѣмъ не менѣе это не было совѣщаніемъ. Слушая собесѣдниковъ, я могъ замѣтить, какъ мало согласія царило между роялистами. Въ особенности, казалось, де-Бурмонъ внушалъ всѣмъ недовѣріе и недовольство. Поэтому я былъ очень удивленъ, узнавъ, что онъ былъ замѣшанъ въ дѣла Карбона и Сенъ-Режена. Съ упомянутаго дня я уже больше не встрѣчался съ нимъ. Шарль, котораго арестовали черезъ два дня послѣ обѣда у отца, былъ разстрѣленъ въ силу стараго приговора, произнесеннаго надъ нимъ. Когда его взяли, онъ задумывалъ убить перваго консула; Шарль еще раньше говорилъ объ этомъ отцу, и тотъ дѣлалъ все, чтобы отвлечь его отъ такого намѣренія. Слѣдовало ожидать, что эти знакомства навлекутъ на насъ подозрѣніе, но стали наблюдать только за моимъ отцомъ. Полицейскій комиссаръ называлъ его банкиромъ роялистовъ. Если судить по банкиру о положеніи партіи, банкротство было неизбѣжно.

Я вижу, что прошелъ молчаніемъ политическія событія двухъ послѣднихъ лѣтъ XVIII столѣтія. Я, который такъ радовался успѣхамъ нашей арміи, вскорѣ сталъ оплакивать ея многочисленныя неудачи и даже дрожать за независимость моей родины. Въ концѣ періода правленія Директоріи воцарилась такая анархія, что самыя смѣлыя сердца теряли мужество и надежду. Можно представить себѣ, что дѣлалось съ сердцами робкими! Я съ ужасомъ слышалъ, какъ многіе честные буржуа желали торжества иностранной коалиціи. Такіе люди, какъ Массена и Брюнъ, которые въ Швейцаріи и Голландіи возвращали намъ побѣду, казалось, не могли внушить обществу спокойствіе, до такой степени подкупъ и причуды правительства Барра нравственно подавили націю, еще недавно вѣрившую въ свои силы.

И вотъ во времена этихъ общественныхъ бѣдствій я, бѣдный послѣдователь Ювенала, складывалъ александрійскіе стихи противъ Барра и его сообщниковъ. Читатели видятъ, что я рано полюбилъ сатиру, въ то время очень распространенную, какъ то доказываютъ стихи Шенъе, Лорміана, Депаза и многихъ другихъ. Мои произведенія въ этомъ духѣ не успѣли расцвѣсти: Бонапартъ вернулся изъ Египта. Когда пришла вѣсть объ его неожиданномъ возвращеніи, я былъ въ нашей читальнѣ, посреди тридцати человѣкъ. Всѣ

вскочили сразу и въ одинъ голосъ радостно вскрикнули. Приблизительно то же повторилось во всей Франціи, которой показалось, что она спасена. Когда человѣкъ способенъ производить такое дѣйствіе на народъ,— онъ его господинъ. Мудрецы не въ силахъ ничего сдѣлать. Высказываясь во Фрежу, Бонапартъ уже былъ императоромъ Наполеономъ.

Я всегда съ насмѣшливымъ удовольствіемъ предсказывалъ отцу, что побѣдитель Арколя и Лоди возвысится. Его походъ въ Египеть не заставилъ меня перемѣнить мнѣніе. Какъ и всѣ другіе роялисты, мой отецъ хотѣлъ видѣть въ немъ только Монка. Я же, вмѣстѣ со всей Франціей, радовался революціи 18-го брюмера, хотя и опасался, что молодой генералъ не ограничится однимъ консульствомъ.

Если меня спросятъ, почему я, съ моею способностью предвидѣнія, не вознегодовалъ 18-го брюмера, узнавъ о нарушеніи конституціи, я наивно отвѣчу, что во мнѣ патриотизмъ всегда торжествовалъ надъ политическими доктринами и что Провидѣніе не всегда предоставляетъ націямъ выборъ средствъ спасенія. Только этотъ великій человѣкъ и могъ извлечь Францію изъ пропасти, въ которую ввергла ее Директорія. Мнѣ только-что минуло девятнадцать лѣтъ, но, казалось, никто не былъ старше меня, такъ какъ всѣ думали заодно со мною. Въ силу вѣдшихъ обстоятельствъ, партіи уничтожились и ихъ движенія, наводившія страхъ, представляли собою только судороги агоніи. Было достаточно всеобщаго ужаса, чтобы заглушить тѣ немногіе голоса, которые требовали настоящей республики. Всѣмъ казалось, что республика уже существовала въ 1793 г., а партизанами правленія 1793 г. были только безумцы. Люди благоразумные, еще говорившіе о свободѣ, высказывались осторожно, съ недовѣріемъ, внушеннымъ имъ несчастными или недовкими попытками. Кромѣ того, очень немногіе изъ этихъ политиковъ отличались умѣніемъ прилагать въ дѣлу теоріи, безъ чего самыя лучшія принципы скоро теряютъ значеніе. Наконецъ, Франція нуждалась въ мощномъ правительствѣ, которое спасло бы ее и отъ якобинцевъ, и отъ Бурбоновъ, и отъ неувѣренности, и отъ анархіи. Молодежь, опыяненная славой молодого консула, предлагала ему свои услуги для выполненія его намѣреній, даже не думая требовать отъ него отчета въ дѣйствіяхъ. Чтобы судить о всеобщемъ энтузіазмѣ, стоило только послушать, съ какимъ бѣшенствомъ публика въ театрахъ аплодировала, слыша намеки на неудачи представителей Сенъ-Клу, и какимъ смѣхомъ она отвѣчала на насмѣшки надъ немногими Брутами, которые, выражаясь въ духѣ того времени, осмѣливались противиться новому Цезарю.

Кто бы подумалъ, что я впервые окажу оппозицію консульскому

правительству по поводу того, что оно заимствовало у Рима и Греціи названія для новыхъ должностныхъ лицъ и учреждений общественнаго воспитанія; консулы, трибуны, префекты, пританіи, лицеи—всѣ эти слова, какъ мнѣ казалось, не соотвѣтствовали новому міру, созданному 1789 годомъ. Конечно, съ моей стороны это было ребячествомъ, но я всегда ненавидѣлъ рутинное подражаніе древнимъ. Представьте себѣ Эро де-Сешеля, который не можетъ приняться за выработку конституціи, пока ему не удастся прежде всего добыть законы Миноса! Смѣсь изъ древности и современности, язычества и христіанства породила пеструю цивилизацію, похожую на одежду арлекина; къ счастью, это одѣяніе начинаетъ изнашиваться и превращаться въ лохмотья. Злоба моя въ то время смѣшила людей, можетъ быть, надъ нею засмѣются и теперь. Тѣмъ не менѣе, я, несмотря на мою любовь къ грекамъ, возненавидѣлъ великихъ людей Плутарха и самого Плутарха, который не рѣшался цѣнить ни политическаго величія Демосоена, ни генія Аристофана. Будемъ изучать древность, уважать традиціи, но не станемъ занимать у нихъ ничего, кромѣ самаго необходимаго. Паоли хорошо разгадалъ Бонапарта: во многихъ отношеніяхъ онъ былъ героемъ Плутарха, и я надѣюсь, что онъ останется послѣднимъ и, можетъ быть, величайшимъ отзвукомъ стараго міра, который онъ любилъ воскрешать, хотя и по своему. Увы, людямъ больше всего вредитъ борьба съ новымъ міромъ. Наполеонъ погибъ изъ-за этого. Въ 1815 г. онъ, оправдывая слова Паоли, написалъ регенту Англій, что онъ, какъ Темистокль, сядетъ за британскій очагъ. Это напоминаніе о Плутархѣ глубоко тронуло англійскій народъ и его правителя!

Въ первые годы консульства я, стараясь избѣжать тягостнаго матеріальнаго положенія, хотѣлъ, чтобы меня послали въ Египетъ, гдѣ наша армія, казалось, могла еще долго продержаться. Парсиваль Гранмезонъ, котораго я зналъ, на мой вопросъ по этому поводу доказалъ мнѣ всѣ неудобства моего плана. Мнѣ пришлось уступить его совѣтамъ. Сколько разъ потомъ онъ повторялъ мнѣ: „Развѣ я говорилъ неправду?“. Но я тоже былъ правъ по своему: мнѣ слѣдовало прежде всего перестать быть источникомъ расходовъ для моего отца, т. е. найти возможность самостоятельно существовать гдѣ бы то ни было.

Между тѣмъ, и въ моей бѣдности я находилъ отраду. Я жилъ въ мансардѣ шестого этажа на бульварѣ Saint-Martin и съ высоты наслаждался восхитительнымъ видомъ. Какъ я любилъ вечеромъ царить надъ безконечнымъ городомъ, когда къ гулу, который несется отъ Парижа, примѣшивался шумъ бури. Я съ восторгомъ переѣхалъ на чердакъ; у меня не было ни денегъ, ни обез-

печенной будущности, но я чувствовалъ себя счастливымъ при мысли, что мнѣ удалось освободиться отъ тѣхъ тягостныхъ дѣлъ, которыя со времени моего возвращенія въ Парижъ не переставали терзать меня. Одинокая жизнь, дававшая мнѣ возможность на свободѣ сочинять стихи, казалась мнѣ счастьемъ. И потому мое юное благоразуміе не лишало меня всѣхъ радостей существованія; далеко нѣтъ. Можетъ быть, я не зналъ того, что наши древніе и новые романисты называютъ любовью, потому что я всегда смотрѣлъ на женщину не какъ на супругу или возлюбленную (что часто равняется превращенію ея въ рабу или тирана), а видѣлъ въ ней только подругу, данную намъ Господомъ Богомъ. Нѣжность и уваженіе, которыя этотъ полъ внушалъ мнѣ съ самой юности, всю жизнь служили для меня сладкимъ утѣшеніемъ. Эти чувства помогли мнѣ побѣдить тайное расположеніе къ меланхолии, принадлежности которой становились все рѣже и рѣже, благодаря женщинамъ и поэзіи. Мнѣ было бы достаточно сказать: благодаря женщинамъ, потому что онѣ служили для меня источникомъ поэзіи.

Даже въ тотъ періодъ, когда мое дурное настроеніе часто и подолгу мучило меня, я во время товарищескихъ пирушекъ бывалъ веселѣе и безумнѣе всѣхъ остальныхъ. Какъ сладко имѣть друзей! Мои литературныя попытки не мѣшали мнѣ складывать пѣсни для веселыхъ обѣдовъ, которые допускали наши скудные кошельки. Ни одинъ карнавалъ не проходилъ безъ маскарародовъ; я очень любилъ играть въ комедіяхъ и сочинялъ маленькіе водевили для нашихъ праздниковъ; поэтому очень странно, что впослѣдствіи я находилъ такъ мало удовольствія въ посѣщеніи театровъ!

Въ упомянутую эпоху у меня завязалось много пріятныхъ знакомствъ, которыя длятся и до сихъ поръ. Я узналъ Антье, доставившаго столько произведеній нашимъ второстепеннымъ театрамъ и написавшаго столько хорошенькихъ пѣсень, неизданныхъ, такъ какъ онъ никогда серьезно не старался прославиться, что было бы очень легко; Лебрена ¹⁰⁾, человѣка съ добрымъ и чистымъ характеромъ, ставшаго академикомъ, писателя, который, несмотря на вполне законный литературный успѣхъ, слишкомъ скоро потерялъ всякое мужество; Бокильона ¹¹⁾, изобрѣтателя восхитительной музыкальной методы, сдѣлавшаго свое искусство популярнымъ и тѣмъ оказавшаго большую услугу Франціи и, главное, рабочимъ классамъ, для которыхъ музыка—путь къ улучшенію нравовъ.

Говоря о Бокильонѣ, сложившемъ много очаровательныхъ мелодій для моихъ пѣсень, о Бокильонѣ, употребившемъ столько времени на свою „методу“, что это помѣшало ему пріобрѣсти громкую извѣстность композитора, мнѣ хочется напомнить объ

одномъ изъ многихъ моихъ писемъ въ стихахъ; я обратился съ нимъ къ Бокильону по случаю молебна въ Notre Dame въ присутствіи королей-куртизановъ Наполеона; у меня былъ входной билетъ на эту службу:

Dimanche nous verrons cinq rois
Faire oublier Dieu dans l'église,
Ils m'y chercheront, je le crois,
Et j'ai fait blanchir ma chemise.

Только одинъ изъ моихъ друзей порвалъ со мною въ 1815 г. вслѣдствіе разногласія нашихъ политическихъ взглядовъ. Я говорю объ одномъ знаменитомъ художникѣ*), человекѣ мягкомъ и вѣжливымъ; вѣроятно, его тщеславіе было ослѣплено аристократическимъ обществомъ. Этотъ бывшій другъ впоследствии раскаялся, пожалѣлъ о разрывѣ со мною, но въ вопросахъ дружбы я никогда не считалъ возможнымъ примиреній, развѣ только въ случаѣ ссоры изъ-за недоразумѣнія.

Во время долгой болѣзни упомянутаго художника я не переставалъ {ухаживать за нимъ, и тогда-то въ моемъ умѣ впервые явилась мысль записать мои пѣсни¹²⁾. Сидя по ночамъ у кровати больного, я вспомнилъ около сорока моихъ стихотвореній; мнѣ приходилось сидѣть подлѣ него, такъ какъ онъ не выносилъ ухода наемниковъ, хотя былъ настолько богатъ, что могъ позволить себѣ эту роскошь. Записывая мои куплеты, я ихъ пѣлъ ему, чтобы развлекать страдальца во время тягостныхъ бессонницъ. Хотя моя память очень хороша, но я, вѣроятно, забылъ многія изъ моихъ стихотвореній,—я ихъ столько сочинялъ! Сегодня она подсказала мнѣ еще одни куплеты, сочиненные въ отвѣтъ на письмо, въ которомъ этотъ неблагодарный другъ послѣ 20-го марта говорилъ мнѣ, что мы увидимся только послѣ реставраціи Бурбоновъ. Этыхъ стиховъ я ему не послалъ, и пока онъ былъ живъ, не печаталъ.

Suspendons nos rapports intimes,
M'écris tu, jusqu'à l'heureux jour
Qui de tes princes légitimes
T'entendra bénir le retour, и т. д.

но вернемся къ 1801 г., на мой чердакъ на бульварѣ Saint-Martin. Моя нищета увеличивалась, и рекрутскій наборъ внесъ лишнюю тревогу въ мою жизнь. Было легко питаться хлѣбомъ и сыромъ, несмотря на то, что я обладалъ большимъ аппетитомъ; но какъ избѣжать солдатчины?

Мое хрупкое тѣлосложеніе, въ особенности же крайняя сла-

*) Геренъ.

бость зрѣнія, превратило бы меня въ постоянного обитателя госпиталя, — эти недостатки, конечно, могли избавить меня отъ рекрутчины. Я былъ такъ блѣденъ и худъ, что никто не вѣрилъ, чтобы я дожилъ хотя бы до тридцати лѣтъ; моя грудь казалась очень непрочной, и отецъ постоянно повторялъ мнѣ: „Ты недолго проживешь. Я скоро тебя похороню“. Это не печалило ни того, ни другого изъ насъ. Къ несчастію, положеніе, которое читальня, повидимому, давала отцу, принуждало его, если бы меня не освободили отъ военной службы, нанять мнѣ замѣстителя; а онъ не могъ этого сдѣлать.

Сознавая, что я не могу быть военнымъ, я со спокойной совѣстью рѣшилъ избавить моего отца отъ расхода. Для этого существовало только одно средство, на которомъ я и остановился. Я не записался въ призывной списокъ, что въ тѣ времена еще было возможно. Однако, такимъ образомъ, я почти неминуемо долженъ былъ подвергнуться аресту. Новая жестокая мука прибавилась къ остальнымъ неприятностямъ. Я мужественно выносилъ мои тревоги. Многіе молодые люди теряютъ присутствіе духа отъ гораздо менѣ серьезныхъ причинъ! Я стойко выдержалъ натискъ несчастія; небо сжалилось надо мной и пришло ко мнѣ на помощь. Въ двадцать три года я былъ совершенно лысымъ безо всякой причины, кромѣ головныхъ болей, и вотъ, благодаря зрѣлости, которую придаетъ лысина, я могъ не бояться жандармовъ и полицейскихъ, всегда готовыхъ охотиться за уклоняющимися отъ военной службы. Мнѣ было достаточно снять передъ ними шляпу, чтобы мой лобъ, лобъ молодого человѣка, не достигшаго тридцати лѣтъ, но казавшійся челомъ сорокалѣтняго мужчины, лишилъ ихъ желанія просить меня показать имъ мои бумаги. Мнѣ пришлось долго кланяться этимъ господамъ, потому что уклонившіеся отъ военной службы получили амнистію только по случаю брака Наполеона съ Маріей-Луизой. Это доказываетъ, что не всегда люди ничтожные страдаютъ отъ глупостей великихъ.

Что касается фортуны, она также сжалилась надо мной. Цѣлыхъ три года я искалъ какого-нибудь маленькаго мѣста и писалъ стихи, переходя отъ политической сатиры къ идилліямъ и одамъ, отъ комедіи къ эпическимъ поэмамъ. Нужда постоянно тѣснила меня; наконецъ, я рѣшился написать г-ну Люсьену Бонапарту; это было въ началѣ 1804 г. Въ другомъ мѣстѣ я уже говорилъ, какъ счастливо окончилась эта отчаянная попытка; но мнѣ хочется обрисовать, въ какомъ нищенскомъ положеніи находился я, какая грозная будущность стояла передо мной въ то мгновеніе, когда на меня упалъ лучъ свѣта.

Уже давно золотые часы и нѣсколько другихъ остатковъ на-

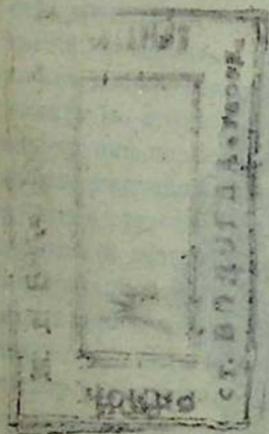
шего кратковременнаго богатства были отнесены въ Mont de Piété; мой гардеробъ состоялъ изъ трехъ плохихъ рубашекъ, которыя постоянно чинила дружеская рука, изъ очень поношеннаго сюртука, панталонъ, протершихся на колѣняхъ, и пары сапогъ, составлявшихъ мое отчаяніе, такъ какъ, чистя ихъ по утрамъ, я ежедневно открывалъ на нихъ новыя раны. Я отнесъ на почту четыреста или пятьсотъ стиховъ, вложенныхъ въ письмо къ Люсьену Бонапарту, но никому не сказалъ объ этой попыткѣ, сдѣланной послѣ множества другихъ въ такомъ же родѣ. Два дня прошли безъ отвѣта; на третій, вечеромъ, лучшая подруга жизни, которую я когда-либо имѣлъ, добрая Жюдитъ¹⁸⁾, вмѣстѣ со мною кончающая свои дни, разложила на столѣ карты, чтобы погадать мнѣ, и предсказала, что я получу письмо, которое принесетъ мнѣ большую радость. Несмотря на мое недовѣріе къ наукѣ г-жи Ленорманъ, во мнѣ шерельнулось пріятное чувство: бѣдность такъ суевѣрна! Вернувшись на мой чердакъ, я заснулъ и видѣлъ во снѣ почтальона. Но при пробужденіи—прощайте иллюзіи! Передо мной явились разорванные башмаки; кромѣ того, внуку портного пришлось штопать свои старыя панталоны. Съ иголкой въ рукахъ, я твердилъ очень мизантропическія риемованныя строки, которыя въ то время часто слагались въ моемъ умѣ, какъ вдругъ въ комнату вошла моя запыхавшаяся привратница и передала мнѣ письмо, написанное неизвѣстнымъ почеркомъ. Стихи, иголка, панталоны—все улетѣло! Пораженный, я не рѣшался распечатать конвертъ. Наконецъ, я разорвалъ его дрожащей рукой: сенаторъ Люсьенъ Бонапартъ прочиталъ мои стихи и пожелалъ меня видѣть. Молодые поэты, находящіеся въ печальномъ положеніи, представьте себѣ мое счастье и, если вы въ состояніи, опишите его! Прежде всего не богатство, а слава заблестала передо мною. Мои глаза увлажнились слезами, и я возблагодарилъ Бога, о Которомъ никогда не забывалъ въ минуты счастья.

Наскоро занявъ болѣе приличное платье, я поспѣшилъ къ брату перваго консула. Право, думая теперь о двухъ слабыхъ диэрамбическихкихъ поэмахъ, которыя я рѣшился послать этому знаменитому человѣку, поэту и оратору, я долженъ удивляться тѣмъ знакамъ благосклонности, которыми онъ меня осыпалъ. Онъ сказалъ мнѣ, что позаботится о моей судьбѣ, и доказалъ мнѣ это, несмотря на свой поспѣшный отъѣздъ въ Римъ. Изъ Италіи онъ вскорѣ прислалъ мнѣ довѣренность на полученіе его жалованія изъ Института; мнѣ еще раньше выдали оттуда сумму, равную тремъ его годовымъ окладамъ, такъ какъ онъ не бралъ жалованья. Большую часть суммы я отдалъ отцу, которому былъ долженъ за много мѣсяцевъ, и сумѣлъ обойтись тысячею франковъ въ годъ.

Во время двухъ свиданій, которыя я имѣлъ съ г-номъ Люсье-

Жюдитъ Фреръ (къ стр. 50).

номъ Бонапартомъ, онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько замѣчаній по поводу смѣлости моего стиля. Я не хотѣлъ защищаться и признался, что не получилъ никакого классическаго образованія. Никогда въ жизни не было мнѣ такъ трудно говорить о моемъ незнаніи латинскаго языка, безъ котораго, какъ мнѣ и многимъ другимъ въ ту эпоху, казалось, нельзя было правильно писать по-французски. Безъ сомнѣнія, г-нъ Люсьенъ Бонапартъ раздѣлялъ это мнѣніе, но онъ былъ такъ добрѣ, что не высказалъ его. Онъ только посоветовалъ мнѣ разработать римскій сюжетъ—смерть Нерона. Я постарался въ поэмѣ въ двѣсти-триста стиховъ обрисовать послѣднія минуты коронованнаго комедіанта; но я не былъ въ своей сферѣ. Всю жизнь я могъ писать только на сюжеты, которые сами собой приходили въ мой умъ; я никогда не умѣлъ подражать. Кромѣ того, язычество и древность, съ которыми я былъ такъ хорошо знакомъ, точно пробылъ нѣсколько лѣтъ въ коллежѣ, не увлекали моей юной музы, вполне современной, вполне французской; она уже возмущалась противъ міеологіи, которою въ то время злоупотребляли Делиль и Пиндаръ-Лебренъ. Эта поэма „Неронъ“ заключала въ себѣ всего нѣсколько довольно сильныхъ отрывковъ, въ которыхъ сказывалось нѣкоторое стремленіе къ простотѣ; я до такой степени оцѣнилъ простоту, что, отказавшись отъ ужасающей легкости, съ которою я прежде нагромождалъ цѣлыя груды стиховъ, принялся работать разсудительно. Это, говоря кстати, не маленькое стѣсненіе для двадцатилѣтняго стихотворца. Правда, у меня хватило терпѣнія дважды переписать „Атали“, и мнѣ кажется, что это упражненіе принесло мнѣ счастье.

Однажды, говоря о французской версификаціи съ г-номъ Люсьеномъ Бонапартомъ, сторонникомъ формъ, которыя я называлъ устарѣвшими, я, чтобы наглядно дать ему образчикъ стиля, который мнѣ нравился, прочиталъ около сорока стиховъ, по характеру совершенно непохожихъ на высокопарныя строфы Делиля, поэта, очень любимаго въ то время. Несмотря на восхитительный талантъ этого мастера, его манера писать казалась мнѣ во многихъ отношеніяхъ фальшивой и опасной. Въ этомъ отрывкѣ я говорилъ о паденіи Бурбоновъ и о возвышеніи Бонапарта; тамъ, между прочимъ, были слѣдующія строки:

Le soleil voit, du haut des voûtes éternelles,
Passer dans les palais des familles nouvelles;
Familles et palais, il verra tout périr.

Въ смыслѣ выраженій въ моихъ стихахъ не было ничего особенно новаго, но я поступилъ странно, читая такія строки человѣку, созданному новымъ строемъ, и стоя посреди великолѣпной галереи, въ которой онъ меня принималъ. Я какъ бы ста-

рался показаться пророкомъ Аввакумомъ. Тѣмъ не менѣе, мой сходительный слушатель похвалилъ стихотвореніе.

Несмотря на изгнаніе, которому г-нъ Люсьенъ Бонапартъ подвергъ себя, его покровительство приносило мнѣ большую пользу. Нужно было говорить о себѣ что-нибудь, а, право, говорить, что я нахожусь подъ покровительствомъ г-на Люсьена Бонапарта, значило много. Въ двадцать пять лѣтъ я, наконецъ, получилъ то, чего всегда желалъ: скромное мѣсто. Я поступилъ въ контору живописца Ландона и тамъ редактировалъ текстъ его „Музея“¹⁴). Это былъ сборникъ рисунковъ съ картинъ и статуй Луврской галереи, которая въ то время обогатилась вслѣдствіе благородныхъ и честныхъ побѣдъ; это вѣрно, что бы тамъ ни говорилъ Веллингтонъ, которому слѣдовало бы поберечь свои нравственные уроки для опустошителей Индіи. Я познакомился со многими художниками, а потому мнѣ было легко выполнять мою новую задачу; во время этихъ занятій изданіемъ мнѣ удалось усовершенствоваться въ пониманіи пластическихъ искусствъ, благодаря совѣту Ландона, у котораго не было недостатка ни въ тактѣ, ни въ знаніяхъ. 1.800 фунтовъ жалованья вмѣстѣ съ 1.000 франковъ изъ Института доставили мнѣ сладкія наслажденія богатства: я могъ помогать отцу и моей бѣдной бабушкѣ, вдовѣ стараго добраго портного. Я могъ быть даже полезнымъ моей сестрѣ, работавшей у одной изъ нашихъ тетокъ.

Меня всегда мучилъ страхъ, что я когда-нибудь буду принужденъ превратить литературу въ ремесло, а потому, предвидя, что мое теперешнее мѣсто должно было современемъ исчезнуть, я всѣми силами стремился найти болѣе прочное положеніе, и съ этой цѣлью обратился къ Арно, трагическому поэту, другу Люсьена Бонапарта и начальнику департамента народнаго просвѣщенія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Я могъ подумать и о де-Фонтанѣ, также другѣ моего покровителя, однажды прочитавшаго ему мои стихи; но мнѣ говорили о независимости характера Арно, который дѣйствительно не могъ завоевать благосклонность перваго консула: это опредѣлило мой выборъ. Вскорѣ Арно сдѣлался моимъ другомъ, и если границы его вліянія позволили ему дать мнѣ мѣсто только черезъ три года, онъ все же безпрестанно доказывалъ мнѣ, что искренно интересуется мною; кромѣ того, онъ открылъ для меня двери въ литературный міръ, который до тѣхъ поръ я не могъ посѣщать.

Онъ хотѣлъ, чтобы я писалъ въ журналахъ, но я никогда не чувствовалъ призванія къ труду, поглотившему столько юныхъ талантовъ, можетъ быть, рожденныхъ для славной будущности; вдобавокъ, меня пугала лѣность моего пера и робкая совѣсть.

Если бы я отдался профессіи журналиста, мнѣ пришлось бы отказаться отъ поэтическихъ надеждъ, отъ ихъ грезъ, а безъ нихъ моя мансарда осиротѣла бы.

Книга „Духъ христіанства“, несмотря на критику, вызванную этимъ сочиненіемъ въ философскомъ мірѣ, восхитила меня. Шатобріанъ блисталъ красотою писателей древности, облеченными въ совершенно новую форму; онъ вернулъ въ литературу религиозный элементъ, повидимому, изгнанный изъ нашей поэзіи. Его сочиненіе сдѣлалось для меня учебникомъ, гораздо болѣе вдохновлявшимъ, нежели книги Баттѣ и Лагарпа; „Иліада“ г-жи Дасье вызвала у меня слезы восхищенія; Аристофанъ, геній котораго, какъ мнѣ казалось, былъ еще мало оцѣненъ у насъ, увлекъ меня до страсти, но вообще я еще не зналъ хорошенько греческой литературы; Шатобріанъ рядомъ съ библейской поэзіей показалъ мнѣ и поэзію греческую. Кромѣ того, я обязанъ ему тѣмъ, что началъ гораздо трезвѣе смотрѣть на нашу собственную словесность; однако, нельзя сказать, чтобы я подчинился всѣмъ мнѣніямъ этого великаго писателя. Я имѣлъ несчастье — потому что это несчастье — никогда не склоняться вполне подъ какимъ-либо ярмомъ; это не мѣшаетъ мнѣ питать искреннюю благодарность къ людямъ, которыхъ я выбралъ себѣ въ образцы.

Я обладалъ запасомъ непоколебимой вѣры, которую мы называемъ „деизмомъ“, вѣры, такъ глубоко вкоренившейся въ мое сердце, что она дошла бы до суевѣрія, если бы это позволилъ мой разумъ; въ то же время во мнѣ крылись зачатки меланхолии, зарожденные несчастьемъ моей жизни. То и другое вмѣстѣ съ вліяніемъ книги Шатобріана заставило меня попытаться вернуться къ католицизму. Я посвящалъ ему мои поэтическіе опыты; я входилъ въ пустынные церкви и читалъ аскетическія книги; я не говорю объ Евангеліи, которое, несмотря на мои очень опредѣленные вѣрованія, казалось мнѣ всегда самой философской, самой утѣшительной книгой въ мірѣ. Увы, эти попытки не привели ни къ чему. Я часто говаривалъ, что разумъ только топить насъ, когда мы падаемъ въ воду. Тѣмъ не менѣе, на мое несчастье, разумъ въ этомъ отношеніи сдѣлался моимъ повелителемъ. Глупецъ! Онъ отказался позволить мнѣ вѣрить въ то, во что вѣрили Тюрэннъ, Корнель и Босюетъ! А между тѣмъ, я всегда былъ, есть и буду до смерти, какъ выражается философія, „спиритуалистомъ“. Мнѣ даже кажется, что глубокое чувство вѣры свѣтится въ самыхъ моихъ безумныхъ пѣсняхъ, за которыя милосердыя души лѣтъ двадцать тому назадъ охотно увидѣли бы меня среди площади на кострѣ, какъ нѣкогда Доле и Ванини.

Отъ періода попытокъ обращенія къ вѣрѣ, которыя были, вѣ-

роятно, вызваны моимъ прочнымъ спиритуализмомъ, у меня сохранилось только нѣсколько довольно плохихъ стихотвореній; однако, я, вѣроятно, скоро сожгу и ихъ; теперь же, глядя на нихъ, я улыбаюсь. Насколько я люблю, чтобы поэтъ былъ религіозенъ, когда онъ затрагиваетъ религіозные сюжеты, настолько же мнѣ кажется нелѣпымъ притворство невѣрующаго писателя. Онъ не обманетъ глазъ истинно набожныхъ людей и создастъ только поддѣлку подъ религіозность. Не говорю уже о томъ, что путемъ притворства можно испортить свой талантъ, такъ какъ самая его прочная опора—искренность чувства. Я не принадлежу къ числу людей, полагающихъ, будто въ наше время поэты священнодѣйствуютъ. Такой анахронизмъ далекъ отъ меня; но хотя въ нашу эпоху поэтъ не что иное, какъ предметъ роскоши, тѣмъ не менѣе, онъ долженъ обладать направленіемъ, настолько опредѣленно выраженнымъ, чтобы читатели не сомнѣвались въ искренности тѣхъ его мнѣній, которыми онъ служитъ и которыя проповѣдуетъ.

Упомянувъ вскользь о нѣкоторыхъ изъ моихъ первыхъ попытокъ, скажу только, что я собирался написать поэму на Хлодвига и въ ней изобразить галльское епископство, помогавшее ему основать нашу старую имперію; почти закончилъ пасторальную поэму, сюжетъ которой относился къ эпохѣ Жанны д'Аркъ, и набросалъ множество идиллій, приуроченныхъ къ современнымъ правамъ. Я попробовалъ также написать нѣсколько комедій; двѣ были въ пяти актахъ: одна изъ нихъ ратовала противъ ученыхъ (мнѣ часто случалось оказывать имъ неуваженіе, хотя я глубоко уважаю науку), другая носила заглавіе „Гермафродиты“; подъ этимъ страннымъ названіемъ я разумѣлъ изнѣженныхъ мужчинъ—остатокъ стараго строя, и женщинъ, придающихъ себѣ манеры нашего пола. Я даже закончилъ нѣсколько дѣйствій этихъ пьесъ, но вскорѣ бросилъ ихъ. Вѣроятно, въ пьесахъ недоставало здраваго смысла, но меня остановило нѣчто иное, а именно, кропотливая заботливость, съ которой я, почти помимо моей воли, отдѣлывалъ фактуру стиховъ, такъ какъ меня сильно занимала форма, и я желалъ отфѣнять многія слова. Порой я даже замѣнялъ простое выраженіе мысли образомъ.

Такимъ путемъ, пригоднымъ для эпистолярныхъ произведеній, пишешь комедіи, какъ Гресе въ „Зломъ“; однако, все же остаешься далеко, я уже не говорю отъ Мольера, достигшаго совершенства комическаго стиля, но даже и отъ Реньяра, который, какъ и авторъ „Мизантропа“, сразу пишетъ тирады и діалоги, придавая имъ форму, полную ума и веселости. Не могу удержаться, чтобы не сказать здѣсь, что на Реньяра въ нашихъ учебникахъ литературы обращаютъ слишкомъ мало вниманія и, повидимому, недостаточно

цѣнять его стиль,—эту причудливую и очаровательную импровизацію, всей заслуги которой не почувствовалъ Лагарпъ. Я считаю, что если бы намъ не было дано Мольера, Реньяръ занималъ бы мѣсто перваго изъ современныхъ создателей комедей. Чѣмъ больше генія признаемъ мы въ немъ, тѣмъ больше станемъ восхищаться Мольеромъ, потому что тогда мы еще съ большимъ изумленіемъ измѣримъ разстояніе, раздѣляющее ихъ. Руссо, который, повидимому, полагаетъ, что писатели, заставляющіе смѣяться, смѣются надъ нимъ, отнесся къ нему не лучше, чѣмъ къ Мольеру. Но дайте „Наслѣднику“ заглавіе „Старый холостякъ“—и что вы скажете тогда?

Итакъ, я въ сотый разъ сталъ перечитывать моихъ любимыхъ авторовъ и не почувствовалъ въ себѣ мужества закончить мои комедіи; семь или болѣе готовыхъ актовъ отправились въ печку вслѣдъ за другими брошенными набросками. Я сказалъ себѣ, что я могу быть стилистомъ, что, можетъ быть, даже у меня есть воображеніе, но что я никогда не сдѣлаюсь драматическимъ писателемъ. Нечасто въ самоувѣренномъ возрастѣ люди видятъ свои слабыя стороны; я всегда былъ благодаренъ себѣ за это полезное благоразуміе.

Если потомъ я нѣсколько разъ пытался заняться сценой, то лишь вслѣдствіе необходимости. Къ счастью, мои пьесы никогда не читались на счѣтѣ. Помимо моей неспособности писать драматическія произведенія, что было бы со мною на пути, уставленномъ препятствіями, въ той сферѣ, въ которой стремленія и самолюбіе постоянно борются и при томъ самыми различными орудіями. Обладай я даже геніемъ Мольера, благодаря моему характеру, я потерпѣлъ бы неудачу на подмосткахъ.

Во время императорскаго правленія политикой занимались мало, однако, политика продолжала меня интересовать, и хотя я предвидѣлъ то направленіе, которое приметъ честолюбіе Бонапарта, возстановленіе трона глубоко потрясло и опечалило меня. Я, менѣе человекъ доктринъ, нежели существо инстинкта, родился съ натурой республиканской и проводилъ республику слезами; не написанными слезами съ восклицательными знаками, на которыя не скупаются поэты, но слезами, которыя душа, любящая независимость, дѣйствительно проливаетъ, видя раны, нанесенныя ея родинѣ и свободѣ. Мое восхищеніе геніемъ Наполеона не уменьшало отвращенія, вызваннаго деспотизмомъ его правленія, тѣмъ болѣе, что въ ту эпоху я гораздо менѣе, нежели впоследствии, понималъ, что борьба съ постоянно возобновлявшимися предпріятіями европейской аристократіи принуждала его принимать извѣстныя мѣры.

Къ этимъ печалямъ присоединилось еще одно огорченіе: изо

всѣхъ братьевъ императора не возвысился только одинъ г-нъ Люсьенъ—онъ остался въ изгнаніи, которое прекратилось лишь въ эпоху Ста Дней. Мое чувство благодарности, страдавшее при видѣ того, что его забыли въ Римѣ, внушило мнѣ мысль публично почтить моего покровителя. Я окончилъ только нѣсколько пасторальныхъ стихотвореній. И вотъ, оставивъ въ сторонѣ всякое авторское самолюбіе, всѣ притязанія на совершенство, котораго эти произведенія не могли достигнуть, я собралъ ихъ въ одинъ томикъ, украсилъ его посвященіемъ г-ну Люсьену и сталъ искать издателя. Если бы печать пользовалась малѣйшей свободой, одно уже посвященіе доставило бы мнѣ издателя, въ которомъ я нуждался; но приходилось пройти чрезъ литературную полицію.

Арно рекомендовалъ меня академику Лемонтэ, который считался самымъ удобнымъ изъ императорскихъ цензоровъ. Но при первомъ взглядѣ на книгу онъ нашелъ невозможнымъ посвященіе сборника и эпилогъ пасторальной поэмы. Чтобы оцѣнить всю оффиціальную подозрительность добрѣйшаго Лемонтэ, который наединѣ злословилъ и о короляхъ, и объ императорахъ, нужно прочесть мои стихи:

Pouquoi faut-il, dans un siècle de gloire,
Mes vers et moi, que nous mourions obscurs? и т. д.

Если, читая мои стихи, можно судить о суровости цензуры, каждый въ нихъ увидитъ, сколько личнаго самоотреченія выказалъ я, желая напечатать мой сборникъ. Доказательствомъ же моего невысокаго мнѣнія объ этомъ томикѣ послужить тотъ фактъ, что я отказался напечатать его, узнавъ, что мнѣ нельзя посвятить его г-ну Люсьену Бонапарту. Вышеупомянутый отрывокъ не былъ счастливымъ и въ эпоху Реставраціи. Нѣсколько измѣнивъ стихотвореніе, я его отправилъ въ „Альманахъ Музъ“, но его не напечатали. Только около 1833 г., наконецъ, мнѣ удалось, путемъ нѣсколькихъ прозаическихъ строкъ, выразить мою благодарность высокому изгнаннику, съ которымъ я видѣлся только два раза послѣ 20-го марта 1815 г. Онъ зналъ мою репутацію писателя гѣсенъ и во время упомянутыхъ свиданій живо упрекалъ меня за то, что я бросилъ болѣе возвышенный родъ поэзіи. Мнѣ не удалось попытаться увѣрить его, что я удалился отъ стиховъ, привлекавшихъ его, неполнѣ по собственному желанію. До дня битвы при Ватерлоо я не считалъ себя въ правѣ его беспокоить, а посреди мрачныхъ событій мнѣ было невозможно видѣться съ нимъ.

Вернемся къ 1807 г. Я потерялъ мѣсто у Ландона, который почти окончилъ свое изданіе; такимъ образомъ у меня осталось только жалованье изъ Института; между тѣмъ, на моихъ рукахъ были довольно тяжелыя обязательства, и я, конечно, снова очу-

тился бы въ нищетѣ, ¹⁵⁾ безъ одного изъ моихъ друзей дѣтства, Кенекура изъ Перонны, который помогъ мнѣ выждать болѣе счастливое время. Меня часто обвиняли въ гордости, такъ какъ я нерѣдко отказывался отъ предложеній помощи со стороны многихъ богатыхъ людей. Обвиненіе ошибочно: я просто желалъ быть обязаннымъ только друзьямъ. Когда же мнѣ на долю выпала извѣстная политическая роль, я отказывался отъ услугъ очень почтенныхъ людей, безъ сомнѣнія, искренно расположенныхъ ко мнѣ, лишь потому, что эти друзья сами играли въ оппозиціи такую важную роль, что если бы пѣвецъ принялъ ихъ помощь, его независимость стала бы сомнительной. Но изъ гордости я никогда не оттолкнулъ руки друга, протянутой мнѣ въ несчастіи, иначе я самъ сдѣлался бы недостойнъ чести помогать въ свою очередь несчастнымъ друзьямъ. Слава небу, моя бережливость позволяла мнѣ въ счастливые дни оказывать одолженія друзьямъ, и я никогда не думалъ, что можно краснѣть отъ услугъ, которыя столько же радуютъ человѣка, выведеннаго изъ затрудненія, сколько и того, кто ему помогъ.

Впрочемъ, я не былъ единственнымъ писателемъ той эпохи, которому приходилось доказывать свою независимость путемъ полного безкорыстія. Несмотря на множество клеветъ—такихъ писателей насчитывалось много. Напримѣръ, въ печати часто толковали, будто Тьеръ былъ очень обязанъ Лафитту; наоборотъ, въ то время еще молодой писатель, жившій своимъ трудомъ, часто помогалъ финансисту; суровый Манюэль былъ судьей ихъ отношеній, и мнѣ кажется, что эти отношенія не приносили особенной выгоды Тьеру; [онъ навсегда сохранилъ доброе сердце и чистыя руки. Когда его стали упрекать въ неблагодарности относительно Лафитта, онъ промолчалъ. Это благородное мужество, о которомъ я могу судить по всему, что знаю; я долженъ прибавить еще, что губы Лафитта никогда не произносили такого несправедливаго обвиненія. Напротивъ, онъ вмѣстѣ со мною восхищался поведеніемъ Тьера во многихъ очень серьезныхъ случаяхъ послѣ 1830 г.

Въ этихъ замѣткахъ, которыя я хотѣлъ бы сдѣлать краткими, я постоянно пробѣгаю сверху внизъ и снизу вверхъ лѣстницу моей жизни; одно слово заставляетъ меня перескакивать черезъ десять—пятнадцать лѣтъ, а потомъ пополнять образовавшійся пробѣлъ; на этотъ разъ опять-таки вернемся къ моей молодости и къ нѣсколькимъ изъ ея самыхъ счастливыхъ мгновеній. Это большое удовольствіе для старика.

Частыя поѣздки въ Перонну, гдѣ я видѣлся съ тетужкой и Кенекуромъ, у котораго жилъ, сильно повліяли на развитіе моего таланта пѣсенника. Старые друзья, добрые родственники, между

прочимъ Форже, все приблизительно мои сверстники, собирались, чтобы привѣтствовать и угощать меня. Обѣды и ужины составляютъ единственное развлеченіе маленькихъ городовъ. Какой прекрасный случай представлялся мнѣ вносить веселье за десертъ, который часто кончался только въ полночь. Я почти импровизировалъ мои стихи; многія изъ пѣсенокъ, сложенныхъ въ то время, помѣщены въ мой сборникъ. Пѣсня „Бѣдняки“ относится къ упомянутой эпохѣ: мы далеко не были богачами. Однимъ изъ нашихъ постоянныхъ застольныхъ товарищей былъ тотъ метранпажъ, который когда-то въ типографіи училъ меня набору. Славный Болье—превосходный человѣкъ! Стаканъ вина утѣшалъ его во многихъ печаляхъ и несчастіяхъ, и мы такъ любили его развлекать.

Теперь я достигъ возраста, который греки называли концомъ пира, и мнѣ хочется повторить за моимъ печальнымъ десертомъ нѣкоторыя изъ пѣсенъ времени, полного веселья и дружбы.

Мы назвали наше сборище „монастыремъ безпечныхъ“, и я написалъ на мотивъ „Laetamani“ стихи:

Un couvent va renaître,
Couvent des Sans-Soucis.
Frères, il nous faut être
Douze au plus, au moins six.

Вернувшись въ Перонну въ 1809 г., я такъ привѣтствовалъ нашу общину:

Ave, mes joyeux frères,
Au couvent je reviens
Le monde et ses chimères
Ne plaisent qu'aux vauriens.

Приходилось разставаться часто, вотъ и прощальные куплеты:

Amis, dans nos joyeux ébats
Que tout vain regret s'évapore
Puisque l'on voyage ici bas,
Nous nous rencontrerons encore.

Новый отъѣздъ:

Adieu donc troupe folle,
A profit mettons ce jour.
Au départ le temps vole
Pour avancer le retour.

Я пріѣхалъ въ Перонну въ день S. Jean-Porte-Latine, праздникъ наборщиковъ, и вмѣстѣ съ рабочими отправился съ букетомъ къ старику Ленз, моему бывшему хозяину. Одѣтый въ бумажные беретъ и передникъ, я спѣлъ ему и его женѣ:

Nos bourgeois, ma toilette est faite,
Avec bonnet et tablier;
J'ai, pour chanter à cette fête
Les droits d'un ancien ouvrier.

Эти пѣсенки напоминаютъ мнѣ много счастливыхъ минутъ и говорятъ о друзьяхъ, изъ которыхъ, увы, многіе раньше меня сошли въ могилу. Въ ту эпоху я написалъ много еще гораздо болѣе безумныхъ стихотвореній, которыя надѣлали большого шума въ окрестностяхъ Перонны; одно изъ нихъ чуть было не навлекло на меня большихъ непріятностей.

Въ Пероннѣ существовало, а можетъ быть, еще и теперь существуетъ, общество стрѣлковъ изъ лука. Я былъ въ городѣ, когда эти господа стрѣляли въ сойку—деревянную раскрашенную птицу, насаженную на мачту вышиной футовъ въ пятьдесятъ; они два раза промахнулись. Я по этому поводу наскоро набросалъ что-то вродѣ водевиля, полного эпиграммами, скорѣе злыми, чѣмъ остроумными, по адресу неловкихъ стрѣлковъ. Водевиль сталъ ходить по рукамъ. Это вызвало скандалъ; право, Пироннѣ, сдѣлавшій въ Бонѣ такую же неосторожность, не шумѣлъ больше! Если бы я не поторопился уѣхать изъ Перонны, со мной, навѣрное, случилось бы что-нибудь крайне непріятное. Имѣя дѣло съ министрами, даже съ королями, подвергаешься только риску попасть въ тюрьму или заплатить штрафъ; наши же стрѣлки, повидимому, не желали ограничиться такими бездѣлицами. Однако, добрые уроженцы Пикардіи такъ же быстро успокаиваются, какъ и сердятся; они простили мнѣ мое безуміе и вскорѣ сами стали смѣяться надъ водевилемъ; я снова вернулся пѣть въ городъ, воспоминаніе о которомъ дорого для меня по многимъ причинамъ. Вотъ моя пѣсня по поводу возвращенія:

Dans ces lieux, par mes beaux mots
J'ai des sots aigri la bile;
Puis-je chanter, en repos
Ayant contre moi les sots?

Можетъ быть, читателямъ любопытно взглянуть на другую сторону этой жизни молодого человѣка? Рядомъ съ веселыми застольными пѣснями, изъ которыхъ я теперь не осмѣливаюсь привести самыя легкомысленныя, я, въ минуты меланхоліи, писалъ стихи вродѣ слѣдующихъ:

A u r o r e .

Des jours de mon printemps douce et dernière aurore,
Tu vas fuir sans retour:
Tu fuis, mon printemps passé, et je demande encore
Pourquoi j'ai vu le jour.

Я долго остановился на воспоминаніяхъ молодости, привелъ много цитатъ; вернемся же теперь къ событіямъ моей жизни.

Было рѣшено, что я, наконецъ, получу мѣсто. И вотъ какъ разъ въ то мгновеніе, когда во мнѣ явилась надежда, что я доставлю моему отцу болѣе счастливые дни, я имѣлъ несчастіе по-

терять его; онъ умеръ отъ апоплексическаго удара пятидесяти девяти лѣтъ отъ роду ¹⁶). Вскорѣ послѣ этого моя сестра и сестра моей матери, у которой она работала въ мастерской, обѣ поступили въ монастырь. Я приводилъ разумные доводы, чтобы поколебать рѣшеніе Софи, принятое ею въ двадцать два года. Я боялся, что она хочетъ поступить въ монастырь только вслѣдствіе опасеній когда-нибудь сдѣлаться для меня обузой. Но Софи стояла на своемъ и потомъ радовалась, что выдержала характеръ, также какъ и ея старая тетка. Онѣ нашли въ монастырѣ безопасность и покой, которые міръ врядъ ли далъ бы имъ.

Когда формировался императорскій университетъ, Арно добылъ для меня мѣсто въ его бюро. Онъ представилъ меня Фонтану, сильно обязанному Люсьену Бонапарту. Фонтанъ не обратилъ особеннаго вниманія на рекомендованнаго ему бѣдняка, хотя Арно похвалилъ ему мои литературныя попытки. Сперва мнѣ предоставили на выборъ жалованье въ двѣ или три тысячи франковъ. Невысокое мѣсто экспедитора, какъ извѣстно, не требуетъ большого умственнаго напряженія, потому я рѣшилъ, что оно больше подходитъ для поэта, и выбралъ его. Я поступилъ неумно, такъ такъ, получая три тысячи франковъ, я могъ быть гораздо полезнѣе моимъ близкимъ; но въ то время я еще не научился ставить долгъ выше моихъ влеченій. Де-Фонтанъ, видя, до чего я мало дорожу большимъ жалованіемъ, несмотря на настоянія Арно, не выполнилъ своихъ обѣщаній: онъ далъ мнѣ мѣсто въ тысячу франковъ; должности съ меньшимъ окладомъ не имѣлось. Это мало огорчило меня, хотя я только черезъ восемь или девять лѣтъ путемъ постепенныхъ прибавокъ достигнулъ вознагражденія въ двѣ тысячи франковъ, которое мнѣ было обѣщано сразу. Г-нъ де-Фонтанъ уже давно покинулъ свой постъ, когда меня сдѣлали такимъ богачомъ.

Едва я получилъ занятія, какъ Провидѣніе ниспослало мнѣ новую заботу. Я принялъ ее такъ же покорно, какъ и всѣ остальные, и увидѣлъ въ моей новой обязанности будущее утѣшеніе, но вышло иначе; я безропотно исполняю свой долгъ, не получая за это никакой награды ¹⁷). Странно, я всегда предчувствовалъ, что моя судьба не будетъ опредѣленной, а потому избѣгалъ всякихъ обязательствъ, которыя могли бы отягчать обозъ бѣднаго пилигрима; между тѣмъ, небо давало мнѣ затруднительныя ноши. Меня поддерживала вѣра въ Бога, и я не виноватъ, если близкіе мнѣ люди не умѣли какъ слѣдуетъ пользоваться тѣми лишеніями, которыя я налагалъ на себя, стремясь избавить ихъ отъ рытвинъ и выбоинъ пройденной мною дороги. Я часто печалюсь объ этомъ. Но въ какомъ сердцѣ нѣтъ своей язвы? У каждаго стараго солдата существуетъ на тѣлѣ рана, грозящая снова раскрыться. Въ жизни

меня прельщало только одно счастье (я говорю истинную правду), счастье другихъ, по крайней мѣрѣ, счастье людей, окружавшихъ меня. Мои молитвы далеко не были услышаны.

Несмотря на нѣкоторыя безумія молодости и на шипы, которые нищета навсегда оставляетъ въ ногахъ прошедшихъ черезъ нее, со времени полученія мѣста моя жизнь потекла правильнѣе. Я вышелъ изъ эпохи, особенно критической для людей, интеллектъ которыхъ развивается самъ по себѣ и, такъ сказать, случайно. Въ періодъ между двадцатью шестью и тридцатью годами въ нихъ поднимается борьба между воображеніемъ, усиленнымъ чувственностью, и разумомъ, просвѣщеннымъ начатками опыта; во время этой борьбы расудокъ не всегда торжествуетъ. Каковъ бы ни былъ исходъ ея, поле сраженія остается изрытымъ. Во мнѣ борьба была и мучительна, и продолжительна; порой мнѣ даже казалось, что я сойду съ ума. Наконецъ, разумъ восторжествовалъ: вскорѣ моя душа стала яснѣе; припадки меланхоліи исчезли; я увидѣлъ людей въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, и ко всѣмъ моимъ мыслямъ стала примѣшиваться снисходительность. Съ этихъ поръ моя веселость изъ шумливой и неровной превратилась въ спокойную, постоянную; она покидала меня только въ свѣтѣ, но всегда ожидала моего возвращенія въ моемъ скромномъ жилищѣ или тамъ, гдѣ были мои друзья, часто утѣшая ихъ; это позволяетъ мнѣ сказать, что она не оскорбляла печали.

Въ то же время я употреблялъ всѣ усилія, чтобы усовершенствовать мой стиль. Въ идеяхъ, хорошихъ ли, дурныхъ ли, у меня никогда не бывало недостатка, но я не умѣлъ достаточно хорошо выбирать выраженія. Когда человѣкъ бываетъ самъ своимъ наставникомъ, ему приходится идти долгимъ путемъ. Я приучилъ себя заботливо вынашивать мысль, а когда она являлась на свѣтѣ, стараться показывать ее съ самой выгодной стороны. Наконецъ, я сказалъ себѣ, что у каждаго сюжета должна быть своя грамматика и свой словарь, даже своя особенная манера рѣшовать строки; напримѣръ, все элегическое не требуетъ большой точности рѣшъ. Я привожу всѣ эти подробности только для людей, думающихъ, что хорошій писатель просто бросаетъ наудачу слова на бумагу; для людей, которые не желаютъ придавать цѣны ни размышленію, ни подготовительному чтенію. Если такъ будетъ продолжаться, вы увидите писателей, неумѣющихъ читать. Конечно, существуютъ привилегированные гениі, которымъ все дается безъ труда,—но кто имѣетъ право считать себя гениемъ?

Поправки въ пасторальной поэмѣ—моемъ неоконченномъ наброскѣ—были для меня трудомъ, который открылъ мнѣ множество тайнъ нашего языка. Я писалъ оды и хвалебные гимны, но скоро

я замѣтилъ, что этотъ родъ стихотвореній—экзотическія растенія, перенесенныя на нашу почву и не пустившія во Франціи глубокихъ корней, несмотря на всѣ заслуги нашихъ великихъ лириковъ. Я не осмѣливаюсь сказать, что я рассуждалъ правильно, но мнѣ и до сихъ поръ кажется, что ода въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее пишемъ,—произведеніе съ приподнятымъ тономъ, т. е. почти полное фальши; между тѣмъ ничто до такой степени не противорѣчитъ французскому духу, для котораго простота составляетъ одинъ изъ элементовъ высокаго, что доказываетъ краснорѣчіе Босюэта и лучшіе отрывки изъ Корнеля. Часто приводятъ въ примѣръ Пиндара, котораго, можетъ быть, никто не понимаетъ хорошо; но какая разница между современными поэтами и этимъ греческимъ лирикомъ! Онъ поистинѣ священнодѣйствовалъ, воспѣвая для двадцати братскихъ населеній героевъ, родину и боговъ и декламируя стихи подъ аккомпаниментъ музыки, окруженный вереницами танцующихъ и поющими хорами. Въ наше время поэтъ смотритъ на свое произведеніе глазами посторонняго и хладнокровно перечитываетъ его: это должно внушать ему мысль о необходимости рамокъ для его темъ. Талантъ современнаго писателя можетъ сказываться именно въ выборѣ этихъ рамокъ, а не въ многочисленности волнъ стиховъ, (безъ сомнѣнія, всегда прекрасныхъ, но вызывающихъ мысль о сказочной принцессѣ, ротикъ которой не могъ открываться безъ того, чтобы изъ него не выливались потоки жемчуговъ, рубиновъ и изумрудовъ. Бѣдная принцесса!

Если я впадаю здѣсь въ какую-нибудь литературную ересь, да простятъ мнѣ наши академики, такъ хорошо знающіе латинскій и греческій языки! Какъ бы то ни было, я покинулъ оду и хвалебный гимнъ и сжегъ маленькій высокопарный томикъ, внушавшій мнѣ столько безумныхъ надеждъ. Говорятъ, что ничто не просвѣщаетъ до такой степени разумъ человѣка, какъ пламя рукописей, мужественно брошенныхъ имъ въ печку: слѣдовало бы ожидать, что я буду очень просвѣщенъ. Я знавалъ авторовъ, не истребившихъ ни одного стиха, написаннаго ими. У меня же сохранилось не болѣе четверти моихъ пѣсенъ; однако, теперь чувствую, что ихъ осталось всетаки слишкомъ много.

Основываясь на моихъ словахъ, читатели должны понять, какъ бывало мнѣ неприятно слышать, когда мои пѣсни, въ видѣ похвалы, называли почетнымъ названіемъ одъ. Намъ трудно отрѣшиться отъ аристократіи; касты литературныхъ произведеній еще не перестали царить у насъ, несмотря на могучія старанія романтической школы. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, я долженъ глубоко благодарить ее. Замѣчаніе поэта

(Буало), отказавшагося удѣлить мѣсто баснѣ въ своемъ „Поэтическомъ искусствѣ“,—что „даже въ пѣснѣ нужно нѣкоторое искусство и мысль“,—осталось для многихъ самой лучшей оцѣнкой того рода поэзіи, которому я, наконецъ, посвятилъ все свое время и всѣ заботы. Тѣ изъ моихъ пѣсень, которыя, казалось, принадлежали къ числу болѣе возвышенныхъ стихотвореній, люди называли „одами“, несмотря на то,—что въ дѣйствительности эти два слова синонимы. Я знаю отъ самого Руже-де-Лилия, что онъ сердился, когда его „Марсельезу“ называли пѣсней. Читая эти разсужденія, никто не посмѣетъ упрекнуть меня въ чемъ-нибудь другомъ, кромѣ желанія защищать мои собственные интересы. Но я служилъ пѣснѣ и не боялся подобныхъ упрековъ.

Я подхожу къ 1813 г.; онъ положилъ начало моей извѣстности какъ разъ въ то время, когда я уже примирился съ мыслью навсегда остаться въ тѣни.

Несмотря на другія занятія, я постоянно сочинялъ куплеты. Благодаря нескромности моего отца, многія изъ моихъ пѣсень, сочиненныя только для развлеченія нашего маленькаго дружескаго кружка, появились въ одномъ изъ многочисленныхъ сборниковъ, загромождавшихъ тогда передъ Новымъ годомъ книжныя лавки. Стихи прошли незамѣченными, да и не заслуживали лучшей участи. Наконецъ, рукописи пѣсень: „Сенаторъ“, „Какъ яблочко румянь“, „Вѣдняки“ и „Король Ивето“ познакомили любителей пѣсень съ моимъ именемъ. Нѣкоторыя изъ стихотвореній были напечатаны; „Король Ивето“, существовавшій только въ рукописи, заслужилъ особенное вниманіе. Во время императорскаго правительства критика вела себя очень сдержанно: молчаніе было закономъ, но „Королю Ивето“ посчастливилось—онъ обратилъ на себя вниманіе полиціи. Звучный обработанный стихъ, полнота рѣчъ не помѣшали сначала приписать эту пѣсню одному изъ лицъ, занимавшихъ высокое положеніе въ свѣтѣ, и это заставило меня рѣшиться попросить моихъ друзей, главное же Арно, открыть имя автора тѣмъ, которые, какъ говорили, получили миссію узнать его фамилію. Много разъ повторяли, что пѣсня „Какъ яблочко румянь“ навлекла на меня преслѣдованіе; это неправда, а между тѣмъ, я думаю, что императоръ видѣлъ ее.

Многія изъ моихъ веселыхъ пѣсень тоже ходили по свѣту; онѣ имѣли тѣмъ болѣе успѣха, что походили на пѣсни Колле, которыя Оже, королевскій цензоръ, велѣлъ вторично напечатать въ началѣ Реставраціи. Мои пѣсни были написаны не для печати, но друзья, для которыхъ онѣ только и предназначались, нашли возможнымъ списать ихъ во многихъ экземплярахъ и распространить въ рукописяхъ. Къ счастью, эти стихи не были изображе-

ниемъ ни ихъ жизни, ни моей; однако, сознаюсь: мои принципы не вполне согласовались съ нравственными правилами высшаго общества, отворившаго передо мною двери многихъ своихъ салоновъ. Я могъ относиться съ презрѣнiемъ къ лицемѣрiю нѣкоторыхъ свѣтскихъ законовъ, благодаря моему возрасту, опредѣленнымъ мнѣнiямъ и характеру, закаленному несчастьемъ. Это избавило меня отъ опасности, которой нерѣдко подвергается молодой талантъ, попавшiй въ высшiе слои, гдѣ слишкомъ часто развиваются его сила и оригинальность. Сколько благородныхъ мыслей, великодушныхъ намѣренiй гибнетъ отъ дѣйствiя атмосферы залъ, управляемыхъ роскошью и модой. Не думайте, что люди, влекущiе васъ въ свои дворцы или принимающiе васъ въ свѣтскихъ салонахъ, дѣйствуютъ коварно; ихъ благосклонность не подозрѣваетъ зла, которое она вамъ причинить. Не позволяйте удерживать васъ въ позолоченныхъ гостинныхъ: онѣ скоро отдѣлятъ васъ отъ вашихъ друзей дѣтства и юности, не успѣвшихъ овладѣть славой; между тѣмъ, эти товарищи, безъ сомнѣнiя, дали вамъ вашу первоначальную силу. Обладая опытомъ, я крѣпко держался за мою колыбель и за моихъ старыхъ друзей. Сколько разъ послѣ роскошныхъ банкетовъ, за которыми я сидѣлъ съ новыми знакомыми, я на слѣдующiй день обѣдалъ гдѣ-нибудь въ задней комнатѣ лавочки или въ мансардѣ, чтобы освѣжиться среди товарищей нищеты. Если бы я дѣлалъ это только для того, чтобы не разучиться говорить свободно, я и тогда поступалъ бы благо-разумно. Такимъ путемъ я не оставался чуждымъ низшимъ классамъ, для которыхъ долженъ былъ пѣть и улучшенiю которыхъ горячо желалъ содѣйствовать.

Правда, богатое общество задушило гораздо больше генiевъ, нежели вскормило; между тѣмъ, оно необходимо для нѣкоторыхъ умовъ. Знакомство съ нимъ представляло для меня нѣчто вродѣ путешествiя или кругосвѣтнаго плаванiя. Когда я завершилъ это кругосвѣтное плаванiе, мнѣ минуло больше пятидесяти лѣтъ; я покинулъ богатый кругъ безъ сожалѣнiя, хотя, сознаюсь, пребыванiе въ немъ принесло мнѣ и удовольствiе, и пользу; дѣйствительно, оно дало мнѣ превосходныхъ друзей и счастливыя воспоминанiя. Также благодаря знакомству съ высшимъ кругомъ я узналъ, что въ богатыхъ слояхъ общества столько же благородныхъ и добрыхъ сердецъ, сколько и въ другихъ классахъ; къ несчастью, вверху доброта слишкомъ часто бываетъ рабой праздности, требованiй роскоши и фальшивыхъ идей, которыя всегда гнѣздятся въ обособленныхъ кружкахъ.

Въ 1813 г. въ Парижѣ существовалъ основанный за много лѣтъ передъ тѣмъ кружокъ авторовъ пьесъ и литераторовъ; онъ

назывался „Погребокъ“ (Caveau) въ память „Погребка“, прославленнаго Пирономъ, Панаромъ, Колле, Галле и Кребильонами, отцомъ и сыномъ¹⁸). Послѣ смерти стараго Ложона быть председателемъ этого общества попросили Дезожье, пѣсни котораго такъ странно противорѣчили тогда несчастіямъ, грозившимъ Франціи. Я никогда не любилъ литературныхъ обществъ, и мысль сдѣлаться членомъ этого кружка не могла зародиться во мнѣ; случайность сдѣлала меня участникомъ „Погребка“. Дезожье увидалъ какъ-то мои куплеты и захотѣлъ познакомиться со мной. Безъ моего вѣдома Арно и графъ Реньоде-Сенъ-Жапъ д'Анжели устроили обѣдъ у Сюше, и Арно, опасавшійся моей дикости, отвелъ меня въ домъ маршала, увѣряя, будто онъ ведетъ меня въ ресторанъ. Тамъ ждалъ насъ Дезожье¹⁹).

Мы скоро сошлись съ нимъ, и еще раньше десерта председатель „Погребка“ уже говорилъ мнѣ „ты“. Моя прирожденная сдержанность, можетъ быть, оскорбилась бы, если бы передо мною былъ другой человекъ; но я привыкъ судить о людяхъ съ перваго взгляда, а это только послужило къ выгодѣ превосходнаго человека съ такимъ веселымъ лицомъ. Я сразу увлекся имъ, и когда онъ сталъ настойчиво просить меня, по крайней мѣрѣ, разъ въ мѣсяцъ обѣдать въ „Погребкѣ“ съ его коллегами, которыхъ я зналъ только по именамъ, я не могъ отказаться. Въ назначенный день я явился въ „Погребокъ“ и спѣлъ тамъ много пѣсней. Повидимому, всѣ были удивлены, что я, богатый подобными произведеніями, и не думалъ печатать ихъ. „Ему необходимо сдѣлаться нашимъ!“, былъ общій крикъ. Согласно правиламъ „Погребка“, воспрещавшимъ избирать присутствующихъ кандидатовъ, меня спрятали за дверью съ бисквитомъ и бокаломъ шампанскаго въ рукахъ. Стоя въ сосѣдней комнатѣ, я импровизировалъ нѣсколько куплетовъ въ благодарность за единогласное избраніе, которымъ меня почтили. Послѣдовали веселые тосты, и мы всѣ поцѣловались другъ съ другомъ.

Старый кавалеръ де-Пии²⁰), членъ „Погребка“, не бывшій на этомъ обѣдѣ, протестовалъ противъ моего избранія; маленькая слава тоже вызываетъ извѣстную зависть; не потому ли даже небольшіе успѣхи, наполняютъ насъ такою же гордостью, какъ и значительныя? Пии обладалъ истиннымъ талантомъ и большимъ умомъ, но по характеру совершенно не походилъ на добраго Дезожье; теряя славу, онъ обвинялъ въ этомъ зарождающуюся извѣстность другихъ писателей—довольно обыкновенное заблужденіе инвалидовъ литературы! Когда позже появилась моя пѣсня „Господь Богъ“, онъ написалъ на нее отвѣтъ въ официальной газетѣ и поднесъ ее Людовику XVIII. Этотъ король, обладавшій хорошею памятью,

вѣроятно, много смѣялся при видѣ новаго отреченія бывшаго слуги графа Артуа, несмотря на это воспѣвавшаго всѣ мѣры революціонной власти, колокольный звонъ и добродѣтели Марата. Объединившій во время Реставраціи, Пии старался получить пенсіонъ, котораго, къ несчастію, не добился. Онъ не былъ злымъ человѣкомъ, и если когда-нибудь злоупотребилъ властью, которую ему во время Имперіи давало его мѣсто главнаго секретаря полицейской префектуры, то лишь въ тотъ день, когда онъ разослалъ многимъ лицамъ сборникъ своихъ произведеній. Кто рѣшился бы отказаться отъ книгъ и не заплатить за восемь томовъ in-octavo? Онъ поручилъ жандармамъ разносить свое сочиненіе по домамъ. Пожалѣемъ автора, принужденнаго обращаться къ подобнымъ приказчикамъ, въ особенности, если у него было довольно блестящее прошлое!

Несмотря на мою нелюбовь къ болѣе или менѣе литературнымъ сборищамъ, меня глубоко тронули благосклонность и привѣтствія „Погребка“. Съ этого дня моя репутація, какъ автора пѣсень, разошлась по Парижу и по всей Франціи. Тѣмъ не менѣе, я скоро замѣтилъ, до чего мнѣ неудобно быть членомъ кружка людей, которые вели жизнь, такъ сильно противорѣчившую моимъ привычкамъ; неудобства этого не могли уравновѣсить литературныя достоинства и личные качества многихъ изъ членовъ „Погребка“. Театральные интересы и духъ подмостокъ господствовали въ ихъ разговорахъ, не всегда лишенныхъ горечи, порождаемой соперничествомъ. Я любилъ обѣды за ту откровенность, которую они вызываютъ, за тѣ остроумныя глупости, которыя говорятся во время ихъ, но я всегда жаждалъ въ застольной бесѣдѣ примѣси философіи, главное же, отклика чувства привязанности между сидящими за столомъ. Въ современномъ „Погребкѣ“ этого не замѣчалось. Старинный „Погребокъ“, восхваленный нашими отцами, безъ сомнѣнія, не былъ лучше въ этомъ отношеніи. Общества, заявляющія притязанія на веселье, рѣдко бываютъ веселы.

Арманъ Гуффе²¹⁾, который такъ долго отыскивалъ меня, предсѣдательствовалъ въ „Погребкѣ“, но покинулъ его, какъ говорятъ, изъ зависти къ успѣхамъ Дезожье, приведеннаго имъ же самимъ. Конечно, не онъ могъ бы оживить это сборище; тѣмъ не менѣе, Гуффе все же принадлежалъ къ числу самыхъ остроумныхъ и умѣлыхъ творцовъ куплетовъ. Можетъ быть, его стихи, какъ и стихи Панара въ томъ же родѣ, нельзя назвать настоящими пѣснями. Они писали скорѣе водевили, полные куплетами, связанными между собою только при помощи какой-нибудь поговорки или припѣва. Въ этомъ родѣ произведеній—Гуффе первенствовалъ; онъ также заботился о правильности стиха и о рѣимѣ, на что

послѣ вѣка Людовика XIV такъ мало обращали вниманія. Странно, что именно пѣсенники (я также очень рано сталъ подбирать точныя рѣшѣнія) во Франціи вернули значеніе рѣшѣн. Новая школа, конечно, не нуждалась въ этомъ примѣрѣ, тѣмъ не менѣе, она созналась, что я опередилъ ее въ одной изъ ея самыхъ важныхъ реформъ.

Когда наступило время послѣднихъ конвульсій Имперіи и Ста дней, разногласіе мнѣній посѣяло въ нашемъ обществѣ недоразумѣнія (также какъ и во всей Франціи), и мой патріотизмъ не могъ долго выносить то, что я видѣлъ и слышалъ за нашими обѣдами. Итакъ, я покинулъ „Погребокъ“; впрочемъ, для того, чтобы я разошелся съ кружкомъ, было бы довольно маленькаго приключенія, которое я разскажу.

Однажды я получилъ письмо отъ Балена, знаменитаго ресторатора „Rocher du Cancale“, съ приглашеніемъ на семейный обѣдъ; думая, что онъ такимъ образомъ хочетъ меня поблагодарить за ту заботливость, съ которой я, въ качествѣ секретаря „Погребка“, расплачивался съ нимъ, я явился въ назначенное время. Меня провели въ одинъ изъ отдѣльныхъ кабинетовъ, и тамъ я встрѣтилъ Дезожье, Жентилиа и еще многихъ незнакомыхъ мнѣ лицъ. Видя, что за столъ садятся, не дожидаясь Балена, я возымѣлъ нѣкоторыя подозрѣнія, всталъ изъ-за стола, поспѣшилъ къ амфиатріону и замѣтилъ ему, что если онъ не сядетъ на свое мѣсто, я уйду. Ему волей-неволей пришлось бросить плиту и сѣсть за столъ, что вызвало улыбку Дезожье. Когда обѣдъ окончился, онъ поспѣшилъ объяснить мнѣ обычай ресторана. За нѣсколько дней до обѣда общество заказывало обѣдъ и обозначало на меню имена тѣхъ членовъ „Погребка“, которыхъ оно желало видѣть за столомъ, словомъ, заказывало ихъ такъ, какъ заказываютъ индюшку, начиненную трюфелями, или рѣдкую рыбу. Направленіе нашего таланта, составлявшаго какъ бы застольное развлеченіе, унижало даже самыхъ порядочныхъ изъ насъ. Дезожье, я увѣренъ, дѣйствительно только изъ подражанія посмѣялся, какъ онъ сказалъ, надъ моимъ жеманствомъ.

— Если бы ты зналъ, — говорилъ онъ, — сколько членовъ нашего кружка жалуется на то, что ихъ недостаточно часто приглашаютъ! Ты неблагодарный! вмѣсто тебя Балень могъ насъ угощать менѣе острымъ кушаньемъ; повѣрь, многіе изъ нашихъ братьевъ упрекнутъ его за то, что онъ избралъ тебя.

Наконецъ, я сталъ смѣяться надъ приключеніемъ; тѣмъ не менѣе, оно послужило для меня хорошимъ урокомъ, а также и для Балена; больше онъ уже не рѣшался угощать мною своихъ посѣтителей.

Увы, вскорѣ мнѣ пришлось разойтись съ Дезожье, хотя я не

только восхищался его талантомъ, но и любилъ его, какъ человѣка. Онъ былъ слишкомъ слабъ и потому, благодаря благосклонности министра, сдѣлавшись директоромъ „Водевила“, вскорѣ превратился въ игрушку интригановъ, окружившихъ его; въ ихъ рукахъ онъ сталъ выказывать политическій фанатизмъ, плохо отвѣчавшій его беззаботности и природной добротѣ. Умъ Дезожье не соответствовалъ подобнымъ заботамъ. Его ролялизмъ не разлучилъ его со мною, и я съ искреннимъ удовольствіемъ отпраздновалъ его вступленіе въ должность директора; но когда онъ въ пѣснѣ по поводу „Германика“ напалъ на людей, съ которыми во время Имперіи былъ друженъ, я, несмотря на искреннее сожалѣніе, пересталъ видаться съ нимъ; мнѣ слѣдуетъ сознаться, что впоследствии, во время нашихъ мимолетныхъ встрѣчъ, онъ всегда выказывалъ сожалѣніе объ этомъ. Его хотѣли увѣрить, что моя пѣсня „Паяцъ“ была направлена противъ него; онъ написалъ на нее довольно слабый отвѣтъ; потомъ, однажды встрѣтившись со мною въ своемъ театрѣ, сказалъ мнѣ: „Нѣтъ, ты писалъ не про меня; я не былъ двуличенъ во время Ста Дней“. Въ эту эпоху его заставили сдѣлать гораздо худшее: его уговорили оскорбить несчастіе Франціи пѣсней подъ заглавіемъ: „Règne d'un terme ou le Terme d'un règne“.

Дѣйствительно, когда я писалъ „Паяца“, я не думалъ о Дезожье. Я всегда нападалъ только на людей, стоявшихъ высоко и способныхъ отомстить. Я постыдился бы бороться съ моими братьями, которые неосторожно вступали на дорогу отреченій, въ особенности же съ людьми, внушавшими мнѣ чувство уваженія или благодарности. Когда Людовикъ XVIII подарилъ Дезожье серебряную миску, появилась пѣсня, каждый куплетъ которой былъ горькой и очень остроумной эпиграммой на него. Я узналъ, что мнѣ приписываютъ эти куплеты (мнѣ приписывались всякіе стихи), и написалъ ему, что я недавно прочелъ упомянутую сатирическую пѣсню. Вотъ его отвѣтъ:

„Хотя эти куплеты очень талантливы и остроумны, но они сказаны недобрымъ сердцемъ; поэтому я и не думалъ, что ихъ написалъ ты. Я скажу тебѣ имя автора, если ты еще не угадалъ его“.

Мнѣ пріятно вспоминать о моихъ отношеніяхъ съ этимъ милымъ человѣкомъ; и я всегда жалѣлъ, что мнѣ пришлось порвать съ нимъ дружбу, которая, можетъ быть, не была бы бесполезна для него. Дезожье, такой веселый въ обществѣ, въ особенности же за обѣдами и ужинами, за которыми онъ дѣйствительно царилъ, не могъ выносить одиночество. Этимъ объясняется, почему люди такъ легко подчиняли его своему вліянію.

— Какъ ты можешь оставаться одинъ?—однажды сказалъ онъ

мнѣ.—Въ одиночествѣ я умеръ бы отъ скуки и истощенія! Меня называютъ веселымъ Дезожье, а, въ сущности, во мнѣ много печали.

Жентиль, одинъ изъ друзей его дѣтства, подтвердилъ мнѣ справедливость этихъ словъ. Если дѣйствительно веселость Дезожье была только ролью, которую онъ игралъ для своего развлечения, можно съ увѣренностью сказать, что въ мірѣ не существовало лучшаго актера, чѣмъ онъ.

Мнѣ не хотѣлось бы разсуждать здѣсь о политикѣ; въ другомъ мѣстѣ я уже говорилъ о тяжеломъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня двумя вторженіями во Францію. Если мои пѣсни переживутъ меня, онѣ достаточно хорошо покажутъ это.

Однако, такъ какъ то, что происходитъ на улицѣ, часто служитъ точкой отравленія для пѣсенника, я приведу здѣсь нѣсколько фактовъ, которые видѣлъ самъ или о которыхъ слышалъ отъ правдивыхъ свидѣтелей. Исторія слишкомъ пренебрегаетъ мелкими подробностями; тотъ, кто передаетъ, повидимому, незначительныя событія, оказываетъ ей услугу: она можетъ въ нихъ найти выраженіе мысли толпы, которую, повидимому, слишкомъ презираетъ. Для изображенія извѣстной эпохи историка обыкновенно берутъ нѣсколько фигуръ, освѣщаютъ и гримируютъ ихъ по собственной фантазіи,—это дурная привычка.

Въ 1814 г. я жилъ близъ заставы Rochecouart, которую 30-го марта привѣтствовали гранаты. Я зналъ, что о защитѣ думали мало, и потому рѣшилъ, что въ теченіе дня въ мою комнату могутъ нахлынуть враги. Она представляла собою почти военную позицію. Изъ моего окна взглядъ парилъ надъ Парижемъ и его окрестностями.

Послѣ канонады, встрѣтившей серьезную оппозицію только со стороны Менильмонтана, гдѣ жаркій бой длился долго и гдѣ геройски дрались ученики Политехнической школы и Сень-Сирскаго училища, я около пяти часовъ увидѣлъ на Монмартрскомъ холмѣ кавалерійскую колонну, которая шла со стороны Клиши. Это были гусары; они поднимались медленно. Наши или чужіе? Когда они достигли мельницъ, я съ помощью подзорной трубы сталъ слѣдить за каждымъ ихъ шагомъ, испытывая болѣзненную тревогу; головы ихъ лошадей повернулись къ Парижу. Боже мой, это были враги! Они завладѣли плохо защищенными высотами. Вскорѣ замолкли ружейные выстрѣлы и грохотъ артиллеріи; мой ужасъ еще увеличился, и я быстро выбѣжалъ на улицу, чтобы узнать что-нибудь. Лавируя между ранеными, которыхъ везли въ фургонахъ, возвращавшихся въ беспорядкѣ, я пробѣжалъ до бульвара, и тамъ мое печальное предчувствіе осуществилось: я узналъ, что капитуля-

цію подписали адъютанты герцога Рагузскаго. Этотъ маршалъ давно уже поддался вліянію бурбонскихъ заговорщиковъ (я это знаю навѣрно) и послѣ боя, во время котораго онъ велъ себя превосходно, осмѣлился дать сигналъ къ отступленію.

Толпа рабочихъ, собравшихся сзади оборонительной линіи, которую я пытался разсмотрѣть утромъ, весь день ждала появленія императора, бывшаго на разстояніи всего нѣсколькихъ льѣ; онъ думалъ увидѣть картину побѣды! Если вдали на равнинѣ показывался генераль на бѣломъ конѣ и въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, толпа начинала кричать: „Вотъ онъ, вотъ онъ!“ даже не подозрѣвая, что Парижу можетъ грозить серьезная опасность. Когда возвѣстили о сдачѣ столицы, стоило посмотрѣть, въ какое изумленіе и ярость пришла толпа, которая любитъ бой, и весь день не переставала просить оружія, предусмотрительно не выданнаго ей. Я также напрасно просилъ ружье.

Мнѣ всегда казалось, что въ этотъ день я былъ бы храбрымъ. Во всякомъ случаѣ я, конечно, не сдѣлалъ бы многого: не уступилъ бы коварнымъ уговорамъ, не протянулъ бы руки врагу нашей родины, не подписалъ бы капитуляціи. Ее можно было отсрочить, по крайней мѣрѣ, дня на два, отказавъ впустить вражескую армію, которая была слишкомъ слаба, чтобы броситься приступомъ на такой многлюдный городъ. Вотъ чего меня не заставили бы сдѣлать, хотя бы мнѣ грозили самой жестокой смертью! Но начальствующіе удовлетворили требованія тактики и стратегіи; пушки выпустили столько выстрѣловъ, сколько полагалось. Народъ считали ничѣмъ; военная честь была удовлетворена, и люди, знаменитые своей храбростью, безъ колебаній согласились на сдачу столицы, т. е. на рабство своей родины.

Я уже не могъ сомнѣваться въ капитуляціи и провелъ печальную ночь въ моемъ скромномъ жилищѣ, бывшемъ такъ близко отъ непріятельскаго лагеря. Всѣ солдаты, изъ которыхъ нѣкоторые, можетъ быть, видѣли великую китайскую стѣну, казалось, замѣнили отдыхъ радостью триумфа. До самаго разсвѣта слышался шумъ странныхъ пѣсенъ и гулъ дикихъ криковъ, которые перемѣшивались съ трубнымъ звукомъ нѣмцевъ, казаковъ и башкиръ. Я видѣлъ, что они, къ нашему стыду, иллюминировали Монмартръ, холмъ, на которомъ я такъ часто мечталъ при послѣднихъ лучахъ великолѣпнаго заката, въ виду Парижа, разстилавшагося у моихъ ногъ.

Рано утромъ я вышелъ, чтобы узнать что-нибудь, и изъ наклеенныхъ въ теченіе ночи прокламацій увидѣлъ, что не осталось никакой надежды и что черезъ нѣсколько часовъ войдутъ тѣ, которыхъ съ этихъ поръ стали называть „союзниками“. Мелкіе печатные, никѣмъ не подписанные листки расходились въ толпѣ и пригла-

шали ее сопротивляться. Напрасные протесты! Императоръ до такой степени приучилъ народъ вѣрить только въ него, что лишь его голосъ могъ въ ту минуту разсѣять колебанія, приподнять всеобщее мужество и, главное, придать душамъ полезное направленіе. Вполнѣ убѣдившись въ нашемъ несчастіи, я рѣшилъ пройти къ себѣ, чтобы не видѣть зрѣлища, которое должно было опозорить Парижъ. Каково же было мое изумленіе при видѣ множества бѣлыхъ кокардъ посреди группъ, выстроившихся вдоль бульвара. Какой-то пьяный подлѣ меня даже закричалъ: „Да здравствуютъ Бурбоны!“ Топа, казалось, не понимала значенія ролястическихъ демонстрацій, хотя блестящая кавалькада, во главѣ которой стояли Дюкло ²²), Мобрейли ²³), герцоги маркизы, старинные графы и нѣкоторые интриганы, послѣдившіе къ нимъ на помощь, изъ желанія получить свою часть добычи, уже сдѣлала подобную демонстрацію въ гораздо болѣе широкомъ размѣрѣ.

Всѣмъ извѣстно, что входъ въ Парижъ русскихъ и нѣмцевъ сопровождался такой любезностью, какую не часто выказываютъ побѣдители. Казалось, наши враги явились съ обнаженными головами въ городъ Хлодвигъ св. Людовика, Генриха IV, Людовика XIV и Наполеона, въ городъ конституціоннаго собранія и Конвента, туда, гдѣ вотъ уже много вѣковъ вырабатывается великое дѣло европейской демократіи. Конечно, побѣдители вспоминали, чѣмъ была обязана намъ цивилизація ихъ народовъ и духъ ихъ дворовъ. Почти всѣ офицеры многочисленной арміи говорили на языкѣ побѣжденныхъ; казалось даже, что они говорятъ только на немъ; они употребляли свой родной языкъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходилось подавлять грубость нѣкоторыхъ своихъ солдатъ, которую, впрочемъ, тѣ выказывали очень рѣдко.

Съ высоты балконовъ тысяча или тысяча двѣсти приверженцевъ Бурбоновъ (меня увѣряютъ, что я увеличилъ цифру вдвое), мужчины и женщины, дворяне или люди, желавшіе приобрѣсти дворянство, отвѣчали вѣжливостью на вѣжливость побѣдителей; многіе изъ нихъ даже бросались на колѣни передъ предводителями и цѣловали ихъ запыленные сапоги. Бѣлые платки, клики энтузіазма, громкія благословія привѣтствовали армію, удивленную такой триумфальной встрѣчей. Такимъ образомъ низкое стадо французовъ попирало ногами трофей нашихъ послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ славы передъ иностранцами, которые своимъ поведеніемъ такъ ясно доказывали, что они хранили глубокое воспоминаніе о нашемъ блестящемъ прошломъ.

Рабочій классъ, охваченный патріотическимъ негодованіемъ, долгое время не могъ дать себѣ отчета въ такой неожиданной перемѣнѣ. Такъ какъ труженики больше всего нуждались въ мирѣ,

только это слово могло вызвать въ нихъ благопріятное отношеніе къ строю, который готовилъ для насъ де-Талейранъ. Этотъ ловкій человѣкъ, также какъ Императоръ Александръ, обратился къ старшей линіи Бурбоновъ лишь для того, чтобы не имѣть больше дѣла съ Наполеономъ.

Читатели сами увидятъ, какъ были несходны чувства народа и чувства роялистовъ, новыхъ или старыхъ, по двумъ фактамъ, которые я самъ видѣлъ.

На слѣдующій день послѣ вступленія иностранцевъ въ Парижъ около ста нашихъ солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ въ стѣнахъ города, проходили съ нѣмецкимъ отрядомъ по улицамъ, населеннымъ рабочими. Рабочіе, увидавъ французовъ, покрытыхъ ранами и грязью, сперва рѣшили, что ихъ ведутъ въ госпитали, но узнавъ, что ихъ влекутъ во вражескій главный штабъ, расположенный на Елисейскихъ Поляхъ, толпа разразилась криками и собиралась броситься на нѣмцевъ, чтобы освободить нашихъ защитниковъ; но въ это время, отчасти случайно, отчасти въ силу благоразумной осторожности, начальники отряда повернули на бульваръ, гдѣ было много горячихъ роялистовъ. Я тоже былъ на бульварѣ; при видѣ плѣнныхъ, больныхъ и изувѣченныхъ, въ группѣ сторонниковъ Бурбоновъ раздались крики; нарядные господа и важныя дамы подбѣжали къ окнамъ, чтобы привѣтствовать иностранныхъ солдатъ. Они не только оскорбили отечество, но и растоптали достоинство человѣчества.

Не менѣ позорное, зато менѣ печальное зрѣлище я видѣлъ на Вандомской площади. Тамъ многіе роялисты, о которыхъ я только-что говорилъ, силились стащить съ высоты колонны статую императора, цоколь которой нарочно распатали. Люди и лошади, запряженные въ длинныя веревки, тащили эту большую фигуру; но хотя вожаки партіи желали, чтобы она упала на мостовую площади, она не колебалась. Несмотря на ужасъ, еще парализовавшей толпу, сознание оскорбленія, наносимаго солдату Революціи, вызвало сперва глухой ропотъ, потомъ громкіе взрывы смѣха, раздававшіеся при каждомъ бесполезномъ усиліи новыхъ икоборцевъ. Имъ пришлось уйти прочь, не довершивъ дѣла разрушенія.

Не думаю, чтобы читатели заключили изъ сказаннаго мною, что рѣшительно всѣ богачи Парижа, легитимисты и дворяне, вели себя подобнымъ образомъ. И въ богатыхъ отеляхъ крылся свой патріотизмъ: у каждой партіи не было недостатка въ добродѣтеляхъ.

Замѣчательная вещь: сдача Парижа ничуть не нарушила строя жизни его обитателей. Утромъ въ день сдачи по обыкновенію расклеили театральныя афиши, и если вечеромъ представленія не состоялись,

то, право, мнѣ кажется, только потому, что и актеры, и публика желали видѣть и знать, что произойдетъ дальше. Вступленіе иностранцевъ представляло развлеченіе, и смотрѣть на чужія войска побѣждали многіе люди, въ патриотизмъ которыхъ нельзя было сомнѣваться болѣе, нежели въ моей любви къ родинѣ. Если ихъ упрекали за это, они отвѣчали: „Что мы могли сдѣлать? Зачѣмъ императоръ не явился во-время? Зачѣмъ Марія-Луиза и Жозефъ покинули насъ?“.

Вообще, если бы императоръ могъ тогда читать въ умахъ людей, онъ, конечно, созналъ бы свою самую большую ошибку, одну изъ тѣхъ ошибокъ, которыя порождалъ характеръ его генія. Онъ заткнулъ ротъ прессы, отнялъ у народа возможность свободно вмѣшиваться въ общественныя дѣла и такимъ образомъ задушилъ лучшіе принципы, привитые намъ; въ результатѣ явилось полное оцѣпенѣніе самыхъ естественныхъ чувствъ. Удачи Наполеона долгое время замѣняли патриотизмъ, но такъ какъ императоръ поглотилъ всю націю, нація упала вмѣстѣ съ нимъ; въ нашемъ паденіи мы были только тѣмъ, что онъ сдѣлалъ изъ насъ. Однако, скажемъ къ его похвалѣ, что желаніе биться до послѣдняго патрона и легкость, съ которой онъ подписалъ отреченіе, доказали, что въ торжественную минуту онъ явился единственнымъ патриотомъ (о народѣ я не говорю). Единственнымъ? Нѣтъ, былъ еще другой, одинъ изъ нашихъ старинныхъ предводителей, искусный полководецъ, старый безкорыстный республиканецъ, забытый изгнанникъ, котораго Наполеонъ слишкомъ поздно оцѣнилъ и который, видя Францію въ опасности, забылъ о своемъ справедливомъ гнѣвѣ и даже о своихъ взглядахъ, что составляетъ высшій долгъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Безполезно говорить, что я вспоминаю о знаменитомъ Карно; онъ пожелалъ идти сражаться и спасъ отъ разрушенія Антверпенъ въ то время, какъ мы, сложивъ руки, позволили отдать непріятелю нашу столицу, подъ стѣны которой спѣшилъ Наполеонъ, чтобы раздавить враговъ.

Говоря о своей юности, я упомянулъ, что и въ шестьдесятъ лѣтъ я сохранилъ весь жаръ моего патриотизма. Можетъ быть, читатели найдутъ, что я слишкомъ ясно доказалъ это, говоря о приведенныхъ выше событіяхъ. Я слышалъ, какъ главы философскихъ школъ, богатые банкиры, коммерсанты, салонныя политики проповѣдуютъ полнѣйшій космополитизмъ. Я не порицаю ихъ чувства, — я самъ раздѣляю его; но они ошибаются эпохой.

Когда нація желаетъ провести принципъ, въ особенности принципъ демократическій, когда она при томъ занимаетъ наше географическое положеніе, она даже, надѣясь завоевать симпатію просвѣщенныхъ людей всѣхъ смежныхъ съ нею государствъ, создаетъ

себѣ явныхъ или тайныхъ враговъ въ лицѣ сосѣднихъ правительствъ, въ особенности управляемыхъ мощной аристократіей.

Въ этомъ случаѣ горе націи, если потухнетъ ея патриотизмъ, составляющій наибольшую ея силу. Ея сыны должны толпиться кругомъ родного знамени во имя принципа, который она обязана заставить восторжествовать на пользу другимъ племенамъ. Только когда всѣ другія націи завоюютъ наши права, можно заглушить соперничество самолюбій и антипатію, внушенную природой. Какъ, мы, французы, не будемъ питать того патриотизма, который англичане доводятъ до дерзости и жестокости, во имя выгодной продажи чая, индиго или хлопка!

Да будетъ любовь къ родинѣ нашей первой добродѣтелью; я въ особенности обращаю этотъ совѣтъ къ нашимъ литераторамъ, которые могутъ проповѣдывать указанную добродѣтель лучше всѣхъ другихъ. Нужно ли мнѣ напомнить, что мой старый патриотизмъ никогда не мѣшалъ мнѣ стремиться поддерживать уваженіе къ правамъ человѣчества и къ почтенному сохраненію мира, который гораздо болѣе, чѣмъ побѣда, упрочиваетъ развитіе нашихъ принциповъ. Когда скрещиваются штыки, не остается мѣста для мысли.

Въѣздъ Людовика XVIII, который я видѣлъ, вызвалъ странное, смѣшанное настроеніе. Могъ ли энтузіазмъ охватить массу, не знавшую, кто эти люди, вернушіеся въ Парижъ? Безъ всякаго сомнѣнія, изъ пятидесяти зрителей только одинъ могъ бы точно опредѣлить степень родства высокихъ особъ, въѣхавшихъ въ столицу съ Людовикомъ XVI. Король, котораго многіе представляли себѣ чуть ли не въ юбкѣ, потому что заблужденія и злѣба рисовали его такимъ, несмотря на свои болѣзни, оказался человѣкомъ съ привѣтливымъ и полнымъ достоинства лицомъ; оно понравилось большинству. Во время подобныхъ церемоній старики почти всегда производятъ выгодное впечатлѣніе. Мы, люди толпы, едва успѣли рассмотреть второстепенныхъ лицъ; въ этой процессіи, которая глазамъ, привыкшимъ къ роскоши наполеоновскихъ праздниковъ, казалась такой старинно-жалкой, общіе привѣтственные клики вызвало лишь появленіе части императорской гвардіи, которую заставили идти сзади каретъ новаго или, если вамъ угодно, стараго двора. При видѣ мужественныхъ фигуръ и лицъ, изборожденныхъ столькими рубцами, покрытыхъ загаромъ столькихъ различныхъ климатовъ, въ ту минуту такихъ печальныхъ и суровыхъ, стыдившихся навязанныхъ имъ бѣлыхъ кокардъ, со всѣхъ сторонъ раздалось: „Да здравствуетъ императорская гвардія!“ Даже кричавшіе недавно: „Да здравствуетъ король!“ присоединили свои голоса къ имперіалистическимъ крикамъ, звучавшимъ, какъ странный контрастъ, и, вѣроятно, испугавшимъ слухъ новыхъ власти-

телей. Послѣ такого приѣма старыя храбрецы съ большей гордостью подняли головы и въ отвѣтъ на привѣтствіе отвѣтили крикомъ: „Да здравствуетъ національная гвардія!“ Оба восклицанія смѣшивались и звучали во все время шествія, несмотря на дисциплину, которая запрещаетъ говорить подъ оружіемъ. Тогда же можно было предсказать возвращеніе съ острова Эльбы.

Несмотря на смѣшное прозвище „Желанный“, данное Людовику XVIII, котораго больше двадцати пяти лѣтъ не впускали во Францію, изо всей этой семьи желали видѣть только герцогиню Ангулемскую. Ея исторію зналъ народъ, всѣ жалѣли о ней; всѣ желали ей лучшей судьбы. Посреди столькихъ бѣдствій глаза искали ее, какъ ангела-утѣшителя. Увы, ничто въ ея лицѣ, въ ея взглядѣ, въ звукѣ ея голоса не отвѣчало нашимъ надеждамъ, и можно съ увѣренностью сказать, что въ день своего возвращенія герцогиня потеряла расположеніе, не покидавшее ея въ теченіе всѣхъ ея несчастій. Безъ сомнѣнія, въ этой быстрой переменѣ была доля несправедливости, и я всегда вѣрилъ, что герцогиня заслуживала тѣхъ похвалъ, которыми ее осыпали. Въ ея добродѣтеляхъ нельзя сомнѣваться болѣе, нежели въ ея милосердіи. Но почему такъ часто прославляли силу ея характера и не приписывали ей такихъ поступковъ, которые женщина, высоко поставленная, всегда находитъ возможность сдѣлать, чтобы заслужить благовеніе народа? Правда ли, что героическая г-жа де-ла-Валетъ ползала передъ нею на колѣняхъ, не услышавъ отъ нея ни слова состраданія? Объ этомъ писали, и я хотѣлъ бы прочитать опроверженіе такого непривлекательнаго разсказа.

Замѣтимъ, что люди, близко стоявшіе къ герцогинѣ Ангулемской, дѣлали только очень слабыя попытки вернуть къ ней расположеніе толпы, которая когда-то стремилась къ ней, но скоро перестала видѣть въ ней что-нибудь, кромѣ дочери австріячки. Не слѣдуетъ скрывать, что ужасная смерть несчастной Маріи-Антуанетты не очистила ея памяти въ глазахъ парижскаго народа, сохранившаго инстинктивную ненависть къ королевской крови австрійскаго дома. Несмотря на любовь къ Наполеону и Римскому королю, парижане никогда не любили Маріи-Луизы, слишкомъ хорошо осуществившей наши предчувствія и оправдавшей приѣмъ, который Парижъ сдѣлалъ ея отцу въ 1814 г.

Во время пребыванія союзниковъ въ Парижѣ Александръ постарался заслужить наши похвалы великодушіемъ, имѣвшимъ въ себѣ прелесть. Парижане помнили долгія несчастія прусскаго короля, его воинскую отвагу и почти мѣщанскую простоту и уважали ихъ. Франца же осыпали градомъ проклятій и насмѣшекъ всѣ классы. Какъ жаль, что онъ не слышалъ всего, что говори-

лось при каждомъ его появленіи. Можетъ быть, онъ покраснѣлъ бы тогда, несмотря на свою флегматичность.

Въ насъ, парижанахъ, восторженныхъ поклонникахъ великихъ талантовъ и великихъ доблестей, уничтожено преклоненіе предъ властью и дворянствомъ. Если человѣкъ навлечетъ на себя наше порицаніе, онъ получить зипитетъ, соответствующій его поведенію, въ какомъ бы положеніи онъ ни стоялъ. Какъ удивились бы наши предки, узнавъ, что народъ Парижа покрылъ самыми обидными оскорбленіями австрійскаго императора наслѣдника Рудольфа Габсбургскаго и Карла V. Парижане громко выражали свою ненависть къ императору, въ то же время отыскивая глазами его славнаго брата, принца Карла. Принцъ не пріѣхалъ въ Парижъ, но я увѣренъ, что его встрѣтили бы у насъ, какъ великодушнаго и честнаго врага.

Можетъ быть, читатели-иностранцы найдутъ меня непочтительнымъ, но пусть они вспомнятъ, какое воспитаніе событія дали мнѣ и моимъ современникамъ, и тогда ихъ удивленіе замолкнетъ. Провидѣніе взяло на себя эту задачу: на вершину взошелъ маленькій подпоручикъ и въ теченіе пятнадцати лѣтъ игралъ представителями власти, какъ маріонетками.

Вскорѣ послѣ сдачи Парижа въ столицу пріѣхалъ Бернадотъ. Этотъ бывший французскій солдатъ, сражавшійся противъ братьевъ, въ оправданіе своего поступка говорилъ, что разъ онъ принялъ наслѣдственную шведскую корону, ему пришлось сдѣлаться шведомъ. И многіе имѣли безстыдство принимать его доводы. Основываясь на нихъ, слѣдовало допустить, что будь у Моро корона, это уничтожило бы позоръ его смерти среди нашихъ враговъ. Бернадотъ занялъ бы въ исторіи совершенно другое мѣсто, если бы онъ покинулъ престолъ и поспѣшилъ на помощь родной землѣ. Кромѣ того, національность шведа не была настолько дорога для этого гасконца (хорошо сохранившаго свои гасконскія свойства въ сѣверныхъ льдахъ), чтобы онъ не согласился снова стать французомъ. Онъ былъ готовъ отречься отъ Швеціи, но желалъ, чтобы въ награду за это ему предложили французскій тронъ. Съ этимъ старымъ республиканцемъ было невозможно поладить, не предложивъ ему поста короля. Религію онъ отдавалъ на булавку.

Король Швеціи привезъ съ собою г-жу де-Сталь и Бенжамена Констана. Я говорю о знаменитомъ публицистѣ, который въ своемъ поведеніи показалъ столько же непоследовательностей и непостоянства, сколько таланта, мужества и твердости принциповъ мудрой свободы высказывалъ на трибунѣ и въ литературныхъ произведеніяхъ. Къ несчастію, мнѣ кажется, онъ обладалъ такимъ

гибкимъ краснорѣчіемъ, что примирился бы съ какимъ угодно строемъ, если бы только ему дали хорошую трибуну и свободную прессу; въ подобные проступки легко впадаютъ умы, которые любятъ побѣждать затрудненія и принимаютъ восторженныя одобренія себѣ за торжество своего дѣла. Мнѣ всегда казалось, что вѣнскія препятствія, мѣшавшія литераторамъ свободно выражать свои мысли, служили побудительными средствами для этого остроумнѣйшаго изъ людей. Ни чей разговоръ не казался мнѣ такъ граціозенъ, остроуменъ, гибокъ и, повидимому, добродушенъ, какъ бесѣда Констана. Противорѣчіе придавало его возраженіямъ блескъ и силу. И я всегда старался ему противорѣчить, что не вызывало его недовольства.

Постоянная потребность въ сильныхъ ощущеніяхъ сдѣлала Констана игрокомъ, но политическіе интересы отрывали его отъ этой навязанной имъ себѣ страсти. Литературная слава казалась ему важнѣе всего, поэтому, когда французская академія предпочла ему Виенне, онъ былъ сильно огорченъ; я это видѣлъ, хотя онъ старался скрыть отъ меня свое обиженное чувство.

Слава ума имѣетъ ту дурную сторону, что неполнѣ ясна для заслужившаго ее. Если вы шести футовъ вышины, вамъ незачѣмъ идти въ отрядъ гренадеръ, чтобы знать, какого вы роста. Но для того, чтобы вѣрить въ свои силы, несмотря на литературные и ораторскіе успѣхи, Констану нужно было вступить въ знаменитую литературную корпорацію. Между тѣмъ, будь онъ назначенъ академикомъ, онъ первый же сталъ бы смѣяться надъ этимъ положеніемъ и скоро впалъ бы въ прежнія сомнѣнія въ себѣ, потому что никто въ мірѣ не разочаровывался такъ быстро, какъ онъ.

Я самъ посовѣтовалъ ему записаться въ кандидаты на вакантное кресло, сказавъ, что не добиваюсь этой почести, потому что она сопровождается слишкомъ большимъ количествомъ условій, плохо отвѣчающихъ моему настроенію и моимъ вкусамъ. Я прибавилъ еще, что, по моему мнѣнію, слава, рождающаяся въ переходную эпоху, не стоитъ пьедестала, если ради него человѣку приходится жертвовать хотя бы малѣйшей частицей независимости, такъ какъ, за исключеніемъ двухъ или трехъ солидныхъ репутацій, всѣ другія совершенно исчезнутъ вмѣстѣ съ нами и даже, можетъ быть, раньше насъ. Я мирился съ судьбой; онъ — нѣтъ, и сознание своей силы заставляло его требовать почета. Онъ недолго страдалъ вслѣдствіе интриги, лишившей его чести, на которую онъ, конечно, имѣлъ много правъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этой неудачи онъ умеръ, истощенный работой и бессонными ночами; конечно, академія пожалѣла, что человѣкъ, котораго такъ великолѣпно хоро-

нили въ сопровожденіи многочленной толпы, не принадлежалъ къ числу ея членовъ; господъ академикомъ хоронять обыкновенно гораздо болѣе скромно.

Я только-что сказалъ, что Констанъ вернулся во Францію вмѣстѣ съ Бернадотомъ. Онъ не любилъ, чтобы я напоминалъ ему объ этой эпохѣ. Ему больше нравилось говорить о роли, которую онъ игралъ во время Ста Дней. Онъ сознавался, что на него имѣлъ вліяніе Наполеонъ, человекъ, какъ онъ говорилъ, знавшій изумительно много, угадывавшій все, чего не зналъ, обладавшій такимъ же умомъ, какъ и гениемъ, и бѣльшимъ запасомъ истинно либеральныхъ идей, нежели кто-либо другой изъ членовъ его совѣта. Не желая хвалить либерализмъ совѣтниковъ, я полагаю, что послѣдняя часть этой похвалы составляла для Констана средство оправдаться въ томъ, что онъ служилъ личности, которую 20-го марта назвалъ тираномъ.

— А Бернадотъ? — часто спрашивалъ я его.

— Бернадотъ ведетъ переговоры объ уничтоженіи нѣсколькихъ страницъ изъ „Воспоминаній на островѣ св. Елены“; если онъ добьется успѣха, я буду постоянно хвалить его.

Вотъ что отвѣтилъ онъ мнѣ однажды, когда мы по поводу печатанія этихъ мемуаровъ разговаривали съ нимъ о многихъ лицахъ, игравшихъ роль во время Имперіи. Впослѣдствіи увѣрили, что дѣйствительно изъ драгоценнаго манускрипта были вынуты страницы, говорившія о маршалѣ Бернадотѣ, князѣ Понте-Корво.

Я не зналъ, да и не желалъ знать г-жу де-Сталь. Хотя она была одарена высокимъ умомъ и талантомъ, ея положеніе и богатство все же немало способствовали увеличенію ея литературной извѣстности. Наполеонъ не пожелалъ сдѣлать ее своей Эгеріей, и паденіе великаго человека порадовало это женское сердце. Въ своихъ салонахъ она не переставала принимать иностранцевъ и показывать имъ нашу гибель. Не знаю, хотѣла ли она поддерживать притязанія Бернадота, во имя которыхъ онъ вернулся во Францію. Что касается этого бывшего республиканца, я приведу одинъ анекдотъ о немъ, который мнѣ рассказалъ человекъ, по черкнувшій его изъ вѣрнаго источника, а можетъ быть, даже и бывшій свидѣтелемъ происшествія.

Нѣсколько дней Бернадотъ провелъ почти инкогнито въ Парижѣ. Не являясь къ Императору Александру, въ которомъ замѣчалось нѣкоторое колебаніе относительно Бурбоновъ, Бернадотъ, желавшій осторожно сыграть свою роль претендента на французскую корону, рѣшилъ позондировать одного изъ министровъ монарха. Былъ устроенъ обѣдъ съ графомъ Поццо-ди-Борго, другимъ перебѣжчикомъ, Коріоланомъ-лакеемъ, котораго одинъ потерявшій совѣсть

писатель не постыдился поставить рядомъ съ Бонапартомъ. Шарль-Жанъ, торопившійся затронуть вопросъ, спросилъ русскаго министра, рѣшились ли государи на что-нибудь относительно Франціи.

— Ей Богу, — отвѣтилъ ему хитрый корсиканецъ, — они въ большомъ затрудненіи, и я полагаю, что совѣты вашего высочества, знающаго такъ хорошо эту страну, были бы очень умѣстны. Какую главу дать націи, которою такъ трудно управлять?

Гаскоонецъ желалъ слышать отвѣтъ, а не вопросы; тѣмъ не менѣе, онъ спросилъ:

— Значить, дѣло еще не рѣшено? Вы должны это знать.

— Не виолнѣ, несмотря на настоянія дома Бурбоновъ.

— Мнѣ кажется, г-нъ графъ, что этотъ родъ чуждъ Франціи и что для Франціи нуженъ государь французскій, человѣкъ, который не могъ бы ни въ чемъ упрекнуть революцію.

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Человѣкъ, достаточно хорошо знающій военное дѣло.

— Я думаю совершенно то же.

— Человѣкъ, имѣющій знанія административныя, знакомый съ интересами Европы.

— Такъ, такъ; прошу васъ, продолжайте.

— Словомъ, человѣкъ, котораго уже могли оцѣнить государи и характеръ котораго представлялъ бы собою гарантію умѣренности и искренности.

— Все, что вы сдѣлали честь мнѣ сказать, я уже осмѣлился говорить и писать. Я сдѣлалъ больше: я даже указалъ на личность, которой, по моему мнѣнію, слѣдовало бы вручить судьбы нашей бывшей общей родины.

Говоря это, Поццо взглянулъ почтительно на Бернадота, а тотъ, подавляя радость, сказалъ съ улыбкой:

— Будетъ ли нескромностью спросить, на кого указываетъ ваша опытность?

— Я уже увѣренъ, что ваше высочество угадали.

— Я могу ошибиться; пожалуйста, графъ, скажите имя вашего избранника.

— Вы этого требуете? Ну, что же, я скажу. Это я: я французъ, военный, администраторъ, знающій интересы Европы; я другъ почти всѣхъ государей. Развѣ не этихъ условій требуетъ ваше высочество?

Бернадотъ, взбѣшенный мистификаціей, вскочилъ изъ-за стола и, увѣренный, что русскій придворный не рѣшился бы такъ говорить съ нимъ безъ позволенія царя, уѣхалъ изъ Парижа утромъ того дня, въ который графъ д'Артуа въѣхалъ въ столицу Франціи, окруженный непріятельскимъ обозомъ, съ жалкимъ главнымъ шта-

бомъ и подъ охраной остротъ, приписанныхъ ему г-номъ Бенъо и нѣкоторыми другими новообращенными роллистами.

Приводя здѣсь анекдотъ, можетъ быть, расцвѣченный остроумнымъ человѣкомъ, передавшимъ мнѣ его, но, какъ мнѣ кажется, правдивый, я не могу не вспомнить о де-Вернонѣ, предполагаемомъ отпрыскѣ Людовика XIII, уже упомянутомъ мною выше. Было бы забавно, если бы очъ въ 1814 г. потребовалъ восстановления своихъ правъ и даже выразилъ желаніе спасти Францію. Право, мнѣ кажется, что если бы спросили мнѣніе народа, послѣ Наполеона и его сына потомокъ Желѣзной Маски получилъ бы большинство голосовъ.

Чудесное возвращеніе императора 20-го марта 1815 г. явилось глубоко популярнымъ событіемъ. Между тѣмъ, въ этотъ день ожиданія на лицахъ думающихъ людей (а такіе люди встрѣчаются во всѣхъ классахъ) читалась озабоченность; она мѣшала радости охватить всѣхъ, несмотря на волшебство послѣдняго чуда великаго человѣка.

Въ ту эпоху я началъ посѣщать нѣкоторыхъ изъ главныхъ актеровъ нашей великой драмы; мнѣ пришлось бы рассказывать только о мелкой низости дѣйствующихъ лицъ, если бы я не помнилъ о моемъ почтенномъ другѣ Дюпонѣ, добродѣтелей котораго не поколебали ни требованія, ни соблазны, ни даже власть, попавшая въ его руки. Онъ передалъ мнѣ разговоръ между представителемъ Дюрбахомъ и величайшимъ измѣнникомъ 1815 г., знаменитымъ Фуше. Я боюсь, что мнѣ не удастся отѣнить его рассказъ тѣмъ негодованіемъ, которое до сихъ поръ вспыхиваетъ въ этомъ великодушномъ патріотѣ при воспоминаніи о позорномъ эпизодѣ.

Послѣ битвы при Ватерлоо Фуше, президентъ временнаго правительства, держалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити издавна задуманныхъ имъ интригъ, исключительно занимавшихъ его со дня 20-го марта. Повидимому, онъ больше всего желалъ открыть двери столицы Бурбонамъ. Для исполненія своей цѣли этотъ смѣлый человѣкъ рѣшался на все: переписывался съ Талейраномъ, Метерникомъ, Веллингтономъ, даже съ Людовикомъ XVIII, повсюду разсылалъ своихъ агентовъ, не скупился на обѣщанія, запугивалъ робкихъ, входилъ въ соглашеніе съ измѣнниками.

Я расскажу, къ какому средству, напоминавшему комедію, не постѣснялся онъ однажды прибѣгнуть.

Во вражескій лагерь послали депутацію изъ Парижа; она потребовала, чтобы ея членомъ былъ Манюэль, самый вліятельный ораторъ палаты представителей, имѣвшій нѣкоторыя отношенія съ Фуше; хитрый интриганъ, боясь патріотизма трибуна, отправилъ вмѣсто него подъ именемъ Манюэля, котораго перы не знали,

Другъ Веранже, ораторъ палаты представителей Манюэль (къ стр. 82).

одного изъ своихъ секретарей, Фабри, также члена второй палаты. Въ числѣ преровъ, подвергшихся такой мистификаціи, былъ графъ де-Валенсъ, и я самъ нѣсколько лѣтъ спустя видѣлъ его у Манюэля, къ которому тотъ пріѣхалъ, какъ къ адвокату; графъ изумился, не найдя въ немъ человѣка, съ которымъ онъ, какъ ему казалось, провелъ нѣсколько часовъ въ политическихъ совѣщаніяхъ. Я зналъ графа, и при моей помощи Манюэлю удалось разъяснить старое мощенничество нантскаго Скапена.

— Ахъ, г-нъ Манюэль,—сказалъ генераль,—я теперь не удивляюсь, что человѣкъ, котораго я принималъ за васъ, все время молчалъ, когда я уговаривалъ союзныхъ генераловъ принудить Бурбоновъ принять трехцвѣтную кокарду.

Г-нъ де-Витроль, смѣлый роялистъ, вошелъ въ сношеніе съ Фуше и сильно агитировалъ; слухъ о его дѣйствіяхъ дошелъ до представителя Солиньяка, который отправился рано утромъ предупредить своихъ коллегъ Дюрбаха и Дюпона, одного изъ вице-президентовъ палаты. Они втроемъ поѣхали къ герцогу Отрантскому и застали его неодѣтымъ, что еще усиливало непріятное выраженіе его лица.

Выслушавъ ихъ упреки и настойчивые разспросы Дюпона, Фуше пустился въ длинныя лживыя объясненія; потомъ, видя, что его слова никого не убѣждаютъ, осмѣлился напомнить, что Бурбоны ненавидятъ его за его прошлую дѣятельность. Къ несчастію, его прошлая дѣятельность упрочила за нимъ довѣріе многихъ гражданъ, между прочимъ Манюэля, честная душа котораго забыла, что во времена политическихъ переворотовъ люди, имѣющіе за собою старыя проступки передъ врагами, часто первые же готовы продать себя. Наконецъ, утомленный болтовней Фуше и полный негодованія, Дюрбахъ, слышавшій постоянно повторявшуюся фразу: „Развѣ вы забываете, кто я?“, всталъ и замѣтилъ:

— Нѣтъ, мы не забываемъ, кто вы. Цѣлая толпа воспоминаній воскресаетъ во мнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое герцогъ Отрантскій? Это—бывшій ораторъ, предсѣдатель народныхъ собраній, который, когда свистки прервали рѣчь рабочаго, требовавшаго уничтоженія Высшаго Существа, крикнулъ: „Не мѣшайте говорить этому юному философу“; это Фуше, который вмѣстѣ съ Колло д'Эрбуа купался въ крови разстрѣленныхъ ліонцевъ; Фуше, который вотировалъ смерть Людовика Капета и логически доказывалъ ея необходимость, а потомъ говорилъ, будто онъ дѣйствовалъ только подъ вліяніемъ страха; это Фуше, служившій поочередно жирондистамъ, Дантону, „Горѣ“ и Робеспьеру! Вы правы, герцогъ, между Фуше и Бурбонами невозможенъ договоръ! Послѣ того, какъ вы предали императора, который увеличилъ ваши богатства, позволивъ вамъ подѣ-

зоваться ими даже въ немилости, вы не можете предать Францію. Вы, сообщникъ Талейрана, не можете отдать Парижъ Бурбонамъ, которые будутъ всегда видѣть въ васъ палача ихъ брата! Если бы даже они могли на мгновеніе забыть объ этомъ, дочь Людовика XVI, упавъ передъ ними на колѣни и со слезами на глазахъ, напомнила бы имъ, кто вы! Чѣмъ дороже заплатятъ они вамъ за тронъ, чѣмъ бѣльшими милостями и почестями осыпятъ васъ, тѣмъ сильнѣе заставятъ они васъ искупать ихъ собственную слабость. Берегитесь! Можетъ быть, тогда вамъ, несмотря на дружбу Веллингтона, придется позавидовать Карно, надъ доблестями котораго вы смѣтаетесь! Его можно изгнать: онъ повсюду встрѣтитъ сочувствіе великодушныхъ сердецъ; но подумайте, г-нъ герцогъ: гдѣ найдеть изгнанный Фуше, продавшій Францію, націю и ея представителей, мѣсто, въ которомъ люди не вспоминали бы, что самъ Робеспьеръ называлъ его кровавымъ, или не повторяли фразы Наполеона: „Вотъ человекъ, который надѣваетъ на свою грязную ногу всеобщій башмакъ!“. Тотъ, кто умираетъ въ изгнаніи и среди безчестія, г-нъ герцогъ, терпитъ слишкомъ большую муку. Предайте насъ, и вы испытаете то и другое.

Поблѣднѣвшій отъ подавленнаго гнѣва Фуше пытался принять презрительный видъ; онъ пробормоталъ нѣсколько незначительныхъ словъ и закончилъ ихъ фразой, повторяя которую, его подкупленные поклонники старались смягчить его преступленія: „Я никогда не измѣнялъ ни другу, ни принципу“. Точно у подобнаго человека могли быть принципы и друзья!

Убѣдившись въ бесполезности своего посѣщенія, представители ушли въ полномъ негодованіи. Черезъ два дня иностранцы овладѣли Парижемъ; Людовикъ XVIII вѣхалъ въ столицу, а Фуше сдѣлался его министромъ. Тѣмъ не менѣе, предсказаніе Дюрбаха сбылось, и, вѣроятно, воспоминаніе о немъ преслѣдовало Фуше до самой его могилы, оставшейся могилой изгнанника.

Вторичный вѣздъ короля не походилъ на первый, и это было несходство печальное для него и его близкихъ. Сидя въ каретѣ, онъ, казалось, хотѣлъ протестовать противъ присутствія иностранныхъ войскъ, которыя на этотъ разъ его окружали и охраняли. Приѣхавъ въ Тюльери, чтобы тамъ вторично получить корону, онъ въ концѣ моста увидѣлъ прусскія пушки, наведенныя на его дворецъ; около мѣсяца онъ грозили ему. Блюхеръ пожелалъ показать ему зрѣлище уничтоженія Іенскаго моста, и въ Луврѣ другъ Людовика—Веллингтонъ, сдѣлавный имъ маршаломъ Франціи, привазалъ грабить статуи и картины музея, не взирая на трактаты, въ силу которыхъ произведенія искусства принадлежали намъ.

Однажды я, говоря о разграбленіи этого богатѣйшаго въ мірѣ музея съ г-номъ Англе, эмигрантомъ изъ Гента (впослѣдствіи префектомъ полиціи), спросилъ его, почему тогда не обратились къ жителямъ предмѣстій, которые, конечно, поспѣшили бы на защиту національной собственности.

— Сдѣлать этого ни за что не захотѣли бы, — отвѣтилъ онъ, — музей стоитъ слишкомъ близко отъ замка.

Вѣрите послѣ этого всему, что вамъ говорятъ роялисты о любви народа къ Бурбонамъ!

Но кого же оскорбляли иностранные генералы? Преслѣдовали уже не Наполеона. На кого же они могли досадовать? Говорили, что Блюхеръ, Гнейснау, Бюловъ и многіе члены тайныхъ нѣмецкихъ обществъ, ненавидя Бурбоновъ, предложили генералу Мезону свергнуть ихъ и вмѣстѣ съ французами напасть на англичанъ, которымъ Блюхеръ не прощалъ того, что они приписывали себѣ честь побѣды при Ватерлоо, сдѣлавшейся бы для нихъ пораженіемъ безъ неожиданной помощи прусскаго корпуса, упущеннаго Груши. Во всякомъ случаѣ, когда Мезонъ вернулся изъ Гента, недовольный тѣми, для которыхъ онъ туда ѣздилъ, съ нимъ велись переговоры, но очень трудно опредѣлить ихъ смыслъ и значеніе; одно вѣрно: прусскій король пересталъ быть господиномъ своей арміи. Только съ пріѣздомъ Александра, который заставилъ немного подождать себя, прекратилось злобное отношеніе Блюхера къ Бурбонамъ, хотя, повидимому, монархъ самъ сильно охладѣлъ къ возстановленной имъ династіи, благодаря тому, что онъ узналъ о проектѣ союза между Франціей, Австріей и Англіей, подготовившемся Талейраномъ въ 1814 г.

Малая благосклонность Александра и оскорбительное поведеніе пруссаковъ не помѣшали Людовику XVIII наслаждаться вторичнымъ царствованіемъ. Онъ простилъ всѣхъ, которымъ не надѣялся отомстить. Легитимисты, мало думавшіе о нашихъ ужасныхъ несчастіяхъ, танцовали подъ его окнами и къ ихъ цѣснямъ, полнымъ любви къ внуку Генриха IV, примѣшивались возгласы ненависти къ людямъ, которые слышали, что Людовикъ XVIII клялся умереть на ступеняхъ трона, и не могли удержаться отъ смѣха при видѣ его бѣгства въ ночь съ 19-го на 20-ое марта. Эти крики послужили сигналомъ къ долгой кровавой реакціи; вся ея тяжесть, по милости Людовика XVIII, пала на его партизановъ и даже на членовъ его семьи, но онъ хотѣлъ одинъ добиться чести ея прекращенія, когда ему показалось опаснымъ увеличивать число жертвъ.

У этого человѣка было фальшивое и злое сердце; онъ единственный изъ извѣстныхъ намъ Бурбоновъ заслуживаетъ такого обвиненія. Оставляя въ сторонѣ политическое и религіозное управ-

ство Карла X, которое его погубило и могло сдѣлаться для насъ роковымъ, онъ оставилъ послѣ себя во Франціи репутацію человѣка уживчиваго и добраго, достойнаго дружбы; дѣйствительно, у него было много друзей, которые остались привязанными къ нему. Его братъ имѣлъ только фаворитовъ.

Къ своей семьѣ Людовикъ не питалъ родственныхъ чувствъ; его считали авторомъ протеста противъ законности дѣтей Маріи-Антуанетты. Помню, что въ юности я видѣлъ въ рукахъ горячихъ роялистовъ копію съ письма несчастной королевы, въ которомъ она говорила своимъ дѣтямъ: „Берегитесь вашихъ дядей“.

Понятно, этой фразы нѣтъ въ письмѣ, напечатанномъ въ 1816 г.; но кто знаетъ, не былъ ли исправленъ оригиналъ, замѣненный факсимиле, послѣ того, какъ похитили бумаги Куртуа²⁴), изгнаннаго въ 1815 г.? Говорятъ, что человѣкъ, открывшій мѣсто ихъ храненія, получилъ щедрую награду.

Увѣряютъ, что хотя Людовикъ XVIII въ обществѣ называлъ герцогиню Ангулемскую своей Антигоной, между дядей и племянницей не существовало привязанности, и мнѣ часто казалось, что только чувство полного безсилія мѣшало герцогинѣ помогать политическимъ жертвамъ, молившимъ ее о помощи. Если это такъ, можно пожалѣть ее вдвойнѣ.

Пѣснь „Король Ивето“, появившаяся въ концѣ Имперіи, придала мнѣ оттѣнокъ оппозиціи, и это заставило многихъ предполагать, что я брошусь на сторону легитимистовъ; меня обѣщали щедро наградить, если я буду воспѣвать Бурбоновъ.

— Пусть они вмѣсто славы дадутъ намъ свободу, сдѣлаютъ Францію счастливой, тогда я буду даромъ прославлять ихъ,— отвѣтилъ я людямъ, набравшимъ имъ партизановъ.

Да не думаютъ читатели, что я хвастаюсь: для Бурбоновъ былъ важенъ каждый новый рекрутъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда я посмѣялся надъ Баргуенъ по поводу роялизма, выказаннаго ею въ 1815 г., эта остроумная актриса отвѣтила мнѣ въ свойственномъ ей тонѣ:

— Тогда я жила съ роялистомъ, а вѣдь мы всегда держимся взглядовъ нашихъ любовниковъ. Людовикъ XVIII пожелалъ видѣть меня, чтобы привѣтствовать мое мужество и преданность; это вскружило мнѣ голову. Значитъ, я ужъ совсѣмъ не такъ сильно виновата. Но что подумать о Бурбонахъ, которые придавали важность мнѣнію такой легкомысленной особы, какъ я?

Грубость этихъ фразъ еще усиливаетъ ихъ значеніе.

Въ январѣ 1816 г. Арно былъ изгнанъ и покинулъ Францію. Мы проводили его до Бурже, мѣстечка, которое, такъ сказать, со-

ставляло тогда границу королевства, такъ какъ вся остальная часть Франці съ этой стороны была занята иностранцами. Вечеромъ я сидѣлъ за столомъ въ гостинницѣ вмѣстѣ съ молодымъ жандармскимъ офицеромъ, охранявшимъ границу и горевавшимъ о несчастіяхъ нашей родины, и спѣлъ бѣдному изгнаннику пѣсню „Птицы“. За печальнымъ пѣніемъ послѣдовало прощаніе, еще болѣе грустное. Благодаря этой пѣснѣ, я чуть было не потерялъ маленькаго мѣста, доставленнаго мнѣ Арно. Его должность передали литератору Петито ²⁵⁾, сдѣлавшемуся набожнымъ и легитимистомъ; несмотря на это, онъ выказывалъ мнѣ благосклонность и даже нѣсколько разъ совѣтовалъ рассказать о томъ, какъ преслѣдовали моего отца, и воспользоваться моимъ прежнимъ знакомствомъ съ де-Бурмономъ, который дошелъ до высокаго положенія послѣ битвы при Ватерлоо. Хотя я слышалъ, что этотъ генералъ старался разузнать, что сдѣлалось со мною и моимъ отцомъ, я не хотѣлъ извлекать выгодъ изъ взглядовъ, которыхъ не раздѣлялъ. Это еще болѣе расположило ко мнѣ Петито, и онъ сталъ еще старательнѣе прежняго защищать меня отъ доносовъ лицъ, которыхъ я во время возвращенія императора охранялъ. Теперь мнѣ пришлось видѣть вблизи много грязи. Мнѣ предстояло видѣть ее еще больше. Альцестъ пришелъ въ отчаяніе изъ-за сущихъ пустяковъ!

Около 1815 г. я, наконецъ, рѣшился напечатать первый томъ моихъ пѣсень. Въ то время я уже достигъ возраста, въ которомъ начинаютъ предчувствовать неудобства литературной карьеры. Только нужда въ деньгахъ могла заставить меня рѣшиться войти въ соприкосновеніе съ публикой, тѣмъ болѣе, что я еще не считалъ моихъ стиховъ полезными для моего дѣла ²⁶⁾. Сборникъ приняла хорошо и онъ не поколебалъ моего хрупкаго положенія въ университетѣ.

— Нужно многое прощать автору „Короля Ивето“, — какъ увѣряли, сказалъ Людовикъ XVIII, любившій пѣсни въ силу традицій стараго строя.

Этого короля даже обвиняли въ томъ, что, когда онъ умеръ, мои пѣсни лежали на его ночномъ столикѣ.

По поводу сборника, напечатаннаго, когда я служилъ въ бюро народнаго просвѣщенія, я замѣчу, что въ немъ заключается большинство куплетовъ, напоминающихъ нѣсколько циничныя вольности нашей старой литературы. Когда мнѣ сказали, что наши старые писатели школы Рабле не должны служить образцами для подражанія даже въ смыслѣ пѣсень, было уже поздно: я не могъ уничтожить стихи, которые, какъ я уже сказалъ въ другомъ мѣстѣ, способствовали моей популярности. Съ этого мгновенія они

сдѣлались достояніемъ публики; было бы бесполезно вычеркивать ихъ изъ позднѣйшихъ изданій. Кромѣ того, книготорговцы не согласились бы на это, и сознаюсь, о нѣкоторыхъ изъ нихъ пожалѣлъ бы я самъ. Вдобавокъ, развѣ мой вѣкъ имѣетъ право относиться сурово къ произведеніямъ, веселость которыхъ служить имъ извиненіемъ и даже противодіемъ ихъ вреднаго дѣйствія, когда романъ и театръ довели изображеніе самыхъ грубыхъ страстей до отвратительной степени реальности? Развѣ высокая поэзія не должна упрекать себя въ ошибкахъ подобнаго же рода?

Пусть люди, которые настойчиво повторяютъ упреки, сдѣланные мнѣ, просматриваютъ поэтическія произведенія Гёте. Они увидятъ, что этотъ великій геній былъ милостивѣе ихъ къ моимъ юношескимъ пѣснямъ.

Я долженъ сдѣлать одно замѣчаніе: мои пѣсни, на которыя указывали пальцемъ, написаны во времена Имперіи. Замѣчательно, что подобныя произведенія обыкновенно рождаются въ эпохи деспотизма. Духъ до такой степени нуждается въ свободѣ, что, лишенный ея, переходитъ за границы, охраняемыя меньше всѣхъ другихъ, и стремится къ независимости, рискуя зайти слишкомъ далеко въ своемъ порывѣ. Ловкія правительства умѣютъ ладить съ этимъ явленіемъ: правительство Венеціи покровительствовало куртизанкамъ.

Я не извиняюсь: я даю объясненія. Понятно, я говорю здѣсь только о пѣсняхъ, вошедшихъ въ мои печатные сборники, а не о тѣхъ куплетахъ, которые приписывали мнѣ, помѣщая въ поддѣльныя бельгійскія или французскія изданія.

Есть и еще одно обстоятельство, вслѣдствіе котораго мнѣ могли бы отпустить мои старые грѣхи; боюсь только, что оно повредитъ мнѣ. Тѣмъ не менѣе, сдѣлаемъ попытку оправдаться. Во времена нашихъ отцовъ пѣсня забавляла серьезныхъ людей, но они мало заботились о ней; придавъ ей новое значеніе, я позволилъ критикамъ нашего цѣломудреннаго времени сдѣлаться къ ней строже прежняго. Развѣ я предвидѣлъ будущую судьбу маленькихъ томиковъ, въ которыхъ веселые напѣвы моей юности перемѣшались съ политическими куплетами зрѣлаго возраста? Наши Аристархи мнѣ скажутъ:

— Возвысивъ этотъ родъ поэзіи, вы его испортили.

— Я это вижу, господа. Мнѣ слѣдовало ограничиться неприличностями, и тогда я никого не привелъ бы въ ужасъ. Къ несчастію, я уже въ такомъ возрастѣ, что не могу воспользоваться этимъ урокомъ.

Какъ разъ въ ту эпоху, когда мои пѣсни дали мнѣ нѣкоторую роль въ политикѣ, я почувствовалъ необходимость лишить мою музу ея легкомыслія.

Изданіе перваго тома моихъ пѣсенъ окончательно превратило меня въ пѣсенника оппозиціи. Въ то время всѣ уже могли видѣть, что я обладаю искренними и безкорыстными убѣжденіями. Во время Ста Дней мнѣ предложили сдѣлаться пензюромъ журнала („Французскаго Журнала“, ставшаго „Французскимъ Курьеромъ“), но я воспротивился этому, несмотря на то, что меня сильно уговаривали. Это мѣсто давало шесть тысячъ франковъ. Я отказался отъ излишка, когда у меня не было необходимаго. Въ то время я жилъ только на скромное жалованье, такъ какъ уступилъ Блешаму (отцу г-жи, Бонапартъ), впадшему въ бѣдность вслѣдствіе изгнанія явля. жалованье г-на Бонапарта изъ Института. Совѣтъ, состоявшій изъ Арно и Реньо де-Сенъ-Жант д'Анжели, постановилъ, что только я могу получать эти деньги, и дѣйствительно, я получалъ ихъ до 1814 г., т. е. до той эпохи, когда Люсьена Бонапарта по приказанію короля исключили изъ академіи. Однако, я отдавалъ ежемѣсячный окладъ отцу г-жи Бонапартъ и получалъ отъ него квитанціи.

Съ Манюэлемъ я сошелся въ концѣ 1815 г.²⁷⁾ Онъ отличался сдержанностью; во мнѣ было еще довольно много дикости; тѣмъ не менѣе, съ первой же встрѣчи мы почувствовали, что между нами установится интимность. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней между нами завязались дружескія отношенія, которыя могла нарушить только смерть. Онъ часто бывалъ у Лафитта и свелъ меня къ нему. Я никогда не любилъ ни финансистовъ, ни ихъ позолоченныхъ салоновъ, ни ихъ шумнаго ообщества. „Тамъ не найдешь искреннихъ чувствъ“, говорилъ я Манюэлю; но онъ проводилъ у Лафитта большую часть своего времени; я послѣдовалъ за нимъ и впослѣдствіи только радовался этому. Если политическое положеніе Лафитта заставило меня отклонять его любезныя предложенія, я все же очень обязанъ ему: благодаря его дружбѣ ко мнѣ, я могъ оказывать услуги многимъ изъ моихъ близкихъ друзей и большому количеству несчастныхъ, которымъ онъ помогалъ по моей рекомендаціи. Я также имѣлъ счастье принести пользу этому великому гражданину, одаренному въ равной степени умомъ и честью, добротой и воображеніемъ. Къ сожалѣнію, онъ не умѣлъ узнавать людей и вслѣдствіе этого сдѣлался жертвой многихъ изъ осипанныхъ его благодареніями. Впрочемъ, клевета напрасно порочила его бурную старость; здравый разсудокъ народа справедливо относился къ нему: ободрительный и благородный примѣръ для людей, которые, подобно Лафитту, посвятили все свое существованіе служенію родинѣ.

Онъ сдѣлалъ одну ошибку, за которую я часто упрекалъ его, а именно: купилъ пышный замокъ Мезонъ, самое скучное жилище

въ мірѣ; оно казалось мнѣ сноснымъ, только когда я бывалъ въ немъ вмѣстѣ съ Манюзлемъ, Тьеромъ и Минье²⁸). Когда я приходилъ туда одинъ, я нерѣдко покидалъ роскошный дворецъ и шелъ черезъ лѣсъ обѣдать въ ресторанъ Сень-Жерменскаго предместья. Въ этомъ царскомъ жилищѣ, въ которомъ до сихъ поръ еще показываютъ комнату Вольтера, я никогда не могъ сочинить ни одного куплета. Я не рожденъ для замковъ; можетъ быть, это дѣлаетъ меня несправедливымъ къ Мансару, котораго я долженъ былъ бы очень любить въ честь мансардъ.

Моя бѣдность ничуть не стѣсняла меня въ богатомъ обществѣ, потому что мнѣ не было трудно говорить: „Я бѣденъ“. Это слово, котораго многіе не рѣшаются произносить, почти замѣняетъ богатство: оно позволяетъ вамъ экономничать и привлекаетъ вниманіе многихъ женщинъ, а слѣдовательно и салоновъ, на которые столько клеветали въ этомъ отношеніи. Не превращайте вашей бѣдности въ стѣсненіе для другихъ, умѣйте во-время посмѣяться надъ нею — и вамъ будутъ сочувствовать, не оскорбляя вашей гордости. Я часто повторялъ это молодымъ людямъ, которые слишкомъ увлекались аристократической роскошью и стыдились того, что они лишены ея. Если они не желаютъ подвергнуть опасности ни свою честь, ни свою независимость, они должны научиться говорить: „Я бѣденъ“.

Когда мнѣ было двадцать лѣтъ, роль Аристофана казалась мнѣ црекрасной; позже я игралъ ее безъ генія, но, какъ мнѣ кажется, и безъ извительности аеинскаго поэта, не въ театрѣ, гдѣ она, можетъ быть, стала невозможной, а во всѣхъ слояхъ французскаго общества. Стоило мнѣ списать или позволить списать мои новые куплеты, чтобы они въ нѣсколько дней разошлись по всей Франціи, перелетѣли черезъ границу и даже сдѣлались утѣшеніемъ нашихъ несчастныхъ изгнанниковъ, которые въ тѣ времена странствовали по всему земному шару. Можетъ быть, въ нашу эпоху я единственный авторъ, который могъ бы обойтись безъ книгопечатанія. Чему я обязанъ этимъ преимуществомъ? Старымъ мелодіямъ, на которыя, если можно такъ сказать, я сажалъ верхомъ мои идеи, и добродушію, не вселившему въ меня презрѣнія къ пѣснѣ. Я увѣренъ, что изъ числа людей, занимавшихся тогда литературой, ни одинъ не пожелалъ бы идти по этой дорогѣ; я взялъ только то, что другіе забраковали. Я достигъ уже того возраста, когда успѣхъ не ослѣпляетъ людей, и, желая быть достойнымъ его, стремился прославить пѣсню, вскорѣ заставившую меня пожертвовать всѣми моими остальными планами. Въ „Погребѣ“, въ этой академіи пѣсенъ, считалось, что пѣсня должна блистать только остроуміемъ и веселостію; этого было слишкомъ мало для

меня. Я болѣе или менѣе рожденъ поэтомъ и стилистомъ. Сначала я не замѣтилъ, что весь запасъ поэзіи, находившійся во мнѣ, могъ выливаться въ этомъ родѣ стиховъ. Наконецъ, разсужденіе показало мнѣ все, что можно было извлечь изъ пѣсни. Кромѣ того, она открыла передо мною тропинку, по которой мое настроеніе слѣдовало съ такой легкостью. Благодаря ей, я избѣжалъ академическихъ требованій и въ моемъ распоряженіи явился словарь, четыре пятыхъ котораго, по увѣреніямъ Лагарпа, воспрещены для нашей поэзіи.

Кромѣ того, я не могъ скрывать отъ себя, что прочность принциповъ не исключала во мнѣ большой подвижности впечатлѣній, которая, вѣроятно, мѣшала бы мнѣ создавать длинныя произведенія, требующія однообразія тона. Писатель долженъ изучать чело-вѣка въ самомъ себѣ; это невозможно, когда онъ начинаетъ слишкомъ рано. Едва я созналъ характеръ моихъ способностей и увидѣлъ литературную независимость, которую могла дать мнѣ пѣсня, я окончателно рѣшилъ: я женился на бѣдной уличной дѣвушкѣ, намѣреваясь сдѣлать ее достойной войти въ салоны нашей аристократіи, въ то же время не лишая ее старыхъ знакомствъ; вѣдь мнѣ хотѣлось, чтобы она осталась дочерью народа, отъ котораго ждала приданого. За это я получилъ награду, превышавшую достоинства моихъ произведеній, которыя все же имѣли ту заслугу, что ввели поэзію въ политическіе дебаты. Партія легитимистовъ, относившаяся ко мнѣ, какъ къ писателю, благосклонно, обвиняла меня въ томъ, что я больше всѣхъ другихъ авторовъ способствовалъ лишенію трона, династіи, навязанной намъ иностранцами. Я принимаю это обвиненіе и считаю его честью для себя и славой для пѣсни. Никто не знаетъ, какія препятствія приходилось мнѣ побѣждать, чтобы доставить пѣснѣ этотъ успѣхъ. Сколько разъ я бывалъ вынужденъ бороться съ вождями либеральной партіи, желавшими заставить меня подчиниться ихъ опеку и вовлечь въ ихъ робкіе замыслы.

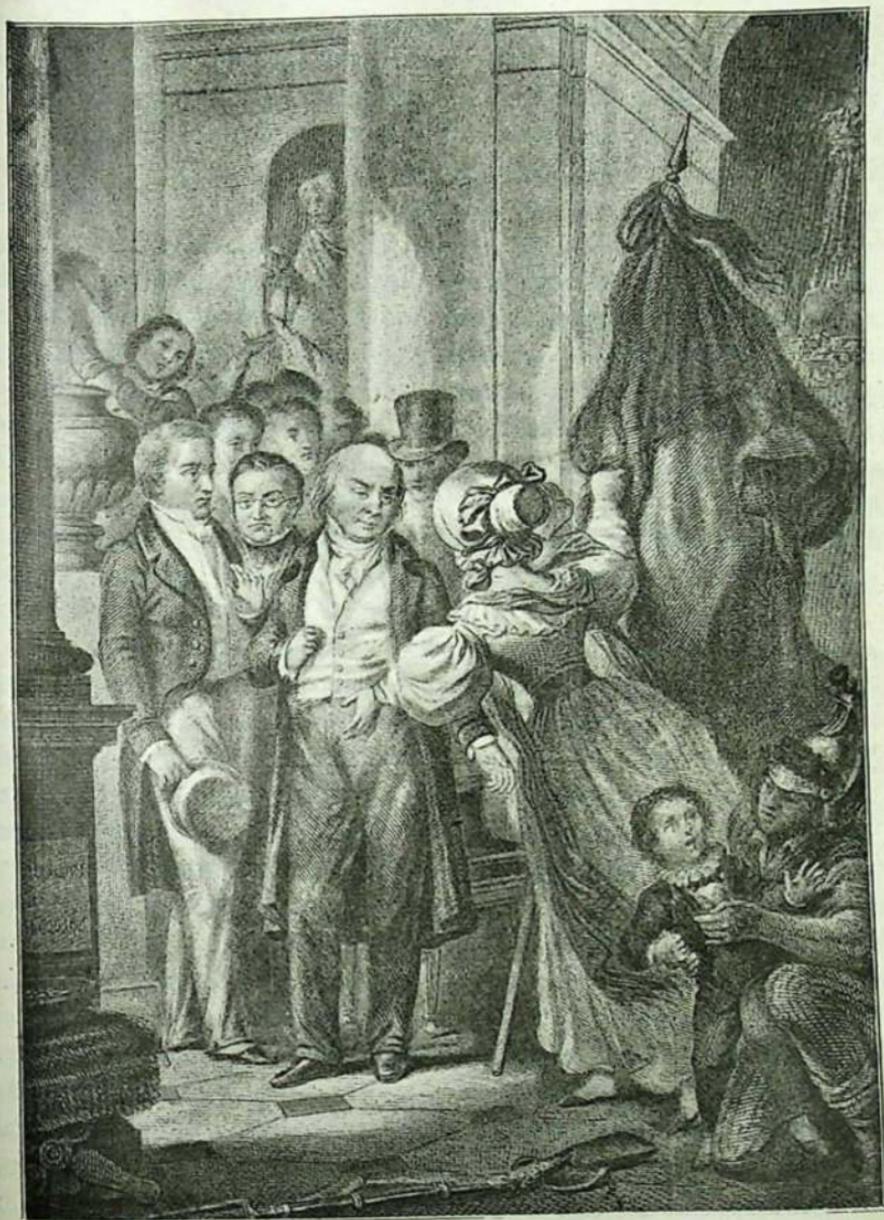
Многіе изъ нихъ покидали меня въ самыя тяжелыя минуты битвы; они возвращались ко мнѣ, только видя, что толпа попрежнему оставалась благосклонной ко мнѣ. Я и безъ Іюльской революціи оцѣнилъ политическое значеніе созданныхъ нами великихъ людей. Я часто горевалъ объ этомъ съ Манюэлемъ; мнѣ приходилось неразъ также защищаться отъ анаемъ, которыя сыпались на меня, вызывая только мой смѣхъ, даже когда это лишало меня поддержки газетъ. Безкорыстные люди, примѣшанные къ политическому движенію, должны вѣрить въ народъ; эта вѣра никогда не угасала во мнѣ.

Успѣхъ, доставленный мнѣ пѣсней, вскорѣ доказалъ, что не-

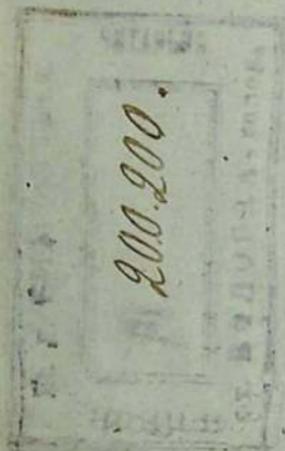
удача всѣхъ моихъ другихъ попытокъ была для меня счастьемъ. Если бы вслѣдствіе моихъ предыдущихъ опытовъ публика обратила на меня какое-нибудь вниманіе, можетъ быть, я, какъ и многіе другіе молодые люди, стремящіеся къ слишкомъ возвышенной цѣли, съ презрѣніемъ отвернулся бы отъ пѣсень, которыя доставили мнѣ расположеніе моихъ современниковъ. Вѣдь для меня искусство освящается пользой, которую оно приноситъ! Конечно, множество рухнувшихъ проектовъ и плановъ оставило во мнѣ слѣды печали; безъ сомнѣнія, мои юныя и высокія притязанія отняли у меня всякую иллюзію относительно литературнаго отѣнка моей славы; зато я, посвящавшій всѣ мои способности, какія бы онѣ ни были, на пользу родинѣ, могу сказать, что я выполнилъ скромную задачу, взятую мною на себя.

Однако, слѣдуетъ упомянуть, что когда мнѣ было около сорока лѣтъ, въ моемъ умѣ явилась странная мысль. Трагедія никогда не привлекала меня особенно сильно и только въ этомъ родѣ поэзіи я не дѣлалъ опытовъ; наконецъ, я рѣшился взяться и за нее, потому что много говорилъ о ней съ великимъ артистомъ Тальма. Я убѣждалъ его изучать греческихъ трагиковъ, такихъ же естественныхъ, но гораздо болѣе поэтическихъ, чѣмъ испанцы, англичане и нѣмцы. Не говорю уже о томъ, что, въ силу моего наивнаго взгляда на искусство, мнѣ казалось, что они имѣютъ преимущество надъ Корнелемъ и Расиномъ. Однако, два послѣдніе поэта создали, такъ сказать, сжатія трагедіи, то есть такія, въ которыхъ вся поэзія почти исключительно заключается въ композицію. Этимъ объясняется фраза Расина: „Моя пьеса готова; остается только написать стихи“.

Дѣйствительно, въ довольно короткихъ пяти актахъ они ради морали резюмируютъ цѣлую жизнь, страсть, цѣлый характеръ, также какъ и воображаемыя или дѣйствительныя событія, съ которыми связывается ходъ дѣйствія. Для театра это самая высокая поэзія: удивительно, что не всегда держались такого мнѣнія относительно Корнеля и Расина, тогда какъ никто не отрицаетъ этого, говоря о Мольерѣ, который, правда, дошелъ до большаго совершенства, нежели два его современника. Трагедія — хроника, въ которой сцена наивно смѣняется сценой, въ силу исторической легендарной или романической традиціи — дѣтство искусства, и вся геніальность Шекспира не должна была бы мѣшать сознать это. Шиллеръ принялъ его за образецъ; сомнѣваюсь, чтобы это было выгодно для его славы. Итакъ, оцѣнивъ критику, направленную на блѣдныхъ подражателей нашихъ великихъ учителей, я менѣе чѣмъ въ годъ написалъ много плановъ, въ которыхъ постарался соединить не грубо-смѣшное съ героическимъ

Беранже подносить трехцветное знамя (къ стр. 125).

(варварскій союзъ, который самъ Шекспиръ теперь отвергнулъ бы), но героическое съ задушевнымъ. У нашихъ великихъ трагиковъ чувствуется недостатокъ въ повседневной простотѣ (у Корнеля менѣе, чѣмъ у Расина), потому что они писали почти всегда, имѣя въ виду аристократію и дворъ.

Единство мѣста и времени менѣе стѣсняли меня, нежели единство тона. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть, можно ли ради естественности и драматическихъ эффектовъ бросить единство тона; пьесы: „Графъ Жюльенъ“, „Смерть Александра Великаго“, эпизодъ изъ „Гражданскихъ войнъ Италіи“, „Карль VI“, „Спартакъ“, составленныя по этой программѣ и не походившія ни на одну изъ трагедій, уже написанныхъ на эти сюжеты, какъ мнѣ казалось, указывали на новые пути въ возвышенномъ родѣ произведеній. Опираясь на авторитетъ Корнеля, который, несмотря на постановленія педантической академіи и часто нелѣпыя замѣчанія Вольтера, ввелъ въ свои пьесы Никодима, Прузіаса и даже Феликса, я написалъ стихи для многихъ сценъ. Но вскорѣ я бросилъ эти опыты, какъ и многіе другіе; это не помѣшало имъ принести мнѣ большую пользу. Можетъ быть, изученіе трагедіи сослужило извѣстную службу пѣснѣ.

Въ моей дѣятельности я нуждался въ совѣтахъ и получалъ ихъ больше, чѣмъ спрашивалъ. Я хочу сказать, что не совѣтовался, какъ многіе авторы, съ цѣлью слышать не мнѣніе, а похвалу, но старался, когда меня просили пѣть, улавливать малѣйшія замѣчанія, малѣйшіе знаки моихъ слушателей, чтобы видѣть, какія мѣста слѣдовало измѣнить, поправить или совершенно вычеркнуть. Кромѣ того, я выбралъ для себя нѣсколькихъ цензоровъ изъ числа друзей, бывшихъ моложе меня, думая, что это будетъ полезнѣе. Въ эпоху начала моей карьеры Анри де-ла-Тушъ²⁹) много разъ дѣлалъ мнѣ основательныя замѣчанія, которыя оказали мнѣ большую услугу. Поэтому я постоянно возвращался къ этому истинному поэту и прекрасному подражателю. Я называлъ его изобрѣтателемъ Андре Шенъе, въ половинѣ произведеній котораго онъ играетъ громадную роль; безъ него они не появились бы на свѣтъ, такъ какъ Мари Жозефъ часто жаловался при мнѣ, что въ рукописяхъ, оставленныхъ его братомъ, мало отрывковъ, которые можно было бы напечатать. Страннѣе всего то, что стихи, помѣщенные въ концѣ тома и, по всеобщему мнѣнію, прерванные тюремщикомъ, не открыли глазъ хладнокровнымъ судьямъ. Но вѣдь теперь всѣ знаютъ, что эти стихи написалъ ла-Тушъ.

Достигнувъ старости, я прибѣгаю къ совѣтамъ челоуѣка, котораго я видѣлъ ребенкомъ; я говорю о Мериме, соединяющемъ съ утонченнѣйшимъ умомъ нашего времени солидное, обширное обра-

зованіе и любовь къ языку. По его милости я провелъ нѣсколько тяжелыхъ ночей, занимаясь исправленіемъ жалкихъ маленькихъ стихшковъ. Такихъ доказательствъ дружбы нельзя ожидать отъ всѣхъ своихъ друзей. Существуютъ люди, склонные находить хорошимъ все, что дѣлаютъ любимыя ими существа. Добрый и благосклонный Лебрёнъ отчасти принадлежитъ къ ихъ числу. Поэтому я всегда нѣсколько не довѣрялъ его одобренію, хотя оно трогало меня и вызывало мою благодарность.

Теперь мнѣ остается только поговорить о моихъ изданіяхъ.

Министерство народнаго просвѣщенія объявило мнѣ, что если я издамъ новые томы стихотвореній, оно сочтетъ, что я подамъ въ отставку. Въ такой любезной формѣ Петито сообщилъ мнѣ, что за появленіе второго тома меня смѣстятъ съ должности, и, такъ сказать, предложилъ мнѣ премію за покорность.

Тѣмъ не менѣе, я далъ нѣсколько новыхъ пѣсенъ въ „Минерву“, очень распространенную газету. Владѣльцы ея, все мои друзья, предложили мнѣ участвовать въ ихъ барышахъ, но я отказался, находя смѣшнымъ заставлять пріятелей платить за куплеты, которые мнѣ было такъ пріятно писать. Я разсуждалъ иначе относительно пѣсенъ, помещенныхъ въ сборникахъ, потому что публика могла покупать или не покупать книги. Я употребилъ много времени на то, чтобы собрать второй томъ, такъ какъ никогда не писалъ больше пятнадцати или шестнадцати пѣсенъ въ годъ: нѣкоторыя въ нѣсколько часовъ, большинство же медленно и заботливо. При томъ не всѣ года были такъ обильны. Я пишу только повинуюсь моему желанію, и порой проходило по восьми и десяти мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ я не писалъ ни одной строки, даже въ ту эпоху, когда работалъ больше всего. Теперь дерево состарилось, и плоды появляются на немъ все рѣже и рѣже. А что буду я дѣлать, когда ихъ совсѣмъ не станетъ? Безъ сомнѣнія, умру.

Въ то время я часто пѣлъ, несмотря на слабость моего голоса и музыкальное невѣжество. Если сначала я, противъ воли, принудилъ себя войти въ свѣтъ только ради необходимости создать для себя опору въ предстоявшей мнѣ борьбѣ, я скоро внесъ въ салоны мое природное увлеченіе и веселость, придающую цѣну уму, которую онъ не всегда заимствуетъ у разсудительности. Я охотно пѣлъ мои неизданныя произведенія при моихъ друзьяхъ изъ оппозиціи, а иногда даже и при чиновникахъ правительства. Я съ чувствомъ счастья подносилъ имъ запрещенные плоды. Г-нъ Барантъ, Гизо, Симеонъ-отецъ, Мунье и многіе другіе могутъ сказать, что, сидя за столомъ рядомъ съ г-номъ Англе, префектомъ полиціи, я угощалъ ихъ пѣснями: „Господь Богъ“, „Миссіонеры“ и т. д. Однажды

г-ну Англе донесли, что я спѣлъ у Берара, его и моего друга, нѣсколько пѣсенъ, какъ тогда выражались, анархическихъ. Префектъ много смѣлся: онъ былъ на этомъ обѣдѣ. Читатели видятъ, что пѣсня еще пользовалась нѣкоторыми привилегіями и что въ ту эпоху префекты полиціи иногда оказывались умными и остроумными людьми.

Въ 1821 г. мнѣ, наконецъ, удалось издать два тома моихъ старыхъ и новыхъ пѣсенъ. Я уже сказала, что это равнялось потерѣ моего скромнаго мѣста, дававшего мнѣ возможность жить безъ излишней работы и служить посреди друзей, такъ какъ, несмотря на мою нѣсколько насмѣшливую откровенность, я всегда была настолько счастливъ, что ко мнѣ привязывались люди, съ которыми я часто встрѣчался. Но я былъ скорѣе готовъ пожертвовать мѣстомъ, нежели издать мои книги послѣ того, какъ я его потеряю, что могло случиться каждый день. Въ послѣднемъ случаѣ изданіе моихъ стихотвореній походило бы на мечь, бывшую не въ моемъ характерѣ. Вдобавокъ, въ тѣ дни въ либеральной партіи царило полнѣйшее смятеніе: безумныя надежды рухнули и вожаковъ оппозиціи, казалось, охватила паника. Итакъ, я выбралъ хорошую минуту для изданія пѣсенъ: ихъ появленіе, такъ долгожданное, и очень вѣроятный процессъ, который, какъ я выражался тогда, позолотилъ бы ихъ, могли подогрѣть общественное мнѣніе, падающее изъ-за пустяковъ и оживающее изъ-за бездѣлицъ. Многіе либералы, при томъ изъ числа самыхъ богатыхъ, которые шесть мѣсяцевъ тому назадъ уговаривали меня сдѣлать этотъ шагъ, въ послѣднюю минуту старались остановить меня. Я открылъ подписку; одинъ господинъ, подписавшійся на громадное количество экземпляровъ, побуждая меня выпустить болѣе десяти тысячъ, въ послѣднее мгновеніе попросилъ меня не печатать его имени или вычеркнуть его изъ списка. Ничто не остановило меня; напротивъ, подобныя примѣры еще сильнѣе доказали мнѣ необходимость этого выстрѣла часового либеральнаго лагеря, которымъ такъ странно командовали люди, имѣвшіе честь считаться его самыми отважными вождями. Манюэль раздѣлялъ мое мнѣніе, и, благодаря моему другу Берару и нѣкоторымъ другимъ вѣрнымъ, мои два тома, напечатанные не безъ нѣкоторыхъ затрудненій у Фирмена Дидо, появились въ октябрѣ, въ количествѣ десяти тысячъ пятисотъ экземпляровъ.

Печатаніе производилось на мой счетъ, и я сталъ во главѣ продажи. Мнѣ въ этомъ отношеніи много помогъ мой старый другъ Бежо. Книги расходились такъ быстро, какъ нельзя было и предвидѣть; на печатаніе мнѣ пришлось занять около пятнадцати тысячъ франковъ, а на точность подписчиковъ я не смѣлъ больше

разсчитывать. Поэтому я испыталъ безумную радость, когда у меня въ рукахъ очутились эти громадные пятнадцать тысячъ, ужасавшія меня, тѣмъ болѣе, что я не думалъ выручить ихъ отъ продажи моихъ книжекъ. Въ сравненіи съ этимъ первымъ восторгомъ, всѣ суммы, полученныя мною потомъ, произвели на меня гораздо меньшее впечатлѣніе. Однако, благодаря имъ, я получилъ возможность жить не служа; съ тѣхъ поръ я почти всегда могъ содержать себя и тѣхъ, которымъ мнѣ было такъ отрадно удѣлять часть моихъ скромныхъ доходовъ. Конечно, это маленькое богатство не всегда избавляло меня отъ денежныхъ затрудненій; но я съ удовольствіемъ повторяю: у меня были прекрасные друзья; заботясь обо мнѣ, они избавили меня отъ непріятностей нищеты, до которой, очень вѣроятно, довела бы меня моя привычка давать безъ разсчета. Тотъ, у кого мало потребностей и много друзей, обладаетъ богатствомъ; никто лучше меня не чувствовалъ этого.

Возбужденныя противъ меня юридическія преслѣдованія въ свое время надѣлали достаточно шума, и потому я упомяну о нихъ только вкратцѣ. Государственный прокуроръ Маршанжи, довольно извѣстный литераторъ, желавшій составить себѣ карьеру въ судѣ и впослѣдствіи дѣйствительно достигшій извѣстнаго положенія цѣною четырехъ головъ сержантовъ Ла-Рошели, напалъ на меня очень талантливо. Его поддерживало желаніе подвергнуть меня самому строгому приговору. Это усердіе иногда доводило его до абсурда; напримѣръ, упомянувъ о пѣснѣ „Господь Богъ“, онъ замѣтилъ: „Развѣ такъ Платонъ говорилъ о Божествѣ?“. Это замѣчаніе всѣмъ показалось неумѣстнымъ; вѣдь кто же не понималъ, что въ этой пѣснѣ Господь Богъ—Богъ фетишизма старыхъ богомолковъ, а не Высшій Разумъ, передъ которымъ я всегда преклонялся, какъ это доказывали другія страницы обвиняемой книги³⁰).

Сохранились подробности этого засѣданія, прославившагося въ свое время; на разборъ дѣла явилась такая густая толпа, что судьямъ пришлось влѣзть въ окно, а обвиняемому едва удалось добраться до судебного стола, хотя онъ повторялъ толифъ, какъ извѣстный мошенникъ, котораго вели на висѣлицу: „Господа, безъ меня не могутъ пачать“. Прекрасная защитительная рѣчь Дюпона показываетъ, какъ сильно долженъ я благодарить моего знаменитаго адвоката, который, кажется, никогда не выказывалъ такого убѣдительнаго, яркаго и остроумнаго краснорѣчія. Однако, я нашелъ, что мой защитникъ, желая оправдать своего кліента, слишкомъ умалилъ значеніе его куплетовъ; мое авторское тщеславіе и моя любовь къ пѣснѣ заставили меня найти, что обвиненіе шло прямѣе къ поставленной мною цѣли, придавая моимъ произведениямъ то литературное значеніе, котораго Дюпонъ лишалъ ихъ.

Полит. Центр. м. д.

Иногда гордость стихотворца можетъ доходить до героизма. Пусть лучше меня повѣсятъ мои враги, нежели утопятъ друзья. Тѣмъ же менѣе, мой адвокатъ поступилъ благоразумно, избавивъ меня отъ грозившаго мнѣ долгаго заключенія въ тюрьмѣ. Вдобавокъ, пѣсенника стали называть поэтомъ гораздо позже, и странная вещь, кажется, англичане первые дали мнѣ это званіе въ „Эдинбургскомъ Обозрѣніи“.

Можетъ быть, читатели удивятся, узнавъ, кто изъ судей повліялъ въ хорошемъ для меня смыслѣ на окончаніе перваго моего процесса, закончившагося тремя мѣсяцами тюрьмы и пятью стами франковъ штрафа? Я говорю о Коттю, объ этомъ горячемъ борцѣ за аристократическія идеи и вмѣстѣ съ тѣмъ о честнѣйшемъ, самомъ лучшимъ и безкорыстнѣйшемъ изъ роялистовъ. Онъ нашель, что нельзя разбирать мое „Старое знамя“ въ виду того, что это произведеніе представляло собою случай, не предусмотрѣнный закономъ. Вслѣдствіе этого вышелъ новый законъ о печати и наполнилъ выходы, черезъ который самая преступная изъ моихъ пѣсень избѣжала когтей Маршанжи; я не говорю судей, такъ какъ они относились ко мнѣ очень благосклонно. Г-нъ Ларіе, президентъ, дошелъ до того, что въ своемъ заключеніи, похваливъ меня, пожалѣлъ, что серьезность трибунала не позволяетъ слѣдить преслѣдуемыхъ произведеній, такъ какъ пѣніе могло бы послужить имъ извиненіемъ. Если куплетовъ не слѣли, то во время совѣщанія судей списали тѣ изъ нихъ, которые я составилъ въ честь моего предполагаемаго заключенія; списываніе производилось даже на письменномъ столѣ писца и государственнаго прокурора.

Я очень весело провелъ три мѣсяца заключенія въ тюрьмѣ Сентъ-Пелажи, въ той комнатѣ, изъ которой только-что вышелъ пробывшій тамъ два мѣсяца Курье³¹⁾, другой мятежникъ. Реставрація обошлась съ нимъ лучше, чѣмъ со мной, но конецъ его былъ такъ ужасенъ и такъ печаленъ! Со мною вмѣстѣ сидѣло много политическихъ осужденныхъ, между прочимъ мой другъ Кошуа-Лемэръ³²⁾, человекъ съ большими достоинствами, но слишкомъ скромный, который, сильно пострадавъ въ изгнаніи и тюрьмахъ, получилъ слабое вознагражденіе за это послѣ Іюльской революціи.

Съ моей стороны было бы неблагодарностью не упомянуть, что хотя меня навѣщали любопытные и люди, всегда готовые слѣдовать за толпой, но что я также встрѣтилъ выраженіе истиннаго участія чисто патріотическаго характера. Только эти выраженія симпатіи да шумъ, надѣланный моимъ осужденіемъ, наконецъ, показали мнѣ, а также и вождямъ оппозиціи размѣръ вліянія моихъ пѣсень.

Я знавалъ людей, боявшихся тюрьмы; меня она не могла испу-

гать; въ Сентъ-Пелажи мнѣ дали теплую, здоровую и достаточно меблированную комнату, тогда какъ я покинулъ совершенно обнаженное помѣщеніе, подверженное всѣмъ неудобствамъ мороза и оттепели, безъ печки или камина, каморку, въ которой я болѣе сорока лѣтъ зимой мылся ледяной водой и закутывался старымъ одѣяломъ, когда во время долгихъ ночей мнѣ приходило желаніе набросать нѣсколько риемъ. Понятно, что въ тюрьмѣ я чувствовалъ себя гораздо лучше. Поэтому я иногда замѣчалъ: „Тюрьма меня испортитъ!“ Людямъ, которые, думая о моей должности, дававшей мнѣ двѣ тысячи франковъ, удивятся бѣдности моего городского помѣщенія, я отвѣчу любимой аксіомой: не эгоистъ долженъ быть бережливымъ.

Во время моего тюремнаго заключенія судъ началъ новое дѣло противъ меня, поднятое прокуроромъ Беларомъ³³). Неблагодарный! Во время Ста Дней меня просили уговорить Реньо де-Сенъ-Жанъ д'Анжели разузнать о намѣреніяхъ императора относительно Белара, одного изъ людей, дѣлательно помогавшихъ свергнуть его въ 1814 г. Реньо усердно занялся этимъ дѣломъ и поручилъ мнѣ передать друзьямъ и родственникамъ Белара, что онъ можетъ безъ опасеній оставаться въ Парижѣ. Правда, тотъ не воспользовался этимъ совѣтомъ, но, конечно, не могъ не знать всего, что я для него сдѣлалъ. Новый процессъ затрагивалъ юридическій вопросъ. Дюпонъ издалъ отъ моего имени и въ мою пользу отчетъ о первомъ моемъ судебномъ дѣлѣ, включивъ въ него всѣ пѣсни, которыя служили предметомъ обвиненія. Такого случая еще никогда не бывало, и даже самые знающіе люди одобрили это изданіе, которое позволило мнѣ пополнить мой обезображенный судомъ сборникъ. Судъ понялъ важность печатанія подобныхъ отчетовъ, и я вышелъ изъ тюрьмы только для того, чтобы сѣсть на скамью подсудимыхъ вмѣстѣ съ Водуеномъ, моимъ издателемъ. Маршанжи снова явился обвинителемъ, а Дюпонъ защитникомъ. Я думаю, никогда даровой кліентъ не доставлялъ столько хлопотъ своему адвокату, потому что я долженъ замѣтить, что Дюпонъ согласился вести мое дѣло только съ условіемъ, чтобы я не поднималъ вопроса о гонорарѣ; также великодушно поступилъ со мною Бартъ во время моего послѣдняго процесса.

Можно ли было назвать рецидивомъ напечатаніе прочитанныхъ въ залѣ суда стихотвореній? Такъ поставили вопросъ. Въ сущности, его нельзя было поднимать, потому что судъ происходилъ публично, и, слѣдовательно, каждый могъ записать и судебную процедуру, и осужденныя стихотворенія, какъ это постоянно дѣлаетъ „Судебная Газета“. Наши Бридуазоны суда смотрѣли на дѣло иначе, и Маршанжи, не смущаясь, поддержи-

валъ обвиненіе. Какъ стремился онъ возвыситься! На этотъ разъ онъ былъ наказанъ, потому что его талантъ измѣнилъ ему, и судьи, правда большинствомъ одного голоса, доставили торжество могучей логикѣ и неотразимымъ доводамъ Дюпона, которому въ этомъ дѣлѣ помогалъ Бервиль³⁴⁾, защищавшій издателя. Достойный зять моего почтеннаго друга, милѣйшаго Андриэ, въ своей защитительной рѣчи пропѣлъ мнѣ хвалу, которая, если бы даже ея и не воспроизводили такъ часто, никогда не исчезла бы изъ моей памяти.

Если бы судьи уступили доводамъ Маршанжи, меня приговорили бы къ заключенію въ тюрьму на два года какъ разъ въ то мгновеніе, когда мнѣ оставалось пробывать всего два дня въ Сентъ-Пелажи. Мое оправданіе въ особенности порадовало меня, какъ осячка закона противъ прессы; теперь печатаніе всѣхъ подобныхъ процессовъ могло безъ конца умножать произведенія, враждебныя нашимъ противникамъ. Я самъ видѣлъ доказательство этого въ 1828 году, во время моего послѣдняго процесса: въ вечеръ осужденія всѣ мои запрещенныя пѣсни были напечатаны въ вечернихъ листкахъ, конечно, не имѣвшихъ либеральнаго направленія. Карлъ X удивился и разсердился, узнавъ, что его собственныя газеты доставили моимъ пѣснямъ больше извѣстности, чѣмъ это могли сдѣлать десять тысячъ экземпляровъ; но одинъ изъ вечернихъ листовъ замѣтилъ, что такъ какъ приговоръ 1822 года сдѣлалъ неизбѣжнымъ подобныя воспроизведенія, правительственныя газеты только предупредили на нѣсколько часовъ газеты оппозиціи. Роялистическій листокъ не прибавилъ, что такая поспѣшность принесла ему денежную выгоду!

Вычислили, что, благодаря повторенію осужденныхъ пѣсень парижскими газетами и перепечатанію въ газетахъ провинціальныя и заграничныя, менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли появилось нѣсколько милліоновъ экземпляровъ стиховъ, которые хотѣли запретить. Это было хорошимъ урокомъ для людей, старавшихся стѣснить свободу печати; тѣмъ не менѣе, преслѣдуемый авторъ не возгордился. Но если дуновеніе, которое наполняло и уносило его хрупкій воздушный шаръ, не было дыханіемъ славы, то во всякомъ случаѣ вѣяніемъ великодушныхъ и патріотическихъ мпѣній.

Въ 1825 г. я продалъ третій томъ моихъ стиховъ книгопродавцу Ладвока. Въ то время во главѣ министерства стоялъ г-ндѣ-Вилльель. Я зналъ, что этотъ человекъ настолько уменъ и тактиченъ, что не возбудитъ противъ меня новаго дѣла. Повѣрятъ ли? Я вслѣдствіе этого счелъ себя обязаннымъ быть менѣе враждебнымъ; однако, полиція приставала къ книгопродавцу и

къ издателю, требуя, чтобы они заставили меня выкинуть нѣкоторые куплеты. Я согласился ради ихъ интересовъ выпустить кое-что незначительное, но никакіе уговоры не заставили меня вычеркнуть куплетъ, обращенный къ Манюэлю и заканчивающій пѣсню „Галльскіе рабы“. Какъ поступилъ книгопродавецъ Ладвока? Вышло около пяти тысячъ экземпляровъ безъ этого куплета и безъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ, которыя полиція уничтожила безъ моего вѣдома. Остатокъ изданія не изуродовали. Я узналъ объ этой фальсификаціи какъ разъ въ тотъ день, когда Ладвока давалъ большой обѣдъ въ честь появленія книги; я отказался присутствовать на немъ, несмотря на просьбы бѣднаго издателя, котораго долженъ былъ бы извинить за то, что онъ больше меня боялся тюремнаго заключенія: вѣдь оно могло разорить его фирму! Онъ не избѣжалъ процесса вслѣдствіе того, что полиція захватила экземпляры, несогласные съ ея требованіями, но съ нимъ обошлись мягко, меня же совсѣмъ не тронули; это доказываетъ, что я правильно смотрѣлъ на министра.

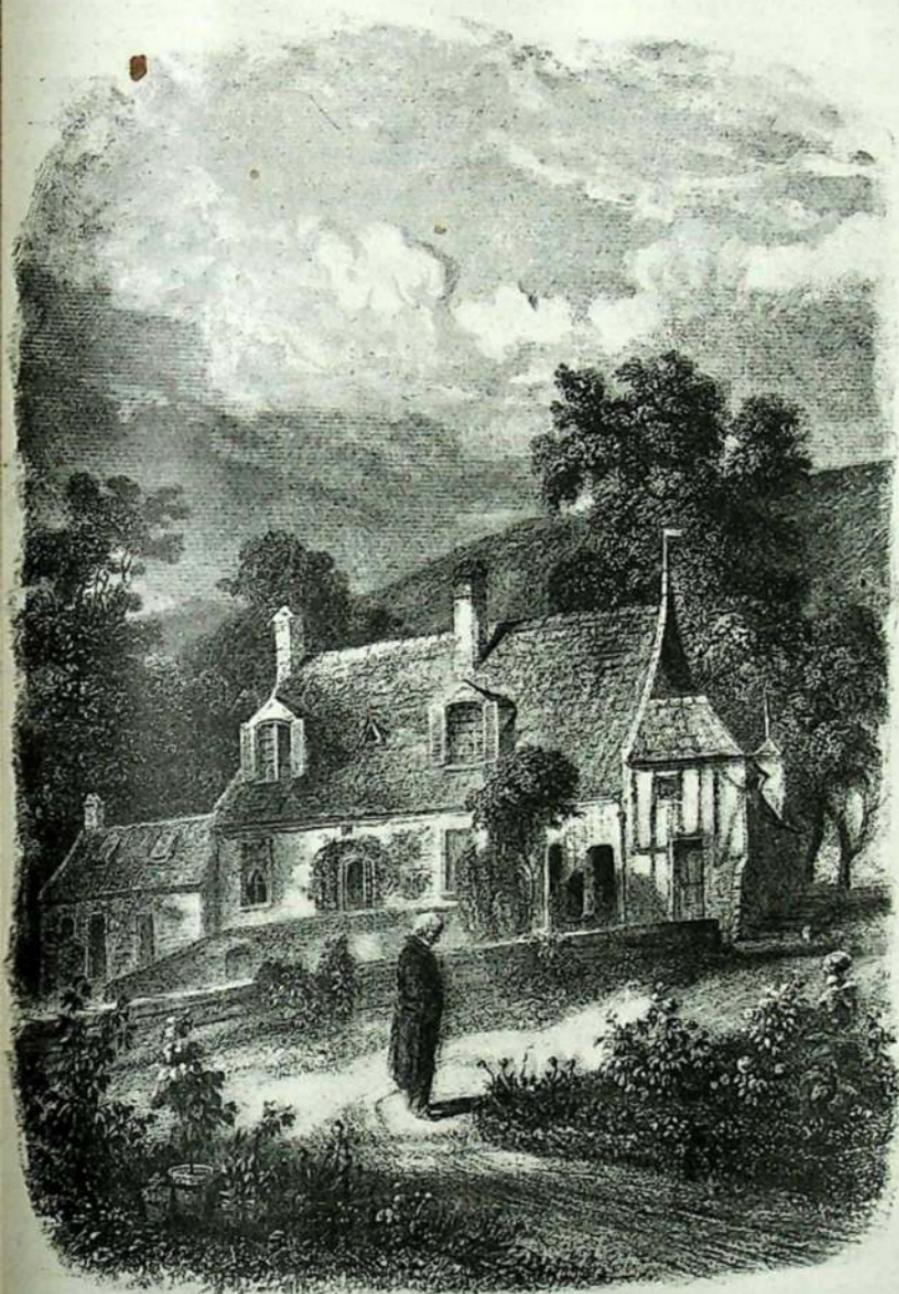
Съ 1825 по 1828 г. я жилъ среди политическаго общества и его самыхъ извѣстныхъ вожаковъ, и мнѣ много разъ пришлось доказать имъ мою независимость и откровенность. Я видѣлъ, до чего нація шла впереди этихъ корифеевъ, считавшихъ себя, какъ всѣ подобныя люди, ея цвѣтомъ; увы, это не часто бываетъ истинной. Многіе изъ либераловъ благодарили меня за помощь, которую я старался имъ оказывать; я отвѣчалъ:

— Не благодарите меня за пѣсни противъ нашихъ враговъ, благодарите меня за тѣ изъ нихъ, которыя я не написалъ противъ васъ.

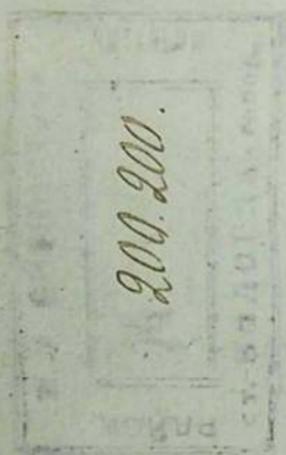
Богъ вѣдаетъ, сколько хорошихъ пѣсенъ противъ нихъ я могъ сложить. За нихъ, я думаю, правительство охотно простило бы мнѣ всѣ остальные.

Я видѣлъ большую часть нашихъ трибуновъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ и потому, живя среди нихъ, какъ мнѣ казалось, исполнялъ только долгъ. Не то могъ я сказать относительно молодежи, которая толпилась кругомъ меня. Она внушала мнѣ много прекрасныхъ надеждъ, и не всѣ онѣ погибли. Я видѣлъ, какъ рождались и возрастали благородныя способности, видѣлъ самоотреченіе, не умиравшее, несмотря на разочарованіе. Я видѣлъ, какъ возникали и развивались философскія и соціальныя идеи, и до сихъ поръ вѣрю, что онѣ, освободившись отъ неизбѣжныхъ заблужденій, когда-нибудь поведутъ къ улучшенію нашего бѣднаго міра, такъ называемая цивилизація котораго пока не что иное, какъ варварство.

Если молодые люди всегда охотно бывали у меня, то именно потому, что я ихъ понималъ, ободрялъ, иногда даже училъ, хотя

Берлиже въ Грешадъеръ (къ стр. 130).

я научился отъ нихъ большому, чѣмъ они могли научиться отъ меня. Мнѣ нетрудно сознаваться въ этомъ. Для друга человѣчества пріятно думать, что его похороняютъ люди, лучшіе, нежели онъ и его современники. Во мнѣ живетъ эта увѣренность, и если время отъ времени многое ее колеблетъ, другія стороны жизни ее подтверждаютъ, и всегда какъ разъ въ то мгновеніе, когда мнѣ кажется, что она можетъ исчезнуть.

Если бы я могъ вернуться къ себѣ въ уголокъ, чтобы думать и писать стихи, я сдѣлалъ бы это послѣ смерти Манюэля, котораго я потерялъ 20-го августа 1827 г. Мучительная болѣзнь, омрачавшая десять послѣднихъ лѣтъ его жизни, прервала ее, когда ему было пятьдесятъ два года. Писали, будто народная неблагодарность укоротила его дни. Это невѣрно. Прежде всего Манюэль не былъ способенъ видѣть народъ только въ салонахъ или избирательномъ корпусѣ, состоявшемъ изъ ста пятидесяти тысячъ отдѣльныхъ личностей; кромѣ того, онъ отлично зналъ, что его выбрали бы вновь въ 1822 г., если бы дѣлу не помѣшали постыдныя интриги его бывшихъ сотоварищей, изъ которыхъ одни завидовали его превосходству, другіе боялись порывовъ его патріотизма, заводившаго ихъ дальше, чѣмъ они желали. Манюэль зналъ обо всѣхъ низкихъ проискахъ, но былъ слишкомъ гордъ, чтобы открыть ихъ; онъ не могъ удивляться, видя, что его имя не появляется изъ избирательной урны. Если онъ во имя нашего дѣла сожалѣлъ объ этомъ, какъ объ отступленіи отъ принципа, онъ долженъ былъ почти радоваться за себя; въ палатѣ онъ остался бы слишкомъ одинокимъ и слѣдовательно не могъ бы приносить пользы странѣ. Его снова удалили бы оттуда и онъ не нашелъ бы въ депутатахъ лѣвой партіи достаточно жаркой защиты; противная же партія придавала бы этому видъ доказательства своихъ успѣховъ. Нѣкоторыя драмы у насъ, французовъ, не слѣдуетъ повторять два раза. Нашъ жаръ во всѣхъ отношеніяхъ скоро ослабѣваетъ. Самые вліятельные изъ коллегъ Манюэля спасли его отъ вторичнаго изгнанія, котораго онъ не боялся. Многія изъ лицъ, взявшихъ на себя обязанность управлять голосованіемъ, написали въ Вандею, что Манюэль, конечно, будетъ вновь избранъ въ Парижъ, а парижскимъ избирателямъ показали письма, которыя они заставили себѣ написать изъ Вандеи и въ которыхъ эта провинція требовала его избранія.

Манюэлю эти низости внушали отвращеніе и онъ выносилъ пренебреженіе къ себѣ избирательнаго корпуса со спокойствіемъ челоуѣка, не ожидавшаго ничего другаго. Онъ не переставалъ давать мудрые совѣты людямъ, въ его лицѣ измѣнившимся дѣлу народа, и на ложѣ смерти нѣсколько разъ повторилъ мнѣ съ пе-

чалью: „Вы ожидаете революціи; я также. Но, другъ мой, откуда возьметъ Франція людей, которые могли бы съ достоинствомъ управлять ею?“. Я долженъ замѣтить, что Манюэль былъ такъ искренно скромнень, что не считалъ себя способиѣ людей, отъ которыхъ ожидалъ мало пользы. Въ этомъ отношеніи онъ заблуждался.

Его преждевременная кончина напомнила о его заслугахъ и добродѣтеляхъ. Тьеръ и Минье, которые вмѣстѣ со мною присутствовали при его послѣднихъ минутахъ, выпустили, несмотря на препятствія со стороны цензуры, статьи; благодаря стараніямъ этихъ вѣрныхъ друзей, Франція осыпала сожалѣніями гробъ нашего краснорѣчиваго оратора. Похоронное шествіе вышло изъ замка Мезонъ, въ которомъ Манюэль провелъ послѣдніе дни; печальнымъ шествіемъ руководили Лафиттъ, генераль Лафайетъ и еще многіе другіе депутаты. Похороны были достойны памяти нашего друга, потому что масса народа собралась на внѣшнихъ бульварахъ, по которымъ намъ пришлось идти,—вступить въ городъ намъ не позволили. Въ этомъ видна разница взгляда правительства на Манюэля и на генерала Фуа, похоронная процессія котораго безъ препятствій прошла черезъ Парижъ, причемъ учащейся молодежи позволили везти дроги. Когда народъ захотѣлъ оказать подобную же честь изгнанному трибуну, явилась цѣлая армія жандармовъ, готовыхъ броситься на насъ съ саблями. Народъ настаивалъ. Пришлось вести долгіе переговоры, чтобы избѣжать рѣзни. Поставленный въ затруднительное положеніе между грубостью солдатъ и энергическими протестами толпы, Лафиттъ выказалъ хладнокровіе и твердость, которыя предвѣщали то, чѣмъ онъ сдѣлался въ іюльскіе дни 1830 г. Для того, чтобы позволили идти дальше, намъ слѣдовало снова впречь лошадей въ погребальную колесницу; послѣ появленія жандармовъ трудно было ждать такихъ ограниченныхъ требованій. Правда, народная толпа увеличилась во время спора и въ процессіи участвовало, по крайней мѣрѣ, полтораста человѣкъ! Мы пришли къ могилѣ. Надгробныя рѣчи удлинени мое мученіе, потому что для человѣка, который, оплакивая любимое существо, перестаетъ думать о политикѣ, — настоящая мука шумныя похороны, блескъ краснорѣчія, отсутствіе слезъ въ глазахъ, устремленныхъ на останки друга, съ которыми хотѣлось бы проститься въ глубокой задумчивости.

Надъ могилой думали поставить памятникъ, но въ этомъ случаѣ также сказалась разница между Манюэлемъ и Фуа. Все, что мы потомъ называли ограниченнымъ центромъ (слово, которое можно было изобрѣсти раньше), въ особенности банкъ, посидѣло устроить подписку, чтобы воздвигнуть генералу мавзолей и упро-

чить за его дѣтьми состояніе. Между тѣмъ, толстые кошельки отказались открыться для Манюэля, и подписка съ трудомъ собрала около девяти—десяти тысячъ франковъ.

Многіе изъ его богатыхъ друзей не приняли въ ней участія; раньше они позабыли дать Манюэлю возможность жить въ довольствѣ. Онъ оставилъ только свои сбереженія изъ суммъ, которыя заработалъ въ качествѣ дѣйствительнаго адвоката въ Эксѣ и адвоката-консультанта въ Парижѣ. Впрочемъ, въ послѣднемъ положеніи онъ получалъ мало, такъ какъ, сдѣлавшись депутатомъ, сталъ отказываться отъ гонораровъ за консультаціи и давалъ совѣты только бесплатно; онъ увѣрялъ, что депутатъ не можетъ быть получающимъ вознагражденіе адвокатомъ, не вызывая сомнѣній въ своемъ безпристрастіи, потому что депутату часто приходится говорить о законахъ, которые могутъ касаться интересовъ его кліентовъ.

Манюэль завѣщалъ мнѣ ежегодный доходъ въ тысячу франковъ. Онъ недостаточно подумалъ о семейныхъ обязательствахъ, которыя перешли къ его брату, вполне достойному этой части его наслѣдства. Несмотря на настоянія брата Манюэля, я отказался отъ тысячи франковъ и только попросилъ его дать мнѣ часы бѣднаго умершаго и его волосяной матрацъ, на которомъ я и сплю. Однако, Манюэль-младшій, несмотря на мой отказъ, исполнялъ намѣренія завѣщателя и даже заходилъ еще дальше. Его личное положеніе улучшилось, и я пересталъ противиться желаніямъ этого превосходнаго друга, привязанность котораго ко мнѣ равняется моимъ чувствамъ къ памяти его знаменитаго брата.

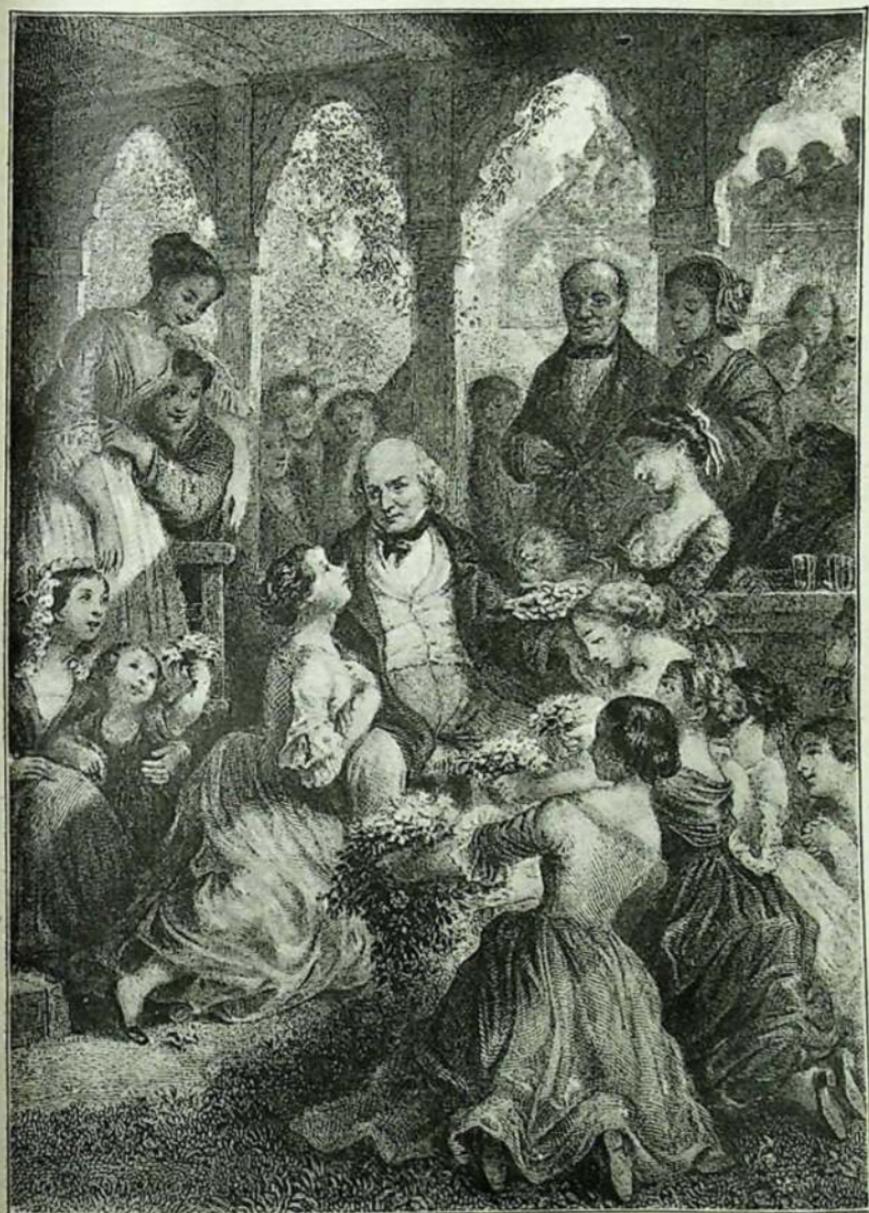
Хотя эта смерть не порвала моихъ отношеній съ вождями либеральной партіи, изъ которыхъ иные вдобавокъ стали моими личными друзьями, какъ, напримѣръ, Дюпонъ и Лафиттъ, однако, она пробудила во мнѣ еще большее стремленіе къ молодежи, такъ какъ ея широкія и великодушныя идеи вполне согласовались съ моими взглядами и чувствами. Я это ясно почувствовалъ въ 1828 году, когда вышелъ въ свѣтъ мой четвертый томъ. Министерство Мартиньяка устроило нѣчто вродѣ перемирія и даже заключило какъ бы договоръ между большимъ количествомъ членовъ лѣвой стороны и центромъ, а потому многіе хотѣли помѣшать мнѣ напечатать этотъ томъ; говорили, будто его появленіе нарушитъ видимое согласіе этихъ господъ.

Чѣмъ болѣе меня уговаривали молчать, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ я потребность нарушить молчаніе, протестуя такимъ образомъ противъ сліянія (это слово было тогда въ ходу), которое сбивало съ толку общественное мнѣніе и могло повести къ укрѣпленію принципа легитимизма. Въ то время я приобрѣлъ

достаточно вліянія, чтобы надѣяться, что моя попытка не будетъ вполне безуспѣшной. Выпущенный томъ произвелъ цѣлый скандалъ, въ особенности въ рядахъ высшей оппозиціи; многіе ея вожаки, полагавшіе, что они скоро сдѣлаются министрами, за угломъ проклинали меня, но, встрѣчаясь со мною, не осмѣливались не подать мнѣ руки. Если я и не осмѣялъ этихъ такъ называемыхъ великихъ политиковъ, они все же боялись уколовъ моего ума. Въ моемъ ремеслѣ слѣдуетъ вооружаться съ головы до ногъ, и у меня не бывало недостатка въ язвительныхъ словахъ и эпиграммахъ. Это составляло одинъ изъ моихъ недостатковъ, отъ котораго я никогда не могъ вполне отдѣлаться. Моя заразительная веселость увеличивала успѣхъ моихъ шутокъ, и въ извѣстномъ кругу онѣ, можетъ быть, были не менѣе полезны дѣлу народа, нежели мои пѣсни.

Я былъ увѣренъ, что за четвертый томъ, вызывавшій такія гримасы на лицахъ многихъ моихъ друзей, меня потребуютъ въ судъ, и поспѣшилъ навѣстить добраго Дюпона; для того же, чтобы запасть въ воздухъ, я рѣшилъ провести нѣсколько дней на берегу моря. Въ Гаврѣ я узналъ что преслѣдованія начались; я тотчасъ покинулъ Дюпона, боявшагося для меня послѣдствій этого новаго дѣла, и вернулся въ Парижъ. Тамъ многіе добрые люди воображали, что я бѣжалъ за границу. Дюпонъ поспѣшилъ написать мнѣ, что онъ пріѣдетъ защищать меня, но я напомнилъ ему, что ставъ депутатомъ, онъ уже не располагаетъ свободой, необходимой для защитника мятежника, вроде меня, не желавшаго идти ни на какія уступки. На этотъ разъ мое дѣло взялъ на себя Бартъ. Онъ выказалъ мнѣ преданность и участіе; однако, это не заставляетъ меня забывать заблужденій, въ которыхъ, по моему мнѣнію, онъ впалъ впоследствии и отъ которыхъ я желалъ бы избавить его, потому что онъ принадлежитъ къ числу самыхъ лучшихъ людей, когда-либо встрѣченныхъ мною. Но развѣ я имѣю право быть суровымъ къ нему, какъ и ко многимъ другимъ? Вѣдь я принадлежалъ къ числу людей, толкнувшихъ ихъ къ высшимъ должностямъ, т. е. на тотъ опасный путь, на которомъ часто заблуждаются слабые и подвижные характеры; а кто изъ насъ не падалъ? Если можно найти людей, о паденіи которыхъ не толкуютъ, это значитъ только, что они падали, когда никто на нихъ не смотрѣлъ.

Лафиттъ въ качествѣ преданнаго друга боялся, чтобы мое здоровье не пострадало отъ долгаго тюремнаго заключенія, и поѣхалъ къ министрамъ, желая добиться исхода, благосклоннаго для меня. Я умолялъ его прекратить эти хлопоты; я не стремился уклоняться отъ процесса.

Молодежь латинского квартала (въ 1850 г.) увѣчиваетъ Беранже цвѣтами (къ стр. 132).

— Берегитесь,—сказалъ онъ мнѣ.—Если вы умрете въ тюрьмѣ, надъ вами не поставятъ такой гробницы, какъ генералу Фуа; вы заслужите только нѣчто вродѣ памятника Манюэля.

— Еще болѣе скромная могила годилась бы для меня,—отвѣтилъ я.—Я никогда не стремился къ хорошему помѣщенію.

Я невольнѣ ясно понималъ, что предлагали мнѣ. Вотъ въ какомъ свѣтѣ представилъ мнѣ дѣло Лафиттъ, самъ мало смыслившій въ подобныхъ вещахъ. Въ то время дѣлами прессы занимались исправительные суды. Если бы я согласился не являться на судебный разборъ, судъ безъ преній наложилъ бы на меня самое меньшее наказаніе. Такимъ путемъ власть избѣжала бы дебатовъ и шума, производимаго ими, конечно, рассчитывая избавиться также и отъ воспроизведенія осужденныхъ пѣсень: для нашихъ противниковъ это представляло большія выгоды. Понятно, я отказался, и сдѣлалъ это такъ рѣшительно, что всѣ перестали настаивать и только говорили мнѣ о возможности многолѣтняго заключенія; къ счастью, предсказаніе не исполнилось.

Въ сравненіи съ дѣйствіемъ, произведеннымъ моимъ процессомъ, тюремное заключеніе на девять мѣсяцевъ и штрафъ въ десять тысячъ франковъ значили для меня немного. Несмотря на примѣръ Лафитта, Берара, Себастиани и другихъ, пошедшихъ со мною въ судъ, многіе изъ моихъ политическихъ друзей нашли болѣе благоразумнымъ покинуть меня ³⁵). Но они ошиблись въ своихъ расчетахъ и потомъ сами явились ко мнѣ въ La Force, тюрьму, выбранную мною. Они навѣстили меня, когда вступленіе де-Полиньяка въ министерство убѣдило ихъ, наконецъ, что имъ нечего ожидать отъ Бурбоновъ, какъ я не переставалъ говорить и пѣть.

Мнѣ было бы легко добиться, чтобы меня послали вмѣсто тюрьмы въ больницу, но мнѣ и въ голову не приходило просить объ этомъ ³⁶). Поводовъ для отправленія въ лазаретъ у меня было много: во время первыхъ четырехъ мѣсяцевъ заключенія я былъ очень боленъ. Но, вступивъ въ борьбу съ правительствомъ, смѣшно жаловаться на удары, которые оно наноситъ, и неловко тотъ, кто позволяетъ своему противнику великодушно смягчать результаты боя.

Можетъ быть, я думалъ такъ потому, что, какъ я уже сказалъ, пребываніе въ отдѣльномъ уголкѣ тюрьмы, жизнь правильная, затворническая съ длинными вечерами имѣла для меня нѣкоторое очарованіе. Она не годится для молодежи; но когда я ее испробовалъ, мнѣ было болѣе сорока лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ я иногда спрашивалъ себя, не рожденъ ли я для монастыря. Но нѣтъ, монашеская жизнь исключаетъ нравственную свободу, а безъ нея я не могу обходиться.

Самая ужасная мука, которую испытываешь въ мѣстахъ заключенія (и порой она ужасна), это зрѣлище непоправимаго несчастья, заслуженнаго по неосторожности, и видъ низкихъ натуръ, съ которыми знакомишься въ тюремныхъ камерахъ. Однако, повѣрять ли? Не тамъ мизантропъ нашель бы наибольшее число доводовъ противъ бѣднаго человѣческаго рода! Наоборотъ, философъ увидѣлъ бы въ тюрьмѣ страшные аргументы противъ нашихъ законовъ, впрочемъ, менѣе несовершенныхъ, нежели тѣ, которые гнели нашихъ отцовъ.

Во время моего заключенія я перенесъ большую непріятность. Мои юные друзья хотѣли открыть подписку и съ ея помощью покрыть штрафъ, наложенный на меня, который вмѣстѣ съ судебными издержками и налогомъ достигалъ одиннадцати тысячъ пятисотъ франковъ. Я предвидѣлъ, что она будетъ имѣть мало успѣха. Подписки утомили общество; потомъ рабочій классъ не участвовалъ въ ней, такъ какъ предполагалось, что мои друзья-банкиры поспѣшатъ уплатить этотъ политическій долгъ. Но очень щедрые на словахъ, они позволяютъ угощать себя чѣмъ угодно и какъ можно дешевле. Зная это, я желалъ, чтобы эти господа остались въ сторонѣ. Мнѣ также не хотѣлось быть обязаннымъ публикѣ, потому что по природѣ она немножечко банкиръ и охотно посягаетъ на свободу тѣхъ, для которыхъ развязываетъ свой кошелекъ. Этого тогда я не рѣшался сказать. Благодаря усердію молодыхъ людей, подписка удалась, но безъ Берара, который пополнилъ сумму, мнѣ пришлось бы внести и собственные деньги.

Послѣ Іюльской революціи комитетъ помощи осужденнымъ Реставраціей предложилъ мнѣ ежегодную пенсію въ размѣрѣ шестисотъ франковъ изъ денегъ, которыя выдавало правительство. Я отказался: были жертвы, нуждавшіяся болѣе меня. Рабочій, отецъ семейства, посаженный въ тюрьму, болѣе достоинъ жалости, чѣмъ литераторъ, который даже подъ замкомъ можетъ всетаки работать ради своей славы и богатства.

Читатели понимаютъ, что я говорю только о заключеніи во Франціи, а не о политическихъ тюрьмахъ въ Австріи, въ Папской области, Турціи и т. д.

Именно въ тюрьму La Force ко мнѣ впервые пришелъ Викторъ Гюго и вскорѣ привелъ Сень-Бѣва. Туда же явился Александръ Дюма, весь сіявшій отъ своего перваго успѣха въ театрѣ. Ихъ посѣщенія послужили для меня наградой за битвы, начатыя мною во имя литературной революціи, на которую рѣшились они и ихъ друзья; однако, въ сущности, ихъ возстаніе представляло собою нѣсколько запоздалое слѣдствіе политической и соціальной революціи. Ретроградное направленіе нѣкоторыхъ идей этой школы,

которую долго отвергали наши старые и молодые либералы, не помѣшало мнѣ привѣтствовать лирической гений Гюго и восторгаться „Размышлениями“ Ламартина, съ которымъ я сошелся гораздо позже. Я глубоко преклонялся передъ де-Виньи за то, что онъ сочинялъ свои темы съ искусствомъ и вкусомъ, столь рѣдкими между нами! Я понялъ весь размѣръ и всю тонкость ума Сень-Бѣва и вмѣстѣ со всѣми предсказалъ Дюма великій драматическій успѣхъ.

Напрасно мнѣ возражали, что эта школа часто грѣшила противъ демократической идеи, которая открыла для нея поприще; что изъ ея нѣдръ вылились нападки на нашу славу; что она оскорбила Наполеона, умиравшаго на островѣ св. Елены; что она не признавала заслугъ, оказанныхъ намъ философией; напрасно мнѣ говорили все, что должно было бы задѣвать меня больше, чѣмъ кого бы то ни было!

— Но, — отвѣчалъ я, — у насъ начинаютъ говорить и писать такъ рано, что мы сперва высказываемъ идеи другихъ, не давая себѣ отчета, соотвѣтствуютъ ли онѣ нашимъ собственнымъ чувствамъ; это, скажу въ скобкахъ, объясняетъ перемѣны направленій столькихъ возвышенныхъ умовъ; наши же романтики — всѣ очень молоды; извинимъ ихъ заблужденія, объясненія которыхъ мы должны просить только у ихъ кормилицъ. Тѣмъ не менѣе, они заставляютъ нашу литературу гораздо откровеннѣе говорить о событіяхъ современныхъ, текущихъ и чисто французскихъ; вѣдь мы слишкомъ долго говорили, даже на политическихъ собраніяхъ, прибѣгая къ заимствованіямъ у древности, или на неточномъ туманномъ языкѣ, примѣры котораго даетъ вамъ Делиль. Подождите, они напрасно хватаются за прошлое; они придутъ къ намъ, языкъ приведетъ ихъ къ нашимъ идеямъ.

Мнѣ не хотѣли вѣрить, а предсказаніе всетаки исполнилось. Языкъ, языкъ! Онъ душа народовъ; въ немъ читаются ихъ судьбы. Когда же въ нашихъ училищахъ воспитанниковъ будутъ серьезно учить французскому языку? Когда же будутъ въ нихъ читать исторію языка, начиная съ Франциска I до нашихъ дней, не для того, чтобы объяснять нашихъ авторовъ, а чтобы съ помощью авторовъ — отзвуковъ прошлыхъ вѣковъ, иллюстрировать теченіе языка, его попытки, уклоненія, покой и прогрессъ?

Разъ заговоривъ о языкѣ, я скажу, до чего въ этомъ отношеніи поэма „Жоселень“ кажется мнѣ чуднымъ произведеніемъ. Безъ сомнѣнія, въ „Паденіи ангела“ сказывается большой талантъ, но я никогда не видалъ, чтобы стиль, который мы называемъ расиновскимъ, касался такъ глубоко подробностей интимной жизни почти во всѣхъ ея степеняхъ. Никогда стихъ не изгибался такъ

легко и правдиво, набрасывая самыя трудныя картины и не теряя въ то же время своего изящества и гармоніи. „Жоселенъ“ — великій шагъ впередъ: теперь наша поэзія можетъ все говорить, все рисовать.

Я знаю, что въ „Жоселенѣ“ есть нѣкоторыя упущенія и длинноты, но поэма изобилуетъ такими красотою, что можно не обращать никакого вниманія на пятна, которыя вдобавокъ было бы такъ легко уничтожить. Если бы подобное произведеніе пришло къ намъ изъ-за Рейна или изъ-за Ламанша, мы не переставали бы кричать, что это чудо.

Пора мнѣ вернуться въ тюрьму еще на нѣсколько часовъ.

Полиція боялась, чтобы мой выходъ изъ La Force не возбудилъ шумныхъ манифестацій около тюрьмы. Я не меньше ея боялся того же самаго и поэтому обманулъ моихъ друзей относительно дня моего освобожденія. Тѣмъ не менѣе, начальникъ тюрьмы разбудилъ меня очень рано утромъ, чтобы, какъ онъ сказалъ, „вытолкать меня за дверь“. Послѣ девятимѣсячнаго заключенія я очутился на свободѣ и пошелъ прогуливаться по бульварамъ такъ беззаботно, точно я вышелъ изъ дому. Это показываетъ легкость, съ которой я способенъ измѣнять положенія. Читатели должны видѣть, что я не желаю возбуждать жалости; однако, я уже старѣлся.

Мое послѣднее дѣло бросило новый свѣтъ на мою жизнь, и такъ какъ династія своими ежедневными ошибками приводила въ отчаяніе самыхъ преданныхъ и самыхъ способныхъ своихъ друзей, число людей, выражавшихъ мнѣ благосклонность, увеличивалось пропорціонально возрастанію недовольныхъ. Я всегда мечталъ о Шатобріанѣ; какже обрадовался я, когда онъ, по возвращеніи изъ своего посольства въ Римъ, пожелалъ познакомиться со мною. Поэтъ, видѣвшій скромное мѣсто пѣсни, поистинѣ могъ возгордиться, сознавъ, что она въ концѣ концовъ привлекла вниманіе автора „Мучениковъ“ и „Генія христіанства“. Большей литературной награды я не могъ заслужить. Въ произведеніяхъ, которыя Шатобріанъ напечаталъ послѣ того, какъ я впервые пожалъ его руку, онъ постоянно выказывалъ свое благоволеніе ко мнѣ. Но онъ утаилъ, что, узнавъ два года тому назадъ о моихъ денежныхъ затрудненіяхъ, заставлявшихъ меня лишать себя даже необходимаго, онъ открылъ для меня кошелекъ какъ разъ въ то время, когда ему самому пришлось продать домикъ, который онъ устроилъ для себя въ улицѣ L'Enfer. Мнѣ хотѣлось принять его предложеніе не для того, чтобы воспользоваться его деньгами, но чтобы между нами существовали взаимныя услуги. Однако, я этого не сдѣлалъ, потому что живу въ шестидесяти

лѣ отъ Парижа и деньги дорого посылать; вѣдь дорого стоящія удовольствія невозможны теперь для него, какъ они были всегда невозможны для меня.

Во главѣ одного экземпляра своихъ историческихъ опытовъ авторъ „Рене“ написалъ автору „Доброй старушки“ стихи, которые мнѣ хочется привести здѣсь:

Ainsi que vous, j'ai pleuré sur la France;
Dites un jour aux fils des nouveaux preux,
Que je parlai de gloire et d'espérance
A mon pays quand il fut malheureux.
Rappelez-leur que l'aquilon terrible
A ravagé mes dernières moissons
Faites revivre, au coin d'un feu paisible,
Mon souvenir dans vos nobles chansons.

Къ этому сияющему славой документу я, къ сожалѣнію, не могу присоединить нѣсколькихъ писемъ моего знаменитаго и прервосходнаго друга Ламене, съ которымъ мы хотѣли состариться вмѣстѣ. Эти письма доказали бы, что, исходя изъ совершенно противоположныхъ точекъ, честные и мужественные борцы могутъ когда-нибудь войти въ союзъ подъ знаменами родины и человечества. Вотъ что должно заставлять людей во время борьбы мнѣній не доходить до ненависти или до личныхъ оскорбленій, если они въ своихъ противникахъ замѣчаютъ чистосердечіе. Человѣкъ съ недобримъ сердцемъ и, безъ сомнѣнія, острымъ умомъ сказалъ: „Будемъ обращаться съ нашими друзьями, какъ съ нашими будущими врагами“; человѣкъ съ хорошимъ направленіемъ исправилъ это ужасное изреченіе такъ: „Будемъ обращаться съ нашими врагами, какъ съ будущими друзьями“, и я часто повторялъ себѣ это. Что касается слова „врагъ“, то я употребляю его только потому, что мнѣ его подсказали; самъ я никому его не давалъ. Наоборотъ, могъ бы называть друзьями слишкомъ многихъ, если бы не скупился на это названіе и отвѣчалъ на всѣ сдѣланные ко мнѣ шаги.

Обо мнѣ говорили даже, что я отказывался почти ото всѣхъ приглашеній, сыпавшихся на меня съ различныхъ сторонъ. Между прочимъ, знатные господа, старинные дворяне, которые поддерживали либеральныя мнѣнія, никогда не могли залучить меня къ себѣ. Однажды я сказалъ почтеному Ларошфуко-Ліанкуру⁸⁷⁾, мило уцрекнувшему меня за это: „Герцогъ, повѣрьте мнѣ, не смѣшное демократическое чувство мѣшаетъ мнѣ уступать вашимъ настояніямъ. Я сознаю, что вы мнѣ дѣлаете честь, но у меня словарь не похожій на словарь вашихъ салоновъ. До тѣхъ поръ, пока я не ознакомлюсь съ нимъ, я среди васъ буду нѣмымъ или дуракомъ“. Дѣйствительно, я имѣлъ обыкновеніе подчиняться мане-

рамъ и тону людей, среди которыхъ бывалъ, зато если этотъ маскарадъ казался мнѣ слишкомъ тяжелымъ, я уходилъ навсегда. Я могъ бы также сказать герцогу, что никогда не чувствую себя свободно среди людей, которыхъ не знаю хотя бы по имени. Пока я не угадываю, кто они, я бываю такъ занятъ стараніемъ узнать это, что теряю всякую свободу ума. Ларошфуко убѣдили мои доводы. Когда онъ въ 1818 г. пожелалъ заказать мнѣ пѣсню для праздника въ Ліанкурѣ въ честь ухода иностранныхъ войскъ, онъ попросилъ свиданія у меня въ домѣ или въ кафѣ. Понятно, я поспѣшилъ къ нему. Я хотѣлъ разработать этотъ сюжетъ и обѣщаль ему, что если напишу эту пѣсню, онъ получитъ ее ко времени своего патріотическаго праздника. Едва окончился Святой Союзъ народовъ, я послалъ ее герцогу, который очень благодарилъ меня за это. Такъ какъ онъ принадлежалъ къ числу устроителей больницъ, я написалъ слѣдующее злое двустишіе:

J'ai fait pour certain duc un chant qui n'est pas mal;
Je suis sûr desormais d'un lit à l'hôpital *).

Право, нечего было презирать кровать въ больницѣ!

Наши либералы, бывшіе дворяне, несмотря на свое добровольное отреченіе отъ титуловъ и даже отъ частицы „де“, тѣмъ не менѣе почти всѣ остались немного герцогами, маркизами и графами. Я знаю одного изъ нихъ, который, проповѣдуя аграрный законъ, началъ славненькіе процессики противъ своихъ сосѣдей, во имя сохраненія феодальнаго рабства, уже давно отмѣненнаго на практикѣ.

Многіе знатные господа императорской фабрикаціи — бѣдныя луны, погасшія послѣ паденія солнца, — отличались не менѣе смѣшными сторонами. Имъ недоставало только благосклонности двора, чтобы сдѣлаться дерзкими; однако, это не помѣшало нѣкоторымъ изъ нихъ выказывать мнѣ большую вѣжливость послѣ Іюльскихъ дней. Во время Реставраціи они не осмѣлились бы и говорить со мною, боясь скомпрометировать себя, но послѣ паденія Карла X я что-нибудь да значилъ, а эти господа до такой степени стремились вернуть себѣ былое величіе, что многіе проскользнули въ Сень-Жерменское предмѣстье, съ цѣлю освятить свои новые титулы въ залахъ старой знати. Измѣна этихъ новыхъ дворянъ своему плебейскому происхожденію заставляла меня быть менѣе терпимымъ къ нимъ, нежели къ людямъ, получившимъ свои предразсудки вслѣдствіе старыхъ традицій и воспитанія. Полагаю, что вся нація думала также. Проѣзжая черезъ Компьень, который только-что покинулъ императоръ и его дворъ (кажется, это было

*) Я написалъ для одного герцога недурную пѣсню. Теперь мнѣ, навѣрно, дадутъ кровать въ больницѣ.

въ 1808 г.), я увидѣлъ на дорогѣ одну старуху-крестьянку; она подошла ко мнѣ съ веселымъ лицомъ и замѣтила:

— Ахъ, сударь, наконецъ-то я увидѣла его!

— Кого же?—спросилъ я, притворяясь, что не понимаю.

— Императора, императора!—отвѣтила она.—Онъ поклонился мнѣ. Онъ кланяется всѣмъ, не то, что господа, которые съ нимъ. Видно, что они просто выскочки.

Бѣдная женщина не считала выскочкой человѣка, котораго слава поставила такъ высоко! Народъ также. Но за исключеніемъ военныхъ именъ, онъ питалъ мало уваженія къ блестящему императорскому двору, въ которомъ, впрочемъ, блистали люди съ великими способностями.

Лафайетъ, человѣкъ, полный одинаковой ко всѣмъ благосклонности (по крайней мѣрѣ, повидимому), совершенно отказался отъ притязаній своей касты. Если люди узнавали въ немъ бывшаго аристократа, то лишь только по его излишнему старанію заставить всѣхъ забыть объ этомъ. Несмотря на дружеское отношеніе ко мнѣ, я никогда не былъ у него въ замкѣ Лагранжъ, куда стремились всѣ, и я предполагаю, что поэтому въ глубинѣ сердца генерала осталось ко мнѣ непріязненное чувство. Почему бы не сознаться? Я сомнѣвался въ его политическихъ способностяхъ и упрекалъ его за то, что онъ въ послѣднія минуты Имперіи не послѣдовалъ благородному примѣру Карно. Я зналъ, что во время Ста Дней благоразумные патріоты, и между прочимъ Дюпонъ, во многомъ упрекали его. Все это, вмѣстѣ взятое, можетъ быть, способствовало моему нежеланію ѣхать въ Лагранжъ. Потомъ я чувствовалъ, что если бы я въ моемъ положеніи слишкомъ близко сошелся съ Лафайетомъ, то связалъ бы себя, а это совершенно противорѣчило моей свободной натурѣ. Безъ сомнѣнія, меня за это порицали. Я также самъ себя порицалъ и, несмотря на все сказанное, никто яснѣе меня не видѣлъ чистоты намѣреній Лафайета и громадности заслугъ, которыя онъ оказалъ свободѣ. Но я повиновался моему инстинкту.

Во всѣ времена я слишкомъ полагаался на народъ, чтобы одобрять тайныя общества и постоянные заговоры, которые подвергаютъ бесполезной опасности множество существованій, создаютъ массу мелкихъ соперничающихъ честолюбій и подчиняютъ принципиальные интересы страстямъ отдѣльныхъ лицъ; подобныя общества порождаютъ недовѣріе—источникъ неудачъ, даже измѣнъ, и, обращаясь къ рабочимъ классамъ, подкупаютъ и портятъ ихъ, вмѣсто того, чтобы просвѣщать. Я могъ бы доказать справедливость всѣхъ моихъ утвержденій; я зналъ все, что дѣлали тайныя ассоціаціи, или, по крайней мѣрѣ, зналъ достаточно, чтобы сказать, что онѣ

годятся только для народовъ, угнетаемыхъ иностранцами. Не думай Лафайетъ о ихъ будущей пользѣ, этотъ великій гражданинъ, вѣроятно, раздѣлялъ бы образъ моихъ мыслей. Я не только отказался сдѣлаться членомъ „карбонаріевъ“, но и старался отговорить многихъ изъ моихъ друзей, между прочимъ Манюэля, отъ вступленія въ эту ассоціацію. Революція 1830 г. доказала, что страна, въ которой нравы при всякомъ образѣ правленія упрочиваютъ за обществомъ извѣстную долю свободы, не нуждается ни въ тайныхъ обществахъ, ни въ заговорахъ. Только одно общество „Помогай себѣ, небо тебѣ поможетъ“, которое дѣйствовало открыто, оказало истинныя услуги нашему дѣлу. Что бы ни писали и ни говорили легитимисты, ни одинъ заговоръ, ни одно тайное общество не управляло возстаніемъ, которое свергло старшую линію Бурбоновъ! Я даже видѣлъ людей, очень удивленныхъ тѣмъ, что побѣда была одержана безъ ихъ участія. Въ этомъ отношеніи можно мнѣ вѣрить: вѣдь я занималъ такое положеніе, что могъ все знать, какъ теперь могу все говорить. Въ то время правительство Карла X само дѣйствовало противъ себя, хотя я не хочу этимъ сказать, чтобы извѣстные честолюбцы не подготовляли издавна проекты и планы дѣйствій. Въ 1824 или 1825 г. герцогъ Орлеанскій сказалъ одному изъ моихъ друзей: „Пусть будетъ, что будетъ; я не уѣду изъ Франціи, пока меня не выгонять“.

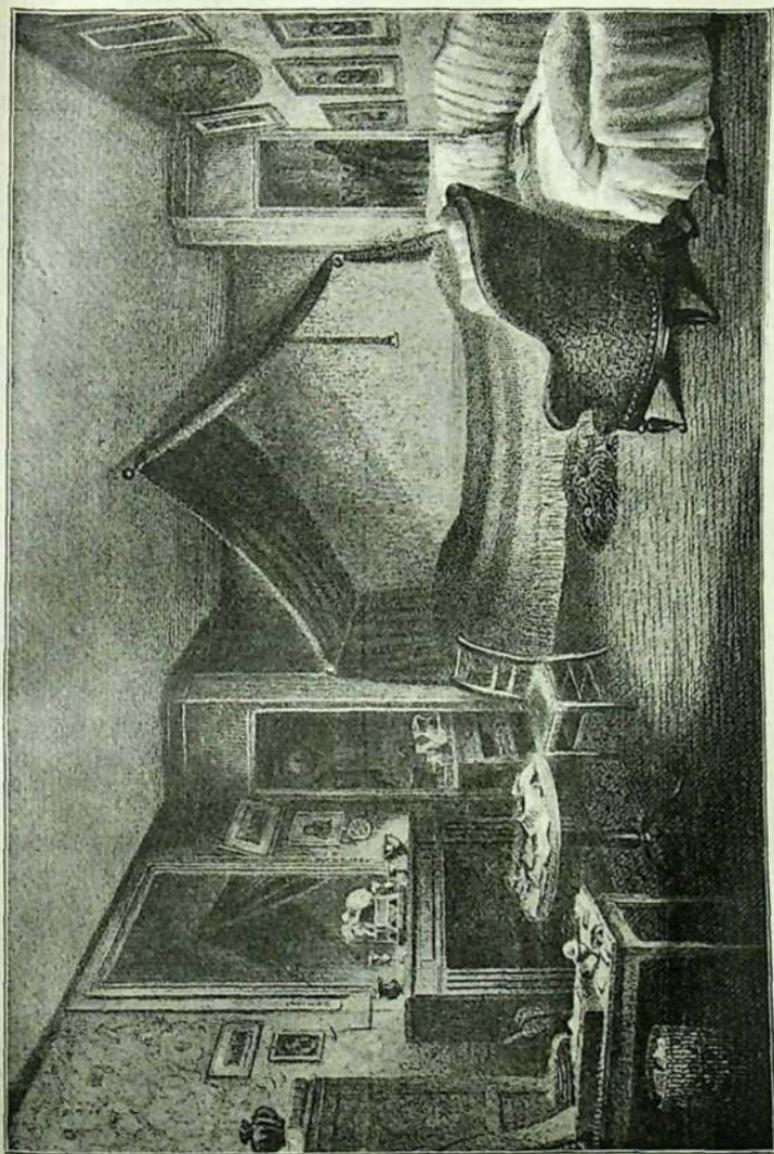
Черезъ нѣсколько времени послѣ этого замѣчанія де-Талейранъ увѣрялъ того же друга, что, благодаря своимъ сношеніямъ съ англійскими теоріями, онъ навѣрно знаетъ, что если французская революція ограничится переменъ личностей, Англія не взглянетъ на нее дурно. Можетъ быть, это поколебало бы рѣшеніе людей, готовившихъ революцію, если бы самъ Карлъ X не сдѣлалъ ее неизбѣжной.

Теперь я долженъ поговорить о Талейранѣ и о тѣхъ немногихъ случаяхъ, которые представлялись мнѣ, чтобы сравнить его съ его репутаціей. Онъ много разъ выражалъ желаніе познакомиться со мной.

— Почему вы не пригласите его къ себѣ обѣдать?—сказалъ ему одинъ изъ моихъ друзей, знавшій положеніе вещей.

— Я слишкомъ важный человѣкъ, чтобы получать отказы,—отвѣтилъ онъ съ улыбкой.

Онъ попросилъ Лафитта устроить обѣдъ и пригласить его и меня; это было въ началѣ 1827 г. Наконецъ-то мнѣ представлялся случай хорошенько присмотрѣться къ этому интересному человѣку. Поэтому сначала я весь превратился въ слухъ и зрѣніе. Онъ зналъ, что много лѣтъ тому назадъ, когда кто-то косвеннымъ образомъ попросилъ меня написать противъ него пѣсню, я отвѣтилъ:

Комната, въ которой 16-го іюля 1857 года умеръ Беранже (къ стр. 135).

№ 200.200.

СТ. ВЪДУГДА-КОЗДА

ПРИОН

— Я жду, чтобы онъ сдѣлался министромъ.

Вѣроятно, за это онъ не уважалъ меня сильнѣе и врядъ ли мое предубѣжденіе относительно этого великаго честолюбца, заботило его, если онъ и видѣлъ въ моей скромной личности что-нибудь больше предмета простого любопытства. Онъ сдѣлался очаровательнымъ и послѣшилъ заговорить со мною о политикѣ; въ отвѣтъ на мои замѣчанія, касавшіяся герцога Орлеанскаго, теперешняго короля, онъ мнѣ сказалъ такъ часто повторявшуюся фразу: „Онъ не кто-нибудь, а что-нибудь“. Послѣ многихъ встрѣчъ съ нимъ я убѣдился, что если ему и приписывались остроумныя замѣчанія, онъ могъ выдавать свои собственные остроты за фразы другихъ. Остроуміе составляло только украшеніе его здраваго разсудка, который отливался въ сжатую и пикантную форму. Человѣкъ, не знающій его лѣтъ и различныхъ ролей, которыя онъ игралъ, угадалъ бы то и другое по опытности, свѣтлившейся въ его словахъ, оттѣненныхъ тономъ свѣтскихъ людей, пережившихъ революціи и не пугавшихся дурного языка собесѣдниковъ. Надо сказать, что его положеніе давало ему громадное преимущество въ салонахъ. Онъ на всѣ вопросы отвѣчалъ помолчавъ; онъ сдѣлался оракуломъ и его спрашивали, какъ оракула; его молчанію придавали значеніе раздумья, хотя оно доказывало только скуку или лѣность—его главный порокъ. Въ общемъ въ немъ не было ничего возвышеннаго, глубокаго, великодушнаго. Даже въ политическихъ дѣяніяхъ этимъ эгоистомъ всегда руководило только стремленіе къ собственной выгодѣ,—этого достаточно, чтобы уничтожить репутацію великаго государственнаго человѣка, которую создали ему люди, ослѣпленные его старинными титулами и царственною роскошью.

Больше я ничего не скажу о личности, принадлежащей исторіи. Надѣюсь, писатели, которые будутъ разбирать нашу эпоху, сумѣютъ умалить до настоящихъ пропорцій такъ называемые таланты Талейрана и покрыть позоромъ бывшаго епископа, вельможу, предавшаго Францію и Наполеона, который въ 1814 г. взялъ плату за несчастный парижскій трактатъ, подписанный къ удивленію самихъ иностранцевъ.

Мнѣ нечего больше сказать о себѣ, что могло бы научить людей, слѣдующихъ призванію, которое я покинулъ въ пятьдесятъ три года.

Находясь въ близкихъ отношеніяхъ съ главными вожаками либеральной партіи, я, какъ они и даже больше нихъ, способствовалъ событіямъ 1830 г. Послѣ того, какъ принципъ народный восторжествовалъ надъ принципомъ легитимистскимъ, я счелъ свою роль оконченной и свою задачу выполненной. Мнѣ показалось, что націи необходимъ отдыхъ для того, чтобы она могла судить о

своемъ дѣлѣ; кромѣ того, я увидѣлъ, что мнѣ нечего дѣлать съ людьми, которыхъ власть оцѣпила или, по крайней мѣрѣ, ошеломила. Я удалился въ свой уголокъ и сталъ ждать ихъ, такъ какъ многіе изъ нихъ вскорѣ должны были придти ко мнѣ.

Нѣкоторые изъ моихъ друзей желали, чтобы и я также добивался власти. Оставивъ въ сторонѣ цензъ, котораго я не могу заплатить, подобныя притязанія не подходили для человѣка, рано понявшаго слабость своего характера и сознавшаго, что его образование поверхностно. Власть—инструментъ, съ которымъ трудно обращаться; нужно долго учиться, чтобы умѣть, какъ слѣдуетъ, владѣть имъ. Я же былъ тогда въ томъ возрастѣ, въ которомъ люди научаются только все лучше и лучше понимать, чего они не знаютъ.

Если мнѣ случалось иногда выказывать больше предусмотрительности и расчетливости, нежели ее видѣли въ людяхъ болѣе меня просвѣщенныхъ, я былъ обязанъ этимъ только моему исключительному положенію. Я дѣйствовалъ мало, былъ вполне свободенъ отъ личныхъ интересовъ и отъ всякихъ честолюбивыхъ заднихъ мыслей, а потому могъ смотрѣть на вещи вѣрнѣе, чѣмъ дѣятели болѣе умные, но подверженные страстямъ, которыхъ я былъ лишенъ. Даже благородныя честолюбія, напримѣръ, стремленіе къ популярности, помрачаютъ здравый разумъ. Пусть же читатели не заблуждаются: мое преимущество состояло только въ томъ, что я не былъ ничѣмъ и почти ничего не сдѣлалъ. Одни дураки хвалятся такимъ счастьемъ!

Мои юные друзья-республиканцы, также заблуждавшіеся относительно моихъ способностей и искавшіе гарантіи для своихъ принциповъ, требовали, чтобы я протянулъ руку къ какому-нибудь портфелю.

— Какое же министерство вы хотѣли бы видѣть въ моихъ рукахъ?

— Министерство народнаго просвѣщенія.

— Отлично; вступивъ въ него, я сейчасъ же заставлю принять мои пѣсни, какъ учебную книгу, въ дѣвичьихъ пансіонахъ.

При этихъ словахъ мои юные друзья сами стали смѣяться надъ своей безумной мыслью.

Новое правительство сдѣлало мнѣ самыя лестныя предложенія, но я отказался отъ нихъ, такъ какъ не принадлежу къ числу людей, которыхъ соблазняютъ синекуры; дѣло въ томъ, что я не могъ бы исполнить обязательной работы и стыдился бы, имѣя средства къ жизни, благодаря моимъ маленькимъ книгамъ, черпать жалованіе изъ кассы, которую нація ежегодно пополняетъ своимъ трудомъ. Я больше всего дорожу тѣмъ, что не былъ бременемъ для моихъ собратьевъ; въ доказательство того, что я по-

ступаль такъ не изъ пуританизма (эта фальшивая добродѣтель мало подходитъ къ мнѣ), — я скажу, что никогда не колебался, даже послѣ 1830 года, обращаться къ кошельку тѣхъ изъ моихъ богатыхъ друзей, которые не играли политической роли.

Здѣсь я хочу привести одну изъ самыхъ лестныхъ наградъ, которая заслужилъ мой патриотизмъ. Въ пятницу Великой *) недѣли одна незнакомая мнѣ дама, которой послѣ я никогда не видалъ, пройдя черезъ гостиныя Лафитта, подошла ко мнѣ и поднесла громадное трехцвѣтное знамя.

— Сударь, — сказала она, — я всю ночь работала надъ нимъ. Вамъ, вамъ одному хотѣла я его отдать, чтобы вы водрузили его на колонну.

Тронутый до слезъ, я, благодаря эту даму, настаивалъ, чтобы знамя было передано депутатамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣтила она, — вамъ, вамъ одному. — И она ушла.

Знамя немедленно поставили на Вандомской площади. Объ этомъ позаботились молодые люди, бывшіе свидѣтелями этой сцены.

Во мнѣ, получавшемъ и получающемъ до сихъ поръ столько выражений народной привязанности, особенно живо воспоминаніе объ этой дамѣ и ея знамени. Я хотѣлъ бы, чтобы она пережила меня и когда-нибудь прочла здѣсь доказательство моей благодарности.

Опасаясь затруднительныхъ предложеній и ненависти безъ нужды выставлять себя на видъ, я отказался представиться новому королю, который нѣсколько разъ выражалъ желаніе видѣть и даже поблагодарить меня: послѣднее слово я предоставляю на отвѣтственность моихъ друзей — Лафитта и Тьера. По поводу желанія короля меня принять я въ шутку отвѣтилъ, что слишкомъ старъ, чтобы заводить новыя знакомства. Мой отказъ приписали моимъ взглядамъ; это было ошибочно. Я никогда не видалъ герцога Орлеанскаго, но слышалъ, что онъ умный и разсудительный человѣкъ. Сдѣлавшись королемъ, онъ не могъ не знать, что, содѣйствуя его избранію въ эпоху, наступившую послѣ побѣды народа, я тѣмъ не менѣе питалъ республиканскія идеи, но что, будучи прежде всего патриотомъ, призналъ нужнымъ уступить необходимости во имя спасенія общества. Это было плодомъ пятнадцатилѣтняго размышленія. Я никогда не бралъ на себя обязательствъ относительно какой бы то ни было партіи, такъ какъ всегда былъ только человѣкомъ мнѣній, а потому чувствовалъ себя совершенно свободнымъ. Слѣдовательно, республиканскія идеи не

*) 30-го іюля 1830 года.

могли помѣшать мнѣ поѣхать къ королю, который, услышавъ замѣчаніе Лафитта о моихъ взглядахъ, отвѣтилъ ему, вѣроятно, съ улыбкой: „Я также республиканецъ“. Больше всего я боялся, что при свиданіи со мной король будетъ настойчиво предлагать мнѣ какія-нибудь почетныя должности или пенсію. Короли, хотя бы и очень недавніе, не любятъ, чтобы имъ отказывали; отказъ отъ аудіенціи могъ казаться только дикостью; отказъ отъ милости показался бы дерзостью. Кромѣ того, мнѣ совершенно не хотѣлось разглашать о томъ, что люди желали называть моимъ безкорыстіемъ.

Въ концѣ концовъ, къ чему могъ повести разговоръ или нѣсколько разговоровъ между двумя людьми, стоявшими въ такихъ различныхъ положеніяхъ и пришедшими въ тотъ возрастъ, въ которомъ идеи дѣлаются тѣмъ болѣе упорными, что онѣ могутъ гордиться своею продолжительностью? Вѣроятно, король и пѣсенникъ не сговорились бы, какъ бы благосклоненъ ни былъ одинъ, сколько бы вѣжливости ни выказывалъ другой. Не слѣдовало ли мнѣ разыграть роль совѣтника короля? Но если ужъ мои друзья, ставъ министрами, не слушали моихъ скромныхъ замѣчаній, то король, конечно, не принялъ бы ихъ. Онъ посмѣялся бы надъ ними и провелъ бы веселый день! Я самъ смѣюсь надъ глупой ролью, которую попытался бы сыграть и которую выбирали столькіе глупцы со всѣмъ извѣстнымъ успѣхомъ.

Люди, желавшіе представить меня ко двору, говорили:

— Тамъ принимаютъ безъ церемоній, можно идти въ сапогахъ.

— Хорошо, хорошо,—отвѣчала я,—сегодня сапоги, черезъ двѣ недѣли шелковые чулки.

Пострадало только мое любопытство, потому что новый дворъ долженъ былъ представлять для наблюдателя любопытное зрѣлище.

Я оставался также вдали и отъ литературныхъ почестей; между прочимъ, меня заставляла дѣйствовать такъ боязнь дать вредный примѣръ свободѣ произведеній, которыя были настолько благосклонны ко мнѣ, что, конечно, читатели простятъ меня, если я немного преувеличиваю ихъ значеніе. Если умѣние хорошо писать пѣсни сдѣлается ступеню въ академію, не будутъ ли пѣсенники стараться угождать власти, чтобы войти въ институтъ, превращенный въ переднюю пѣрства? Народу, можетъ быть, еще понадобятся сатирическія пѣсни, и я не буду недоволенъ, если у меня явятся послѣдователи.

Удобное мгновеніе для попытки войти въ академію представилось въ послѣдній годъ царствованія Карла X, когда де-Шатобрианъ, въ силу крайней благосклонности ко мнѣ (мы едва знали тогда другъ друга), предложилъ мнѣ записаться кандидатомъ на первую вакансію. Въ то время мое вступленіе въ академію могло

имѣть полезное политическое значеніе, что и доказали оскорбленія, которыя по этому случаю посыпались на Шатобриана со стороны одной газеты. Однако, я не уступилъ просьбамъ великаго чловека, который предложилъ мнѣ быть моимъ крестнымъ отцомъ, если я могу такъ выразиться.

Вступивъ въ академію послѣ Іюльской революціи, я принималъ бы на себя обязательство бывать на публичныхъ торжествахъ, надѣвать расшитое платье, произносить, со шпагой на боку, парадныя рѣчи въ присутствіи многочисленныхъ слушателей и слишкомъ часто сражаться съ происками вродѣ тѣхъ, которые опечалили Констанана на его смертномъ ложѣ или трижды оттолкнули отъ порога академіи нашего великаго Гюго.

— О — повторяли мнѣ сами академики, — кто заставляетъ васъ выносить всѣ эти неурядности? Поступайте, какъ мы, почти никогда не входящіе въ академію.

— Вотъ этого-то я и не могу понять. Какъ, вы пренебрегаете обязанностями, которыя налагаютъ почести? Нѣтъ, это было бы для меня еще тяжелѣе, чѣмъ выполненіе обязанностей, работою которыхъ, можетъ быть, я въ концѣ концовъ сдѣлался бы въ силу моего характера.

Насколько мои убѣжденія позволяли, я всегда старался согласовать мое положеніе съ моими настроеніемъ и вкусами; правило это гораздо рѣже исполняется, нежели можно думать. Чѣмъ старше я становился, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ потребность въ полной независимости, и это заставляло меня бояться вступленія въ ту или другую корпорацію. Я могу думать только въ одиночествѣ и даже начинаю умѣть жить только съ-глазу-на-глазъ съ моими мыслями, если со мною нѣтъ моихъ старыхъ друзей.

Несмотря на непонятную популярность, которая окружаетъ мое имя, несмотря на высокое мнѣніе столькихъ замѣчательныхъ людей и на похвалы, которыми меня осыпали даже въ театрѣ, я не скрываю отъ себя всѣхъ неудобствъ моего отказа попытаться вступить въ академію. Онъ заставляетъ меня теперь лишаться необыкновеннаго уваженія, которое академія даетъ принадлежащимъ къ ней: моя смерть не будетъ сопровождаться почестями, которыя институтъ оказываетъ своимъ умершимъ членамъ, почестями, вызывающими насмѣшки завистниковъ, но не оставляющими публику равнодушной. Кто знаетъ, можетъ быть, мое плохо истолкованное поведеніе возстановитъ академію противъ моей памяти, какъ бы коротко ни прожила память обо мнѣ? Я слишкомъ искренно любилъ литературу, чтобы не бояться этого. И я тѣмъ менѣе колеблюсь выразить здѣсь эти опасенія, что они послужатъ отвѣтомъ людямъ, говорившимъ, что я не стремился къ академическому

креслу только изъ желанія быть оригинальнымъ. Теперь, когда уважаютъ только выгодныя странности, я оказался бы непредусмотрительнымъ. Впрочемъ, я заявляю: если я не всегда признавалъ пользу французской академіи, теперь никто не отдастъ большей справедливости этому учрежденію Ришелье, нежели я. Я доказываю это, не переставая упрекать ея членовъ (въ ихъ числѣ я насчитывалъ и насчитываю до сихъ поръ много друзей) за то, что они не пользуются могуществомъ, которое она можетъ имъ дать въ эпоху литературной анархіи, въ ту эпоху, когда языкъ нуждается въ широкомъ и разумномъ руководствѣ, чтобы избѣжать варваризмовъ адвокатовъ, журналистовъ и трибуны. Не дошли ли до того, что хотѣли ввести вновь народный языкъ? Академики не должны были бы забывать объ этомъ. Языкъ (какъ и страна) нуждался въ единствѣ: вотъ почему великій министръ, преимущественно національный, учредилъ французскую академію.

Что же касается меня, котораго всегда такъ занималъ языкъ, несмотря или, вѣрнѣе, вслѣдствіе моего невѣжества, я предпочелъ бы, чтобы вмѣсто присоединенія Бельгіи и Рейнскихъ провинцій къ Франціи, академія съ помощью всѣхъ классовъ института составила, наконецъ, большой и прекрасный словарь, каждыя десять лѣтъ пересматривала его, даромъ раздавала его всѣмъ большимъ и маленькимъ администраціямъ и поставила его рядомъ съ нашими сводами законовъ. Мнѣ кажется, что онъ былъ бы полезенъ не менѣе ихъ.

Мнѣ остается прибавить всего нѣсколько словъ къ этой слишкомъ длинной замѣткѣ.

Во время польскаго возстанія я, въ качествѣ члена польскаго комитета, издалъ брошюрку, состоявшую изъ четырехъ пѣсенъ и посвященія Лафайету. Всѣ экземпляры, напечатанные добрымъ Перротеномъ на свой счетъ, были отданы комитету, который и получилъ доходъ отъ нихъ.

Я могъ дать публикѣ мой послѣдній томъ только въ 1833 г.; я это сдѣлалъ, обѣщавъ ей никогда больше не занимать ее моею особой. Я зналъ, что сдержу слово, если только не случится какихъ-нибудь особенныхъ несчастій. Съ тѣхъ поръ я сдѣлалъ все, чтобы погрузиться въ забвеніе и завоевать полную свободу, потому что извѣстность тоже зависимость, иногда даже зависимость довольно несносная, хотя этого молодые люди не подозреваютъ. Было бы еще ничего, если бы извѣстность всегда была славой!

Сердечно привязанный къ людямъ различныхъ партій, начавшихъ сталкиваться послѣ воцаренія новой династіи, огорченный заблужденіями тѣхъ и другихъ, утомленный проповѣдью о пере-

миріи, полезномъ для Франціи, я бѣжалъ отъ зрѣлища печальныхъ событій. Я искалъ уединенія и тишины въ Пасси, Фонтенбло, Турѣ; въ этомъ послѣднемъ городѣ я и пишу замѣтку, которую окончу, можетъ быть, гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Я всю жизнь сомнѣвался въ себѣ: было бы ужасно, если бы мнѣ передъ смертію пришлось усомниться въ другихъ. Къ счастью, я достаточно изучалъ теченіе событій міра, чтобы извлечь изъ него утѣшительное заключеніе, несмотря на зловѣщія предсказанія, которыя слышатся со всѣхъ сторонъ. Итакъ, я могу возблагодарить Бога за надежды, данныя мнѣ относительно дѣла, которому я служилъ и которому посвятилъ мои послѣднія желанія и послѣднія пѣсни.

Турь, январь 1840 г.

Дополнимъ автобіографію великаго поэта свѣдѣніями о послѣднихъ годахъ его жизни.

Въ началѣ 30-хъ годовъ Беранже покидаетъ Парижъ и старается уйти отъ политической жизни. Вся дальнѣйшая жизнь французскаго „пѣсенника“ вплоть до самой его смерти можетъ быть объяснена однимъ этимъ стремленіемъ къ деревнѣ, стремленіемъ къ природѣ и покою.

Беранже избѣгаетъ всякаго политическаго вліянія, онъ не хочетъ никакихъ мѣстъ. Въ его письмахъ къ друзьямъ все чаще попадаются фразы вродѣ слѣдующихъ: „Я принесъ все въ жертву независимости“ или „Обратите вниманіе на мое поведеніе въ свѣтѣ. Вы увидите, что я всегда шелъ въ немъ въ качествѣ любопытнаго зрителя и нигдѣ не старался укрѣпиться“ и т. п.

Когда друзья Беранже настаивали, чтобы онъ согласился баллотироваться во французскую академію, поэтъ очень энергично протестовалъ противъ этого.

Въ письмѣ 21-го января 1835 г. онъ, между прочимъ, писалъ г-ну Лебрёну:

„Я знаю, вы скажете мнѣ то, что уже неразъ говорили: узы налагаемыя академіей, не тяжелы, и вы приводите въ примѣръ Лафонтена. Что вамъ отвѣтить на это? Лафонтенъ былъ дворянинъ, а я только добрый гражданинъ. Бѣдность и опытъ научили мою скромную голову кой-какому разуму“...

Далѣе Беранже говоритъ, что онъ не любитъ толпы, не выносить большого общества и, подобно автору „Максимъ“ Ларошфуку, совершенно не умѣетъ говорить публично.

— Но вѣдь вы бывали,—возразите вы мнѣ,—при большомъ стеченіи народа, на судѣ, когда сидѣли на скамьѣ подсудимыхъ!

— О да!—отвѣчу я.—Мнѣ никакъ нельзя было отказаться! Они были такъ любезны со мною. Если бы только я могъ всякій разъ, какъ меня судили, абонироваться на лишнихъ три мѣсяца тюрьмы, лишь бы не представать предъ столь многочисленнымъ обществомъ, я бы сдѣлалъ это съ большимъ удовольствіемъ. Впрочемъ, и тамъ я произносилъ только одно слово: мое имя, больше ничего!

Беранже уѣхалъ изъ Парижа. Сначала онъ поселился по близости въ Пасси, на опушкѣ Булонскаго лѣса, затѣмъ переехалъ въ глубь большого лѣса, въ Фонтенбло, наконецъ, уѣхалъ въ Туръ.

На болѣе настойчивыя требованія друзей вступить въ академію Беранже отвѣтилъ:

— Нѣтъ, никогда французская академія не захочетъ снизойти со своей высоты къ пѣвцу кабачка. Ей надо сдѣлать для меня то, чего она не сдѣлала для божественнаго Мольера! Я вѣдь, господа, только пѣсенникъ; дайте мнѣ умереть пѣсенникомъ!..

Въ Фонтенбло Беранже прожилъ среди лѣсной тишины до декабря 1836 года и задумалъ писать тамъ обширный философскій трактатъ о нравственности, который никогда не былъ написанъ.

Въ Турѣ онъ поселился на живописной дачѣ, извѣстной подъ именемъ „Гренадьеръ“. Это одинъ изъ очаровательныхъ уголковъ пышной Турени. Романистъ Бальзакъ описалъ это мѣсто въ разсказѣ „La grenadière“. Бальзакъ самъ былъ родомъ изъ Тура и съ восторгомъ отозвался объ этой дачѣ. Беранже, можно сказать, жилъ среди тополей и розъ.

Въ 1837 г. нѣкій г-нъ Трела, редакторъ газеты „National“, обратился къ Беранже съ просьбою написать нѣсколько статей объ образованіи и воспитаніи народа.

— Дорогой другъ мой, что вы мнѣ предлагаете!—отвѣтилъ Беранже.—Мнѣ теперь сдѣлаться политическимъ писателемъ, теперь, когда я порвалъ всякія сношенія съ міромъ и сталъ отшельникомъ! Да развѣ это возможно? Слава Богу, меня начинаютъ забывать.

Беранже занимался садоводствомъ: онъ воздѣлывалъ гряды и выращивалъ розы и другіе цвѣты.

Задуманная имъ научная работа не подвигалась впередъ, и матеріальное состояніе его начало разстраиваться.

Беранже переѣхалъ въ Туръ на болѣе дешевую квартиру и сократилъ свои расходы.

Въ это время имъ написана одна изъ послѣднихъ его пѣсенокъ—„Бонди“, политическая сатира на французское правительство 1830—1848 г.г. Въ ней Беранже проводитъ мысль, что все во Франціи

стало продажно: золото и серебро — единственные идолы французовъ.

Въ 1840 г. Беранже влюбился въ одну женщину, и такъ какъ ему было тогда 60 лѣтъ, онъ покинулъ Туръ и поселился въ лѣсахъ Фонтене. Наполеонъ сказалъ однажды: „Побѣда въ любви — это бѣгство“. И Беранже послѣдовалъ совѣту своего „маленькаго капрала“.

Весь 1840 и начало 1841 года Беранже прожилъ въ захолустной деревушкѣ „Подлѣсное Фонтене (Fontenay-Sous-Bois). Выходилъ онъ только въ Венсеннъ и гулялъ по берегамъ Марны.

Къ этому времени относится знакомство Беранже съ политическимъ писателемъ Ламене. Когда Ламене судили, Беранже предложилъ ему переселиться къ нему въ лѣса, а когда Ламене былъ осужденъ и посаженъ въ тюрьму Сентъ-Пелажи, Беранже первый поѣхалъ въ Парижъ его навѣстить.

Въ 1841 году Беранже переѣхалъ въ Пасси, куда привлекли его вновь Булонскій лѣсъ и близость Сены. Его старая тетка умерла, и онъ только нѣсколько разъ осенью выѣзжалъ въ Ружперрье къ своему другу Дюпону.

Слава Беранже была велика. Онъ переписывался съ Шатобрианомъ и Ламартиномъ. Занимаясь благотворительностью, онъ обращался иногда къ королю. Сынъ короля Фердинандъ-Филиппъ Орлеанскій писалъ Беранже: „Вы одинъ изъ самыхъ лучшихъ моихъ знакомыхъ“.

Луи-Наполеонъ Бонапартъ, будущій Наполеонъ III, написалъ въ 1842 году Беранже письмо, въ которомъ выразилъ ему самыя нѣжныя чувства. „Ваше имя,—между прочимъ говорилъ онъ,—напомнило мнѣ сладкіе часы моего дѣтства, когда я съ братомъ читали нашей матери ваши чудные стихи, равные высотѣ вашего генія“.

Будущій Наполеонъ III сидѣлъ въ крѣпости за неудавшуюся попытку къ возстанію, но онъ тогда понималъ, что дѣлу бонапартистовъ никто не способствовалъ болѣе демократа Беранже своими нѣснями о маленькомъ капралѣ. Дальнѣйшія событія Франціи подтвердили это мнѣніе. Луи-Наполеонъ былъ избранъ въ президенты народомъ.

Въ 1843 г. Беранже получилъ, впрочемъ, письмо отъ одного юноши, который грубо нападалъ на стараго пѣвца. Юноша принадлежалъ къ поколѣнію романтиковъ, тѣхъ романтиковъ, которые въ послѣдствіи въ своемъ презрѣніи къ авторитетамъ старались поколебать славу Беранже. Но въ общемъ эта слава въ народѣ была непоколебима.

Беранже былъ такъ популяренъ, что однажды въ іюль 1850 г., войдя случайно въ скверъ около Люксембургскаго дворца „La Closerie

des Lilas“, опъ былъ узнанъ народомъ. Вся молодежь Латинскаго квартала съ веселыми криками буквально забросала его цвѣтами.

Въ 1848 г. разразилась Революція. Конституціонная монархія пала. Беранже не ожидалъ такого быстрого конца. Онъ, говорятъ, замѣтилъ по этому поводу:

— Намъ нужно было сойти съ лѣстницы, а мы прыгнули въ окно!

Народъ выбираетъ Беранже въ члены Учредительнаго Собранія Республики. Несмотря на отказы и отговорки, его заставляютъ занять мѣсто въ Собраніи. Чрезвычайно любопытно письмо, которое Беранже написалъ своимъ избирателямъ, прося ихъ оставить его въ покоѣ. Вотъ это письмо:

„Мои дорогіе сограждане!

„Я узналъ, что вы хотите сдѣлать меня законодателемъ. Я долгое время сомнѣвался въ этомъ, но это оказалось правдой. Я надѣялся, что тѣ, кто предложили этотъ проектъ, сами откажутся отъ него изъ жалости къ старику, стоявшему до сихъ поръ вдали отъ всякихъ должностей. Занявъ должность, я долженъ былъ бы начать учиться въ такое время жизни, когда уже ничему не научишься.

„Друзья твердятъ мнѣ, что я не долженъ отказываться; а я думаю, что долженъ.

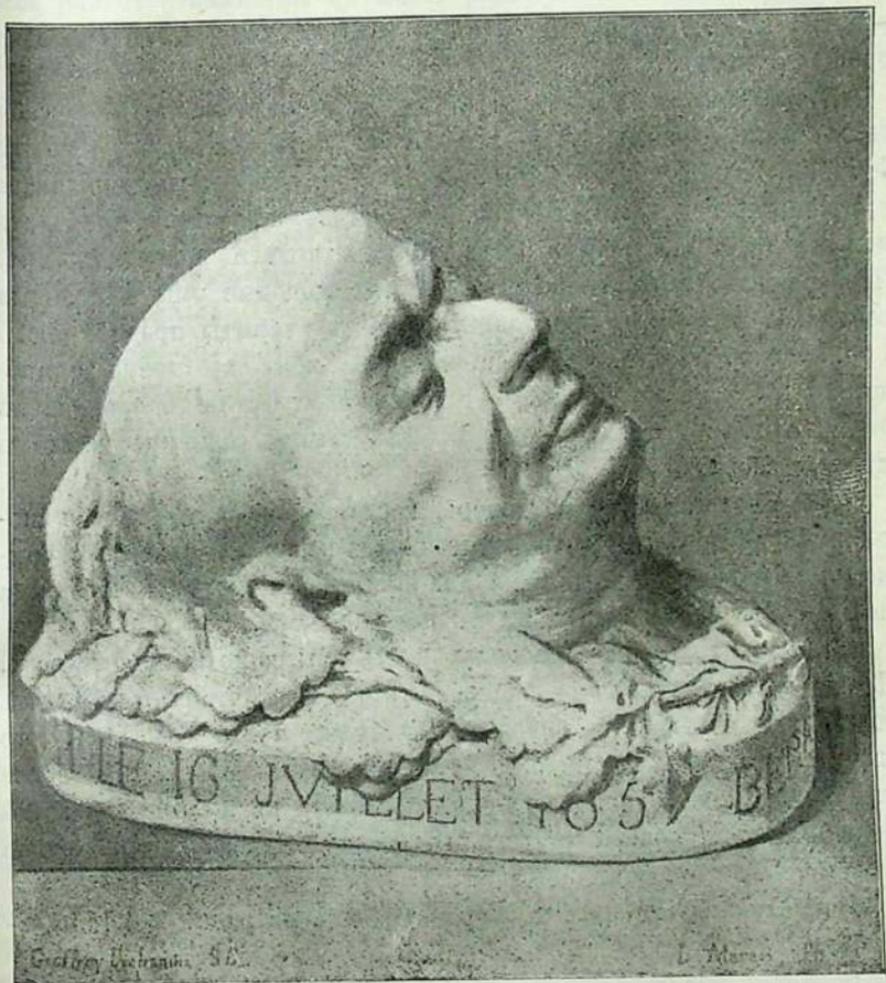
„Выслушайте меня, прошу васъ!

„Мои 68 лѣтъ, мое слабое здоровье, привычки ума, наконецъ, мой характеръ, испорченный долгой независимостью, все это дѣлаетъ невыполнимой для меня ту почетную роль, которую вы мнѣ предназначили. Развѣ вы не видите, дорогіе сограждане, что я могу жить и мыслить только въ одиночествѣ? И только одиночеству я обязанъ тѣмъ небольшимъ здравымъ смысломъ, который мнѣ приписываютъ. Среди шума и движенія я самъ не свой, и помѣстить меня на скамью Собранія—это самый вѣрный способъ смутить мой слабый умъ.

„Я буду тамъ грустенъ и молчаливъ, и меня всегда побѣдятъ тѣ, кто умѣетъ взбираться на трибуну; я же совсѣмъ не способенъ на это. Я не могу не только говорить, но даже читать публично, а десять человѣкъ—для меня уже публика. Одинъ случай изъ моей жизни можетъ служить тому нагляднымъ примѣромъ.

„Мнѣ предложено было кресло въ академіи, этомъ знаменитомъ собраніи, единственномъ въ своемъ родѣ во всемъ свѣтѣ. Лучшей награды не можетъ ждать для себя писатель. И я много разъ отказывался отъ этой чести, такъ какъ знаю, что мой характеръ и наклонности ума не соотвѣтствуютъ обычаямъ собранія. Академія же далеко еще не законодательное собраніе.

„Дорогіе сограждане, начиная съ 1815 г. я былъ отголоскомъ вашихъ надеждъ и страданій. Вы неразъ называли меня своимъ утѣшителемъ: не будьте же неблагодарны. Давая мнѣ большую власть, вы лишите мои совѣты того значенія, какое они имѣютъ благодаря моей исключительной жизни.“

Снимокъ съ мраморной маски Берапже, изваянной Жоффруа Дешомъ.

„Въ политической борьбѣ поле сраженія покрывается ранеными и убитыми. Не глядя на знамя, я, какъ настоящій французскій солдатъ, помогаль всегда хоронить однихъ и ухаживать за другими. Если я самъ буду принимать дѣятельное участіе въ борьбѣ, я сдѣлаюсь подозрителенъ даже въ глазахъ тѣхъ, кому я протяну руку.“

„Не отрывайте меня отъ моего уединенія, гдѣ я, по вашимъ же словамъ, обладаю даромъ пророчества. Я не изъ тѣхъ,

которымъ надо кричать на площади: „Я патриотъ, я республиканецъ!“.

„— Но, —возразить мнѣ, —надо принести себя въ жертву.

„Ахъ, дорогіе сограждане, сколько честолюбія можетъ скрываться подъ этой „жертвой“! Настоящая жертва—истинная преданность, заключается въ томъ, чтобы предпринимать только возможное. Если меня обвинять въ эгоизмѣ, я сошлюсь на всю мою прошлую жизнь.

„Перейдемъ къ идеямъ, которыя я могу выработать у себя дома, чтобы служить дѣлу демократіи. Богъ установилъ ее во Франціи. Развѣ у меня недостаточно друзей, чтобы поддерживать и развивать эти идеи въ Собраніи? Эти друзья будутъ проводить мои мысли, а моя робкая рѣчь можетъ только повредить имъ. Чтобы преодолѣвать препятствія, нужны молодые умы и молодые сердца. А нѣкоторыя изъ такихъ сердець открыты предо мною.

„Умоляю васъ, дорогіе мои, оставьте меня въ моемъ одиночествѣ. Я былъ пророкомъ, — говорите вы. Оставьте пророка въ его пустынь! Отшельникъ Петръ былъ самымъ плохимъ вождемъ крестоносцевъ.

„Кромѣ того, я думаю теперь, когда всякій считаетъ себя способнымъ на все, надо, чтобы кто-нибудь подавалъ примѣръ скромности. Природа создала меня для принесенія людямъ этого рода пользы. Это не возбудитъ ни въ комъ зависти.

„Наконецъ, дорогіе граждане, пусть успѣхъ не опьяняетъ васъ. Я еще когда-нибудь могу понадобится вамъ, чтобы возбуждать вашъ духъ и оживлять надежду. Вы будете тогда сожалѣть, что своими почестями заглушили остатокъ моего голоса. Дайте же мнѣ умереть, какъ я жилъ; не превращайте въ лишняго законодателя вашего добраго стараго пѣсенника. Я весь вашъ, дорогіе граждане“.

Несмотря на это письмо, Беранже былъ избранъ 204.171 голосомъ.

Беранже вошелъ въ составъ Собранія, но послѣ первыхъ же засѣданій сталъ проситься въ отставку.

Собраніе отказывало, Беранже умолялъ освободить его.

Видя, что съ нимъ ничего не подѣлать, Учредительное Собраніе, наконецъ, освободило этого страннаго законодателя отъ его обязанностей.

Этотъ отказъ Беранже отъ законодательства повредилъ его репутаціи въ 1848 г.

До того времени народъ привыкъ смотрѣть на Беранже, какъ на своего героя, какъ на Тиртея, на французскаго Франклина; послѣ 1848 г. стали раздаваться голоса противъ Беранже.

Къ тому же присоединились нападки молодых романтиковъ, видѣвшихъ въ Беранже старика.

Въ 1850 г. Беранже покинулъ Пасси и переселился въ Парижъ, въ мѣщанскій пансіонъ около Люксембургскаго дворца. Вскорѣ, впрочемъ, онъ уѣхалъ въ Божонъ, гдѣ провелъ три счастливыхъ года.

Въ Божонѣ онъ написалъ свою послѣднюю пѣсню прощанія съ „риемой“.

Онъ былъ еще крѣпокъ, сохранялъ память и былъ веселъ; но въ 1855 г. его здоровье пошатнулось. Онъ жилъ тогда на улицѣ Вандомъ. То было послѣднимъ его жилищемъ.

У Беранже обнаружилась гипертрофія сердца и болѣзнь печени. Лечили его Шарль Бернаръ и извѣстный врачъ Труссо.

Беранже вынужденъ былъ отказаться отъ своихъ прогулокъ и впалъ въ уныніе.

Въ послѣднее время предъ смертью его умъ какъ бы спалъ и оживлялся только при видѣ старыхъ друзей.

Однажды Тьеръ сказалъ ему:

— Знаете, Беранже, какъ я васъ называю? Французскимъ Гораціемъ.

Беранже замѣтилъ съ улыбкой:

— А что на это сказалъ бы Горацій?

16-го іюля 1857 г. Беранже не стало.

Передъ смертью онъ сказалъ священнику:

— Вы можете меня благословить; я тоже васъ благословляю. Молитесь за меня и за всѣхъ несчастныхъ. Я жилъ честно и мнѣ не за что краснѣть передъ Богомъ.

Беранже просилъ, чтобы его хоронили безъ всякой торжественности. Правительство похоронило его на государственный счетъ. Въ день похоронъ весь Парижъ былъ на ногахъ. По всему пути до кладбища толпы народа встрѣчали останки своего пѣвца почтительнымъ молчаніемъ или громкими кликами: „Слава, слава Беранже!“.

* * *

Беранже не былъ похожъ ни на одинъ изъ большинства портретовъ, которые съ него рисовали. Самый лучший — это рисунокъ, или, вѣрнѣе сказать, набросокъ Шарле (Charlet), сдѣланный въ 1834 году и помѣщенный въ началѣ этого тома.

Беранже былъ хорошо сложенъ, но маленькаго роста: онъ едва достигалъ пяти футовъ и одного дюйма.

Голова у него была громадная, и невольно взоры всякаго приковывались къ ней. Она была совсѣмъ необыкновенна по строенію. Вмѣстимость черепа представляла рѣдкое исключеніе (окуаж-

ность 0^m 59, діаметръ 0^m 21). Мозгъ, казалось, выпиралъ лобъ. Видно было, что въ немъ таится могучая мысль.

Беранже облысѣлъ, когда ему было всего двадцать три года. Съ боковъ и сзади у него остались длинные волосы, отъ которыхъ голова казалась словно въ рамкѣ.

Несмотря на нѣжность души, во всѣхъ чертахъ лица Беранже виденъ былъ сильный характеръ. Его большіе голубые глаза были замѣчательно красивы; они были немного выпуклы. Кто разъ ихъ видѣлъ, не могъ никогда забыть ихъ выраженіе.

Къ концу жизни глаза его потускнѣли и какъ бы заволоклись туманомъ, но они всегда сохраняли свое спокойствіе и доброту.

Строеніе рта его тоже было очень характерно. Улыбка его была ласкова и насмѣшлива въ одно и то же время. Голосъ его звучалъ очень мягко и пріятно, хотя онъ умѣлъ быть строгимъ, когда хотѣлъ.

Въ дѣтствѣ Беранже былъ болѣзненъ. Онъ страдалъ головными болями, которыя отчасти прошли съ возрастомъ. Видъ его, „утонченный и чувственный“, былъ довольно грустный. Онъ былъ простъ въ обращеніи. Руки у него были маленькія, тонкія и гибкія. Онъ любилъ много ходить, и походка его была увѣренная и легкая.

Почти всѣ свои пѣсни Беранже сочинилъ на ходу, во время прогулокъ.

Одѣвался Беранже въ костюмъ протестантскаго пастора. Платье его было простое, темнаго цвѣта. На головѣ онъ носилъ мягкую шляпу съ широкими полями и завязывалъ галстухъ вокругъ большого стоячаго воротника рубашки, какъ требовала мода во времена его молодости.

Примѣчанія къ „Моей біографіи“.

1) Маркизь Клермонъ Гальберандъ, отпрыскъ рода Клермоновъ де-Вовуазин, родился въ Парижѣ въ 1744 г. (30-го іюля) и умеръ въ 1823 г. (16-го апрѣля). Въ 1784 году онъ получилъ чинъ генераль-маіора и съ 9-го термидора до 18-го брюмера былъ членомъ совѣта, на обязанности котораго лежало наблюдать во Франціи за интересами Людовика XVIII. Сдѣланный перомъ Франціи въ первые же дни Реставраціи (4-го іюня 1814 г.), онъ оставилъ «Записки», изданныя въ 1825 г. Эти «Записки» составляютъ три тома in octavo и не лишены интереса, хотя не имѣютъ большого историческаго значенія; ихъ авторъ является въ нихъ очень партійнымъ человѣкомъ, мало знакомымъ съ теченіемъ событій.

2) Де-Бурмонъ (Луи-Огюсть-Викторъ, графъ де-Ганъ), родившійся 2-го сентября 1773 г., былъ старше Берамже только на семь лѣтъ. Послѣ того, какъ онъ сражался въ Вандей, его во время Консульства подвергли тюремному заключенію; онъ бѣжалъ изъ Безансонской тюрьмы и отправился въ Испанію; тамъ онъ поступилъ въ главный штабъ Жюно во время отступленія нашихъ войскъ передъ англичанами. Съ этого времени онъ сталъ подъ трехцвѣтное знамя и во время священной кампаніи послѣ битвы при Ногапѣ получилъ чинъ дивизионнаго генерала. Въ 1815 г. онъ нѣсколько времени не рѣшался снова поступить на службу. Его друзья говорятъ, что онъ взялся за оружіе, узнавъ, что враги хотятъ раздѣлить его родную страну, и что онъ выѣхалъ галопомъ изъ рядовъ французовъ 15-го іюня, наканунѣ битвы при Линьѣ, только потому, что успокоился насчетъ судьбы Франціи. Его поведеніе въ іюлѣ и августѣ было вполне почтено: онъ помѣшалъ врагу занять часть Фландріи. Въ 1823 г. испанская экспедиція закончилась подъ его командой. Будучи во время кабинета Полиньяка военнымъ министромъ, де-Бурмонъ подготовилъ алжирскую экспедицію и далъ Франціи Алжиръ. Въ 1840 г. онъ вернулся на родину и умеръ въ замкѣ Вурмонъ 27-го октября 1846 г. Въ 1832 г. онъ появился въ Вандей съ герцогиней де-Берри и затѣмъ отправился въ Португалію, чтобы поддерживать дѣло Мигуэля.

3) Онъ умеръ 8-го іюня 1795 г. десяти лѣтъ, десяти мѣсяцевъ и двухъ дней отъ роду.

4) Марія-Маргарита Левассеръ, вышедшая 23-го апрѣля 1749 г. замужъ за Жана-Луи Берамже, родилась въ Тертри, между Гамомъ и Перонной, 10-го августа 1720 г. Марія-Маргарита Левассеръ умерла въ Пероннѣ 12-го октября 1782 г., а Жанъ-Луи Берамже, продавецъ вина во Фламикурѣ подлѣ Перонны, умеръ 21-го ноября 1768 г.

5) Софи Берамже, монахиня въ монастырѣ Oiseaux въ улицѣ Sèvres, была на семь лѣтъ моложе своего брата.

6) Военный совѣтъ оправдалъ его 22-го вентоза, года V. Берамже сохранилъ отчетъ о судѣ. Было четыре главныхъ обвиняемыхъ: Бротье, ла-Виллегерау, Дюпонъ и Поли, и восемнадцать менѣе важныхъ, въ томъ числѣ шесть женщинъ, на которыхъ не тяготѣло серьезныхъ обвиненій. Въмѣстѣ съ другими отца Берамже судили только за рѣчи, «убивающія свободу».

7) Марія-Анна Дюпре, жена Пьера Шампи. Послѣ смерти мужа она нѣкоторое время жила въ Самуа, гдѣ Веранже провелъ счастливыя мгновенья.

8) Старушка Жари не вымышленное лицо. Въ одномъ изъ писемъ Веранже къ отцу, а именно отъ 1-го фримера, X года (см. «Переписку» томъ I, стр. 27), есть такая приписка: «Я хотѣлъ бы, чтобы ты далъ еще что-нибудь г-жѣ Жари, такъ какъ я ей долженъ».

9) Отецъ Веранже, занимавшійся столькими ремеслами, наконецъ началъ добиваться успѣха въ банковскихъ операціяхъ во время Директоріи. Одинъ изъ финансовыхъ кризисовъ, вызванныхъ неспособностью правительства, довелъ его до разоренія; онъ разорился окончательно только потому, что многіе изъ его должниковъ его обманули. Дѣйствительно, его щедрая и доверчивая натура была главной причиной его несчастій. «Онъ во всемъ былъ несчастливъ,—читаемъ мы въ одномъ частномъ письмѣ, написанномъ старымъ другомъ Веранже, пережившимъ поэта, хотя онъ былъ и старше его. — Ему пришлось пострадать отъ мошенничества людей, которымъ онъ одолжалъ большія суммы. Его обокрали, когда онъ далъ взаймы брилліанты. Пикардо, директоръ театра «Ambigu», которому онъ ссудилъ 30 тысячъ франковъ, обанкротился». Но былъ ли бы у насъ Веранже, если бы его отецъ не разорился и если бы нашъ поэтъ сталъ богатымъ?

10) Лебрёнъ (Пьеръ-Антуанъ) родился въ Парижѣ 29-го ноября 1785 г. Съ 1828 г. онъ сдѣлался членомъ французской академіи. Очень интересная замѣтка, посвященная ему Сентъ-Вёвомъ, вошла въ три тома «Современныхъ портретовъ». Лебрёнъ, поэтъ-лауреатъ, увѣчанный волею самого императора, остался вѣрнѣе культу великихъ воспоминаній о той эпохѣ, величіе и слава которой его особенно поразили. Двадцати лѣтъ онъ написалъ оду, доставившую ему извѣстность. Это было послѣ Аустерлица и передъ Іеной.

Затѣмъ вскорѣ Лебрёнъ познакомился съ Веранже и почувствовалъ уваженіе къ таланту, который въ то время былъ только привлекательнымъ. Хотя Лебрёнъ былъ моложе Веранже, но онъ стоялъ гораздо болѣе на виду и получалъ гораздо болѣе лестныхъ знаковъ вниманія: его считали мастеромъ въ сочиненіи высокихъ стиховъ, тогда какъ Веранже былъ почти-что любителемъ въ искусствѣ пѣсенъ. Съ какой кроткой и скромной улыбкой самъ Лебрёнъ вспоминаетъ о началѣ ихъ дружбы, которая позже стала такой близкой! Мало-по-малу слава Веранже поднялась надъ горизонтомъ и вознеслась превыше многихъ другихъ извѣстностей. Лебрёнъ за это только еще больше полюбилъ побѣдителя, котораго онъ познакомилъ съ Ренью-де-Сентъ-Жанъ-д'Анжели.

Благодаря Лебрёну, французская академія въ большомъ торжественномъ засѣданіи провозгласила славу писателя, котораго ей не удалось почтить при его жизни.

28-го февраля 1858 г. Лебрёнъ, директоръ французской академіи, принималъ Эмиля Ожье. Въ концѣ рѣчи онъ сказалъ (сама академія говорила его устами):

«Въ числѣ другихъ потерь, поразившихъ нашу литературу, одна особенно велика; академія должна вмѣстѣ со всею Франціею горевать о ней, и хотя эта потеря кажется чуждой нашему собранію, оно имѣетъ право ее торжественно отмѣтить. Я говорю о нашемъ дорогомъ и знаменитомъ Веранже. Академія позволитъ мнѣ назвать смерть этого поэта, прекраснаго человѣка, въ одно и то же время и Горація, и Франклива Франціи, одну изъ самыхъ непоправимыхъ ея утратъ. Онъ вмѣстѣ со своей богатой поэзіей внесъ въ литературу нашего времени то сіяніе, которое личный характеръ придаетъ таланту. Этому великому художнику языка, который вращивалъ свой гений съ такимъ постоянствомъ и, благодаря волѣ и труду, поставилъ его такъ высоко, этому страстному поклоннику прекраснаго французскаго языка, охраняемаго нами, надлежало оберегать его вмѣстѣ съ нашимъ собраніемъ. Вотъ кресло Лафонтена, — оно ждало великаго пѣсенника, который изъ своихъ пѣсенъ сдѣлалъ то, что Лафонтенъ говорить о своихъ басняхъ: «Вольшую комедію со сто различными актами».

«Марія Стюартъ» (1820), «Сидъ изъ Андалузіи» (1825) и «Путешествіе въ Грецію» (1828) Лабрѣна доставили ему одно изъ видныхъ мѣстъ во французской литературѣ.

11) Умершій въ 1842 г. Луи-Гильомъ Бокильонъ родился въ Парижѣ въ 1781 году. Замѣтивъ, что французы любятъ все иностранное, въ особенности въ музыкѣ, онъ принялъ псевдонимъ Вильгельмъ—переводъ одного изъ его крестныхъ именъ; это имя и нужно за нимъ сохранить, потому что онъ его прославилъ («Переписка». Письмо 7-го мая 1842 г.).

12) «Я ухаживаю за больнымъ. Я просидѣлъ у него ночь съ воскресенья на понедѣльникъ и думаю провести тамъ же сегодняшнюю, она будетъ четвертой. Меня мѣше утомляють хлопоты, чѣмъ разговоръ съ больнымъ, немного капризнымъ. Впрочемъ, я надѣюсь, что его болѣзнь не будетъ продолжительной. Чтобы чѣмъ-нибудь скрасить безсонныя ночи, я переписываю мои прежнія пѣсни и пишу новыя; по моя поэма отдыхаетъ, и совѣсть моя покойна» (письмо Веранже отъ 12-го мая 1812 г.).

Это письмо точно указываетъ намъ, когда Веранже началъ работать надъ памятникомъ, которымъ онъ обогатилъ французскую литературу.

Герень, родившійся въ Парижѣ 13-го марта 1774 г., былъ всего на шесть лѣтъ старше его. Онъ умеръ въ Римѣ 16-го іюля 1838 г.

Всѣ или почти всѣ пѣсни, написанныя послѣ 1815 г., были собраны, но раньше 1815 г. Веранже сложилъ много ненапечатанныхъ пѣсень.

13) Говорили, что Жюдитъ Фреръ была племянницей г-на Валуа, учителя фехтованія въ томъ пансіонѣ, въ которомъ Веранже учился въ 1789 г., и что она служила дядѣ помощницей во время уроковъ. Фамилія этого учителя фехтованія была ле-Валуа. Дѣйствительно, Веранже хорошо зналъ его племянницу, г-жу Редуте, бывшую также племянницей Редуте, живописца цвѣтовъ. Жюдитъ приходилась ей кузиной; и та, и другая ни разу не брали въ руки рапиръ ле-Валуа. Жюдитъ была робкой и превосходно воспитанной дѣвушкой. Веранже, нѣсколько разъ выдавшій ее еще въ то время, когда онъ жилъ со своей матерью въ улицѣ Notre-Dame-de-Nazareth, близко узналъ ее только въ 1796 г.; въ эпоху ея настоящаго знакомства съ поэтомъ ей только-что минуло 18 лѣтъ. Онъ встрѣтилъ ее у одной ея тетки, очень почтенной старой дѣвицы Роббъ, которая ее воспитывала, а въ 1818 г. завѣщала ей жалкіе остатки состоянія, уничтоженнаго Революціей (менѣе 300 франковъ въ годъ).

Хотя Жюдитъ поселилась подъ одной крышей съ Веранже только въ 1835 г., можно сказать, что эта подруга раздѣляла съ нимъ всю его жизнь; она умерла всего за три мѣсяца до смерти поэта. Жюдитъ отличалась большой красотой, въ старости могла пѣть правильно и граціозно, обладала большимъ умомъ и вообще была достойной подругой Веранже. Нужно ли говорить, что эта женщина, которую Веранже любилъ всю жизнь такой почтительной любовью, не была кокетливой и легкомысленной Лизеттой его пѣсень? Въ немногихъ пѣсняхъ Веранже начертано воспоминаніе о Жюдитъ, а именно въ стихотвореніяхъ: «Проклятая весна», «Время» и «Добрая старушка»; послѣднее изъ нихъ одна изъ самыхъ нѣжныхъ и трогательныхъ пѣсень, написанныхъ имъ. Крімъ того, онъ говоритъ о Жюдитъ въ восхитительномъ романсѣ съ припѣвомъ:

Боже мой, какаа она хорошенькая!..

Отъ каждаго стиха этого ромаса вѣетъ нѣжностью и тонкостью чувства. Итакъ, совершенно ошибочно считать эту чудную подругу Веранже, такую гордую и преданную, героиней его легкомысленныхъ куплетовъ. Достаточно внимательно прочитать его старыя пѣсни, чтобы не ошибаться. Новыя его пѣсни ясно показываютъ, что Лизетта фантастическое лицо, занятое Веранже у XVIII вѣка*).

* Шомье давно воспѣвалъ Лизетту. Въ одной изъ своихъ статей о Веранже (1833 г.) Сентъ-Вѣвъ указалъ на совершенно вымышленную роль, которую Лизетта

Va revoir chaque Lisette
Qui t'a devancé là-bas.

(Пойди взгляни на тѣхъ Лизетъ, которыя были раньше)
гдѣ-то говорить онъ. Дальше онъ говоритъ еще:

Et la beauté tendre et rieuse
Qui de ses fleurs me couronna jadis,
Vieille, dit-on, elle est pieuse;
Tous nos baisers les a-t-elle maudits?
J'ai cru que Dieu pour moi l'avait fait naître;
Mais l'âge accourt qui vient tout effacer;
O, honte! et sans la reconnaître,
Je la verrai passer!

(И вѣчная, веселая красавица, которая меня нѣкогда вѣнчала цвѣтами, говорить, стала въ старости благочестивой. Не прокляла ли она всѣ наши поцѣлуи? Я думала, что Богъ заставлялъ ее родиться для меня; но приходитъ возрастъ, уничтожающій все. О, позоръ! Можетъ быть, она пройдетъ и я ее не узнаю).

Невозможно примѣнить эти стихи, посвященные поэтомъ временнымъ увлеченіямъ, къ вѣчной подругѣ, съ которой онъ не разставался въ эпоху появленія его послѣднихъ пѣсень. Онъ никому никогда не давалъ права упоминать имя, которое онъ уважалъ, при чтеніи его кулетовъ. Жюдитъ до конца жизни очаровывала всѣхъ тонкостью своего ума и суровой прелестью разговора. Однажды Беранже пришлось публично говорить о ней. Нѣкоторымъ пришла въ голову странная идея объявить о бракѣ Беранже «съ его служанкой». Беранже не выразилъ всего своего негодованія, но оно чувствовалось подъ проніей его отвѣта.

Его отвѣтное письмо помѣчено 5-мъ іюня 1848 г. Беранже мститъ въ немъ за свою подругу. «Она,—говоритъ онъ,—подруга моей ранней юности, которую я обязанъ очень благодарить! Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ она, въ силу своего семейнаго положенія, находилась въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели я, и оказывала моей бѣдности много маленькихъ денежныхъ услугъ»; а также и другихъ услугъ, о которыхъ тогда Беранже еще не хотѣлъ говорить публикѣ. Когда въ 1809 г., какъ мы увидимъ, очень бѣдному поэту пришлось позаботиться о судьбѣ своего сына, Люсьена Парона, Жюдитъ приняла этого ребенка женщины, которой она не могла любить, и долгое время воспитывала его, точно онъ былъ ей собственнымъ сыномъ.

Ей приходилось появляться въ различныхъ компаніяхъ, но никогда подозрѣніе не коснулось ея. Жюдитъ была постоянной безупречной подругой Беранже.

Жюдитъ-Николь-Франсуаза Фреръ умерла 78 съ половиной лѣтъ отъ роду 8-го апрѣля 1857 года въ Парижѣ, въ улицѣ Vendôme, въ домѣ № 5, за три мѣсяца и восемь дней до смерти Беранже.

Ее похоронили на кладбищѣ Père Lachaise за часовней; затѣмъ погребли подлѣ могилы Беранже.

На ея надгробномъ камнѣ были высѣчены стихи, въ которыхъ выливается ихъ общая исторія:

Подлѣ красавицы, которую я обожаю,
Я считалъ себя равнымъ богамъ.
Но пробилъ колоколъ
И время появилось передъ нами.
Слабая, какъ голубка,
Которая страшится когтей коршуна,
Моя милая сказала: «Имѣй состраданье,

играла во «Французскихъ Меркуріяхъ» XVIII столѣтія и которую она продолжала играть въ первыхъ пѣсняхъ Беранже.

Старикъ, пощади нашу любовь!».

— «Подними глаза къ невидимому міру,

Который насъ навсегда соединить».

12) Въ то время, какъ Веранже служилъ въ бюро Ландона, появились XI, XII, XIII, XIV, XV и XVI томы «Анналовъ музея и современной школы» (у книгопродавца Суайе, въ улицѣ Douenne, д. № 2); въ нихъ-то и должно искать страницы, которыя, вѣроятно всею, принадлежать перу поэта. Ландонъ издавалъ также (съ 1805—1811) «Историческую галерею знаменитыхъ людей»; она появилась въ тринадцати томахъ, и Веранже, конечно, поработалъ надъ этимъ изданіемъ. Зять Ландона въ то же время предложилъ ему редактировать «Мнеологическую галерею», для которой поэтъ и написалъ около ста страницъ, въ видѣ отдѣльныхъ статей объ Ахиллѣ, Аполлонѣ, Тезеѣ и т. д.; статьи эти не были напечатаны, но существуютъ въ рукописи (см. «Переписку Веранже» томъ I, стр. 90).

Веранже охотно вспоминалъ объ этихъ наброскахъ. Отрывокъ изъ одного его письма (отъ 2-го мая 1847 г.) облегчаетъ возможность найти его статьи о живописи въ коллекціи «Анналовъ». «Для меня,—говоритъ онъ,—великій колористъ не только человѣкъ съ богатой палитрой, но и художникъ, обладающій чувствомъ гармоніи, кисть котораго плаваетъ въ воздухѣ. Взгляните на Рубенса. Прибавимъ, что этотъ царь фламандцевъ былъ прекраснымъ рисовальщикомъ, несмотря на увѣренія нашихъ отцовъ. Я имѣлъ честь писать объ этомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ».

13) Въ первомъ томѣ переписки Веранже болѣе ста страницъ говоритъ о простотѣ и благородствѣ его дружбы съ Кенекуромъ. Сколько тамъ писемъ, вродѣ слѣдующаго: «Ну, что для меня деньги! Развѣ у меня нѣтъ друзей? Я ихъ подвергаю стѣсненію, правда; но они не будутъ меня упрекать, и кто знаетъ, не дасть ли мнѣ Провидѣніе возможности вернуть имъ то, что они сдѣлали для меня. Однако, не слишкомъ рассчитывайте на это, мой дорогой другъ. Одна личность, привязанная ко мнѣ, хотѣла и должна была дать мнѣ четыреста франковъ, которые я прошу у васъ (чтобы заплатить за похороны моего отца), но ей было бы тяжело потерять ихъ, чѣмъ вамъ, и я вамъ отдалъ предпочтеніе». (письмо отъ 8-го января 1809 г.).

Читателямъ не безызвѣстно, что въ числѣ произведеній Веранже есть надгробная пѣсня, написанная послѣ смерти Кенекура. Кенекуръ умеръ въ Нантерѣ 20-го января 1831 года.

Кенекуръ (Франсуа-Габріель) родился въ Перовинѣ въ 1784 году отъ довольно пожилыхъ родителей и почти всю жизнь былъ болѣзненнымъ и печальнымъ. Его семья не разорилась во время Революціи, но все же сильно обѣдѣла, и онъ воспитывался такъ печально, что съ самой ранней юности привыкъ размышлять въ уединеніи, что, однако же, не уменьшало веселости его отношеній со многими друзьями. Онъ былъ немного моложе Веранже, но въ Перовинѣ учился вмѣстѣ съ нимъ въ одной изъ школъ, основанныхъ Веленглизомъ; онъ угадалъ и полюбилъ гений поэта, для котораго сдѣлался щедрымъ и простымъ меценатомъ. Кенекуръ выказывалъ такую преданность, его дружба была такъ нѣжна, что всѣ друзья называли его ангеломъ.

Онъ предсказалъ Веранже его будущую славу и отлично зналъ, какіе плоды его философская муза когда-нибудь извлечетъ изъ веселыхъ собраній молодежи. Желая открыть для него арену, Кенекуръ основалъ маленькую веселую академію въ Перовинѣ, которая будетъ жить въ исторіи нашей литературы подъ именемъ «Монастыря беззаботныхъ». Большая часть пѣсней перваго сборника Веранже была тамъ написана или, по крайней мѣрѣ, пропѣта.

Рѣка вытекаетъ всегда изъ малаго источника. Въ данномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, искренняя дружба, откровенная веселость и муза пѣсней облагораживаютъ берега.

Pas sur les flots d'aller rasant le bord,

Je saluai sa demeure ignorée.

«Entre, et chez moi», dit-il, «comme en un port,

Raccommodons ta voile déchirée». Proclamé roi de ses festins joyeux
 A son foyer je fais sécher ma lyre.

(Уставъ плыть по волнамъ вдоль берега, я привѣтствовалъ его незнакомое жилище. «Войди,—сказалъ онъ,—ко мнѣ и, точно въ гавани, починимъ твой разорванный парусъ». Провозглашенный королемъ на веселыхъ пирахъ, я снуху лиру у его очага).

Въ 1813 году Беранже уговорилъ своего друга покинуть Перонну и поселиться въ Парижѣ. Съ 1813 по 1819 онъ почти каждый день бывалъ у него, платя ему своей зарождавшейся славой за его благородную дружбу. Жена Кенекура заботилась обо всемъ, что было нужно Беранже, и смотрѣла за его бѣльемъ. Въ 1819 г. Кенекуръ поселился въ Пасси; бывая у него, Беранже до такой степени привыкъ къ этой дорогѣ и къ самому мѣстечку, что самъ перевезъ туда своихъ певатовъ.

Въ 1829 г. Кенекуръ выдалъ свою дочь замужъ и переѣхалъ къ своему зятю въ Нантеръ, гдѣ и умеръ. Беранже не могъ утѣшаться въ этой потерѣ. Его глаза туманились слезами каждый разъ, когда онъ навѣщалъ домъ, въ которомъ остались жить вдова и дочь его друга.

16) 1-го января 1809 г.

«Мой другъ, я потерялъ отца. Онъ испустилъ послѣдній вздохъ въ первый день года въ десять часовъ вечера. Мое горе глубоко. Оно тѣмъ сильнѣе въ это мгновеніе, что къ нему примѣшивается глубокая горечь, порожденная несправедливостями и возмутительной несправедливостью относительно меня. Племянница, для которой мой отецъ все сдѣлалъ, для которой онъ сдѣлалъ въ десять разъ больше, чѣмъ для меня, отнимаетъ у меня остатокъ мебели моихъ родителей *). Такимъ образомъ она лишаетъ меня единственнаго вознагражденія за долги, въ которые я вошелъ, чтобы покрыть необходимые расходы. Я совсѣмъ не корыстолюбивъ, но я ненавижу несправедливость. Рѣшаются даже клеветать на меня, чтобы заставить всѣхъ повѣрить, будто отецъ подарилъ ей вещи, правда, имѣющія мало значенія, но по праву принадлежащія мнѣ. Сдѣлали больше: постарались выгадать на моихъ расходахъ; все сосчитали вдвойнѣ, тройнѣ или, лучше сказать, отказались дать мнѣ какой бы то ни было отчетъ, чтобы легче меня обокрасть. Я просилъ у неба немного терпѣнія; у меня оно было, пока мой отецъ дышалъ, но теперь я больше не могу выдержать **).

«На мою долю выпали только несправедливости и затрудненія. Ахъ, если бы на мнѣ не лежало другихъ обязанностей, я уѣхалъ бы изъ города, въ который вернулся только, чтобы испытать мученія, несправедливости и печали. Я отправился бы къ вамъ

*) Аделаида Паронъ, дочь Марин-Мargarиты Беранже, сестры отца нашего поэта и Франсуа Парона, булочника въ Пероннѣ. Она родилась 22-го января 1777 г., умерла въ концѣ 1812 г.

**) Беранже имѣлъ право жаловаться на отца; отъ его наслѣдства онъ могъ ждать только несправедливостей. Онъ занялъ деньги на расходы во время болѣзни и на похороны, но онъ поступалъ какъ подобало, и пожелалъ, чтобы его отца похоронили приличнымъ образомъ. Въ его бумагахъ, помѣченныхъ этой эпохой, нашли различныя квитанціи: одну на сумму въ 40 франковъ выдало за погребеніе городское управленіе. Она помѣчена 2-мъ января 1809 г. Другая — росписка священника Пуаро; въ ней идетъ дѣло о 78 франкахъ за церковную службу, совершенную 3-го января въ церкви Saint-Germain D'Auxerrois. Дальше квитанція компаніи похоронныхъ процессій на 147 франковъ. Къ этимъ роспискамъ слѣдуетъ прибавить квитанцію въ полученіи 60 фр., подписанную 4-го февраля 1809 г. хирургомъ Валле, и еще другую квитанцію на 48 фр., подписанную 6-го января Деммолемъ, докторомъ медицины. Общая сумма достигаетъ приблизительно 400 фр., что равняется почти семистамъ теперешнихъ франковъ. Итакъ, Беранже съ помощью своихъ друзей сумѣлъ щедро выполнить до конца свои обязанности.

Роспись, найденная вмѣстѣ съ вышеуказанными квитанціями, доказываетъ, что онъ купилъ часы и матрацъ своего отца во время продажи вещей покойнаго, которая происходила 18-го января. Отецъ Беранже передъ смертью жилъ въ комнатѣ пятого этажа въ улицѣ St. Thomas du Louvre, въ домѣ № 19.

всѣмъ, мои друзья, чтобы найти хоть немного успокоенія. Ахъ, я не принесъ бы къ вамъ больше моей прежней веселости! Миѣ придется долго страдать, и мое сердце слишкомъ истерзано» («Переписка» томъ I, стр. 68).

17) Въ 1798 г. одна изъ сестеръ отца Веравже, жившая въ Пероннѣ, поручила ему наблюдать въ Парижѣ за своей дочерью Аделандой Паронъ, которая желала научиться коммерціи. Эта молодая дѣвушка, одаренная красивымъ личикомъ, къ несчастью, отличалась такимъ характеромъ, который дѣлалъ надсмотръ за нею очень затруднительнымъ. Она не уживалась ни на одномъ мѣстѣ, и ея дядя, по слабости характера, оставилъ ее у себя. Веравже, бывший на три года моложе ея, больше чѣмъ кто-либо другой подвергался опасности ея очарованія; онъ не устоялъ, и у нея отъ него родился сынъ Фюрси Паронъ, котораго поэтъ позже назвалъ Люсьеномъ. Этотъ ребенокъ родился 26-го нивоза въ IV году.

Сначала онъ воспитывался у кормилицы на средства матери, которая приобрѣла маленькое состояніе, но съ 1809 г. его единственной опорой сдѣлался Веравже. До 1840 г. Веравже поступалъ съ нимъ, какъ самый добрый изъ отцовъ. Сначала онъ попробовалъ самъ учить сына, но увидѣвъ, что всѣ его труды пропадаютъ даромъ, подвергнулъ себя матеріальнымъ лишеніямъ, чтобы помѣстить его въ пансіонъ. Съ помощью Жюдитъ ему удалось поддерживать его до юношескаго возраста. Но Люсьенъ Паронъ не переставалъ служить тяжелымъ бременемъ для отца. Когда ему было немного болѣе двадцати лѣтъ, Веравже постарался достать ему мѣсто въ колоніи; онъ хотѣлъ развить въ немъ любовь къ коммерціи, и ради этого пожертвовалъ пятнадцатью тысячами франковъ. Сумма была истрачена безъ пользы. Веравже продолжалъ до самой своей смерти ежегодно выплачивать сыну тысячу франковъ.

Люсьенъ Паронъ умеръ на островѣ Бурбонъ въ маленькой хижинѣ, въ которой онъ жилъ съ негритяжкой, не работая и не занимаясь ничѣмъ, кромѣ рыбной ловли. Веравже неразъ предлагалъ ему дать ему свою фамилію и признать его, если спъ измѣнитъ поведеніе.

Въ перепискѣ Веравже есть много писемъ къ своему сыну; они—совершенство благоразумія, доброты и простоты. Ничто не можетъ принести Веравже больше чести, нежели эти письма.

18) «Погребокъ» былъ учрежденъ въ 1729 г. Подробная исторія этой своеобразной академіи изложена въ статьѣ, написанной г-номъ Урри для «Словаря разговоровъ». Остроумный бакалейщикъ Галле, другъ Пирона, Колле и Кребильона-сына, охотно тратился на то, чтобы ихъ угощать у себя. Они пожелали въ свою очередь отблагодарить его и устроили парадный обѣдъ у знаменитаго Лавделля въ улицѣ Вусі; для пущей важности они пригласили Фюзелье, Сорена, Салле, а кромѣ того, тѣмъ Кребильона-отца, который поссорился со своимъ сыномъ; слѣдовало обезоружить его трагическій гнѣвъ. Обѣдъ прошелъ такъ весело, что рѣшили собираться ежемѣсячно. Желая поддержать свое созданіе, основатели постепенно пригласили къ себѣ: Дюкло, Лабрюейра, Жентилу Вернаръ, Монкрифа, Гельвеціуса, художника Буше, музыканта Рамо и др. Позже тамъ блисталъ Фаваръ. Ваденикогда не приходилъ на собранія «Погребка».

Иногда въ «Погребкѣ» видали ученаго Фрере, которому глубокая и обширная ученость не мѣшала любить смѣяться. Бывали тамъ даже такіе люди, какъ бывший и будущій министръ Моренâ, любитель и коллекціонеръ и, въ случаѣ нужды, составитель энциграммъ и пѣсень.

Этотъ старый «Погребокъ» просуществовалъ десять лѣтъ, съ 1729 до 1739 г.

Второй «Погребокъ» былъ основанъ въ 1759 году участниками обѣдовъ, которые давалъ по средамъ Пелетье, а именно Мармонтелемъ, Буасси, Сюрромъ и Лану. Они призывали къ себѣ Кребильона-сына, Гельвеціуса, Вернара, Колле и Ложова. Стернъ, Гарриксъ Уильксъ посѣщали эти собранія, которымъ положилъ конецъ несчастный бракъ Пелетье.

Революція 1789 г. не могла благопріятствовать возрожденію «Погребка». Въ 1796 г.

были только учреждены объёды «Водевиля», на которыхъ появлялись: Барре, Раде, Дофонтенъ, Пин, Дешанъ, Депре, оба Сегюра, Бургейль, де-Прево д'Ирз, Демоторъ, Депрео, Шеропъ, Леже, Россьеръ, Монье, Шамбопъ, потомъ Филиппонъ де-ла-Маделенъ, Эманюэль Дюпати, Алессанъ де-Шазе, Гуларъ, Діѣ-де-Фуа, Лонжонъ, Филиппъ де-Сегюръ, Арманъ Гуффе, Морисъ Сегье.

Эти объёды закрылись 2-го нивоза X года.

Коллекція пѣсень и различныхъ стихотвореній, которымъ они дали жизнь, вошла въ девять довольно рѣдкихъ томиковъ. Кроме того, избранныя изъ этихъ произведеній составили два тома in 18. Позже объёды «Водевиля» снова возродились по почину Дезожье. Современный «Погребокъ» начался съ 1806 г. Его основали Арманъ Гуффе и книгопродавецъ Капелль, который собиралъ произведенія общества, ежемѣсячно выпускалъ тетрадь, а ежегодно томъ, благодаря чему платилъ за расходы на столъ и еще имѣлъ нѣкоторую выгоду. Вскорѣ въ современномъ «Погребкѣ», помѣщавшемся въ Rocher de-Capitale Валена, стали появляться: Антиньякъ, Вразе, Шазе, Ложонъ, Дезожье, Моро, Франсисъ-Филиппонъ де-Ла-Маделенъ, Пин, Сегюръ старшій, Демоторъ, Депрео, Дюпати, Дюкре-Дюмениль, Каде-Гасикуръ, писавшій свои легкія произведенія подъ именемъ Шарля Сартрувиля, и, наконецъ, Гримо де-ла Рениьеръ и докторъ Марій де-Сентъ-Урсенъ, основатель «Альманаха обжоръ», надъ которымъ такъ рѣзко смѣялся Веранже.

Въ различныхъ департаментахъ существовало множество отдѣленій «Погребка».

Вторая компанія состояла изъ Лоншана, Жарн, Ружемона, Салверта, Жентила, Ревельера, Ури, Турне, Кунара, Жакело, Толона.

Изъ музыкантовъ были приняты: Фредерикъ Дювернуа, Мозенъ, Дошъ, Александръ Пиччини, Лафонъ, Романьези.

Какъ почетныхъ членовъ, неразъ принимали Деллиа, Мерсье, Вуфлера, доктора Галля, любителя объѣдовъ д'Эгрефейля и Реньо-де-Сепъ-Жанъ д'Анжели.

Когда вернулись Вурбоны, политика произвела такія опустошенія въ этой академіи, что она перестала существовать съ 1817 г.

Сборникъ современнаго «Погребка» образовалъ одиннадцать томовъ въ in 18.

«Ужины въ честь Мохуса» составляли вѣчто вроде отдѣленія «Погребка»; они устраивались въ ресторанѣ Бовилье, гдѣ собирались различные члены «Погребка». Веранже участвовалъ въ нихъ. Тамъ онъ пропѣлъ свою пѣсню: «Побрякушка». Члены «Погребка» встрѣчали у Бовилье такихъ соперниковъ, какъ Фредерикъ де-Курси, Жюстенъ Кабассоль, Мартенвиль, Жюсленъ де-ла-Саль, Арманъ Дартуа, Кармушь, Феликсъ, Жасентъ Леклеркъ, Феликсъ Дюзольшуа и другіе.

Сборникъ пѣсень, пропѣтыхъ за ужинами въ честь Мохуса, составляетъ пятнадцать томовъ. Эти собранія существовали до 1828 г.

Вотъ какимъ образомъ смѣялись различныя академіи пѣсень. Веранже не любилъ бывать въ «Погребкѣ», но у него явились тамъ многочисленныя друзья. Изъ его письма къ Ревельеру видно, что онъ, какъ и другіе члены, исполнялъ обязанности секретаря-редактора сборника общества. Онъ былъ потомъ и казначеемъ, обязанности котораго въ эпоху уюмяпугаго письма исполнялъ Ревельеръ.

Въ сборникъ «Погребка» вошла слѣдующія пѣсни Веранже: въ 1814 г.—«Побрякушка», «Живой мертвецъ», «Вылханка»; въ 1815 г.—«Путешествіе въ обѣтованную страну», «Рожеръ Вонтанъ», «Измѣны Лизетты», «Король Ивето», «Вдова Грегуара», «Моя бабушка», «Мой кюре», «Сомѣствіе въ адъ»; въ 1816 г.—«Придворная одежда или визитъ высочеству», «Слѣпая мать или пряха», «Влагодарственная молитва эпикурейца», «Старая одежды—старые галуны или моральное и философское разсужденіе», «Фретильонъ», «Великая оргія», «Новый Діогенъ», «Нѣтъ больше политики», «Моему другу Дезожье», «Смѣхъ».

Въ то же время появились или продолжали появляться во «Французскомъ Эпикурейцѣ»: въ 1813 г.—«Измѣны Лизетты», «Живой мертвецъ»; въ 1814 г.—«Путешествіе въ обѣтованную страну», «Рожеръ Вонтанъ», «Воспитаніе дѣвнца», «Вдова

Грегугара», «Вудущій вѣкъ или чѣмъ будутъ наши дѣти», «Весна и осень», «Король Ивето», «Хорошій французъ», «Моя бабушка», «Мой юре», «Сомествіе въ адъ», «Слѣзная мать или прихъ», «Старая одежды—старые галуны»; въ 1815 г.—«Парни», романсъ, «Великая оргія», «Фретильовъ», «Благодарственная молитва эпикурейца», «Смѣхъ», «Придворное платье», «Нѣтъ больше политики», «Старый холостякъ», «Старый скрпачъ».

Позже другіе сборники также заключали въ себѣ пѣсни «Бераиже. Напримѣръ, въ «Лирическомъ подаркѣ» 1815 г. можно видѣть пѣсни «Много любви»; въ 1817 г.—«Парни нѣтъ больше!», романсъ, соч. П.-Ж. де-Бераиже, положенный на музыку и посвященный виконтессѣ де-Парни Вильгемомъ; въ 1818 г.—«Если бы я былъ малой птицей», «Слѣпой изъ Ваньоле»; въ 1819 г.—«Двойное опяиѣвіе»; въ 1821 г.—«Надъ тѣмъ смѣются» и «Фортуна».

Нѣкоторыя пѣсни Бераиже, влослѣдствіи сильно измѣненныя или совершенно уничтоженныя, были помѣщены въ такихъ сборникахъ конца Консульства и начала Имперіи, какъ, напримѣръ, «Гирлянда цвѣтовъ», «Кузена д'Авалона» и «Альманахъ музъ».

19) Дезожье родился во Фрежю 17-го ноября 1772 года и умеръ 6-го августа 1827 года въ Парижѣ вслѣдствіе операци. Критикъ Жофруа былъ его профессоромъ въ коллежѣ Мазарини. Когда ему было семнадцать лѣтъ, его произведеніе появилось на сценѣ театра улицы Бонди. Это была одноактная комедія въ стихахъ. Съ 1792 г. по 1797 г. онъ жилъ на о-вѣ Сень-Доминго. Едва онъ вернулся во Францію, какъ сдѣлался любимымъ авторомъ театра «Variétés». Въ 1815 году Варре, бывшій директоромъ «Водевила», предложилъ ему сдѣлаться его преемникомъ. Дезожье покинулъ это мѣсто вскорѣ послѣ 1820 г., когда театръ «Gymnase» началъ сильно конкурировать съ «Водевилемъ», и своа занялъ его въ 1825 г.

Дезожье написалъ много театральныхъ пьесъ. Его пѣсни нельзя и сравнивать съ пѣснями Бераиже. Однѣ забыты—другія никогда не умрутъ.

20) Кавалеръ Пин родился въ Парижѣ 17-го сентября 1755 года и впервые началъ свою карьеру подъ покровительствомъ веселаго аббата Латтеньяна, остроуміе котораго цѣнилъ Бераиже.

21) Арманъ Гуффе родился въ Парижѣ 22-го марта 1775 года; умеръ 19-го октября 1845 г. въ Вонѣ. Этотъ человекъ, отличавшійся сумрачнымъ характеромъ, оставилъ много знаменитыхъ пѣсней: «Чѣмъ больше безумцевъ, тѣмъ больше смѣются», «Похвала водѣ», «Сень-Дени», «Похоронныя процессіи». Какъ и Дезожье, онъ написалъ много театральныхъ пьесъ.

Арманъ Гуффе, издавшій избранныя сочиненія Панара (1808 г. три тома in 18) такъ обрисовалъ его въ одномъ куплетѣ:

Веселость диктуеть ему пѣсни,
Но невинность можетъ ихъ читать;
Онъ—скромный и лукавый—
Колеть, но не огорчлеть,
Онъ воспѣваетъ вино безъ опяиѣвія
И исправляетъ, не обижая.

22) Шодрюкъ Дюкло, тотъ самый, который въ царствованіе Карла X показывалъ свои лохмотья въ галереяхъ Пале-Рояля, чтобы ежедневно и на глазахъ всѣхъ упрекать въ неблагодарности тѣхъ, дѣлу которыхъ онъ служилъ до полного разоренія.

23) Тотъ самый, которому поручили убить Наполеона и который похитилъ шкапку у бывшей королевы Вестфалии Екатерины Вюртембергской.

24) Чаену Конвента Куртуа послѣ девятаго термидора поручили собрать и разсмотрѣть бумаги Робеспьера. Онъ исполнилъ данную ему задачу и составилъ очень длинный и горячій рапортъ; этотъ отчетъ и былъ напечатанъ въ національной типографіи (пивоъ, годъ III; 408 стр. in 8) и содержитъ въ себѣ интересныя документы.

Куртуа оставилъ у себя многія драгоценныя бумаги и сохранилъ ихъ въ своей богатой библіотекѣ. Его много разъ обвиняли во взяточничествѣ и потому, несмотря на услуги, оказанныя имъ 18-го брюмера Бонапарту, онъ не могъ долго играть роль на политической аренѣ. Въ 1815 году его изгнали, какъ царевубійцу. Кажется, именно тогда онъ велѣлъ передать министру полиціи Декаду, что въ его рукахъ хранятся бумаги, обѣщая вернуть ихъ, если его вычеркнутъ изъ числа изгнанниковъ. Въмѣсто всякаго отвѣта Куртуа прогнали изъ его дома и захватили его бумаги.

25) Петито (Клодь-Бернаръ), родившійся въ Дижонѣ 30-го марта 1775 г. и умершій 6-го апрѣля 1825 г., очень рано посвятилъ все свое время изученію литературы. Когда 18-го фруктидора Фонтанъ былъ изгнанъ, онъ далъ ему пріютъ, и въ благодарность за эту услугу Фонтанъ, ставшій ректоромъ университета, доставилъ ему мѣсто инспектора. Въ 1814 г. онъ сдѣлался главнымъ секретаремъ университета, вмѣсто Арно. Кромя другихъ произведеній, онъ далъ намъ репертуаръ «Французскаго театра» (1803—1814) въ двадцати трехъ томахъ in 8, съ добавленіями, и прекрасную коллекцію матеріаловъ для «Исторіи Франціи». Онъ вмѣстѣ со своимъ братомъ и Монмерке руководилъ этимъ изданіемъ до сорока пятаго тома.

26) Существуетъ письмо Беранже къ книгопродавцу Эймери по поводу продажи, его перваго сборника. Въ этомъ письмѣ, помѣченномъ 5-мъ ноября 1815 г., не говорится ни о какихъ другихъ условіяхъ, кромя желанія автора получить отъ книгопродавца тридцать экземпляровъ сборника. Должно было выйти 2500 экземпляровъ и въ сборникѣ желали напечатать отъ 60 до 80 пѣсень, избранныхъ изъ 150, лежавшихъ тогда въ портфель поэта. Вѣроятно, за такое большое изданіе книгопродавецъ заплатилъ поэту.

27) Мавюэль (Жакъ-Антуанъ), родившійся въ Барселонеттѣ 10-го декабря 1775 г., поступилъ волонтеромъ въ 1793 г. и сдѣлался капитаномъ инфантеріи. Раненый и больной, онъ вернулся на родину послѣ заключенія мира въ Камбюформію и занялся изученіемъ законовъ. Его адвокатскій талантъ скоро замѣтили въ Эксѣ и выбрали представителемъ во время Ста Дней. Съ этихъ поръ началась его короткая и блестящая политическая карьера. Онъ умеръ 20-го августа 1827 г. въ Мезонѣ у Лафитта, въ объятіяхъ своего брата и Беранже.

28) Съ 1823 по 1827 г. именно тамъ готовилась благородная Іюльская революція. Лафиттъ дѣйствовалъ на Palais-Royal, Тьеръ и Минье каждый писали исторію Революціи и готовились къ борьбѣ. Беранже вырабатывалъ свои сильныя пѣсни сборника 1828 г. Воспоминаніе объ этомъ времени, полнѣмъ гордости и надежды, всегда оставалось живымъ въ умѣ Тьера. «Беранже,—говоритъ онъ,—былъ для всѣхъ насъ отцомъ».

29) Гиацинтъ Табо-де-ла-Тушъ, такъ называемый Анри де-ла-Тушъ, издатель произведеній Андре Шенье, родился въ Шатрѣ 2-го февраля 1785 г., умеръ въ Онэ, подлѣ Парижа, 9-го марта 1851 г. Онъ былъ племянникомъ сенатора Порше де Ришбура и во время Имперіи служилъ въ бюро Франсе-де-Навтъ. Начиная съ 1815 г. онъ жилъ своимъ перомъ и употреблялъ его въ интересахъ либеральной партіи. Его талантъ не всегда хорошо служилъ его очень тонкому и благородному уму. Онъ былъ превосходнымъ критикомъ. Анри де-ла-Тушъ положилъ начало извѣстности Жоржъ-Зандъ, которая посвятила ему въ 1851 г. въ номерахъ отъ 18-го, 19-го и 20-го іюля газеты «Вѣкъ» очень интересную некрологическую замѣтку. Онъ довольно долгое время былъ главнымъ редакторомъ стараго «Фигаро», и его сатира не щадила никого. Конецъ своей жизни де-ла-Тушъ провелъ въ молчаніи; онъ умеръ въ уединеніи подлѣ своей подруги Поливы Флержеръ, сохранившей за собой его домъ и землю въ Онэ.

30) Подверглись преслѣдованіямъ слѣдующія пѣсни: «Вакханка», «Моя сабушка», «Марго» — какъ оскорблявшія нравственность; «Благодарственная молитва эпикурейца», «Сомнѣніе въ адѣ», «Мой кюре», «Капуцины», «Приходскіе пѣвчіе», «Миссіонеры», «Господь Богъ», «Смерть короля Христофора» — какъ пытавшіяся оскорбить религіозную

мораль; «Принцъ Наварскій», «Господь Богъ», «Простуженный», «Вълая кокарда» — какъ оскорблявшія особу короля. «Старое знамя» — какъ предложеніе носить условный значекъ, не дозволенный королемъ. Беранже былъ признанъ виновнымъ относительно перваго и послѣдняго пунктовъ; по двумъ остальнымъ его осудили. Это было 8-го декабря 1821 г.

31) Поль-Луи Курье-де-Море, родившійся въ Парижѣ 4-го января 1772 г., былъ убитъ 10-го апрѣля 1825 г. въ собственномъ имѣніи Ларсе Фрѣмономъ, лѣснымъ сторожемъ. Неизвѣстно, что вызвало это преступленіе; въ 1821 г. Курье былъ приговоренъ къ двухмѣсячному тюремному заключенію и штрафу въ двѣсти франковъ за рѣчь о покункѣ замка Шамбора.

32) Луи-Огюсть-Франсуа Кошуа-Лемеръ родился въ Парижѣ 28-го апрѣля 1789 г. Въ 1815 г. Кошуа-Лемеръ былъ изгнанъ; въ 1821 г. его осудили на годовичное заключеніе за то, что онъ издалъ свои «Маленькія произведенія» въ одномъ томѣ.

33) Онъ былъ членомъ Генеральнаго совѣта и редакторомъ одного адреса Никола-Франсуа Белларъ, родившійся въ Парижѣ 20-го ноября 1761 г., умеръ 7-го іюля 1826 г. Его произведенія были собраны (1827—28 г.; шесть томовъ in 8) и изданы подъ заглавіемъ «Полный сборникъ сочиненій». Послѣ паденія Имперіи онъ впервые выступилъ въ судѣ, обвиняя маршала Нея.

34) Вервиль былъ почетнымъ президентомъ суда въ Парижѣ (1860 г.). Вервиль (Сентъ-Албенъ) родился въ Амьенѣ 22-го октября 1788 г. Его главныя защитительныя рѣчи напечатаны. Онъ писалъ хорошеенькіе стихи и вмѣстѣ съ Франсуа Варіеромъ издалъ коллекцію мемуаровъ, касающихся французской революціи.

35) Призванный 5-го декабря уже не въ окружной судѣ, а въ трибуналъ исправительной полиціи, Веранже явился подсудимымъ 10-го декабря. Преслѣдовали его пѣсни: «Ангель-хранитель» — за оскорбленіе религіи, «Коронація Карла X» и «Безконечно малые» — за оскорбленіе короля, за нападки на королевское достоинство и за возбужденіе въ обществѣ ненависти и презрѣнія къ правительству.

36) Веранже вошелъ въ тюрьму La Force въ концѣ декабря 1828 г.; онъ вышелъ изъ нея 22-го сентября 1829 г. и ему пришлось сдѣлать триста пятьдесятъ благодарственныхъ визитовъ лицамъ, навѣстившимъ его во время заточенія.

37) Франсуа-Александръ-Фредерикъ де-Ларошфуко-Ланкуръ родился 11-го января 1747 г., а умеръ 27-го марта 1827 г.; онъ былъ сыномъ герцога Эстиссакъ. Отецъ Беранже нѣкоторое время въ Анжу велъ дѣла герцогини д'Эстиссакъ. Всѣ знаютъ, какую печальную извѣстность заслужили похороны стараго герцога де-Ларошфуко. Жандармы выстрѣляли въ толпу, которая пожелала нести его гробъ на рукахъ, и гробъ упалъ въ грязь.

ПѢСНИ БЕРАНЖЕ.

Король Ивето.

Жилъ въ Ивето король одинъ,
Исторіей забытый;
Онъ былъ счастливый властелинъ,
Спалъ крѣпко — какъ убитый.
Чудакъ веселый Жаннетопъ,
Не совѣщаясь съ напой
Короновалъ его на тронъ
Простой бумажной шляпой...

Все — говорятъ —

Пошло на ладъ...

Ну, и король же былъ:

Былъ не король, а сущій кладъ!

Ахъ, и король же былъ!..

Онъ въ день четырежды вкушалъ
Въ своемъ дворцѣ отмѣнномъ
Все королевство объѣзжалъ
На ослигѣ смиренномъ.
Всегда привѣтливъ былъ и простъ
(Не простачокъ, однако!) —
Сторожевой держала постъ
При немъ одна собака...

И — говорятъ —

Все шло на ладъ...

Да и король же былъ:

Былъ не король, а сущій кладъ!

Ну, и король же былъ!..

Не зналъ онъ тягостныхъ заботъ,
Ни суеты придворной;
И счастливъ былъ его народъ,
Во всемъ ему покорный..
Онъ отмѣнилъ налогомъ тьму,
Горя свободы жаждой:

Вино лишь въ подать шло ему —
По кружкѣ съ бочки каждой...

Да, говорятъ,

Во всемъ былъ ладъ!

Вѣдь и король же былъ:

Былъ не король, а сущій кладъ!

Ну, и король же былъ!..

Дѣвицъ и юныхъ дамъ любилъ,

Любовь пилъ полной чашей;

Не безъ причины же онъ слылъ

Для подданныхъ папашей...

Войну онъ страшнымъ зломъ считалъ,

Хоть рыцарь былъ по взглядамъ, —

Стрѣлять ивечцамъ разрѣшалъ,

Но—холостымъ зарядомъ...

Что-жь, говорятъ,

Былъ миръ да ладъ!

Ахъ, и король же былъ:

Былъ не король, а сущій кладъ!

Ну, и король же былъ!..

Своихъ земель не приращалъ,

Сосѣдомъ слылъ завиднымъ,

Довольство всѣхъ онъ признавалъ

Закономъ безобиднымъ;

Всегда съ улыбкой на устахъ, —

Вздыхалъ лишь, вспоминая,

Что на его похоронахъ

Всплакнетъ страна родная...

Такъ — говорятъ —

Жизнь шла на ладъ!

Король-то ладный былъ:

Былъ не король, а сущій владъ!

Ну, и король же былъ!..

Портретъ монарха-добряка

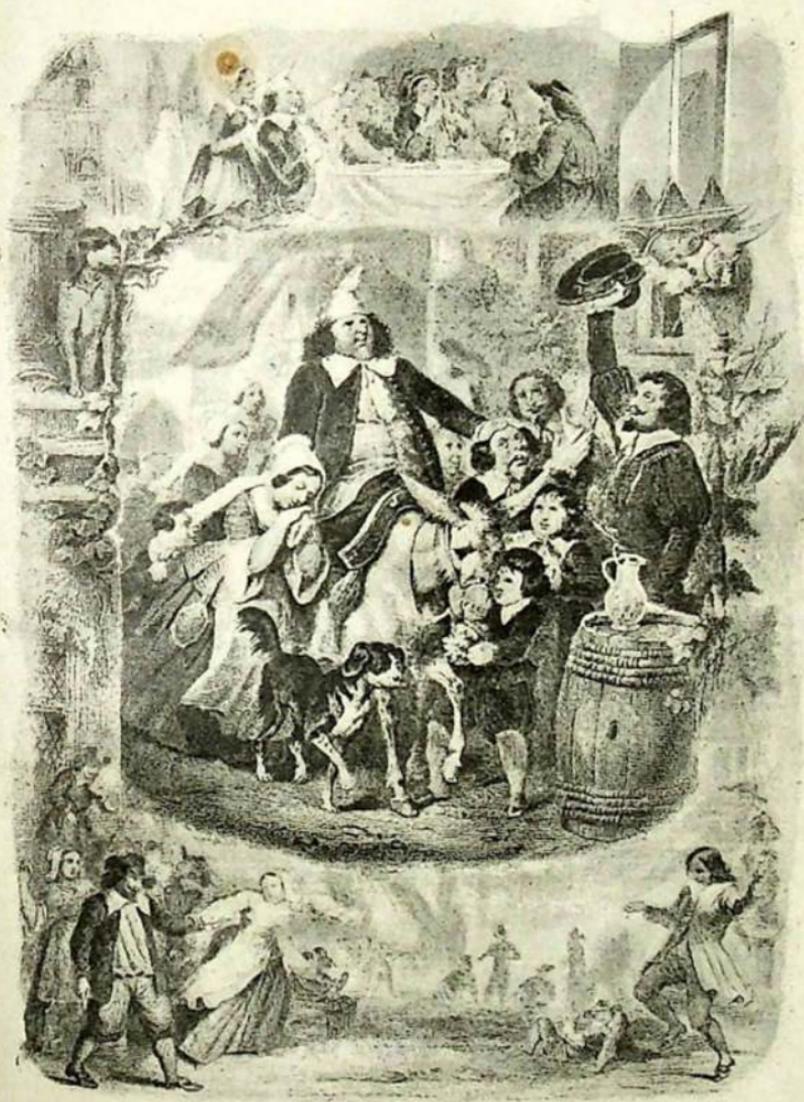
Щадить сѣдое время, —

Онъ — надъ дверями кабачка

Красуется предъ всѣми...

Нерѣдко, въ праздникъ, въ честь его —

Виномъ смѣняя пиво —

200.200

С. В. Д. О. Г. А. - 2000

Въ пылу восторга своего
Постъ толпа ретиво:
„Да, говорятъ,
Все шло на ладъ!
Король на рѣдкость былъ:
Былъ не король, а сущій кладъ!
Ахъ, и король же былъ!“.

Вакханка.

Я согласна, мой милый, съ желаньемъ твоимъ,
Пить шампанское станетъ Жюли...
Насладимся съ тобою блаженствомъ земнымъ,
Выпьемъ чашу безумства любви!

Наливай же въ бокалы живительный ядъ,
Пей до дна за подругу свою,—
А не то покраснѣть мнѣ придется стократъ
За разумную трезвость твою!..

Погляди—какъ сверкаетъ во взорѣ очей
Пылкой страсти кипучій потокъ,
Какъ цвѣтокъ за цвѣткомъ изъ роскошныхъ кудрей
Разсыпается пышный вѣнокъ!

Вотъ—разбился хрусталь, пролилося вино...
О, мой Боже!.. Лобзай же мнѣ грудь!..
Эти брызги осушить лобзанье одно;
Въ поцѣлуяхъ мнѣ дай утонуть!..

Наливай же еще!.. Ткань нарядовъ нужна-ль
Межъ устами и груди волной?
Разорви всѣ завязки,—вѣдь мнѣ ихъ не жаль!
Нѣтъ стыдливости больше со мной!..

Обнаженный мой станъ ты въ объятыхъ сожми!..
Страсть—все жарче, сильнѣй что ни мигъ..
Погаси-жь этотъ пылъ, бурю страсти уйми!
Мало мнѣ поцѣлуевъ твоихъ!..

О, мой милый! Сожги мое сердце, сожги!
Самъ въ объятыхъ ко мнѣ упади!..
Пить—довольно... Себя для меня береги,—
Нектаръ счастья клокочетъ въ груди...

Ты молчишь?.. Ты не можешь страстей утолить,
Разгорѣвшихся въ сердцѣ моемъ?!.
Это бурное пламя теперь не залить
Возрождающимъ страсти виномъ!..

Сенаторъ.

Мнѣ создаетъ моя супруга славу,—
Глаза такіе чудные у ней;
Обязанъ Розѣ я довольно многимъ
И даже самымъ лучшимъ изъ друзей...
Чуть только я о немъ заговорилъ,
Онъ—тутъ какъ тутъ, въ квартиру позвонилъ!..
Какъ счастливъ я,
Мои друзья!
Ахъ, господинъ сенаторъ,
Честь—дорога!
Я—вашъ слуга...
Ахъ, господинъ сенаторъ!..

Его поступкамъ я не надивлюся,—
Вотъ человѣкъ на рѣдкость!.. Разъ, зимой,
Онъ къ самому министру просвѣщенья
Отправился на балъ съ моею женою...

Они вернулись; вынесъ я свѣчу;
 Нашъ другъ меня похлопалъ по плечу...
 Мои друзья,
 Какъ счастливъ я!
 Ахъ, господинъ сенаторъ,
 Честь — дорогà,
 Я—вашъ слуга...
 Ахъ, господинъ сенаторъ!..

Со мной всегда такъ простъ онъ въ обращеннн.
 Какъ-будто мы однихъ чиновъ и лѣтъ;
 Когда жена немножко нездорова,
 Онъ съ ней готовъ весь день играть въ пикетъ...
 А разъ въ году—меня въ день именинъ
 Цѣлуетъ онъ... Вотъ милый господинъ!..
 Какъ счастливъ я,
 Мои друзья!
 Ахъ, господинъ сенаторъ!
 Честь—дорогà,
 Я—вашъ слуга...
 Ахъ, господинъ сенаторъ!

Однажды въ день туманный и дождливый
 Обѣдалъ онъ съ женою и со мной
 И вдругъ потомъ мнѣ говорить любезно:
 „Прошлись бы вы немножко, милый мой!..
 „Вы не стѣсняйтесь! Тамъ—мой экипажъ...
 А я—стеречь очагъ останусь вашъ!“..
 Мои друзья,
 Какъ счастливъ я!
 Ахъ, господинъ сенаторъ!..
 Честь—дорогà,
 Я—вашъ слуга...
 Ахъ, господинъ сенаторъ!..

Поѣхали мы за городъ кататься,
 На дачу къ другу ѣздили втроемъ;
 За ужиномъ шампанскимъ угощалъ онъ...
 Я опьянѣлъ порядочно потомъ...
 Мы почевать сстались,—было мнѣ
 Удобно спать,—не худо и женѣ!..
 Какъ счастливъ я,
 Мои друзья!

Ахъ, господинъ сенаторъ!
 Честь—дорога,
 Я—вашъ слуга!
 Ахъ, господинъ сенаторъ!..

Послалъ намъ Богъ съ женой малютку-сына,
 Папашей крестнымъ друга я позвалъ;
 Отъ радости онъ чуть не прослезился,—
 Не въ очередь меня расцѣловалъ...

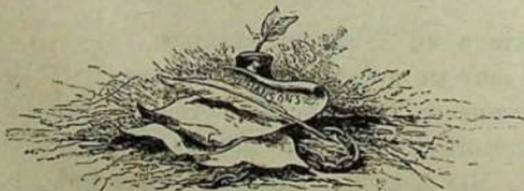
И мой сыночекъ (пусть Богъ его хранить!)
 Былъ въ завѣщаньи крестнымъ не забыть...

Мои друзья,
 Какъ счастливъ я!
 Ахъ, господинъ сенаторъ!
 Честь - дорога,
 Я—вашъ слуга...
 Ахъ, господинъ сенаторъ!..

Съ тѣхъ поръ все чаще онъ у насъ обѣдалъ,—
 Былъ веселъ такъ, что я порой шутилъ
 И за десертомъ, къ другу обращаюсь,
 Развязно такъ—какъ съ равнымъ—говорилъ:

„Я убѣжденъ, что вы съ моею женою
 Знакомы много ближе, чѣмъ со мною;

Но мы—друзья!
 И счастливъ я...
 Ахъ, господинъ сенаторъ!
 Честь—дорога,
 Я—вашъ слуга...
 Ахъ, господинъ сенаторъ!“.

Академія и погребокъ.

Боялся къ вамъ и въ дверь я постучаться, —
Сказали мнѣ, что въ этомъ погребкѣ
Чуть-чуть не академикомъ собранье,
Что ядъ сокрытъ здѣсь въ каждомъ языкѣ...
Но что я вижу? Добрые камрады
Вокругъ стола накрытаго сидятъ;
Бутылокъ строй красуется предъ ними...
„Садитесь къ намъ!“ мнѣ дружно всѣ кричать...
Совсѣмъ не тотъ, не тотъ, — нѣтъ, нѣтъ, —
Академическій совѣтъ!..

Себя я могъ въ совѣтѣ видѣть этомъ,
Гдѣ спорилъ бы о томъ я и о семъ,
И, соотязаясь въ праздномъ краснорѣчьи,
Я гозорилъ бы больше—ни о чемъ...
Но, путь пройдя едва до половины,
Я утомленъ безъ лавровъ, господа!
Вы встрѣтили меня, поднявъ стаканы;
Интригъ ученыхъ нѣтъ здѣсь и слѣда...
Нѣтъ, не таковъ, друзья, — нѣтъ, нѣтъ, —
Академическій совѣтъ!..

Когда-бъ туда войти мнѣ привелось,
Меня иначе встрѣтили-бъ сейчасъ, —
Сказать могли бы: „Вы зачѣмъ, любезный?“
А можетъ быть: „Какая честь для насъ!“...
И повесли-бъ такую ахинею,
Что новичка бы тронули до слезъ...
Вѣдь вамъ извѣстно, — всѣ тамъ геніальны...
Кто геніальнѣй, — въ томъ лишь и вопросъ!..
Нѣтъ, здѣсь—не то! Не тотъ, — нѣтъ, нѣтъ, —
Академическій совѣтъ!..

Тамъ увидать я могъ бы президента
 Всѣхъ этихъ чванныхъ, праздныхъ всѣхъ господъ,—
 Слезу точить онъ сталъ бы объ умершемъ
 И звать меня „великимъ“ въ свой чередъ...
 А здѣсь — совсѣмъ нѣтъ этихъ церемоній,
 Нашъ президентъ краснорѣчивъ безъ словъ, —
 Пьетъ больше всѣхъ и всѣхъ онъ простодушнѣй,
 Расцѣловать онъ каждого готовъ...

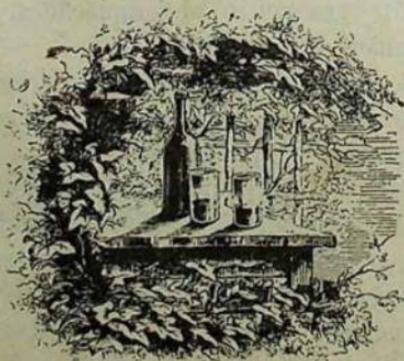
Совсѣмъ, не тотъ, не тотъ, — нѣтъ, нѣтъ, —
 Академическій совѣтъ!..

Когда меня причтутъ на самомъ дѣлѣ
 Къ отмѣченному патентомъ мудрецамъ, —
 Быть можетъ, я академичень стану
 И самъ начну потворствовать глушцамъ...
 Но здѣсь, среди почтеннаго собранья,
 Объединяетъ мудрость всѣхъ одна:
 Веселымъ быть въ печальныя минуты,
 Любить весь міръ и пить всегда до дна!..

Нѣтъ, не таковъ, друзья, — нѣтъ, нѣтъ, —
 Академическій совѣтъ!..

Итакъ — судя по вашему приему —
 Не смѣнить кресло мой дырявый стулъ:
 Не можетъ тотъ забыть сюда дорогу,
 Кто хоть разокъ, случайно, заглянулъ...
 Здѣсь ждетъ меня свободная бесѣда,
 Здѣсь хватить всѣмъ и пѣсенъ, и вина...
 Здѣсь — общій лозунгъ: „Позабудьте споры!
 Для дружбы жизнь, для радостей дана!“.

Да, здѣсь — не то! Не тотъ, — нѣтъ, нѣтъ, —
 Академическій совѣтъ!..

Ш у т к а.

Божокъ насмѣшки — вѣчный Момусъ —
Въ друзья взялъ школьныхъ риемачей
И — знай поетъ въ четыре темпа,
Французскихъ не щадя ушей...

Ушелъ и Мирлитонъ, —
Не вынесъ скуки груза...
Коллè — собрата — муза *),
Что значить этотъ сонъ?

Вѣдь это — шутка?!

Конечно, да!..

Ну, слава Небу, господа, —
Вѣдь это — только шутка!..

Скабрзный тонъ иныхъ сюжетовъ
Меня, признаться вамъ, влечетъ;
Въ моихъ стихахъ сама Минерва
Прыжки порою задаетъ...

Отъ бабушки моей —
Старушки очень славной —
Въ наслѣдство даръ забавный
Я получилъ, — ей-ей!..

Что? Это — шутка?!

Конечно, да!..

Имѣю вкусъ я, господа,
Къ тому, что только шутка!..

Лѣтъ десяти она шутила
Лишь надъ учителемъ своимъ;

*) Коллè — французскій поэтъ-драматургъ и авторъ пьесъ (род. въ 1709 г., † въ 1783 г.).

Потому смѣнялись шуткой шутки
 То надъ однимъ, то надъ другимъ...
 Такъ — въ шуткахъ жизнь прошла;
 За жизнь пришла расплата,
 И — вышутивъ аббата —
 Старушка отошла...
 „Что-съ? Это — шутка?!“...
 Конечно, да!..
 На ложѣ смерти, господа,
 Шутить — совсѣмъ не шутка!..

Подъ сѣнью Регентства французы
 Создать сумѣли культъ забавъ,
 Въ Парижѣ всей Франціи веселость,
 Все остроуміе собравъ...
 Давно уже, давно
 Такъ въ мірѣ не чудили,
 Такъ шутокъ не любили,
 Такъ нѣ жили смѣшно!..
 Разнь шуткѣ — шутка?
 Конечно, да!..
 На гильотинѣ, господа,
 Шутить — плохая шутка!..

Теперь почти-что не смѣется
 У насъ никто... Но развѣ нѣтъ
 Смѣшного въ жизни современной?..
 Избытокъ славы — намъ во вредъ!..
 Веселость замерла,
 Слѣдъ нѣтъ наслажденій...
 Безплодныхъ умозрѣній
 Повсюду — нѣсть числа!..
 Жива ль ты, шутка?
 Конечно, да!..
 Вернемся къ шуткамъ, господа, —
 Вся скука жизни — шутка!..

Притворщикъ тотъ — кого обидятъ,
 А онъ на это промолчить;
 Но и при каждомъ вольномъ словѣ
 Ложь — принимать смущенный видъ!..

Давно воздать пора
И честь, и славу смѣху:
Сродни французы эху,
Смѣяться — мастерà!..

О, пусть же шутка

Живеть всегда!

Когда жь нагринетъ къ намъ бѣда,—
Мы скажемъ: это — шутка!..

Рожеръ-Бонтанъ.

Среди тоскливыхъ лицъ,
Для яснаго примѣра,
Въ одинъ прескучный день
Увидѣли Рожера.
Въ безвѣстности прожить,
Но весело и пьяно,
Вотъ жизни всей девизъ—
Девизъ Рожеръ-Бонтана!

Въ отцовской шляпѣ онъ,
Изрядно поружьлой,—
Воткнетъ въ нее цвѣтокъ
(Пунцовый, синій, бѣлый),
Двадцатилѣтній плащъ
Надѣнетъ—какъ сутану...
Идетъ такой нарядъ
Безпечному Бонтану!

Въ его каморкѣ—столъ
Да стулъ вблизи кровати,
Да винный жбанъ—что полкъ
По Божьей благодати,
Колода картъ, портретъ
„Любви“, погибшей рано,
Пустой сундукъ... Вотъ—весь
Багажъ Рожеръ-Бонтана!

Готовъ учить дѣтей
Онъ играмъ безъ заботы;
Въ компаніи гулякъ
Онъ сыплетъ анекдоты;
Куплеты пѣтъ гораздъ,
Постигъ всю соль канкана,—

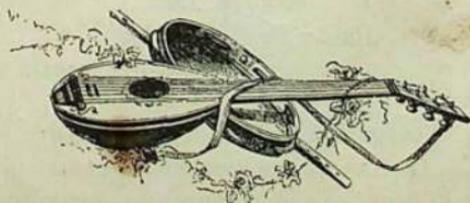

Вотъ—знаній обцій сводъ
Веселаго Бонтана!

Нѣтъ добраго вина,—
„Подать худое все намъ!“.
Гризетку предпочесть
Парижскихъ львицъ салонамъ;
Шутить въ часы невзгодъ,
Встрѣчать удачи рьяно...
Вотъ вамъ премудрость вся,
Вотъ правило Бонтана!

Взываетъ къ небесамъ:
„Отець мой! Вѣчно будешь
Ты добръ,—весельчака
За нравъ Ты не осудишь!
О, пусть не знаетъ жизнь
Ни мрака, ни тумана!“.—
Одна молитва есть
У нашего Бонтана!

Вы—братья-бѣдняки,
Вы—паріи въ отчизнѣ,
Вы—сбитые съ путей,
Вы—лишніе въ сей жизни,
Вы—титуды свои
Теряющіе рано,—
Берите-ка примѣръ
Вы всѣ съ Рожеръ-Вонтана!..

П а р н и.

Говорилъ я сынамъ Эпикура:
„Вашихъ пѣсенъ веселый напѣвъ
Пусть разбудить пѣвца наслажденій
И трибуна плѣнительныхъ дѣвъ!“
Но смолкаютъ веселыя пѣсни,
Вдохновлявшія счастьемъ сердца,—
Радость жизни лить слезы готова
Передъ гробомъ безмолвнымъ пѣвца...

Парни угасъ,
Разбита лира,
Парни за грани міра
Ушелъ отъ насъ!..

Говорилъ я и Граціямъ нѣжнымъ:
„Онъ обязанъ вамъ славой своей!
Покажитесь ему на мгновенье
Въ наготѣ, побѣждавшей царей!..
Пусть пробудится, пусть воспоетъ онъ
Всѣ сокровища вашихъ красотъ!“...
Но молчали красавицы, зная,
Что мертвецъ ни одинъ не поетъ...

Парни угасъ,
Разбита лира,
Парни за грани міра
Ушелъ отъ насъ!..

Говорилъ я богамъ наслажденья:
„О, Амуры, вернуть вы должны
Тѣ цвѣты вождельній, что рвалъ онъ
Легкомысленно въ годы весны“...
Но и боги любви со слезами
Повторяютъ лишь пѣсни его,—

Всѣмъ извѣстныя милья пѣсни,
 Имъ пріятныя больше всего...
 Парни угасъ,
 Разбита лира,
 Парни за грани міра
 Ушелъ отъ насъ!..

Говорилъ я печальницамъ-музамъ:
 „Позабудьте стенанья свои,—
 Вамъ довольно чарующихъ пѣсенъ,
 Имъ пропѣтыхъ во славу любви!..
 Спитъ, проснѣтся пѣвецъ вдохновенный
 На устахъ съ новой пѣсней живой“...
 Сестры-му-ы словамъ не внимали,
 Повторя одна за другой:
 „Парни угасъ,
 Разбита лира,
 Парни за грани міра
 Ушелъ отъ насъ!“...

Нѣтъ его... Пусть же зависть умоляетъ,
 Ей не мѣсто у гроба пѣвца,—
 Онъ и жизнь покидаетъ безсмертнымъ,
 Побѣждая умы и сердца...
 Боги неба грядущую славу
 Всѣ согласно ему предрекли...
 Пусть и ненависть съ нимъ примирится
 Передъ тайной небесъ и земли!..
 Парни угасъ,
 Разбита лира,
 Парни за грани міра
 Ушелъ отъ насъ!..

Моя бабушка.

(Вольный переводъ).

Имениница-бабушка намъ
Разказала вчера подь хмелькомъ,
Какъ любила ее молодежь,
Какъ интрижки вела съ ней тайкомъ:

— „Ахъ, какъ красива
Я вѣдь была,
Какъ беззаботна,
Какъ весела!“.

— „Значить, бабушка, прежде и вы
Увлечаться могли кое-чѣмъ?“.

— „Лѣтъ въ пятнадцать я знала ужъ все,—
По ночамъ не спалось мнѣ совсѣмъ...“

Да, было время—
Пѣвилась кровь,
Спать не умѣла
Въ сердцѣ любовь!“.

— „Сердце вѣжное было у васъ?“
 — „Такъ вѣжно, что въ семнадцать-то лѣтъ
 Ждать Линдоръ не заставилъ себя
 Да и самъ ждалъ недолго, мой свѣтъ!..
 Ахъ, какъ мнѣ жалко
 Ручекъ моихъ,
 Ножекъ-малютокъ,
 Чувствъ отжитыхъ!“

— „Линдоръ, бабушка, правился вамъ?“
 — „Увлекалась три мѣсяца имъ;
 На четвертый—Валерій увлекъ...
 Только я не разсталась и съ нимъ!..
 Не возвратиться
 Юнымъ годамъ,
 Не повториться
 Счастья часамъ!“

— „Какъ же, бабушка, разомъ двоихъ
 Вы любили?“ — „А что-жь за бѣда!
 Каждый не былъ мнѣ вѣренъ... И вотъ—
 Я за дѣдушку вышла тогда!..
 Что-жь, и тогда я
 Юной была,
 Лѣтъ въ восемнадцать
 Розой цвѣла!“

— „Что-жь родные сказали ему?“
 — „Ничего не могли и сказать:
 Коль разбито яйцо, скорлупу
 Развѣ станете вы вспоминать?!..
 Все невозвратно,
 Все — что прошло,
 Что злое время
 Вдаль унесло!“

— „Ну, а мужу вы были вѣрны?“
 — „Знать на свѣтъ нельзя вамъ всего!
 Раньше смерти и мой духовникъ
 Не услышитъ про то ничего!..
 Годы были
 Тонуть во мглѣ,
 Властно забвенью
 Здѣсь — на землѣ!“

— „Поздно, бабушка, стали вдовой?“

— „Да, не рано... Но только и тутъ
Помнить надо, что старый алтарь
Всѣ не меньше, чѣмъ новые, чтуть...

Нравъ мой веселый
Страсти будиль,
Чувства и мысли
Онъ молодилъ!“

— „Поступать ли намъ такъ же, какъ вы?“

— „Ну, конечно!.. Жизнь опытъ дала!..

Со своей же вѣдь бабушки я
Всѣ благіе примѣры брала...

Ахъ, какъ мнѣ жалко
Ручекъ моихъ,
Ножекъ-малютокъ,
Чувствъ отжитыхъ!“

Живой мертвецъ.

Когда скучать я начинаю, —
Друзья, молитесь за меня:
Я умираю, умираю,
Мнѣ не прожить еще и дня!
Когда же радость наслажденья,
Мою тоску похоронивъ,
Сулитъ восторги упоенья, —
Я живъ и даже очень живъ!..

Когда звенять глупца червонцы, —
Я мертвъ, я мертвъ, друзья мои!
Когда-жъ заискрится, какъ солнце,
Въ бокалахъ свѣтлое „ай“,
Когда появятся предъ нами
Вольнэ, помарь, мулень-а-ванъ *), —
Я расстаюся съ мертвецами
И снова жизнью обуянъ...

Когда начнутъ рѣшать съ размаха
Судьбы несчастныхъ королей, —
Я умереть готовъ отъ страха,
Я мертвъ, друзья мои, —ей-ей!..
Когда же судятъ всѣ о винахъ,
Анализъ трезвый замѣнивъ
Игрою вымысловъ картинныхъ, —
Я живъ и даже очень живъ!..

Когда на сѣверъ призываетъ
Война, побѣдами маня, —
Мгновенно сердце замираетъ,
Я мертвъ, —молитесь за меня!.

*) Названія извѣстныхъ во времена Беранже винъ.

Когда-жь за чашей круговую
Сидятъ друзья у камелька, —
Я живъ и тѣломъ, и душою,
И смерть отъ жизни далека!..

Когда свой вздоръ невыразимый
Начнетъ нести иной мудрецъ, —
Пусть онъ софистъ неоспоримый, —
Друзья, предъ вами—другъ-мертвецъ!..
Но если хочеть кто куплетомъ
Взбодритъ веселости порывъ, —
Готовъ глушить предъ цѣлымъ свѣтомъ—
Я живъ и даже очень живъ!..

Когда приходится невольно
Мнѣ слушать проповѣдь ханжи, —
Я не кричу ему—„довольно!“,
Я—только мертвъ отъ этой лжи!..
Но пусть мнѣ скажутъ, что отчизнѣ
Потребность есть въ моей рукѣ, —
Я ожилъ, я воскресъ для жизни,
Отъ всякой смерти вдалькѣ!..

Войдетъ въ кружокъ друзей персона,
Свои достоинства храня, —
Друзья, лишь смерть мнѣ оборона;
Я мертвъ—молитесь за меня!..
Но завернетъ къ друзьямъ Темира
Да выпьетъ, тость провозгласивъ
(Вино и дѣвы—радость міра!), —
Я живъ и даже очень живъ!..

Когда приходится покинуть
Мнѣ безъ пирушки берегъ вашъ, —
Я вижу—смерти мнѣ не минутъ,
Я мертвъ съ тоски по звонѣ чашъ!..
Но если—якорь здѣсь бросаю—
Я Небо долженъ умолять
О вѣтрѣ,—съ вами выпивая,
Я живъ, я живъ, я живъ опять!..

Сдѣпая матъ.

Пряди свой ленъ, пряди, пряди!
Но слушай и меня:
Всѣхъ, кто понравится тебѣ,
Ты бойся—какъ огня!..
Хоть, говорятъ, Колѣнъ красивъ,—
Да ты не будь глупа:
Я все вѣдь знаю, вижу все,
Хотя давно слѣпа..
Колѣнъ—обманщикъ (не вздыхай!),—
Что слово—то и ложь..
Пряди!.. Окна не отворяй!..
Ты, Лиза, не прядешь?!

Что? Очень жарко, говоришь?
Ей-ей, черезъ окно
Колѣну глазки, дочь моя,
Ты дѣлаешь давно..
Ты не сердись, что я ворчу,—
И я вѣдь молода
Была когда-то... Берегись
Шутить въ твои года!..
Съ любовью этою какъ-разъ
Ты горе наживешь..
Чу! Кто-то стукнулъ у дверей!..
Ты, Лиза, не прядешь?!

Про вѣтеръ мнѣ ты говоришь..
А что-жъ замокъ скрипитъ?
Не на чужого ли кого
Мой вѣрный песъ ворчитъ?..
Охъ, вѣрь мнѣ, дочка, твой Колѣнъ—
Не промахъ молодецъ:
Возьметъ что нужно отъ тебя

И — всей любви конецъ!..
 Мой старый опытъ не солжетъ:
 Всегда—одно и то-жь...
 Кто здѣсь цѣлуется сейчасъ?..
 Ты, Лиза, не прядешь?!

Изъ клѣтки птичку ты взяла?
 Цѣлуешь ты ее?..
 Ты словно хочешь испытать
 Терпѣніе мое..
 Такія шутки — не къ добру,
 Скорѣй — къ бѣдѣ подчасъ:
 Хитры мужчины, — всѣ они
 Надувъ готовы насъ!
 Не подпускай ихъ ни на шагъ,
 Не вѣрь имъ ни на грошъ!..
 Да ты не слушаешь меня!
 Ты, Лиза, не прядешь?!

Ты отдохнуть легла?.. Не, лги!
 Здѣсь — словно двое... Да!
 Ужь не Колѣнь ли здѣсь съ тобой?
 Слѣпа я — вотъ бѣда!..
 Ты шуры-муры заводитъ
 До свадьбы погоди:
 Колѣновъ много, мужъ — одинъ...
 Пряди, пряди, пряди!..
 Присядь со мной, дай руку мнѣ!..
 Ты спутаешь свой лень...
 Смотри — на прялкѣ бы чужой
 Не очутился онъ!..

Какъ яблочко румянъ.

Какъ яблочко румянъ,
Одѣтъ весьма безпечно,
Не то, чтобъ очень пьянъ—
А весель безконечно.
Есть деньги—прокутитъ:
Нѣтъ денегъ—обойдется,
Да какъ еще смѣется!
„Да ну ихъ!“ , говоритъ,
„Да ну ихъ!“ , говоритъ,
„Вотъ“ , говоритъ, „потѣха!
 Ей-ей, умру...
 Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру отъ смѣха!“ .

Шатаюсь по ночамъ,
Да тратясь на дѣвчонокъ,
Онъ, кажется, къ долгамъ
Привыкъ еще съ пеленокъ.
Полиція грозитъ,
Въ тюрьму упрятать хочетъ—
А онъ-то все хохочетъ...
„Да ну ихъ!“ , говоритъ,
„Да ну ихъ!“ , говоритъ,
„Вотъ“ , говоритъ, „потѣха!
 Ей-ей, умру...
 Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру отъ смѣха!“ .

Забился на чердакъ,
Межъ небомъ и землею;
Свиститъ себѣ въ кулакъ,
Да ежится зимою.
Его не огорчитъ,

Что дождь сквозь крышу льется:
 Измокнетъ весь, трясется..
 „Да ну ихъ!“, говоритъ,
 „Да ну ихъ!“, говоритъ,
 „Вотъ“, говоритъ, „потѣха!
 Ей-ей, умру...
 Ей-ей, умру...
 Ей-ей, умру отъ смѣха!“ .

У молодой жены
 Богатые наряды;
 На нихъ устремлены
 Двусмысленные взгляды.
 Злословья не щадить,
 Отъ сплетенъ нѣтъ отбою...
 А онъ—махнулъ рукою..
 „Да ну ихъ!“, говоритъ,
 „Да ну ихъ!“, говоритъ,
 „Вотъ“, говоритъ, „потѣха!
 Ей-ей, умру...
 Ей-ей, умру...
 Ей-ей, умру отъ смѣха!“ .

Приходить смертный часъ;
 Больной лежитъ въ постели!
 Сомкнуть не можетъ глазъ —
 Видѣнья одолѣли:
 Всювскій хоръ визжитъ,
 Зияетъ адъ крошечный...
 А онъ-то многогрѣшный —
 „Да ну ихъ!“, говоритъ,
 „Да ну ихъ!“, говоритъ,
 „Вотъ“, говоритъ, „потѣха!
 Ей-ей, умру...
 Ей-ей, умру...
 Ей-ей, умру отъ смѣха!“ .

Добрая дѣвица.

Давно вездѣ молва пошла,
Что будто-бъ я
Всегда не въ мѣру весела...

О, да! О, да, мои друзья!..

Но этотъ тонъ,—что-бъ вы ни говорили,—
Всегда такъ шелъ, всегда идетъ Камиллѣ

Вездѣ, во всемъ...

Ахъ, гдѣ-жь веселю, гдѣ слезамъ граница?..

Мнѣ философствовать — о чемъ?

Смѣясь, иду своимъ путемъ;

Смѣюсь, смѣюсь: я — добрая дѣвица!..

Иглу оставивъ для кулисъ,

Я въ свой дебютъ,

Боясь провала межъ актрисъ,

Пошла предъ выходомъ на судъ...

Но мой судья—нашъ цензоръ театральный,
 Но критикъ нашъ—гермафродитъ журнальный,
 Тупой педантъ,—
 Забывъ, что есть и въ критикѣ граница,
 Совсѣмъ мой высмѣялъ талантъ...
 Смѣшно?—пускай смѣется франтъ!
 Смѣялась я: я—добрая дѣвица!..

Сенаторъ—старый селадонъ—
 Сказалъ мнѣ разъ:
 „Дитя мое! Вѣдь я влюбленъ...
 Могу полезнымъ быть для васъ!..“
 И вотъ тогда, давъ волю чувствъ синклиту,
 Я принялась за старца-волокиту,—
 Въ немъ страсть будить!
 Старикъ забылъ, что есть страстямъ граница,—
 Хотѣлъ онъ мнѣ полезнымъ быть,—
 Но чѣмъ?..—смѣшно и говорить!..
 Смѣялась я: я—добрая дѣвица!..

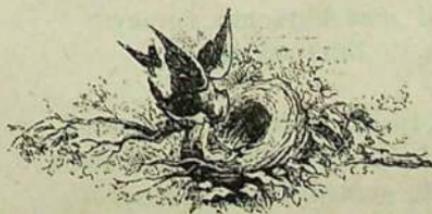
Одинъ придворный камергеръ
 Назначилъ мнѣ
 Свиданье (прочимъ не въ примѣръ!),
 Для всѣхъ пріятное вдвойнѣ:
 Онъ былъ богатъ и пылокъ былъ, какъ свѣчка;
 Мнѣ подарилъ съ алмазами колечко...
 Мнѣ повезло!..
 Но и удачамъ въ жизни есть граница,—
 Мнѣ ювелиръ сказалъ на зло:
 „Алмазы ваши—лишь стекло!“..
 Смѣялась я: я—добрая дѣвица!..

Блестящій умъ (вѣрише—плутъ!)
 Изъ-за меня
 Сталъ академикомъ, и тутъ
 Обычай старый свой храня...
 Но для него вся слава засіяла
 Отъ голосовъ, что я ему собрала..
 Всегда со мной
 Онъ самъ не зналъ, гдѣ глупости граница,
 И такъ, и такъ глупѣлъ порой,
 Что бредилъ именемъ другой...
 Смѣялась я: я—добрая дѣвица!..

Безусый лицеистъ-юнецъ
 Меня встрѣчалъ
 И подарить мнѣ, наконецъ,
 Малютку-дочку обѣщалъ...
 А вышло то, что и во снѣ не снилось,—
 Немало я событію дивилась...
 Каковъ! Каковъ!..
 Онъ позабылъ, что есть всему граница,
 И подарилъ мнѣ двухъ сынковъ,
 А самъ— „Прощай!“ и—былъ таковъ...
 Смѣялась я: я—добрая дѣвица!..

Сказали мнѣ студентъ разъ:
 „Ну, что-жь, пойдемъ
 Въ отдѣльный кабинетъ сейчасъ
 Всѣ вмѣстѣ вчетверомъ!
 Поужинай, Камила, вмѣстѣ съ нами!“...
 А я—не прочь поужинать съ друзьями...
 На трехъ одна—
 Сижу и пью, забывъ, гдѣ чувствъ граница...
 Мой нравъ,—ей-ей,—совсѣмъ не плохъ:
 Я не обидѣла всѣхъ трехъ!..
 Смѣялась я: я—добрая дѣвица!..

И такъ—вся жизнь, вся жизнь моя...
 Безъ лишнихъ словъ—
 Скажу: судьбы игрушка—я!..
 Вѣдь изъ-за каждаго пустяковъ,—
 Помилуй Богъ,—могу я поскользнуться...
 Иду впередъ; назадъ мнѣ—не вернуться!..
 Мой весель смѣхъ..
 А гдѣ-жь веселью, гдѣ слезамъ граница?—
 Про то педантамъ знать не грѣхъ...
 Жизнь такъ скучна; смѣюся я за всѣхъ...
 Смѣюсь, смѣюсь: я—добрая дѣвица!..

БЫТЬ ПОСЕМУ.

Я избранъ гласомъ, вопіющимъ
Въ мірской пустынь—и въ грядущемъ
Все ясно взору моему...

Быть посему!

Вовѣкъ отнынѣ у поэтовъ
Для *сильныхъ міра* нѣтъ привѣтовъ—
Лесть не пригодна ни къ чему:

Быть посему!

Нѣтъ больше откупныхъ вампировъ,
И за конторкой у банкировъ
Грубить не будутъ никому:

Быть посему!

Не будетъ больше ложной дружбы,
Начальства ради, или службы,
Или по прочему чему:

Быть посему!

Дѣвицы будутъ цвѣсть, какъ розы,
Но не позволять, какъ мимозы,
Къ нимъ прикоснуться никому:

Быть посему!

Забудутъ жены про наряды;
А ихъ мужа тому и рады—
И дома нѣтъ ихъ потому:

Быть посему!

Страдая умственной проказой,
Поэтъ пустою, звонкой фразой
Не досадить ужъ никому:

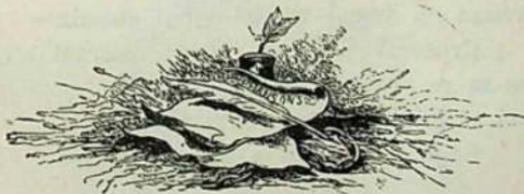
Быть посему!

Самодовольнаго задора
Не будетъ больше у актера,
И критикъ не сгрубить ему:
Быть посему!

И осмѣется, что мишурно,
И не простится все, что дурно,
Хоть меценату самому:
Быть посему!

И будутъ люди—не безлюдье.
И воцарится правосудье—
И вѣки властвовать ему:
Быть посему!

Все это будетъ въ срокѣ скоромъ:
Въ году три тысячи... которомъ? —
Не знаю .. только по всему,
Быть посему!

Б а р ы ш н и.

Что за педантъ нашъ учитель словесности!
Слушать противно его!
Все о трудѣ говорить да о честности...
Я и не вспомню всего!
Театры, балы, маскарады, собранія
Я безъ него поняла...
Тра-ла-ла, барышни, тра-ла-ла-ла!
Вотъ онѣ, вотъ неземныя созданія!—
Барышни — тра-ла-ла-ла!

Шить у меня не хватаетъ терпѣнія—
Времени, маменька, нѣтъ:
Мнѣ еще нужно, съ учителемъ пѣнія,
Вспомнить вчерашній дуэтъ...
Музыка съ нимъ—цѣлый міръ обаянія—
Страсть въ моемъ сердцѣ зажгла!..
Тра-ла-ла, барышни, тра-ла-ла-ла!
Вотъ онѣ, вотъ неземныя созданія!
Барышни — тра-ла-ла-ла!

Время, тамап, вѣдь не трачу напрасно я;
Сѣла расходъ записать—
Входитъ танцмейстеръ; онѣ на сладострастное
Нынче пришелъ показать,
Платье мнѣ длинно.. Я, противъ желанія,
Выше чуть-чуть подняла...
Тра-ла-ла, барышни, тра-ла-ла-ла!
Вотъ онѣ, вотъ неземныя созданія!
Барышни — тра-ла-ла-ла!

Нячясь съ братишкой! Плаксивый и мерзкій!
Сразу никакъ не уймешь,
А въ головѣ Аполлонъ Бельведерскій:

Какъ его корпусъ хорошъ!
 Тонкость какая всего очертанія!
 Глазь бы съ него не свела...
 Тра-ла-ла, барышни, тра-ла-ла-ла!
 Вотъ онѣ, вотъ неземныя созданія!
 Барышни — тра-ла-ла-ла!

Что тутъ, татап! Ужь учили бы съ молоду,
 Замужъ давно мнѣ пора:
 Басня скандальная ходитъ по городу—
 Тутъ ужъ не будетъ добра!
 Мнѣ все равно; я найду оправданіе—
 Только бы мужа нашла...
 Тра-ла-ла, барышни, тра-ла-ла-ла!
 Вотъ онѣ, вотъ неземныя созданія!
 Барышни — тра-ла-ла-ла!

Благодарственная молитва эпикурейца.

Этотъ вѣкъ, нашъ вѣкъ невѣрья,
Позабылъ молитвъ слова;
Даже я—представьте!—помню
Лишь обрывки ихъ едва...
Но когда я помышляю
Возвратить свой аппетитъ,—
Съ устъ моихъ одна молитва
Къ Небесамъ всегда летитъ...
Чуть замѣчу я, что больше
Не хочу ни ѣсть, ни пить,—
Въ тотъ же мигъ и принимаюсь
Я Творца благодарить:
„Какъ Ты добръ, Создатель мой!
О, мой Боже!
О, мой Боже!
Какъ Ты добръ, Создатель мой!“.

Мой сосѣдъ—умомъ слабенекъ,—
Безъ воды вина не пьетъ,
Чуть шампанское завидитъ—
Про мигрень твердить начнетъ...
Я же пью вино, какъ воду,—
Хоть воды совсѣмъ не пью,—
Поддержать всегда готовъ я
Репутацію мою...
Мнѣ полезно для здоровья
Только чистое вино...
Ты одинъ, Творецъ мой, знаешь—
Долго-ль пить мнѣ суждено...
Ты такъ добръ, Создатель мой!
О, мой Боже!
О, мой Боже!
Какъ Ты добръ, Создатель мой!..

Скованъ ревности цѣблями —
 Ничего не пьеть Дорваль,
 Даже ѣсть не можетъ — бѣдный...
 Впрочемъ, мнѣ его не жаль!..
 Этотъ мужъ своей супруги
 Виноватъ во всемъ кругомъ:
 Какъ держать красоту-женку
 Молодую подъ замкомъ!..
 Вѣдь теперь, чтобъ только видѣть
 Эти глазки — суждено
 Мнѣ, съ опасностью для жизни,
 Каждый разъ влѣзать въ окно...
 Какъ Ты добръ, Создатель мой!
 О, мой Боже!
 О, мой Боже!
 Какъ Ты добръ, Создатель мой!..

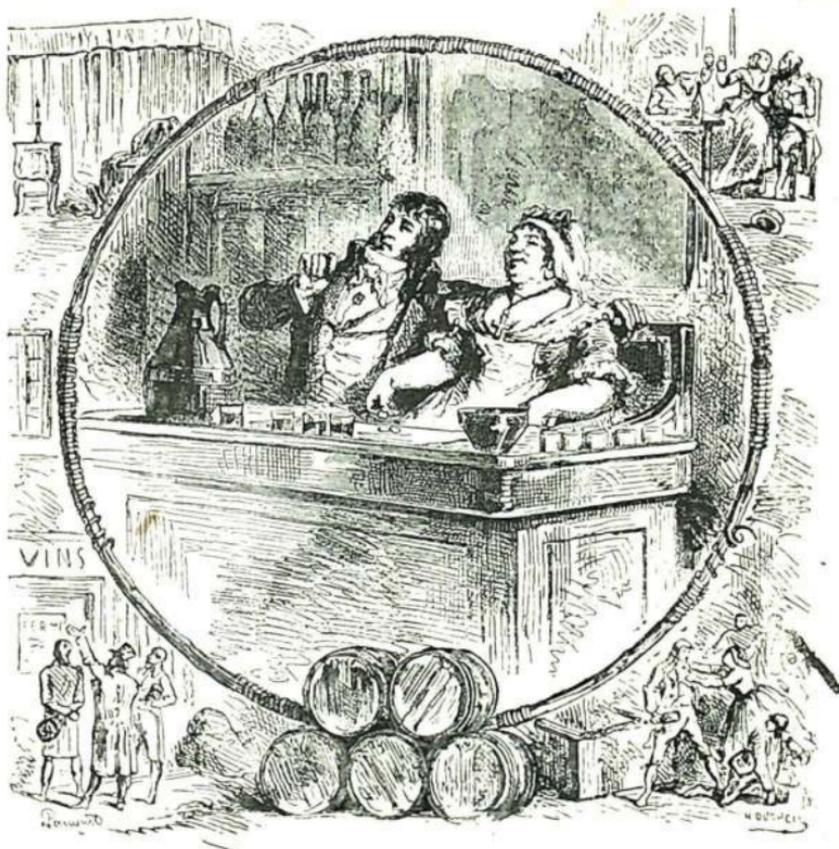
Какъ-то оперную диву
 Слишкомъ яро восхвалялъ
 Рецензента-добровольца
 Откровенный мадригалъ.
 И сейчасъ же клиръ присяжныхъ
 Нашей критики свѣтилъ
 Молодого Аристарха
 Безпощадно осудилъ...
 Я же — славлю безъ помѣхи
 Сразу восемь танцовщиць, —
 Ну, не чудо-ль благосклонность
 Этихъ миленькихъ дѣвиць?!
 Ты такъ добръ, Создатель мой!
 О, мой Боже!
 О, мой Боже!
 Какъ Ты добръ, Создатель мой!..

Что за странный собутыльникъ —
 Цѣлый вечеръ молча пьеть,
 Не смѣется нашимъ шуткамъ,
 Вмѣстѣ съ нами не поетъ?..
 Что?! Мудрецъ онъ, потерпѣвшій
 При дворахъ рядъ неудачъ?
 Такъ зачѣмъ же онъ понесся
 За своей карьерой вскачь?!
 Потихоньку, полегоньку

Онъ всего-бъ достигъ вѣрнѣй...
 Мнѣ вотъ—вовсе не завидна
 Благосклонность королей...
 Какъ Ты добръ, Создатель мой!
 О, мой Боже!
 О, мой Боже!
 Какъ Ты добръ, Создатель мой!..

За столомъ здѣсь—все мнѣ ясно;
 При дворѣ же—темный лѣсъ...
 Нѣтъ премудрымъ карьеристамъ
 Покровительства Небесъ...
 Всеблагое Провидѣнье
 Наши слабости щадить,
 На грѣшки друзей-безумцевъ—
 Улыбаяся—глядить...
 Быстро молодость проходить,
 Скоро старѣется мѣръ;
 Будемъ вѣрить, что на свѣтѣ
 Безконеченъ жизни пиръ!..
 Ты вѣдь добръ, Создатель мой!
 О, мой Боже!
 О, мой Боже!
 Какъ Ты добръ, Создатель мой!..

Вдова Грегуара.

Въ наше время всѣ знавали
Грегуарову вдову, —
Веѣ поддерживали рьяно
Про нее вездѣ молву.
Заходилъ и я частенько
Въ кабачокъ веселый къ ней —
Выпить чарочку-другую,
Поболтать въ кругу друзей...
Что-то къ вдовушкѣ-хозяйкѣ
Насъ тянуло, какъ магнитъ;
Не одинъ брюнетъ плечистый
Въ кабацкѣ имѣлъ кредитъ.
Тамъ — среди бутылокъ полныхъ
Мѣста не было тоскѣ...
Ахъ, какъ весело тамъ было —
Въ этомъ славномъ кабацкѣ!..

Слезы вдовушка по мужѣ
 Принималась лить неразъ;
 Хоть покойника-супруга
 Не знавалъ никто изъ насъ, —
 Но, признаться, чуть не каждый,
 Кто вдовицу навѣщалъ,
 О ваканси свободной
 Грегуара помышлялъ.
 Претендентовъ бы немало
 На нее всегда нашлось, —
 Да не всѣмъ хотѣлось только
 Въ путь пускаться на-авось...
 Счастливъ столъ былъ, на который
 Свой вдова несла стаканъ...
 Ахъ, какъ весело тамъ было, —
 Безъ вина былъ каждый пьянъ!..

Всѣхъ до слезъ вдова смѣшила, —
 Глазки искрились огнемъ,
 Щечки полымемъ горѣли,
 Грудь ходила ходенемъ...
 Чтò за плечи, чтò за шейка!..
 О достоинствахъ иныхъ
 Вамъ подробнѣй рассказалъ бы —
 Кто счастливѣй былъ другихъ,
 Тотъ, кого, не выдѣляя
 Изъ всей толпы гостей,
 Чаше всѣхъ она дарила
 Благосклонностью своей, —
 Тотъ, кому, бывало, съ франка
 Сдачи дастъ случайно два...
 Ахъ, такъ весело тамъ было,
 Что кружилась голова!..

Жены бражниковъ веселыхъ
 Разнести весь домъ клялись;
 Сколько разъ и сами гости
 Изъ-за вдовушки дрались!..
 Иногда — въ разгарѣ споровъ —
 Выступала рать на рать, —
 Даже стулья и бутылки
 Принимались летать...
 Гдѣ любовь — тамъ зрѣютъ страсти,

Страсти гдѣ—тамъ бродить хмель;
 Но виновники раздоровъ
 Часто прятались въ постель...
 Чтò за умная хозяйка! —
 Примирять умѣла всѣхъ...
 Ахъ, какъ весело тамъ было, —
 Вспомнишь только —душить смѣхъ!..

Какъ-то разъ насталъ чередъ мой
 Быть хозяиномъ у ней, —
 Что ни день изобрѣталъ я
 Новый праздникъ для друзей...
 Не ревнивъ вѣдь я нисколько, —
 Ревность—глупости сестра;
 Да къ тому-жь вдова ко всѣмъ намъ
 Такъ всегда была добра!..
 Всѣ устраивались славно,
 И торговля—въ свой чередъ —
 При поддержкѣ нашей дружной
 Неизмѣнно шла впередъ...
 Наша милая хозяйка
 Все склонна была продать...
 Ахъ, какъ весело тамъ было, —
 Словъ не хватить рассказать!..

А теперь—все измѣнилось:
 Грегуарову вдову
 Какъ-то я недавно видѣлъ —
 Не во снѣ вѣдь—наяву...
 Боже мой, что съ нею стало, —
 Дней былыхъ не воротить,
 Ничего теперь старушка
 Не могла-бъ и предложить —
 Ни любви, ни наслажденья,
 Ни веселья, ни вина;
 Отъ красавицы веселой
 Тѣнь осталася одна...
 Но неразъ еще воскликнуть
 Въ нашемъ дружескомъ кружкѣ:
 „Ахъ, какъ весело тамъ было —
 Въ этомъ славномъ кабачкѣ!“.

Карль VII.

На утро— битва... Такъ велить Агнесса...
Прощайте, дни, не знавшіе тревогъ!
Герои мнѣ вернуть отцовъ корону,
Любовь— мой щитъ... Мужайтесь! Съ нами— Богъ!..
Пусть имя милой вноситъ смерть и ужасъ
Въ ряды враговъ! Отмщенья часъ насталь!..
Агнесса шлетъ меня на поле чести,
Хоть съ нею честь я раньше забываль!..

Среди пировъ, въ кругу торжествъ придворныхъ
Король былъ нѣжной страстью обуянъ
И Францію безопасно отдаваль онъ
На произволь коварныхъ англичанъ...
Но слово милой (О, святое слово!)
Чело покрыло краскою стыда...
Агнесса шлетъ меня подъ знамя чести, —
Хоть съ ней про честь я забываль всегда!..

Коль для побѣды кровь нужна Капетовъ, —
Пусть изъ меня прольется, Боже мой!..
Нѣтъ! Для любви, для родины, для славы
Живъ будетъ Карль, счастливый Карль Седьмой!..
Онъ побѣдитъ: съ нимъ шифръ его Агнессы,
Ея цвѣта красуются на немъ...
Агнесса шлетъ его на поле чести, —
Хоть забываль онъ съ нею обо всемъ!..

О, Дюна, Тремуйль, Сентрайль! Французы!..
Наступитъ день, исполнится мечта, —
И лаврами побѣдъ великихъ будутъ
Увѣнчаны любовь и красота ..

Ты, Франція, обязана Агнессѣ
Свободой будешь, славой—я своей...
Агнесса возвратила знамя чести
Мнѣ—королю, забывшему о ней!..

МОИ ВОЛОСЫ.

Апостоль вѣчнаго веселья,
Друзья, къ вамъ рѣчь я поведу:
Цѣлямъ предпочитайте волю,
А отдыхъ—тяжкому труду!..
Богатство вамъ не дастъ свободы,
Величье—счастья не вернетъ;
Съ одной веселостью счастливой
Водить намъ дружбу—есть расчетъ!..

Это—я, это—я

Говорю вамъ, друзья, —

Умудрила меня жизнь моя!

Вѣдь не даромъ, друзья,

Свои волосы я

Растерялъ на путяхъ бытія!..

Друзья мои,—коль вы хотите
Былую радость воскресить,—
Такъ нужно выпить хоть немножко,
Въ винѣ печали утопить!..
Смѣлѣе черпайте веселость
Въ бутылкахъ добраго вина,
И—не покинетъ васъ отрада...
Что думать!—пейте жизнь до дна!..

Это—я, это—я

Говорю вамъ, друзья, —

Умудрила меня жизнь моя!

Вѣдь не даромъ, друзья,

Свои волосы я

Растерялъ на путяхъ бытія!..

Умѣнье пить и веселиться
Вѣдь только будитъ пылъ въ крови..
Пусть васъ красotka очаруетъ,—

Въ ея объятяхъ—рай любви!
 Здоровье, молодость и славу,
 Богатство—даръ судьбы своей—
 Съ веселой радостью безпечной
 Несите все на жертву ей!..

Это—я, это—я

Говорю вамъ, друзья, —
 Умудрила меня жизнь моя!
 Вѣдь недаромъ, друзья,
 Свои волосы я
 Растерялъ на путяхъ бытія!..

Друзья мои, кто мнѣ повѣритъ—
 Увидитъ счастья яркій свѣтъ;
 Растративъ жизнь, какъ мотъ—наслѣдство,
 Забудетъ грусть минувшихъ лѣтъ...
 Что жизнь?—судьбы одни удары
 Да чувствъ убитыхъ скорбный видъ!..
 Цѣною жизни день купите,
 И—свѣтлый рай для васъ открытъ!..

Это—я, это—я

Говорю вамъ, друзья, —
 Умудрила меня жизнь моя!
 Вѣдь недаромъ, друзья,
 Свои волосы я
 Растерялъ на путяхъ бытія!..

БѢДНЯКИ.

Покуда живъ —
 Бѣднякъ счастливъ,
 Любить весь міръ готовъ...
 И вотъ—пою,
 И вотъ я пью
 За здравье бѣдняковъ!..

Давно пора сознаться, что на свѣтѣ
 Немало умницъ ходитъ безъ гроша.
 Пусть, наконецъ, за право человѣка
 Судьбѣ отмститъ прозрѣвшая душа!..

Покуда живъ —
 Бѣднякъ счастливъ,
 Любить весь міръ готовъ...
 И вотъ—пою,
 И вотъ я пью
 За здравье бѣдняковъ!..

Вологод. Центр. ж. д.
 БИБЛИОТЕКА

Да, счастье жизни легче достижимо
 Тамъ—гдѣ богатства нѣту и слѣда:
 Сошлюсь на слово Новаго Завѣта
 И—на мою веселость, господа!..

Покуда живъ —
 Бѣднякъ счастливъ,
 Любить весь міръ готовъ...
 И вотъ—пою,
 И вотъ я пью
 За здравье бѣдняковъ!..

Вѣдь, говорятъ, царица на Парнасъ
 Въ года былые тоже нищета;
 Слѣпецъ Гомеръ владѣлъ однимъ богатствомъ —
 Сумой да палкой... Жизнь была проста!..

Покуда живъ —
 Бѣднякъ счастливъ,
 Любить весь міръ готовъ...
 И вотъ—пою,
 И вотъ я пью
 За здравье бѣдняковъ!..

О, вы, кого такъ бѣдность огорчаетъ,—
 Повѣрьте мнѣ, что не одинъ герой,
 Когда ему башмакъ давилъ мозоли,
 Вздыхалъ о томъ—зачѣмъ онъ не босой...

Покуда живъ —
 Бѣднякъ счастливъ,
 Любить весь міръ готовъ...
 И вотъ—пою,
 И вотъ я пью
 За здравье бѣдняковъ!..

Васъ изумляетъ роскошь баръ надмѣнныхъ,
 Но сколько ихъ давно простилось съ ней;
 А Діогенъ, спокойно лежа въ бочкѣ,
 Въ глаза смѣялся надъ грозой царей...

Покуда живъ —
 Бѣднякъ счастливъ,
 Любить весь міръ готовъ...
 И вотъ—пою,
 И вотъ я пью
 За здравье бѣдняковъ!..

Дворцы красивы, блескъ царить въ палатахъ,
 Но скука тамъ глядитъ со всѣхъ сторонъ;
 Ёсть съ апшетитомъ можно и въ харчевнѣ,
 И на соломѣ сладокъ крѣпкій сонъ...

Покуда живъ —
 Бѣднякъ счастливъ,
 Любитъ весь міръ готовъ...
 И вотъ—пою,
 И вотъ я пью
 За здравье бѣдняковъ!..

Бываютъ дни—вѣнчаютъ бѣдность розы,
 Цвѣты любви и сладостныхъ утѣхъ;
 Амуръ охотно нищихъ навѣщаетъ,
 Ихъ дѣлая счастливей въ мірѣ всѣхъ...

Покуда живъ —
 Бѣднякъ счастливъ,
 Любитъ весь міръ готовъ...
 И вотъ—пою,
 И вотъ я пью
 За здравье бѣдняковъ!..

Напрасно всѣ твердятъ: нѣтъ больше дружбы!..
 Отъ нашихъ странъ она—невдалекѣ:
 Межъ двухъ бродягъ сидитъ она въ лохмотьяхъ,
 Поетъ и пьетъ въ сосѣднемъ кабачкѣ...

Покуда живъ—
 Бѣднякъ счастливъ,
 Любитъ весь міръ готовъ...
 И вотъ—пою,
 И вотъ я пью
 За здравье бѣдняковъ!..

Путешествіе въ адъ.

Кто вѣрить на слово старухамъ,
Чертей боится—какъ огня,—
Ко мнѣ идите! Есть новеллы
Изъ жизни ада у меня!..

Пока есть возможность грѣшить,—
Всѣ въ адъ себя стануть толкать...

Пока будемъ жить,—
Станемъ чудить,
Грусть топить,
Пѣть и пить
И любить!

Пока есть возможность грѣшить,—
Не будемъ себя осуждать!..

Такъ вотъ, друзья, — вчерашней ночью
Я на метлу верхомъ возсѣлъ
И въ адъ съ колдуньею-сосѣдкой
Неустрашимо полетѣлъ...

Пока есть возможность грѣшить,—
Грѣхъ будетъ сердца привлекать...

Пока будемъ жить,—
Станемъ чудить,
Грусть топить,
Пѣть и пить
И любить!..

Пока есть возможность грѣшить,—
Всѣ въ адъ себя стануть толкать!..

Моя колдунья.—не старуха,—
Такъ молода и хороша,
Что бѣсы разомъ всѣ взбѣсились,
Толпой навстрѣчу къ ней слѣша...

Пока есть возможность грѣшить,—
 Всѣ въ адъ себя стануть толкать...

Пока будемъ жить,—
 Станемъ чудить,
 Грусть топить,
 Пѣть и пить
 И любить!..

Пока есть возможность грѣшить,—
 Не будемъ себя осуждать!..

Наперекоръ болтунямъ глухимъ,
 Мы адъ нашли совсѣмъ другой,—
 Въ дверяхъ—валялись груды пробокъ,
 Стояль пустыхъ бутылокъ строй...

Пока есть возможность грѣшить,—
 Грѣхъ можно виномъ заливать...

Пока будемъ жить,—
 Станемъ чудить,
 Грусть топить,
 Пѣть и пить
 И любить!..

Пока есть возможность грѣшить,—
 Всѣ въ адъ себя стануть толкать!..

Котловъ смолы мы не видали,
 Ни пятки лижущихъ огней,—
 Но даже грѣшники какъ будто
 На все смотрѣли веселѣй...

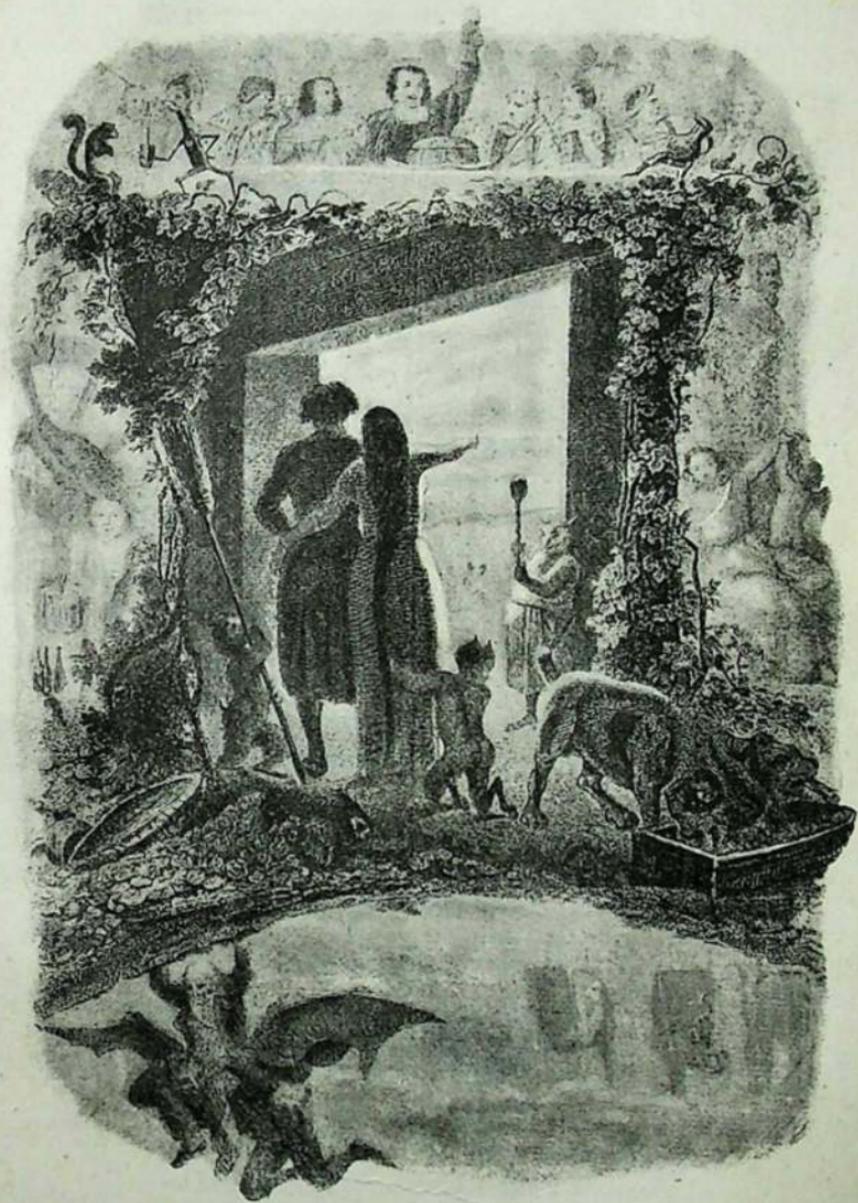
Пока есть возможность грѣшить,—
 Всѣ въ адъ себя стануть толкать...

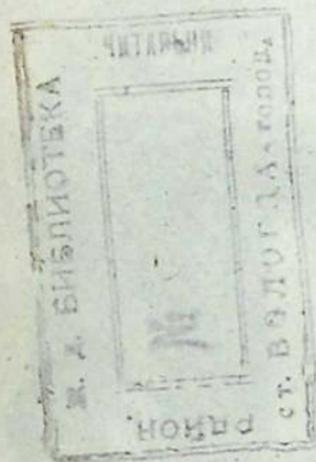
Пока будемъ жить,—
 Станемъ чудить,
 Грусть топить,
 Пѣть и пить
 И любить!..

Пока есть возможность грѣшить,—
 Не будемъ себя осуждать!..

Могучій повелитель ада
 Былъ милъ, привѣтливъ и румянъ;
 Самъ Иксіонъ свой кругъ оставилъ,
 А Тапталъ—спалъ мертвецки пьянъ...

Пока есть возможность грѣшить,—
 Грѣшно и постыдно дремать...

Пока будемъ жить,—
 Станемъ чудить,
 Грусть топить,
 Пѣть и пить
 И любить!..

Пока есть возможность грѣшить,—
 Всѣ въ адъ себя стануть толкать!..

Не возбуждалъ ни капли страха
 Почтенный демонъ—Люциферъ,—
 Онъ комплименты сыпалъ Нинѣ
 И съ Эшигура бралъ примѣръ...

Пока есть возможность грѣшить,—
 Всѣ въ адъ себя стануть толкать...

Пока будемъ жить,—
 Станемъ чудить,
 Грусть топить,
 Пѣть и пить
 И любить!

Пока есть возможность грѣшить,—
 Не будемъ себя осуждать!..

И всѣ суровые приказы,
 Чтò намъ внушаетъ смерти клиръ,
 Онъ отдавалъ подь звонъ бокаловъ,
 Подь звуки флейтъ и томныхъ лиръ...

Пока есть возможность грѣшить,—
 Ничтò насъ не будетъ пугать...

Пока будемъ жить,—
 Станемъ чудить,
 Грусть топить,
 Пѣть и пить
 И любить!..

Пока есть возможность грѣшить,—
 Всѣ въ адъ себя стануть толкать!..

Гулякамъ съ красными носами
 Онъ говорилъ: „Не отставать!
 Нейдетъ бургонское,—такъ можно
 Себя шампанскимъ наливать!“.

Пока есть возможность грѣшить,—
 Всѣ въ адъ себя стануть толкать...

Пока будемъ жить,—
 Станемъ чудить,

Грусть топить,
Пѣть и пить
И любить!..

Пока есть возможность грѣшить,
Не будемъ себя осуждать!..

Одна смиренница стѣснялась
Мужчинъ сосѣдства,—ей сказала:
„Поди-ка въ бочку къ Диогену,
Онъ толку въ женщинахъ не зналъ!“...

Пока есть возможность грѣшить,—
Не стоить грѣха избѣгать...

Пока будемъ жить,—
Станемъ чудить,
Грусть топить,
Пѣть и пить
И любить!..

Пока есть возможность грѣшить,—
Всѣ въ адъ себя стануть толкать!..

Толпѣ юнцовъ безцеремонныхъ
Онъ говорилъ: „Эй, руки прочь!
Оставьте Грацій Кунидону,—
Венера—можетъ вамъ помочь!“.

Пока есть возможность грѣшить,—
Всѣ въ адъ себя стануть толкать...

Пока будемъ жить,—
Станемъ чудить,
Грусть топить,
Пѣть и пить
И любить!..

Пока есть возможность грѣшить,—
Не будемъ себя осуждать!..

Лилось вино, струились рѣчи,
Хозяинъ слалъ гостямъ привѣтъ,
И, наконецъ, обнявшись съ Ниной,
Ей сбавилъ шесть десятковъ лѣтъ..

Пока есть возможность грѣшить,—
Себя можно юнымъ считать...

Пока будемъ жить,—
Станемъ чудить,
Грусть топить,
Пѣть и пить

И любить!..

Пока есть возможность грѣшить,—
Всѣ въ адъ себя стануть толкать!..

Но тутъ красавица-колдунья
Вся разгорѣлась безъ огня,
И мы—въ объятыхъ очутились,
Но только... дома у меня...

Пока есть возможность грѣшить,—
Всѣ въ адъ себя стануть толкать...

Пока будемъ жить,—
Станемъ чудить,
Грусть топить,
Пѣть и пить
И любить!..

Пока есть возможность грѣшить,—
Не будемъ себя осуждать!..

Ахъ, если слухи справедливы,
Что нѣтъ въ раю такихъ пировъ,—
Пускай пришлетъ за мною дьяволь!
Я—вѣчно жить въ аду готовъ...

Пока есть возможность грѣшить,—
Грѣхъ станеть намъ жизнь услаждать...

Пока будемъ жить,—
Станемъ чудить,
Грусть топить,
Пѣть и пить
И любить!..

Пока есть возможность грѣшить,—
Всѣ въ адъ себя стануть толкать!..

Уголокъ дружбы.

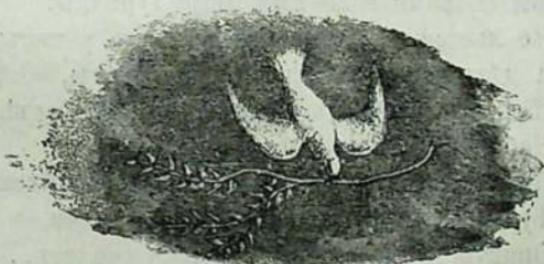
Амурь, Гимень, Корысть, Безумье
О нашей жизни споръ ведутъ;
Лишь Дружба съ ней всегда въ союзѣ,
Хоть это и не легкій трудъ...
Когда всецѣло наслажденью
Отдастся пылкая душа,—
Разсудокъ только въ половину
Ей вторить, къ счастью не спѣша...
Безумье—тутъ какъ тутъ сейчасъ же,
Переступаетъ за порогъ—
Всегда предательски готово
Отнять у Дружбы уголокъ.

За нимъ—Амурь лукавый входитъ,
Игрокъ, обманщикъ и хитрецъ,—
Куда бы только онъ ни втерся,
Тамъ Дружбы счастью конецъ!..
Великій мастеръ притвориться—
Онъ обожанія достигъ;
Гдѣ онъ прошелъ—его велѣньямъ
Сердца покорны въ тотъ же мигъ...
Но онъ завистливъ, онъ не знаетъ
Ни состраданья, ни тревогъ,—
Ему все мало... Онъ отниметъ
У бѣдной Дружбы уголокъ...

Вослѣдъ ему—Гимень вступаетъ...
Съ какимъ великимъ торжествомъ
Его, какъ гостя дорогого,
Любовь и Дружба вводятъ въ домъ...
Но онъ совсѣмъ не гость желанный,
Онъ—властный деспотъ,—въ кругъ заботъ
Цѣплями скованныя души

Онъ безъ пощады поведеть...
 Онъ такъ расчетливъ, аккуратенъ,—
 Что и Корысть — невдалекѣ:
 Какъ разъ ей мѣсто отведеть онъ
 Въ уютномъ Дружбы уголкѣ...

Гдѣ ты, о Дружба дорогая, —
 Корысть съ Безумьемъ не страшны;
 Но вотъ Гименъ съ Амурсомъ—оба
 И надъ тобой они властны:
 Придутъ—въ сердцахъ царить смущенье,
 Въ душѣ—нежданная печаль,—
 Какъ будто радость улетаетъ,
 Какъ будто жизнь туманить даль...
 Ахъ, пусть—увѣнчаны цвѣтами—
 Займутъ они любой чертогъ,
 Но только гдѣ-нибудь оставятъ
 И бѣдной Дружбѣ уголокъ!..

Будущій вѣкъ.

Скажу я, никого не обижая:

„Нашъ вѣкъ прослыть не можетъ золотымъ!“

А наши дѣти—плоть и кровь родная,—

Цѣна еще вѣдь меньше будетъ имъ!..

Такъ вотъ, друзья, по правдѣ мнѣ скажите:

Не глупо ли себя намъ утомлять,

Лишь для того тянуть изъ сердца нити,

Чтобъ шаръ земной потомствомъ заселять?!

Ахъ, стѣбитъ пустяковъ,

Да, сущихъ пустяковъ,

Увидѣтъ мѣръ безлюднымъ въ самомъ дѣлѣ,—

Лишь только бѣ наши жены захотѣли!..

Мы съ вами всѣ—извѣстные гурманы,

Но льется пѣснь на пиршествахъ у насъ;

А дѣти наши—только будутъ пьяны,

Имъ не запѣть въ веселый добрый часъ!..

Набить желудокъ—будетъ ихъ забота

Да выпить все, что въ горло имъ пойдетъ;

Тупой крестинъ,—коль ѣсть ему охота,—

Эпикурейцемъ въ ихъ кружкѣ сойdetъ...

Ахъ, стѣбитъ пустяковъ,

Да, сущихъ пустяковъ,

Увидѣтъ мѣръ безлюднымъ въ самомъ дѣлѣ,—

Лишь только-бѣ наши жены захотѣли!..

Нашъ вѣкъ богатъ „безсмертными“ умами

И счастливы ихъ моралью прописной;

Держу пари со всѣми сыновьями,

Что вдвое больше дастъ ихъ вѣкъ иной,—

Что не одна, а десять академій,

Плодитъ дебаты примутся при нихъ,

Что хватить имъ какихъ угодно премій

За глупости соратниковъ своихъ...

Ахъ, стоить пустяковъ,

Да, сущихъ пустяковъ,

Увидѣть міръ безлюднымъ въ самомъ дѣлѣ,—

Лишь только-бъ наши жены захотѣли!..

Повоевать мы любимъ всѣ для славы,

Но и не прочь отъ войнъ поотдохнуть;

А наши дѣти — просто для забавы

Начнутъ всегда сшибаться съ грудью грудь...

Они — во всемъ поставятъ жизнь на карту,

Въ грошъ не цѣня ни братьевъ, ни чужихъ;

Наградой ихъ пѣтушьему азарту

Все-жъ будетъ лавръ — верхъ счастья для нихъ.

Ахъ, стоить пустяковъ,

Да, сущихъ пустяковъ,

Увидѣть міръ безлюднымъ въ самомъ дѣлѣ,—

Лишь только-бъ наши жены захотѣли!..

Сознаться надо — мы культурны мало,

Но дѣти вдвое будутъ насъ грубѣй, —

Забывъ права, что сердце диктовало,

Растративъ страсть съ упрямствомъ дикарей...

Понятя ихъ во всемъ такъ будутъ узки,

Что каждый хлыщъ ихъ за поясъ заткнетъ, —

И говорить забудутъ по-французски,

Любви искусство ихъ не увлечетъ...

Ахъ, стоить пустяковъ,

Да, сущихъ пустяковъ,

Увидѣть міръ безлюднымъ въ самомъ дѣлѣ,—

Лишь только-бъ наши жены захотѣли!..

Отставку давъ софистовъ разсужденьямъ,

Потомки наши будутъ всѣ считать

Вранье строчилъ газетныхъ откровеньемъ,

А оперу — забавой называть.

Межъ нихъ не будетъ дѣвственницъ стыдливыхъ,

А негодяевъ будетъ — безъ числа, —

Всѣ станутъ плыть отъ царства грезъ счастливыхъ

Вдаль безъ руля и даже безъ весла...

Ахъ, стоить пустяковъ,

Да, сущихъ пустяковъ,

Увидѣть міръ безлюднымъ въ самомъ дѣлѣ,—

Лишь только-бъ наши жены захотѣли!..

Покрывъ, друзья, вѣнками плѣши наши,
Мы тщетно станемъ искренно желать,
Чтобъ сыновья изъ старой пили чаши
И культъ отцовъ умѣли охранять, —
Чтобъ нашу мысль цѣнили наши внуки,
Чтобъ помянуть пришлось дѣдовъ имъ...
Соединимъ для клятвы наши руки
И нашихъ женъ въ свой заговоръ включимъ!..

Ахъ, стоить пустяковъ,

Да, сущихъ пустяковъ,

Увидѣть мѣръ безлюднымъ въ самомъ дѣлѣ, —
Лишь только-бъ наши жены захотѣли!..

Старый холостякъ.

Пойдемъ, Бабетта: скоро будетъ десять,—
Подагрику пора и на покой!
Съ тѣхъ поръ, какъ ты живешь въ моей квартирѣ,
Я не бывалъ доволенъ такъ собой...
Я при тебѣ сейчасъ засну спокойно,
Въ накладѣ ты не будешь отъ того,—
Твои заботы будутъ не безплодны
Для насъ двоихъ, для счастья твоего!..
Ну, ну, Бабетта!
Не будь лѣнива такъ,—
Поддай-ка мнѣ, Бабетта,
Ночной колпакъ!..

Такая пышка, милочка такая
Должна поддержкой быть для старика...
Понатворилъ я глупостей немало

Когда-то на правахъ холостяка;
 А между тѣмъ — ей-ей! — такихъ красотокъ
 Встрѣчалъ немного (что объ этомъ лгать!)...
 На зло ханжамъ, въ отелѣ первоклассномъ
 Тебя я завтра буду угощать!..

Ну, ну, Бабетта!
 Не будь лѣнива такъ!
 Подай-ка мнѣ, Бабетта,
 Ночной колпакъ!..

Совсѣмъ не надо день-деньской работать —
 Съ такою ручкой, съ этимъ цвѣтомъ щекъ!..
 Живи со мной безопасно, беззаботно, —
 И — расцвѣтешь еще пышнѣй, дружокъ!..
 Пусть отгнѣняютъ весь твой блескъ наряды,
 Въ потворствѣ модамъ нѣтъ большого зла!..
 Нѣтъ, для меня не все еще пропало,
 Коль ты во мнѣ огонь любви зажгла...

Ну, ну, Бабетта!
 Не будь лѣнива такъ!
 Подай-ка мнѣ, Бабетта,
 Ночной колпакъ!..

Постой, Бабетта! Ты не хочешь слушать...
 Такъ, можетъ быть, любовникъ есть у васъ?!.
 А я-то, я... Хотѣлъ я завѣщанье
 На всякій случай написать сейчас!..
 Ужь лучше-бъ вы забыли про интрижки
 И — добряка-хозяина цѣня —
 Всѣ прелести свои поберегли бы
 Отъ поцѣлуевъ всякихъ — для меня!..

Ну, ну, Бабетта!
 Не будь лѣнива такъ!
 Подай-ка мнѣ, Бабетта,
 Ночной колпакъ!..

Ты поумнѣла?.. Ты мнѣ улыбнулась?!.
 Не прочь и ты любезной быть со мной?!.
 Охъ, колетъ въ бокъ! Охъ, ломитъ поясницу!..
 Не плачь, не плачь!.. Ты будешь мнѣ женой...
 Пусть я — старикъ; пусть всѣ глупцы смѣются, —
 Не обращай вниманія на нихъ!..

Ты такъ мила, ты такъ добра, что можешь
Зажечь въ крови огонь страстей былыхъ...

Ну, ну, Бабетта!

Не будь лѣнива такъ!..

Подай-ка мнѣ, Бабетта,

Ночной колиакъ!..

Другъ Робинъ.

Для всей, для всей Цитеры
Быть маклеромъ возьмись!
На всѣ, на всѣ манеры —
И такъ, и сякъ—вертись!
За все, за что угодно,
Получишь ты одинъ...
Быть маклеромъ доходно,
Робинъ, мой другъ Робинъ!..

Робинъ всѣхъ львицъ парижскихъ знаетъ,
Онъ—прицѣнился ко всему;
Кто видѣтъ скромницъ пожелаетъ —
И тѣ пожалуйте къ нему!

Для всей, для всей Цитеры
Быть маклеромъ возьмись!
На всѣ, на всѣ манеры —
И такъ, и сякъ—вертись!
За все, за что угодно,
Получишь ты одинъ...
Быть маклеромъ доходно,
Робинъ, мой другъ Робинъ!..

Лишь было-бъ золото,—метрессы
Сейчасъ разгонятъ всякій сплинъ!..
Графини милы вамъ, принцессы?—
И тѣхъ доставить вамъ Робинъ!..

Для всей, для всей Цитеры
Быть маклеромъ возьмись!
На всѣ, на всѣ манеры —
И такъ, и сякъ—вертись!
За все, за что угодно,
Получишь ты одинъ...
Быть маклеромъ доходно,
Робинъ, мой другъ Робинъ!..

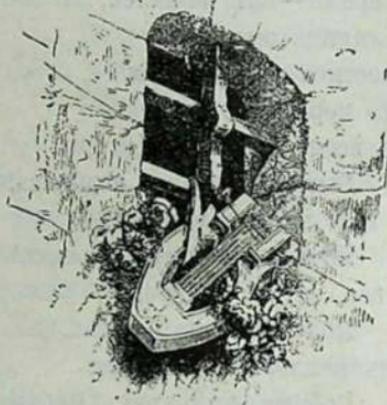
Еще я зналъ Робина въ школъ, —
 Онъ тамъ настолько не былъ смѣлъ,
 Но зарабатывать пистолы
 На всемъ запретномъ ужь умѣлъ...
 Для всей, для всей Цитеры
 Быть маклеромъ возмись!
 На всѣ, на всѣ манеры —
 И такъ, и сякъ—вертись!
 За все, за что угодно,
 Получишь ты одинъ...
 Быть маклеромъ доходно,
 Робинъ, мой другъ Робинъ!..

Настало время—онъ женился,
 Была красавица жена,—
 Онъ развестись поторопился —
 За то, что черезчуръ честна...
 Для всей, для всей Цитеры
 Быть маклеромъ возмись!
 На всѣ, на всѣ манеры —
 И такъ, и сякъ—вертись!
 За все, за что угодно,
 Получишь ты одинъ...
 Быть маклеромъ доходно,
 Робинъ, мой другъ Робинъ!..

Что соблазняетъ васъ—скажите;
 Робинъ на все и вся гораздъ:
 Онъ—мать родную (коль хотите),
 Сестру и тетку вамъ продасть...
 Для всей, для всей Цитеры
 Быть маклеромъ возмись!
 На всѣ, на всѣ манеры —
 И такъ, и сякъ—вертись!
 За все, за что угодно,
 Получишь ты одинъ...
 Быть маклеромъ доходно,
 Робинъ, мой другъ Робинъ!..

У насъ Робины—не впервые, —
 Дойдетъ и онъ къ чинамъ большимъ:
 Вѣдь и теперь тузы иные
 Снимаютъ шляпы передъ нимъ!..

Для всей, для всей Цитеры
Быть маклеромъ возьмись!
На всѣ, на всѣ манеры —
И такъ, и сякъ — вертись!
За все, за что угодно,
Получишь ты одинъ...
Быть маклеромъ доходно,
Робинъ, мой другъ Робинъ!..

Галлы и франки.

Смѣлѣй! Сомкнемъ ряды
Французскаго народа!
Да сгинетъ мракъ вражды,
Да здравствуетъ свобода!..

Смѣлѣй!

Дружнѣй!

Впередъ—и франкъ, и галль!
Свѣтъ славы вамъ сіяль
Все ярче годъ отъ года...
Впередъ—за идеаль
Великаго народа!..

Опять подъ знаменемъ Атиллы,
Внушая всѣмъ невольный страхъ,
Все на пути сметая въ прахъ,
Стеклися варварскія силы
На галльскихъ погибать поляхъ...

Смѣлѣй! Сомкнемъ ряды
 Французскаго народа!
 Не страшень мракъ вражды,
 Гдѣ царствуетъ свобода!
 Смѣлѣй!
 Дружнѣй!
 Впередь—и франкъ, и галль!
 Свѣтъ славы вамъ сіяль
 Все ярче годъ отъ года...
 Впередь—за идеаль
 Великаго народа!..

Забывъ болотъ родимыхъ топи
 При видѣ Франціи полей,
 Въ безумной дерзости своей
 Задумалъ варваръ миръ Европѣ
 Писать въ дворцахъ страны моей...
 Смѣлѣй! Сомкнемъ ряды
 Французскаго народа!
 Да сгинетъ мракъ вражды,
 Да здравствуетъ свобода!..
 Смѣлѣй!
 Дружнѣй!
 Впередь—и франкъ, и галль!
 Свѣтъ славы вамъ сіяль
 Все ярче годъ отъ года...
 Впередь—за идеаль
 Великаго народа!..

Врагу, дрожавшему подъ снѣгомъ,
 Рабу таинственныхъ судьбъ,
 Казалось—цѣлый міръ ослѣпъ,—
 И онъ явился къ намъ набѣгомъ
 Смѣнить на булки черный хлѣбъ...
 Смѣлѣй! Сомкнемъ ряды
 Французскаго народа!
 Не страшень мракъ вражды,
 Гдѣ царствуетъ свобода!..
 Смѣлѣй!
 Дружнѣй!
 Впередь—и франкъ, и галль!
 Свѣтъ славы вамъ сіяль

Все ярче годъ отъ года..
 Впередъ—за идеаль
 Великаго народа!..

Уже-ль тѣ чудо-вина наши,
 Что берегли мы къ днямъ побѣдъ,
 Какой-нибудь саксонецъ-дѣдъ
 Нальетъ тевтонскимъ внукамъ въ чаши?..
 Для нихъ—ни винъ, ни пѣсень нѣтъ!..
 Смѣлѣй! Сомкнемъ ряды
 Французскаго народа!
 Да сгинетъ мракъ вражды,
 Да здравствуетъ свобода!
 Смѣлѣй!
 Дружнѣй!
 Впередъ—и франкъ, и галль!
 Свѣтъ славы вамъ сіяль
 Все ярче годъ отъ года...
 Впередъ—за идеаль
 Великаго народа!..

Здѣсь для калмыковъ безобразныхъ
 Всѣ дѣвы слишкомъ хороши...
 Нѣтъ, перлы тѣла и души
 Не для объятій скивовъ грязныхъ
 Онѣ лелѣяли въ тиши!..

Смѣлѣй! Сомкнемъ ряды
 Французскаго народа!
 Не страшень мракъ вражды,
 Гдѣ царствуетъ свобода!
 Смѣлѣй!
 Дружнѣй!
 Впередъ—и франкъ, и галль!
 Свѣтъ славы вамъ сіяль
 Все ярче годъ отъ года...
 Впередъ—за идеаль
 Великаго народа!..

Какъ! Эти памятники славы,
 Даль озарившіе въ вѣкахъ,
 Должны теперъ упасть во прахъ
 По волѣ варварской расправы?..
 Что? Нѣмцы здѣсь? У насъ въ домахъ?!

Смѣлѣй! Сомкнемъ ряды
Французскаго народа!
Да сгинетъ мракъ вражды,
Да здравствуетъ свобода!..

Смѣлѣй!

Дружнѣй!

Впередъ—и франкъ, и галль!
Свѣтъ славы вамъ сіяль
Все ярче годъ отъ года...
Впередъ—за идеаль
Великаго народа!..

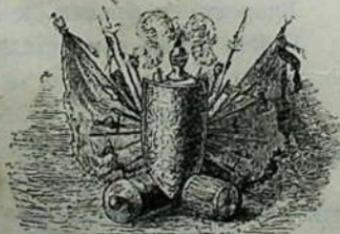
Вы—франки, галлы; вы—герои!
Глядите на Францію весь міръ...
Враги дають кровавый пиръ;
Славнѣй задача ваша вдвое—
Внести подъ кровъ народа миръ!..

Смѣлѣй! Сомкнемъ ряды
Французскаго народа!
Не страшень мракъ вражды,
Гдѣ царствуетъ свобода!..

Смѣлѣй!

Дружнѣй!

Впередъ—и франкъ, и галль!
Свѣтъ славы вамъ сіяль
Все ярче годъ отъ года...
Впередъ—за идеаль
Великаго народа!..

Фретильонъ.

Друзья подругъ веселыхъ
Знавали Фретильонъ,
Всѣ прелести которой
Берутъ сердца въ полонъ...
Но у милой Фретильонъ,
Ахъ, у этой Фретильонъ —
Этой дѣвушки-простушки,
Этой маленькой рѣзвухи —
Только юбка-котильонъ...

Два раза экипажи,
Брильянты, кружева
У этой крошки были, —
Да слыли, какъ молва...
И опять у Фретильонъ,
Ахъ, у этой Фретильонъ —

Этой маленькой простушки,
 Этой дѣвушки-рѣзвухи —
 Только юбка-котильонъ...

Предъ ней—ничто всѣ дамы!..
 Я—нынѣшней зимой
 Въ нетопленной каморкѣ
 Лежалъ едва живой...
 Появилась Фретильонъ
 И прикрыла Фретильонъ —
 Эта добрая рѣзвуха,
 Эта дѣвушка-простушка —
 Друга юбкой-котильонъ...

Что слышу? Все, что было,
 Красотка продала,
 Какому-то кутилѣ
 Всѣ деньги отдала...
 И у милой Фретильонъ—
 Этой крошки Фретильонъ,
 Этой дѣвушки-простушки,
 Этой маленькой рѣзвухи—
 Нѣтъ и юбки-котильонъ!..

Въ одной сорочкѣ надо
 Сидѣть ей у окна;
 Колышетъ грудь волною
 Всѣ складки полотна...
 Но мила всѣмъ Фретильонъ,
 Всѣхъ плѣняетъ Фретильонъ —
 Эта добрая простушка,
 Эта дѣвушка-рѣзвуха—
 И безъ юбки-котильонъ!..

Повѣрьте—будетъ время:
 Опять она блеснетъ,
 И снова другъ случайный
 Красотку оберетъ..
 А умереть-то Фретильонъ—
 Эта крошка Фретильонъ,
 Эта дѣвушка-простушка,
 Эта милая рѣзвуха—
 И безъ юбки-котильонъ!..

Побрякушка.

Пусть Момусъ—добрый богъ
Веселаго куплета—
Возьметъ въ друзья себѣ
Безпечнаго поэта.
Надѣну четки я,
Ихъ къ поясу привѣшу
И—вѣренъ образцу—
Всю скуку распотѣшу:
До завтрашняго дня
Забывъ судьбу-старушку,
Пущу я по рукамъ
Свой скипетръ—побрякушку...

Какъ скипетры царей,
Она—символь державы;
Ей Момусъ по рукамъ
Бьетъ всѣхъ маньяковъ славы.
Такъ станемъ же и мы, —
Чѣмъ дальше—веселѣе, —
Глупцовъ, льстецовъ, лжецовъ
Трезвонить ей по шеѣ;
Въ тиарѣ, въ каскѣ кто,
Всѣмъ поднесемъ не пушку
Въ дни нашихъ новыхъ войнъ,
А только — побрякушку!..

Орломъ пусть франтъ парить
По заламъ и гостинымъ;
Пусть докторъ весь пропахъ
Гвоздикой и жасминомъ;
Лакей пусть галуны
Свои перемѣняетъ,
Передней же отнюдь

Въ душѣ не измѣняетъ...
 Веселый нашъ Парижъ
 Хорошую всѣмъ мушку
 Поставить, поднесъ
 Имъ подъ носъ побрякушку!..

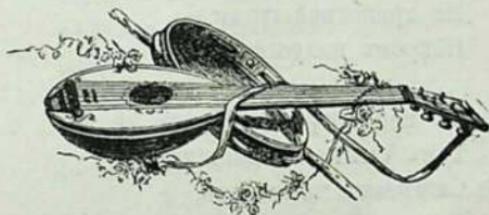
Желаешь Красота,
 Чтобъ къ ней въ оркестръ придворный
 Ввели когда-нибудь
 Сей инструментъ задорный.
 Венерѣ—онъ такъ миль,—
 Хоть въ немъ немного толку...
 Шумя, онъ соблазнить
 Ханжу и богомолку...
 Всѣмъ дѣтямъ нашихъ дней,
 Какъ лучшую игрушку,
 До завтра станемъ мы
 Дарить лишь побрякушку!..

Вступить всегда въ союзъ
 Готова съ тамбуриномъ,
 Чтобъ въ виноградный сборъ
 Придать веселья винамъ;
 Бубенчики ея,
 Звены межъ погребами,
 Способствуютъ вину
 Течь дружными волнами.
 Все лишнюю потомъ
 Съ устатку выпьешь кружку!..
 Какъ тутъ не передать
 Друзьямъ всѣмъ побрякушку!..

Не нужно намъ совсѣмъ
 Знакомствъ пустыхъ и чванныхъ!
 Благословляетъ Вакхъ
 Лишь имъ самимъ избранныхъ...
 Бурлить въ нихъ жизнь волной,
 Хмель юности смѣется;
 За чашей круговой
 Всѣмъ весело живется...
 Такъ станемте-жь, друзья,
 За юность пить—рѣзвуху,

Начнемъ передавать
Съ рукъ въ руки побрякушку!..

Подъ говоръ бубенцовъ
Помянемъ страсть-повѣсу;
Помолимся любви,
Споемъ веселью мессу!
Чтобъ всѣ пошли вослѣдъ
Манящему нагѣву,
Не станемъ приглашать
Мы къ жертвеннику дѣву,—
Къ чему?—когда давно,
Забывъ судьбу-старушку,
Пустили по рукамъ
Мы нашу побрякушку!..

Двойное опьянѣніе.

Я сладко спалъ въ тѣни,
Спать такъ пріятно было,—
Какъ вдругъ меня, шутя,
Нериса разбудила...

Смѣется надо мной,—
Коварное созданье!—
На всемъ ея лицѣ
Горитъ огонь желанья...

Дрожить вѣнокъ кудрей,
Гирляндой розъ повитый;
На трепетной груди—
Покровъ полукрытый...

Съ ней—отрокъ (вѣрить ей --
Такъ сынъ ея папаша), —
Сжимаетъ виноградъ,
Сокъ собирая въ чашѣ...

Вотъ пѣсня раздалась,
Рулада зазвенѣла, —
И пляшетъ, и поетъ
Краса-Нериса смѣло...

Не страсть ли въ ней кипитъ.
Не пѣнитъ-ль отрада? —
А отрокъ — какъ въ тискахъ —
Жметъ кисти винограда...

Вотъ чаша вся полна, —
Нериса къ ней прильнула:
Пригубила и мнѣ
Съ улыбкой протянула...

„Красавица моя!
Коль съ ядомъ чапа эта, —
И то я осушу!
Клянусь душой поэта!..

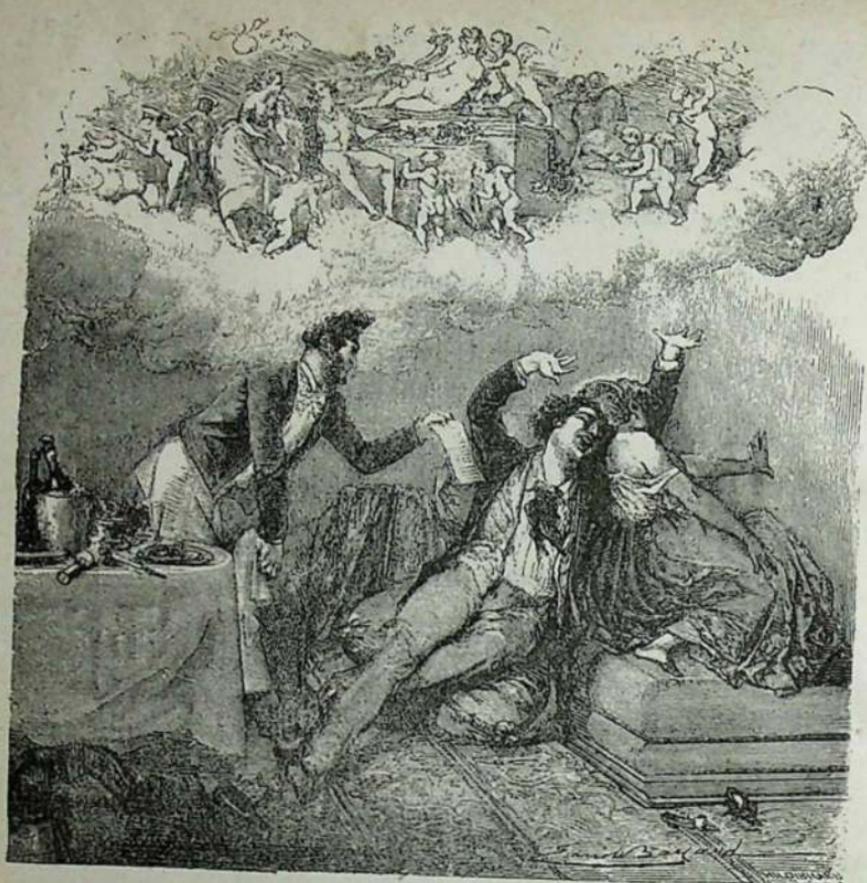
Хотя бы мнѣ пришлось
Навѣки опьяниться, —
Готовъ я хоть сейчасъ
Любовью отравиться!“...

Я выпилъ все до дна
И пьянъ я сталъ до бреда...
Нериса, я — твой рабъ,
Твоя — сейчасъ побѣда!..

Но мигъ прошелъ, и — что-жь? —
Нерису не люблю я,
Нерисой не любимъ,
Но жажду поцѣлъя...

И вотъ — съ тѣхъ поръ всегда,
Чуть только опьянѣю,
Сейчасъ къ Нерисамъ всѣмъ
Любовью пламенѣю ..

Дутешествіе въ обѣтованную землю.

Въ край чудный тотъ,
Гдѣ безъ заботъ
Весь людъ живеть, —
Скорѣй, друзья, за мною!..
Я увлечень,
Обворожень,
Я опьянень
Той сказочной страной...

О, милая земля,
Будь родиной мнѣ новой, —
Чтобъ я смѣяться могъ
Надъ долею суровой!
Все ново здѣсь совсѣмъ, —
Никто интригъ не строить;
Я все и ѣмъ, и пью, —
Ничто ни су не стоитъ!..

Мой аппетитъ
 Васъ поразить, —
 Но дивный видъ —
 Предъ ненасытнымъ взоромъ:
 Я вижу тортъ,
 На тортѣ — фортъ,
 Ряды когорть
 Обходить фортъ дозоромъ...

И сталь для ихъ кирась,
 И копы ихъ съ мечами,
 И даже всѣ они —
 Всѣ сахарные сами...
 Твердыни, башни, валъ
 И стѣны городскія,
 И храмы, и дворцы —
 Всѣ сладкіе такіе...

На площадяхъ,
 Какъ на часахъ,
 При паяцахъ
 Пьеро искусству служить...
 Фонтаны бьютъ, —
 „Аи“ всѣ льютъ;
 Его всѣ пьютъ
 И ни о чемъ не тужать ..

Поварни—предо мной,
 Какъ-будто для титановъ:
 Вертятъ на вертелехъ
 Быковъ, телятъ, барановъ...
 Не счесть всѣхъ поваровъ, —
 Здѣсь кто въ чемъ провинился,
 И глазомъ не моргнетъ —
 Въ поварнѣ очутился...

Вотъ, наконецъ,
 Вхожу въ дворець...
 О, мой Творецъ!
 Да здѣсь — одни вельможи!..
 Зовутъ за столъ...
 Сядь — кто пришелъ!..
 Весь разносолъ —
 Къ услугамъ гостя тоже!..

Никто не морщить лба,
 Педантовъ здѣсь не знаютъ,
 Вести дебаты—всѣмъ
 Строжайше воспрещаютъ...
 Ахъ, что здѣсь за меню!
 О, Боже, что за вина!..
 Ышь, пьешь за четверыхъ, —
 Приятная картина!..

Здѣсь на пирахъ
 Вамъ о дѣлахъ
 (Увы и ахъ!)
 Не говорятъ красотки...
 Чу, какъ трещать,
 Всѣхъ веселятъ,
 Всѣхъ тормошатъ...
 О, милыя трещотки!..

Бокаловъ нѣжный звонъ,
 Повсюду—смѣхъ веселый...
 Что думать, что гадать
 Объ участи тяжелой!.. —
 Сиди да пей, да пой,
 Да чокайся съ сосѣдкой;
 Напьемся—засыпай
 (Здѣсь это—фактъ не рѣдкій!)..

Вонъ—мужъ-старикъ
 Челомъ поникъ, —
 И въ тотъ же мигъ
 По залу храпъ раздался...
 Его жена —
 Какъ лань, стройна
 И всѣмъ вѣрна —
 Кто-бъ съ ней ни повстрѣчался..

Пожатіе руки —
 Сигналь едва замѣтный,
 Минуты черезъ двѣ —
 Второй сигналь, отвѣтный...
 Матрона здѣшнихъ мѣсть,
 Матап сосѣдки-змѣйки,
 Къ чему смотрѣть подъ столъ
 Вамъ съ миною ищейки?!..

Безумный пирь!
 Забывъ весь мiръ,
 Пью—какъ вампирь—
 Не кровь я, а отраду;
 Но часъ насталь, —
 Пустуетъ заль,
 Кто устояль —
 Красотки тѣмъ въ награду!..

Интрижекъ сколько здѣсь,
 Игривыхъ сколько фактовъ!
 И—никакихъ долговъ,
 И—никакихъ контрактовъ!..
 Кто, не пьянѣя, пьетъ,
 Любитъ кто не устанетъ, —
 Тотъ, право, до ста лѣтъ
 И старымъ здѣсь не станеть!..

О, чудный край!
 Не жизнь, а рай
 И вѣчный май,
 И счастья совершенство...
 Здѣсь вѣчно-бъ жить
 И всѣхъ любить,
 И пѣть, и пить—
 Съ шампанскимъ пить блаженство!..

Но греза пронеслась,—
 Страны чудесъ не видно...
 Да гдѣ же, гдѣ она?
 Шутить судьбѣ такъ стыдно!
 Вѣдь только-что я былъ
 Въ землѣ обѣтованной;
 А тутъ—мнѣ счетъ несутъ,
 Простой счетъ ресторанный!..

Начало путешествія.

Едва скользить у берега ладья,
Она впервые вышла въ жизни море,—
Въ ней путница отважная сидитъ...
Что ждетъ ее въ невѣдомомъ просторѣ?..
Покинетъ берегъ,—больше никогда
Она къ нему обратно не вернется...
Матросовъ нѣтъ... Замѣните мы ихъ,
Пріятнѣ прогулки не найдется!..
Давайте — пѣсней своей
Мы усладимъ дорогу ей!..

Судьба усердно дуетъ въ паруса,
Надежда смѣло снасти закрѣпляетъ,—
И тишину, и звѣздъ лучистый свѣтъ,
И вѣтеръ намъ попутный обѣщаетъ...
Летите-жъ прочь вы, птицы черныхъ думъ,
Отъ этой лодки дальше прочь летите:
Самъ богъ любви ведетъ ее впередъ,—
Намъ все равно, что вы ни возвѣстите...
Веселой пѣсней своей
Мы усладимъ дорогу ей!..

По мачтѣ вьются пестрыя гирлянды,—
Такихъ цвѣтовъ не встрѣтить на землѣ...
Плыветъ ладья съ красавицею юной,
Святая дружба правитъ на рулѣ...
И вѣчно-юный, вѣчно-беззаботный—
Самъ Бахусъ шлетъ пловцамъ дары свои;
И наслажденій жажду пробуждаетъ
Во всѣхъ сердцахъ волшебное „аи“...
Свободной пѣсней своей
Мы усладимъ дорогу ей!..

Ладѣ навстрѣчу шлють суда салюты,
Привѣтъ дѣтей невѣдомой земли,
Изъ-за морей безбрежно-безпредѣльныхъ
Везуть дары гиганты-корабли...
Само Несчастье просить Добродѣтель,
Чтобы она—ошибки всѣ прости—
Все лучшее, высокое, святое,
Все излила на путницу-дѣтя..

А мы—мы пѣснею своей
Всю усладимъ дорогу ей!..

Музыка.

Забудемте пѣсенъ
Застольный хоралъ;
Безъ нихъ даже тѣсенъ
Для музыки залъ!
Сюда, музыканты,
Сюда!
Забыли таланты?
И то -- не бѣда!..
То вверхъ тянуть ноты,
То внизъ;
Всѣ врутъ безъ заботы...
Брависсимо, бисъ!..

Обѣдъ у Агаты —
Всѣхъ франтовъ пріютъ...
Не кофе — сонаты
Тамъ всѣмъ подають ..
Свои музыканты —
Всегда!
Тамъ вѣрятъ въ таланты...
Ну, что-жь, — не бѣда!..
Пусть вверхъ тянуть ноты,
Пусть — внизъ, —
Орутъ патриоты:
Брависсимо, бисъ!..

Всѣхъ въ Оперу манить
Оркестровъ трезвонъ, —
Глухихъ — тамъ концъ нѣтъ,
И тѣ бѣгутъ вонъ...
Пѣвцы, музыканты —
Туда!..
А гдѣ-жь тамъ таланты?

Коль нѣтъ - не бѣда!..
 Пусть тянутъ лишь ноты —
 Вверхъ, внизъ, —
 Кричать санкюлоты:
 Брависсимо, бисъ!

Тамъ — важны актеры,
 Тамъ — рѣчи пусты,
 Навыщены споры,
 Тамъ судьи — шуты...
 Тамъ — всѣ музыканты
 Всегда;
 Забудутъ таланты,
 И то — не бѣда:
 То вверхъ тянутъ ноты,
 То внизъ...
 Тромбоны, фаготы...
 Брависсимо, бисъ!..

Подъ гнетомъ азарта
 Живешь — какъ во спѣ...
 Играютъ Моцарта? —
 Скажите вы мнѣ!..
 Сюда, музыканты,
 Сюда!..
 Упали таланты?
 Ну, что-жь, — не бѣда!..
 Тяните лишь ноты
 Вверхъ, внизъ, —
 Знай — ври безъ заботы!..
 Брависсимо!.. Бисъ!..

Предвишутъ намъ скоро
 Итали вкусь,
 Навяжутъ безъ спора
 Нѣмецкихъ всѣхъ музъ...
 Уйдутъ музыканты?..
 Куда!.. —
 Изсякнутъ таланты, —
 И то — не бѣда!
 Пусть тянутъ вверхъ ноты,
 Пусть — внизъ, —
 Извѣстны расчеты:
 Брависсимо!.. Бисъ!..

Искусства прогрессу
Итогъ подведемъ,—
Отслужимте мессу
И гробъ уберемъ...

Пѣвцы, музыканты,—
Всегда

Найдутся таланты;

А нѣтъ—не бѣда!..

У нихъ съ каждой ноты —

Сюрпризъ...

Дружнѣй, санкюлоты:

Брависсимо!.. Вись!..

Храшите въ честь красавицъ вы,—
 Въ любви одну лишь неприятность
 Приносить тучность вамъ,— увы!—
 Нѣтъ, если задыхаться какая ёсть утѣха,—
 Такъ лучше-жь задохнуться отъ радостнаго смѣха!..

Профессора наукъ обжорства,
 Милѣй поэзи даровъ
 Для вашихъ мыслей ненасытныхъ
 Успѣхи модныхъ поваровъ...
 Чтò поэтическіе лавры!
 Для васъ отраднѣе вдвойнѣ,
 Когда они вѣнчаютъ соусъ
 И подаются къ ветчинѣ...
 Ужь если задыхаться какая ёсть утѣха,—
 Давайте—задохнемтесь отъ смѣха... Да, отъ смѣха!..

Хотите вы воздать всѣ дани
 За блюдомъ блюду,—чурь—молчокъ
 И дальше, дальше прогоните
 Живую шутку за порогъ:
 Къ чему внимать вамъ остроумью,
 Зачѣмъ давать просторъ мечтамъ,—
 Они—вредятъ пищеваренью,
 Они—не нужны къ трюфелямъ...
 Обжорамъ—въ каждой мысли всегда одна помѣха,
 Вѣдь отъ такихъ обѣдовъ имъ вовсе не до смѣха!..

Давайте ёсть лишь для закуски,
 Давайте пить, друзья мои!
 Любовь и дружба—откровеннѣй
 Подъ плескъ веселаго „аи“...
 И мысль смѣлѣй, и жизнь полнѣе,
 И въ мірѣ нѣтъ счастливѣй насъ...
 Прочь, скука! Прочь, сомнѣнья злыя!
 И смѣхъ, и пѣсни—въ добрый часъ!..
 Ахъ, если задохнуться кому изъ насъ утѣха,—
 Ужь лучше задыхаться отъ радостнаго смѣха!..

Моя, можетъ быть, последняя пѣсня.

Я не могу быть равнодушень
Ко славѣ родины моей.
Теперь покой ея нарушенъ,
Враги хозяйничаютъ въ ней.
Я ихъ клянущу; но предаваться
Унынью — не поможетъ намъ.
Еще мы можемъ пѣть, смѣяться...
Хоть этимъ взять на зло врагамъ!

Пускай иной храбрець трепещеть, —
Я не дрожу, хотя и трусь.
Вино предъ нами въ чашахъ блещеть;
Я богу гроздй отдаюсь.
Друзья, нашъ миръ одушевляя,
Онъ силу робкимъ дастъ сердцамъ!

Давайте-жь пить, не унывая!
Хоть этимъ взять на зло врагамъ!

Займодавцы! безпокойте
Меня старались вы всегда;
Ужь я хотѣлъ дѣла устроить, —
Случилась новая бѣда!
Вы за казну свою дрожите;
Вполнѣ сочувствую я вамъ.
Скорѣй мнѣ въ долгъ еще ссудите!
Хоть этимъ взять на зло врагамъ!

Небезопасна и Лизета;
Бѣды бы не случилось съ ней!
Но чуть ли вѣтреница эта
Не встрѣтитъ съ радостью гостей.
Въ ней, вѣрно, страха не пайдется,
Хоть грубость ихъ извѣстна намъ.
Но эта ночь мнѣ остается..
Хоть этимъ взять на зло врагамъ!

Коль неизбежна гибель злая,
Друзья, сомкнемтесь — клятву дать,
Что для враговъ родного края
Не будетъ наша пѣснь звучать!
Последней пѣснью лебединой
Пусть будетъ эта пѣсня намъ.
Друзья, составимъ хоръ единый!
Хоть этимъ взять на зло врагамъ!

Похвальное слово каплунамъ.

Я хоть клятву дать готовъ, —

Да, молодки,

Да, красотки, —

Я хоть клятву дать готовъ:

Нѣтъ счастливѣй каплуновъ.

Всякой доблестный каплуноу

Со страстьми владѣть умѣеть:

Тѣломъ здравъ и духомъ юнъ,

Онъ полнѣеть и жирѣеть.

Я хоть клятву дать готовъ, —

Да, молодки,

Да, красотки, —

Я хоть клятву дать готовъ:

Нѣтъ счастливѣй каплуновъ.

Ревность, вспыхнувши въ крови,

Каплуна не втянетъ въ драку,

И счастливцу — отъ любви

Прибѣгать не надо къ браку.

Я хоть клятву дать готовъ, —

Да, молодки,

Да, красотки, —

Я хоть клятву дать готовъ:

Нѣтъ счастливѣй каплуновъ.

Впрочемъ, многіе изъ нихъ —

Захотятъ — слывуть мужьями,

И съ подругой дней своихъ

Утѣшаются дѣтми

Я хоть клятву дать готовъ, —

Да, молодки,

Да, красотки, —

Я хоть клятву дать готовъ:

Нѣтъ счастливѣй каплуновъ.

Проводя смиренно дни,
 Достохвальны, досточтимы,
 Ни раскаяньемъ они,
 Ни діятою не казнимы.
 Я хоть клятву дать готовъ, —
 Да, молодки,
 Да, красотки, —
 Я хоть клятву дать готовъ:
 Нѣтъ счастливѣй каплуновъ.

Ну, а мы-то, господа?
 Въ нашей участи несчастной,
 Чтò мы терпимъ иногда
 Отъ обманщицы прекрасной!
 Я хоть клятву дать готовъ, —
 Да, молодки,
 Да, красотки, —
 Я хоть клятву дать готовъ:
 Нѣтъ счастливѣй каплуновъ.

Сами жжемъ себя огнемъ,
 Хоть не разъ мы испытали —
 И должны сознаться въ томъ,
 Что не скованы изъ стали,
 Я хоть клятву дать готовъ, —
 Да, молодки,
 Да, красотки, —
 Я хоть клятву дать готовъ:
 Нѣтъ счастливѣй каплуновъ.

Что-жь, изъ ложнаго стыда,
 Выносить напрасно муки?
 Полно трусить, господа,
 Благо кладъ дается въ руки!
 Я хоть клятву дать готовъ, —
 Да, молодки,
 Да, красотки, —
 Я хоть клятву дать готовъ:
 Нѣтъ счастливѣй каплуновъ.

Намъ вѣдь міру не помочь!
 Въ немъ — чтò часъ, то поколѣнья...
 Прочь же наши — сразу прочь —

Молодыя заблужденья.

Я хоть клятву дать готовъ, —

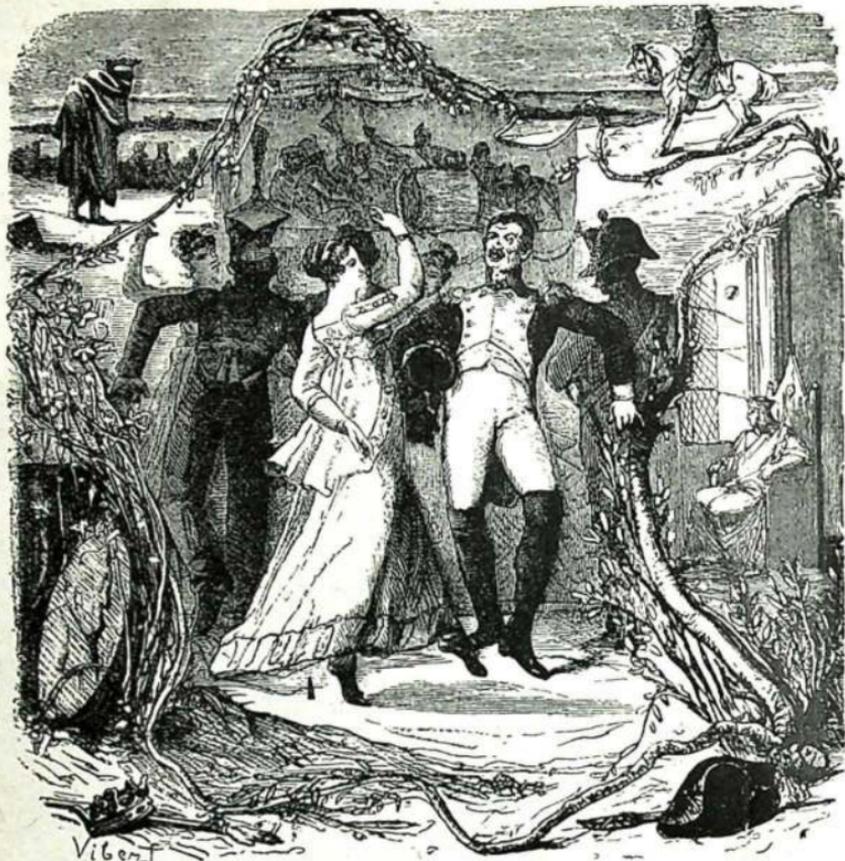
Да, молодки,

Да, красотки, —

Я хоть клятву дать готовъ:

Нѣтъ счастливей каплуновъ.

Добрый французъ.

(Май 1814 г.)

Пусть русскій всюду русскимъ будетъ,
Пускай британцемъ будетъ бриттъ!
Но и французомъ быть французу,
Конечно, тоже надлежитъ!..
Въ то время, какъ французовъ новыхъ *)
Находятъ родины сыны,—
И мы, друзья мои, считаются
Должны дѣтьми своей страны!..

Да, да! Всѣ мы должны
Не забывать про честь родной страны!..

Питалъ король Карль Пятый зависть

*) Намекъ на то, что графъ д'Артуа сказалъ: «Ничто во Франціи не перемѣнилось; явился только еще одинъ французъ!».

Къ тому, кто *) въ Павіи сказалъ,
 Что „все погнбло кромѣ чести“,
 И самъ геройски погнбалъ...
 Утѣшимъ этими словами
 Всѣхъ тѣхъ, кто ужаса полны
 Передъ числомъ враговъ несмѣтнымъ...
 Друзья, мы—Франціи сыны!..

Да, да! Всѣ мы должны
 Не забывать про честь родной страны!..

Король Людовикъ предавался
 Печали, не жалѣя слезъ **),
 О тѣхъ—чьи лавры всѣ увяли
 Лишь потому, что былъ морозъ...
 Зазеленѣютъ подлѣ лилій
 Они опять—какъ встарь, пышны...
 Вѣдь эти плѣнные герои—
 Все той же Франціи сыны!..

Да, да! Всѣ мы должны
 Не забывать про честь родной страны!..

Король, окованный недугомъ,
 Но роковой для англичанъ ***),
 Не выходя изъ стѣнъ дворцовыхъ,
 Спасъ нашу Францію отъ рабъ...
 Мы знаемъ всѣ, кому охрана ****)
 И честь отчизны вручены,—
 Такъ будемъ вѣрными сынами
 Въ вѣкахъ прославленной страны!..

Да, да! Всѣ мы должны
 Не забывать про честь родной страны!..

Отъ англomanіи—подальше!—
 Она дала немало бѣдъ...
 Законовъ вкуса у пруссаковъ
 Искать не станемъ мы,—о, нѣтъ!..

*) Францискъ I.

***) Тогдашніе журналы рассказывали, что, получивъ письмо его, императоръ Александръ I обѣщавъ вернуть во Францію плѣнныхъ, захваченныхъ во время русской кампаніи.

****) Карлъ V, прозванный Мудрымъ.

*****) Король Людовикъ сказалъ С. Телу и маршаламъ Массева, Мортъе, Лефевру и Нею, что онъ будетъ опираться на нихъ.

Мы у сосѣдей только женщинъ
 Взаимы братъ можемъ и должны...
 Друзья, друзья мои, мы помнимъ,
 Что всѣ мы — Франціи сыны!..

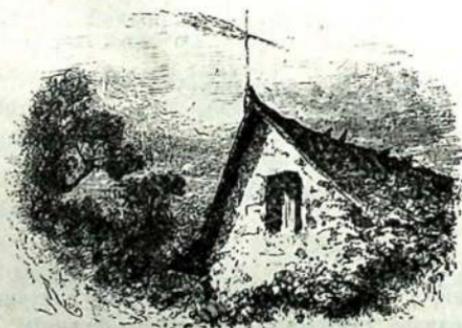
Да, да! Всѣ мы должны
 Не забывать про честь родной страны!..

Нѣтъ славы въ мірѣ, равной нашей!
 Французы, кто соперникъ вамъ?!
 Всѣхъ наша роскошь очаруетъ,
 Всѣ — нашимъ дивятся трудамъ!
 Когда звенить родная пѣсня, —
 Сердца весельемъ всѣ полны...
 Друзья мои, мы съ вами — дѣти
 Изъ всѣхъ единственной страны!..

Да, да! Всѣ мы должны
 Не забывать про честь родной страны!..

Служа отчизнѣ непритворно,
 Гдѣ все цвѣтеть и блещетъ вновь,
 Мы будемъ бережно лелѣять
 Искусства, правду и любовь...
 Любить Людовикъ все позволять,
 Въ чемъ Генрихъ *) видѣлъ цвѣтъ страны...
 Друзья, друзья мои, вѣдь всѣ мы —
 Прекрасной Франціи сыны!..

Да, да! Всѣ мы должны
 Не забывать про честь родной страны!..

*) Генрихъ IV.

Великая оргія.

Вино умы чаруетъ,
Съ виномъ спорится трудъ;
Пусть бочками народу
Его всё раздають!
Ахъ, еслибъ винный дождикъ
Въ Парижѣ пролился, —
И трезвенникъ бы каждый
Разъ въ жизни упился!..

Сердце слишкомъ своевольно,
Сумасбродствами довольно
Тѣшилась судьба...

Ну, французы, веселѣе!
Опорожните скорѣе
Наши погреба!..

Пусть увидятъ филистеры,
Что напрасны съ тѣми ссоры,
Кто не воду пьетъ;

Пусть напьется съ нами вмѣстѣ
Каждый врагъ — во славу чести,
Съ нами запоетъ:

„Вино мысль освѣжаетъ!
Разумны тѣ, кто пьютъ...
Пусть бочками бесплатно
Вино всемъ раздають!
О, еслибъ винный дождикъ,
Въ Парижѣ пролился, —
И трезвенникъ бы каждый
Мертвецки напился!“ ...

Записные моралисты,
Строгой истины пуристы,
Риторы газетъ,

Предвѣщатели страданій,
 Усыпители собраній, —
 Удержу вамъ нѣтъ...
 Вы, строители памфлетовъ,
 Поризатели куплетовъ,
 Судьи эпиграммъ!
 Промѣняйте на бокалы
 Вѣчной скукѣ мадригалы, —
 Вотъ завѣтъ мой вамъ:

Вино — сердцецъ услада,
 Съ нимъ весело живутъ...
 Пусть бочками народу
 Его всё раздають.
 Ахъ, еслибъ винный дождикъ
 Въ Парижѣ пролился, —
 И трезвенникъ бы каждый
 Разъ въ жизни упился!..

Отъ военныхъ грозъ далеко
 Въ волнахъ пѣннаго потока
 Охладивъ свой пылъ,
 Позабывъ свои погромы,
 Марсъ всё молніи, всё громы
 Въ винахъ утопиль...
 Стражи старыхъ арсеналовъ!
 Ради высшихъ идеаловъ,
 Вамъ бы уступить
 Бочки всё пороховыя
 Намъ подъ вина огневыя
 И — самимъ запить!..

Вино всёхъ примиряетъ,
 Враждѣ — не мѣсто тутъ!
 Пусть бочками бесплатно
 Его всё раздають!..
 О, еслибъ винный дождикъ
 Въ Парижѣ пролился, —
 И трезвенникъ бы каждый
 Мертвецки напился!..

Избѣгать совсѣмъ напрасно
 Намъ того, что такъ прекрасно, —
 Молодыхъ дѣвиць ..

Сокомъ кипрскихъ лозъ священныхъ

Подноимте сокровенныхъ

Чистыхъ голубиць!

Жрицы юныя Цитеры,

Въ честь прабабушки — Венеры,

Въ кругъ идите нашъ:

Будемъ весело мы съ вами

Пить за нашими столами

Изъ заздравныхъ чашъ!..

Вино — печальныхъ радость,

Отрадъ — въ немъ пріютъ...

Пусть бочками народу

Его всё раздають!

Ахъ, еслибъ винный дождикъ

Въ Парижъ пролился, —

И трезвенникъ бы каждый

Разъ въ жизни уцѣлся!..

Что богатства намъ затѣи, —

Во сто кратъ съ нимъ тяжелѣе!

Крѣпче спать бѣднякъ...

Сбросивъ бремя думъ унылыхъ,

Пьеть во здравье сердцу милыхъ

Рой друзей-гулякъ ..

Благородиѣй, ароматиѣй

И на взглядъ — куда пріятнѣй

Нашихъ винъ кристалль,

Чѣмъ рождавшій вопли, стоны,

Чѣмъ поправшій всё законы

Желтый вашъ металлъ!..

Вино — вездѣ у мѣста:

И здѣсь, и тамъ, и тутъ ..

Пусть бочками бесплатно

Вино всёмъ раздають!

О, еслибъ винный дождикъ

Въ Парижъ пролился, —

И трезвенникъ бы каждый

Мертвецки напился!..

Наши матери и дѣти

Ото всёхъ безумствъ на свѣтѣ

Подержать насъ —

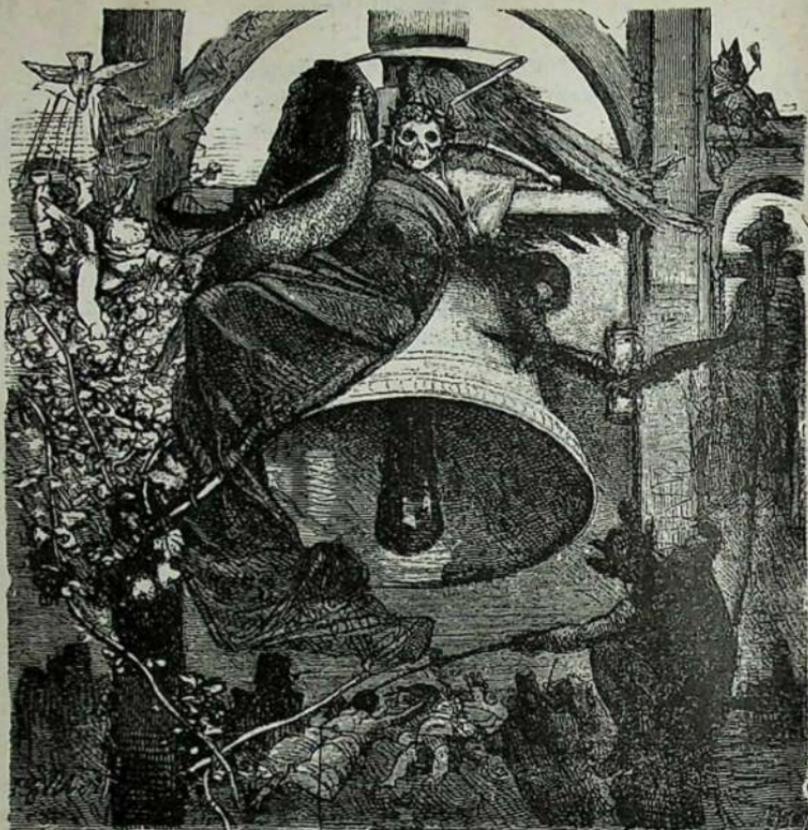
Предъ твоими, Вакхъ, ногами,
Всѣ—какъ пили мы друзьями—
Дружно и заснемъ...

И въ застольномъ усыпленьи
Каждый вкуситъ чаръ забвенья,
Грезами плѣненъ;

И увидитъ (о, отрада!)
Сборъ осенній винограда...
Сонъ, блаженный сонъ!..

Вино умы чаруетъ,
Съ виномъ спорится трудъ...
Пусть бочками народу
Его всѣ раздають!..
Ахъ, еслибъ винный дождикъ
Въ Парижѣ пролился, —
И трезвенникъ бы каждый
Разъ въ жизни упился!..

День поминокъ.

Звонъ церковный — грустный, томный —
Укоряетъ громко насъ,
Что за трапезой нескромной
Застаетъ насъ въ этотъ часъ.
„Души многихъ въ тѣмѣ блуждаютъ“,
Скажетъ намъ монахъ любой.
Нынче мертвыхъ поминаютъ;
Вѣчный имъ покой!

Пусть поэзія цвѣтами
Въ этотъ день гроба дарить,
Пусть слезами передъ нами
Лицемерье ихъ кропитъ,
Вспять судьбы насъ увлекаютъ;
Но поетъ имъ голосъ мой:
„Нынче мертвыхъ поминаютъ;
Вѣчный имъ покой!“.

Злымъ — огонь пучинъ бездонныхъ:
 Тѣнь невинущихъ садовъ
 Приметь женщинъ благосклонныхъ
 И простыхъ друзей пировъ.
 Въ рай ключи Петра пускаютъ
 Всѣхъ незлобивыхъ душой
 Нынче мертвыхъ поминаютъ;
 Вѣчный имъ покой!

Чѣмъ въ уныніе вдаваться
 У могилъ отцовъ своихъ,
 Поучиться-бъ намъ смѣяться
 Надъ судьбой своей у нихъ.
 Вина искрами сверкаютъ;
 Лица дышать добротой.
 Нынче мертвыхъ поминаютъ;
 Вѣчный имъ покой!

Смерть отъ слезъ чужихъ не краше;
 Но хотѣлъ бы въ смертный часъ
 Видѣть я, что дѣти наши
 Веселѣй, живѣе насъ.
 Пусть безопасно распѣваютъ
 Возлѣ ямы роковой:
 „Нынче мертвыхъ поминаютъ;
 Вѣчный имъ покой!“

Просьба знатныхъ собакъ.

(Юнь 1814 г.)

Тирана свергли... Палъ онъ самъ...
Такъ дайте-жь порѣзвиться намъ!..

Пусть церемоніймейстеры
Прикажутъ всѣмъ опять
Собачью знать безъ привязи
Въ садъ Тюльеры пускаты!..
Тирана свергли... Палъ онъ самъ...
Такъ порѣзвиться дайте-жь намъ!..

Отъ всѣхъ собакъ, что бѣгаютъ
По улицамъ всегда,
Нетрудно по ошейникамъ
Узнать насъ, господа!
Тирана свергли... Палъ онъ самъ...
Такъ дайте-жь порѣзвиться намъ!..

Когда въ дни узурпаторства
Тиранъ насъ выгонялъ,
Мы лаять позволяли всѣмъ—
Кто этого желалъ...
Тирана свергли... Палъ онъ самъ...
Такъ порѣзвиться дайте-жь намъ!..

Кто пишетъ намъ исторію
Превратности временъ,—
Пусть трусовъ нашей братіи,
Щадить немножко онъ...
Тирана свергли... Палъ онъ самъ...
Такъ дайте-жь порѣзвиться намъ!..

Вѣдь нынче очень многіе
Изъ тѣхъ, что (бѣдняки!)

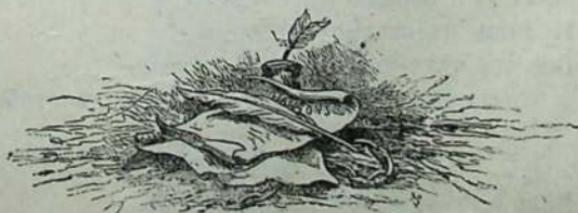
Лизали слѣдъ диктаторскій,
 Кусаютъ каблукѣ...
 Тирана свергли... Паль онъ самъ...
 Такъ порѣзвиться дайте-жъ намъ!..

Вѣдъ таксы, моськи храбры —
 Ловя не только блохъ —
 Ласкались къ нѣмцу, къ русскому,
 Заставшимъ всѣхъ врасплохъ...
 Тирана свергли... Паль онъ самъ...
 Такъ дайте-жъ порѣзвиться намъ!..

Пусть англичанинъ хвалится,
 Что онъ торжествовалъ! —
 Намъ только бы кто сахару
 Кусочекъ хотъ давалъ!..
 Тирана свергли... Паль онъ самъ...
 Такъ порѣзвиться дайте-жъ намъ!..

Всѣ модницы парижскія
 Опять наряды шьютъ,
 Жрецы священнодѣйствуютъ;
 Пусть ходъ и намъ дадутъ!..
 Тирана свергли... Паль онъ самъ...
 Такъ дайте-жъ порѣзвиться намъ!..

Даемъ — за эти милости —
 Обѣтъ, безъ лишнихъ словъ,
 Визжать предъ власть имущими
 И рвать всѣхъ бѣдняковъ!..
 Тирана свергли... Паль онъ самъ...
 Такъ порѣзвиться дайте-жъ намъ!..

С М Ъ Х Ъ.

По поводу событій во Франціи въ 1819 году.

(Вольный переводъ.)

Пускай жрецы литературы
Книгопродавцемъ стѣснены
И безразсудно отданы
На произволь магистратуры, —
На все—пусть смѣхъ звучить въ отвѣтъ!
Намъ нечего бояться,
Что запретятъ смѣяться:
Какой тутъ можетъ быть запретъ,
Когда смѣется цѣлый свѣтъ!

Пусть государственныя лица
Предъ смѣлой прессою дрожать,
Въ ея рѣчахъ почуявъ ядъ,
И вся палата ихъ страшится, —
На все—пусть смѣхъ звучить въ отвѣтъ!
Намъ нечего бояться,
Что запретятъ смѣяться:
Какой тутъ можетъ быть запретъ,
Когда смѣется цѣлый свѣтъ!

Пусть эта умная палата
Намъ всѣ обряды разрѣшить,
И лишь въ оковы заключить
Все то, чѣмъ наша мысль богата, —
На все—пусть смѣхъ звучить въ отвѣтъ!
Намъ нечего бояться,
Что запретятъ смѣяться:
Какой тутъ можетъ быть запретъ,
Когда смѣется цѣлый свѣтъ!

Пусть прокуроръ,— чье назначенье
Служить тюремщикомъ уму,—
Самъ сторожа его тюрьму,
Съ нимъ не имѣть сообщенья,—

На все—пусть смѣхъ звучитъ въ отвѣтъ!

Намъ нечего бояться,

Что запретять смѣяться:

Какой тутъ можетъ быть запретъ,
Когда смѣется цѣлый свѣтъ!

Пусть тѣ, что, ошупью блуждая,
Не зная сами, что творять,
Нарочно свѣточъ погасять,
Какъ бы нагаръ съ него снимая,—

На все—пусть смѣхъ звучитъ въ отвѣтъ!

Намъ нечего бояться,

Что запретять смѣяться:

Какой тутъ можетъ быть запретъ,
Когда смѣется цѣлый свѣтъ!

Пусть тотъ министръ, что безъ умолку
Привыкъ другихъ лишь распекать,
Хлопочетъ самъ, чтобъ прочитатъ
Мое тетрадку втихомолку,—

На все—пусть смѣхъ звучитъ въ отвѣтъ!

Намъ нечего бояться,

Что запретять смѣяться:

Какой тутъ можетъ быть запретъ,
Когда смѣется цѣлый свѣтъ!

Много любви.

Пусть мудрость говорить, что знаетъ,—
Хотѣлъ бы деньги я копить
И вдругъ къ ногамъ моей подруги
Свои богатства положить...
Адель! Тогда твои причуды
Я исполнять бы сталъ всегда...
Нѣтъ, нѣтъ, любви во мнѣ такъ много,
Что скопидомства нѣтъ слѣда!..

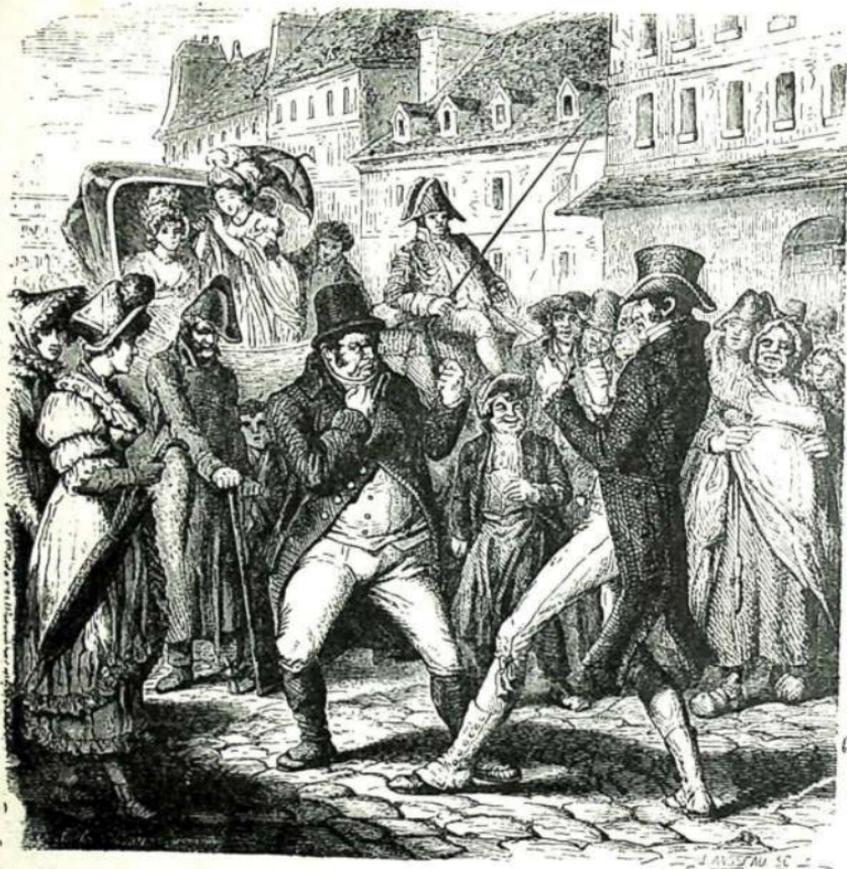
О, еслибъ думалъ обезсмертить
Адель я лирою своей,—
Меня бы лаврами вѣнчали
За пѣснопѣнія о ней,
И жили-бъ въ памяти народной,
Сливаясь, наши имена,—
Да нѣтъ во мнѣ стремленья къ славѣ,
Хотя душа любви полна!

Пускай благое Провидѣнье
Сулитъ мнѣ королевскій тронъ,—
Я уступлю своей красоткѣ
Правъ на этотъ чудный сонъ...
Чтобъ знать, что правлюсь я Аделью,
Другимъ я нравиться хочу,—
Во мнѣ—ни тѣни честолюбыя,
Одной любви я дань плачу!..

Мои мечты полны Аделью,
Мои желанья съ ней живутъ,—
Ни блескъ, ни слава, ни богатство
Вамъ столько счастья не дадутъ...

Въ свою судьбу легко мнѣ вѣрить, —
Какъ жизнь тревогу ни зови:
Нѣтъ у меня богатства Креза,
Но больше во сто кратъ любви!..

Боксеры или англomanія.

Хотя ихъ шляпы безобразны,
God dam! Люблю я англичанчъ,
Какъ милъ ихъ нравъ! Какой прекрасный,
Какой имъ вкусъ изящный данъ;
Въ забавахъ—грѣхъ не подивиться.

О, нѣтъ! Конечно, нѣтъ у насъ
Такихъ затрещинъ въ носъ и въ глазъ,
Какими Англія гордится.

Вотъ ихъ боксеры къ намъ явились,—
Бѣжимъ скорѣй держать пари!
Тутъ дѣло въ томъ: они схватились
На одного одинъ, не три,
Что рѣдко съ Англіей случится.

О, нѣтъ! Конечно, нѣтъ у насъ
 Такихъ затрещинъ въ носъ и въ глазъ.
 Какими Англія гордится.

Дивитесь граціи удара
 И ловкости другъ друга бить—
 Двухъ этихъ молодцовъ съ базара;
 А, впрочемъ, это, можетъ быть,
 Два лорда вздумали схватиться.

О, нѣтъ! Конечно, нѣтъ у насъ
 Такихъ затрещинъ въ носъ и въ глазъ.
 Какими Англія гордится.

Британцевъ модамъ угловатымъ,
 Ихъ вкусу должно подражать;
 Ихъ лошадямъ, ихъ дипломатамъ,
 Искусству даже воевать—
 Нельзя довольно надивиться...

О, нѣтъ! Конечно, нѣтъ у насъ
 Такихъ затрещинъ въ носъ и въ глазъ!
 Какими Англія гордится.

Третій мужъ.

Съ двумя мужьями несчастлива—
Я въ третьемъ къ счастью путь нашла, —
Брюзга—мой Жанъ, но подъ команду
Я муженька къ себѣ взяла:
Смѣшно мнѣ все его брюзжанье, —
Мнѣ по плечо мой молодець...
Чуть зашумить—сейчасъ надѣну
Ему я свой ночной чепецъ...

Потише, Жанъ!

Молчи, тиранъ!

Тебѣ, ей-ей,

Я мщу за прежнихъ двухъ мужей...

Едва шесть мѣсяцевъ со свадьбы
Пройти успѣло, — Жану вдругъ
Двухъ дочерей я подарила,
Хоть удивленъ былъ мой супругъ...
Поторопилась для него же,
А благовѣрный—поднялъ шумъ!
И почему? Все оттого, что
Сосѣдъ Леандръ — теперь нашъ кумъ...

Нишквы хружокъ!

Ты очень строгъ

Къ женѣ своей:

Я мщу за прежнихъ двухъ мужей...

Угомонился... По сосѣдству
Къ намъ зачастилъ мой куманекъ,
Сталъ другомъ дома, занялъ денегъ;
Отдастъ когда-нибудь въ свой срокъ...
Дала я въ долгъ; а Жанъ—замѣтилъ,
Хоть прозорливцамъ не родня,—
Бричить: „Совсѣмъ насъ обокрали!“.
Ключъ отъ шкатулки-жъ—у меня..

Молчи, нахаль!

Ты слишкомъ малъ,

Мой ротозѣй!

Я мщу за прежнихъ двухъ мужей...

Былъ въ девять вечера однажды
 У насъ Леандръ... На зло ему —
 Стучится мужъ; не отперла я..
 Узнать нетрудно — почему!
 И только въ полночь кумъ простился:
 А на морозѣ у воротъ
 Все ждалъ мой Жанъ, оконченъль весь...
 Самъ виноватъ! Чего онъ ждетъ!..

Молчать, молчать!

Подозрѣвать?

Меня?! Злодѣй!

Я мщу за прежнихъ двухъ мужей...

Врасплохъ недавно съ Петрониллой
 Поймала Жана я.. Болванъ
 Нашель старуху миловидной, —
 Хотя и былъ не очень пьянъ...
 Онъ пѣтушкомъ предъ ней бодрился,
 Шептался съ ней... Какой скандалъ!.. —
 Онъ даже звалъ ее милашкой
 И по щекѣ ее трепаль...

Ахъ, старый волкъ!

Ты знаешь толкъ?

Теперь смѣйсь!

Я мщу за прежнихъ двухъ мужей...

Онъ можетъ вдоволь насмеяться,
 Какъ только хочеть... Въ свой чередъ
 Леандру я помочь готова,
 Хотя и немало съ нимъ хлопотъ...
 Чуть только Жанъ всхрапнетъ въ постели,
 Я не мѣшаю спать ему;
 Ну, а собой располагаю
 По усмотрѣнью своему...

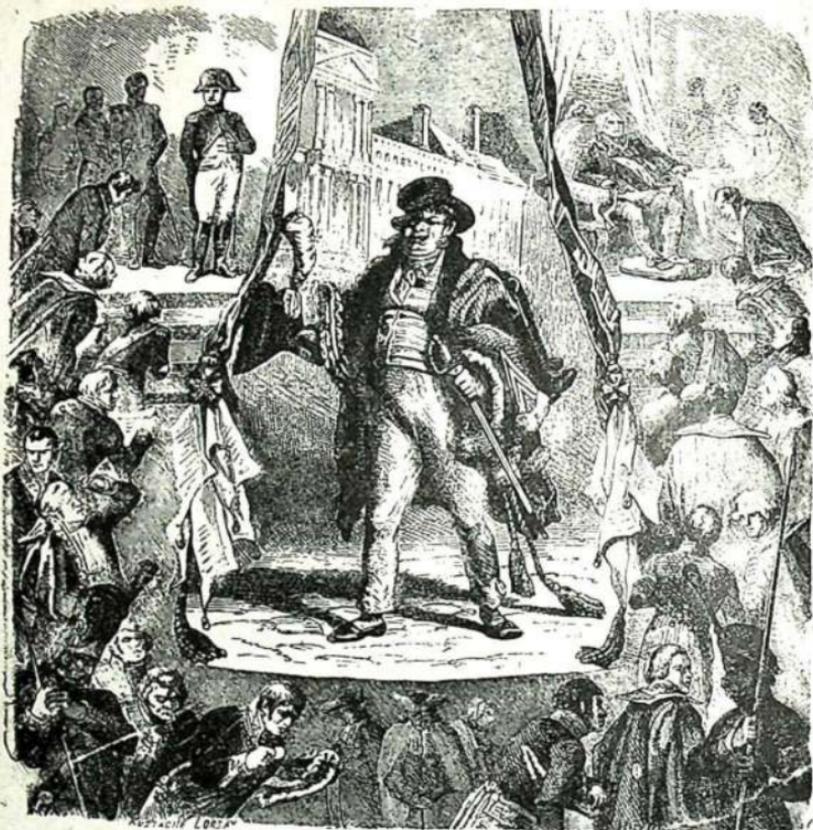
Ну, ну, молчать!

Не разсуждать!..

Сейчасъ, ей-ей,

Я стану мстить за двухъ мужей..

Стараго платья продать.

Всѣхъ мы, старьевщики, всѣхъ и всегда
Знали доподлинно васъ, господа, —
И остаемся при нашей идеѣ:
Платье для насъ человѣка важнѣе!
Стоить денечекъ-другой переждать —
Выгода чистая намъ, безъ потери,
Только бы крикнуть у вашей же двери:
„Стараго платья продать!“

Вотъ начитаешься разныхъ газетъ, —
Будто и жалко, что стараго нѣтъ,
Будто и жалко, что, вмѣстѣ съ годами,
Надо проститься — хотя-бъ съ галунами,
А поразмыслишь — да такъ погадать,
Что вѣдь не эти, такъ будутъ другіе,
Тѣмъ жэ шитьемъ, и опять золотые...
„Стараго платья продать!“

Мода съ политикой — обѣ онѣ
 Часто стучались въ лавку ко мнѣ:
 Вспомнишь теперь и не вѣрится даже, —
 Что было ветоши старой въ продажѣ;
 Совѣстно — просто, по чести сказать,
 Сколько копеекъ богини въ дни оны
 Брали съ меня за былые хитоны.
 „Стараго платья продать!“

Было разъ время — промчалось оно:
 Сто генеральныхъ сраженій дано,
 Сто разъ герои враговъ побѣдили...
 Въ золотѣ слуги простые ходили...
 Да и героямъ судьбы не сломать!
 Съ прибылью только одни мы остались,
 Съ каждой побѣды одни наживались...
 „Стараго платья продать!“

Будетъ на лѣто съ зимы поворотъ —
 Намъ-то что? Только доходъ и доходъ!
 Что-жь, что другой воротникъ и подкладку?
 Можно!.. Возьмемъ и съ бывалаго взятку..
 И почему-жь бы намъ взятки не взять!
 Господи, еслибъ иному лакею
 Чаще мѣнять приходилось диврею!..
 „Стараго платья продать!“

Есть ратоборцы такого старья,
 Что не сыщу его даже и я...
 Съ этими плохо; отстали вѣками,
 Да и какими — не вѣдаютъ сами...
 А отыщи имъ — давай щеголять
 Хоть на гуляньѣ кафтаномъ слинялымъ...
 Много всего.. Я доволенъ и малымъ:
 „Стараго платья продать!“

Я наживуся — сомнѣннй нѣтъ:
 Созданъ для насъ, для старьевщиковъ свѣтъ;
 Выгодна всякая намъ перемѣна
 И поучительна свѣтская сцена, —
 Знаемъ мы — что за кулисами взять...
 Вамъ, господа, хоть и лстятъ зачастую,
 Но... вы слышали ли пѣсню простую:
 „Стараго платья продать!“?

Новый Діогенъ.

Діогенъ!

Въ плащѣ твоемъ
Я—свободный и довольный—
Съ музой пѣсенъ своевольной
Пью и день, и ночь вдвоемъ...
Церемоній свѣтскихъ плѣтъ
Промѣнявъ на жанръ народный,
И довольный, и свободный,
Бочку я качу свою,—
Пью, смѣюся и пою...

Говорятъ, что въ водѣ почерпнулъ ты свой взглядъ
На превратности доли тяжелой...
Но воды я не пью,—хоть напиться и радъ,
Только влагой живой и веселой!

Діогенъ!

Въ плащѣ твоемъ
Я—свободный и довольный—
Съ музой пѣсенъ своевольной
Пью и день, и ночь вдвоемъ...
Церемоній свѣтскихъ плѣтъ
Промѣнявъ на жанръ народный,
И довольный, и свободный,
Бочку я качу свою,—
Пью, смѣюся и пою...

Я воздержанность въ сердцѣ такую ношу,
Что воды мнѣ ни капли не надо...
Доказательствъ ты хочешь?.. Изволь,—осушу
Въ мѣсяцъ бочку струи винограда...

Діогенъ!

Въ плащѣ твоемъ
Я—свободный и довольный—

Съ музой пѣсенъ своевольной
 Пью и день, и ночь вдвоемъ...
 Церемоній свѣтскихъ плѣнъ
 Промѣнявъ на жанръ народный,
 И довольный, и свободный,
 Бочку я качу свою,—
 Пью, смѣюся и пою...

Гдѣ удобнѣе пить—тамъ я дома всегда,
 Тамъ я—свой завсегдагай исконный...
 Жаль, что боги земные ко мнѣ иногда
 Далекò не вполнѣ благосклонны...

Диогенъ!

Въ плащѣ твоємъ
 Я—свободный и довольный—
 Съ музой пѣсенъ своевольной
 Пью и день, и ночь вдвоемъ...
 Церемоній свѣтскихъ плѣнъ
 Промѣнявъ на жанръ народный,
 И довольный, и свободный,
 Бочку я качу свою,—
 Пью, смѣюся и пою...

Я на шарѣ земномъ въ тѣсной бочкѣ верчусь
 Вмѣстѣ съ вольностью рѣзвой и юной,
 И какъ только во славу Господню нашьксь,—
 Такъ доволенъ своею фортуной...

Диогенъ!

Въ плащѣ твоємъ
 Я—свободный и довольный—
 Съ музой пѣсенъ своевольной
 Пью и день, и ночь вдвоемъ...
 Церемоній свѣтскихъ плѣнъ
 Промѣнявъ на жанръ народный,
 И довольный, и свободный,
 Бочку я качу свою,—
 Пью, смѣюся и пою...

Нѣтъ защиты тому, что осмѣяно мной
 (А надъ чѣмъ ни умѣлъ я смѣяться!)...
 Передъ бочкой моею не спросятъ: какой
 Ты изъ партій намѣренъ держаться?

Диогенъ!

Въ плащѣ твоемъ
 Я—свободный и довольный—
 Съ музой пѣсенъ своевольной
 Пью и день, и ночь вдвоемъ...
 Церемоній свѣтскихъ плѣнъ
 Промѣнявъ на жанръ народный,
 И довольный, и свободный,
 Бочку я качу свою,—
 Пью, смѣюся и пою...

Предразсудки смѣшны мнѣ, смѣшны ордена
 Всѣхъ цвѣтовъ, всѣхъ разрядовъ... Мечтами
 Награжденъ я вполнѣ... Даже шляпу одна
 Мнѣ Свобода украсить цвѣтами..

Диогенъ!

Въ плащѣ твоемъ
 Я—свободный и довольный—
 Съ музой пѣсенъ своевольной
 Пью и день, и ночь вдвоемъ...
 Церемоній свѣтскихъ плѣнъ
 Промѣнявъ на жанръ народный,
 И довольный, и свободный,
 Бочку я качу свою,—
 Пью, смѣюся и пою...

Пусть конгрессы шумятъ, гдѣ весь мiръ раздѣлять
 Собираются съ точки до точки,—
 Я и шагу не сдѣлаю ихъ распознать,
 Лишь моей бы не трогали бочки!..

Диогенъ!

Въ плащѣ твоемъ
 Я—свободный и довольный—
 Съ музой пѣсенъ своевольной
 Пью и день, и ночь вдвоемъ ..
 Церемоній свѣтскихъ плѣнъ
 Промѣнявъ на жанръ народный,
 И довольный, и свободный,
 Бочку я качу свою,—
 Пью, смѣюся и пою...

Не пойду я туда, гдѣ въ презрѣнны бѣднякъ,
 Гдѣ маркизы да графы блистаютъ,—

Отъ почета къ злословью—одинъ только шагъ,
Солнца свѣтъ богачи заслоняють..

Диогенъ!

Въ плащѣ твоемъ
Я—свободный и довольный—
Съ музой пѣсенъ своевольной
Пью и день, и ночь вдвоемъ...
Церемоній свѣтскихъ плѣнъ
Промѣнявъ на жанръ народный,
И довольный, и свободный,
Бочку я качу свою,—
Пью, смѣюся и пою...

Въ современныхъ Афинахъ и днемъ съ фонаремъ
Отыскать человѣка легко ли...
Если-жъ станеть свѣтить мой фонарь вечеркомъ,
Окажусь я совсѣмъ въ пошлой роли...

Диогенъ!

Въ плащѣ твоемъ
Я—свободный и довольный—
Съ музой пѣсенъ своевольной
Пью и день, и ночь вдвоемъ...
Церемоній свѣтскихъ плѣнъ
Промѣнявъ на жанръ народный,
И довольный, и свободный,
Бочку я качу свою,—
Пью, смѣюся и пою...

Мой свѣтильникъ послужить амурамъ ночнымъ,—
Для однихъ путеводной звѣздой,
Неприятность большую доставить другимъ,
Третьимъ—будеть холодной водою...

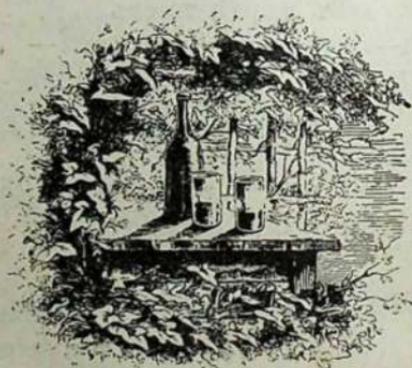
Диогенъ!

Въ плащѣ твоемъ
Я—свободный и довольный—
Съ музой пѣсенъ своевольной
Пью и день, и ночь вдвоемъ...
Церемоній свѣтскихъ плѣнъ
Промѣнявъ на жанръ народный,
И довольный, и свободный,
Бочку я качу свою,—
Пью, смѣюся и пою...

Я—плательщикъ налоговъ плохой изъ рукъ вонъ,
 Но—какъ жилъ—и умру гражданиномъ:
 Если бочекъ не хватитъ на винный сезонъ,—
 Я свою уступлю тонкимъ винамъ!..

Диогенъ!

Въ плащѣ твоемъ,
 Я—свободный и довольный—
 Съ музой пѣсенъ своевольной
 Пью и день, и ночь вдвоемъ...
 Церемоній свѣтскихъ плѣнъ
 Промѣнявъ на жанръ народный,
 И—довольный и свободный,
 Бочку я качу свою,—
 Пью, смѣюся и пою...

200.200

Школьный учитель.

Ахъ, скверный мальчуганъ!
Да онъ совсѣмъ забылся:
Чуть только я вздремнулъ, —
Сейчасъ онъ распалился...
Вотъ я тебя, смотри!
Что?.. Рѣжки мнѣ?!. Мальчишка!..
Ужь я тебя, смотри!
Дай розгу, шалунишка!..

Чтобъ разсердить меня,
На-дняхъ (скажу къ примѣру)
Изъ моего пальто
Онъ вытащилъ мадеру...
Вотъ я тебя, смотри!
Вѣдь выпилъ все мальчишка...
Ужь я тебя, смотри!
Дай розгу, шалунишка!..

А дома — какъ жена,
Стоитъ у туалета —
Граматику подъ столъ
Бросаетъ шельма эта...
Вотъ я тебя, смотри!
Подглядывать?!. Мальчишка!..
Ужь я тебя, смотри!
Дай розгу, шалунишка!..

За дочерью моей
Ухаживаетъ ловко:
На-дняхъ его засталъ
Я въ уголкѣ съ плутовкой...
Вотъ я тебя, смотри!

Училъ ее — мальчишка!..
Ужь я тебя, смотри!
Дай розгу, шалунишка!..

Устанешь бить его, —
А онъ — ворчить сквозь зубы,
Учителя бранить...
Мой Богъ, какъ нравы грубы!..
Вотъ я тебя, смотри!
Вѣдь ты еще мальчишка!..
Ужь я тебя, смотри!
Дай розгу, шалунишка!..

Холостякъ.

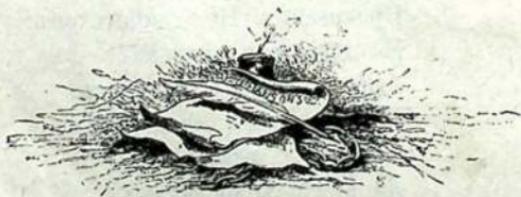
(Свадебная пѣсня.)

Я—вѣрная опора
Друзей-холостяковъ—
Считаю за обиду
Побѣду ихъ враговъ.
Амуръ! Въ слезахъ сегодня
Твой вѣрный братъ,—смотри!
Платочекъ вынь и слезы
Несчастному утри!..
Пусть въ мирѣ добродѣтель
Сбираетъ дань свою,
Я—узъ ея сладчайшихъ,—
Ей-ей,—не воспую!..
Быть можетъ,—это мило,
Да намъ, холостякамъ,
Тамъ нечего и дѣлать,—
Сказать по правдѣ вамъ!..

Пріятель мой взялъ замужъ
Красавицу жену;
Давненько онъ лелѣялъ
Въ душѣ мечту одну.
Искалъ такой онъ женки,
Чтобы всегда она
Была ему и тѣломъ,
И всей душой вѣрна.
Прекрасно... Но совѣмъ онъ
Не думалъ о друзьяхъ!
Любовь супруговъ будетъ
Полвѣка жить въ сердцахъ...
Конечно,—это мило,
Да намъ, холостякамъ,
Здѣсь нечего и дѣлать,—
Сказать по правдѣ вамъ!..

Ахъ, чортъ возьми,—на зло мнѣ
 Твердитъ разсудокъ мой,
 Что будетъ другъ нашъ счастливъ,
 Да, счастливъ—и съ женой...
 Идиллія—и только!..
 И это въ нашъ-то вѣкъ,
 Когда забыть про счастье
 Готовъ былъ человѣкъ!..
 Любовь—и дни, и ночи...
 Вотъ тутъ ихъ и пойми!
 Самъ дьяволъ здѣсь спасуетъ
 И скажетъ: „Чортъ возьми!“...
 Ну, да! Все это—мило,
 Да намъ, холостякамъ,
 Здѣсь нечего и дѣлать,—
 Сказать по правдѣ вамъ!..

Куда ни шло, когда бы
 Амуръ, къ нимъ входяій въ домъ,
 Съ супруги юной раньше
 Взялъ дань свою тайкомъ!
 А то вѣдь,—посудите! —
 Счастливецъ молодой
 Проснется завтра утромъ,
 Гордясь своей женой;
 Начнетъ друзьямъ хвалиться,
 Какъ онъ безмѣрно радъ,
 Что Богъ помогъ въ Парижѣ
 Найти подобный кладъ...
 Быть можетъ,—это мило,
 Да намъ, холостякамъ,
 Здѣсь нечего и дѣлать,—
 Сказать по правдѣ вамъ!..

„Чокнемся!“

Разумнѣй нѣтъ на свѣтѣ наслажденья,
Какъ чокнуться бокаломъ о бокаль,—
Пусть говорятъ, что это—заблужденье,
Обычай этотъ многихъ вдохновлялъ...
Пускай глупцы надъ предками глумятся,—
Друзья мои, почтимте ихъ хвалою!
Смѣшны мнѣ тѣ, кто станеть издѣваться
Надъ нашею почтенной стариной...

Сомкнемтеся въ кружокъ,
Друзья мои, тѣснѣ!

Ну, ну! Чокь-чокь!..

Что можетъ быть дружище?!

Мы чокнемся сперва, чтобъ выпивку начать;
Мы выпьемъ разомъ всѣ—чтобъ чокнуться опять!..

Повѣрьте мнѣ, что вовсе нашимъ дѣдамъ
Завиденъ не былъ жребій королей,—
Всю славу ихъ, все шествіе къ побѣдамъ
Не предпочли-бъ они кружку друзей...
Тотъ жребій имъ казался ненадежнымъ
И даже хрупкимъ такъ же, какъ стекло;
И, давъ просторъ мечтаньямъ всевозможнымъ,
Они на жизнь смотрѣли всѣ свѣтло...

Сомкнемтеся же въ кружокъ,
Друзья, еще тѣснѣ!

Вотъ такъ! Чокь-чокь!..

Что можетъ быть дружище?!

Вѣдь чокались отцы, чтобъ выпивку начать,
И пили всѣ до дна—чтобъ чокнуться опять!..

Амуръ тогда страстей могучимъ хоромъ
Безпечно правиль, милостью Творца;
Грусть отгоняя добрыхъ винъ подборомъ,

Подъ звонъ стакановъ чокались сердца...
 Не сохранилось въ памяти живучей
 Ни одного примѣра этихъ дней,
 Чтобы красotka упустила случай
 Отвѣтить благосклонностью своей...

Сомкнемтеса въ кружокъ,

Друзья мои, тѣснѣ!

Ну, ну! Чокъ-чокъ!..

Что можетъ быть дружнѣ?!

Всѣ чокались сперва, чтобъ выпивку начать,
 И пили все до дна—чтобъ чокаться опять!..

Пусть у вельможъ за пышными пирами
 Пьетъ тотъ, кто самъ не веселѣ ихъ!
 Я-жъ стану пить, но только пить—съ друзьями,
 По вольности свободныхъ чувствъ моихъ...
 Несчастенъ тотъ, молчаньемъ кто отвѣтитъ, —
 Не чокнется бокаломъ о бокалъ
 Въ тотъ мигъ, когда всѣмъ въ душу радость свѣтитъ,
 Когда зоветъ къ слянюю идеаль...

Мы счастливы... Въ кружокъ

Сомкнемтеса же тѣснѣ!

Вотъ такъ! Чокъ-чокъ!..

Что можетъ быть дружнѣ?!

Кто чокался, друзья, чтобъ выпивку начать, —
 Тотъ пей, не отставай—чтобъ чокаться опять!..

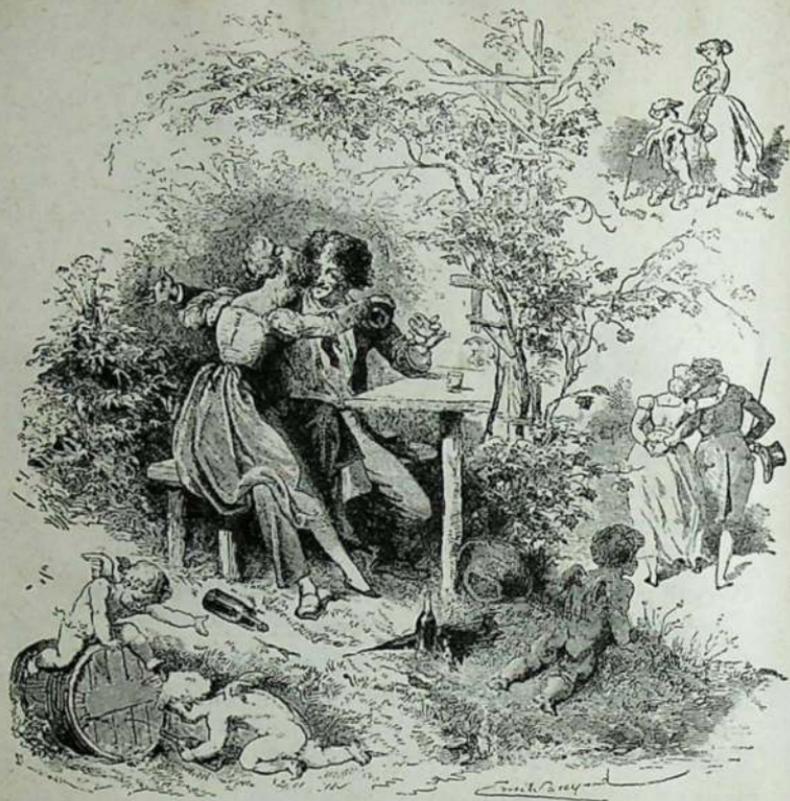

Просьба эпикурейца.

Въ поляхъ, могуществомъ твоимъ плодотворимыхъ,
Косой срѣзаетъ Смерть колосья,—погляди!..
Всевластная Любовь, зиждительница міра,
Заснувшія сердца для жизни разбуди!..

Пускай растетъ вокругъ, пусть всѣхъ объемлетъ ужасъ,—
Развѣется и онъ предъ силою твоей!..
О, если Смерть всегда свою собираетъ жатву,—
И ты въ своихъ поляхъ отраду жизни сѣй!..

Измѣна Лизеты.

Твоя простерлась власть,
Красоточка Лизета,
На каждый мой стаканъ...
Скажи къ чему все это?!.
Въ мои-ль года считать
Толчки судьбы-сирены? —
Вѣдь я-жь не вспоминаль
Про всѣ твои измѣны!..

Лизеточка моя,
Грѣшки твои — не рѣдки,
Но что я за судья! —
Да здравствуютъ гризетки!..
Забудемъ все и — вновь
Пить станемъ за любовь! .

Охъ, этотъ мнѣ Линдоръ!
Ну, что за плуть-дѣтина!..

Хитерь, лукавъ—какъ бѣсъ!
 И вратъ же—молодчина!..
 Вздыхаетъ, льститъ въ глаза,
 А смотришь—на примѣрѣ:
 Какъ пить дастъ—проведеть..
 Налей по крайней мѣрѣ!..

Полнѣй, душа моя!
 Ахъ, всѣ-то вы—кокетки;
 Но я—вамъ не судья...
 Да здравствуютъ гризетки!..
 Лизета, выпьемъ вновь
 За старую любовь!..

Ты помнишь?— Я засталъ
 Тебя съ Клитандромъ какъ-то,—
 Не станешь отрицать
 И ты такого факта...
 Ты—каждый поцѣлуй
 По пальчикамъ считала;
 Вдругъ—сбилась и опять
 Пришлось начать сначала..

Лизеточка моя,
 Вѣдь въ жизни счеты рѣдки:
 И я имъ—не судья...
 Да здравствуютъ гризетки!..
 Налей еще и—вновь
 Пить станемъ за любовь! .

Мондоръ дарить тебѣ
 Букеты и браслеты,
 А самъ подарковъ ждетъ
 Не этихъ отъ Лизеты...
 Я сценку подсмотрѣлъ, —
 Вѣдь тошно вспомнить даже!..
 Ну, какъ тутъ не запить
 При этакомъ пассажѣ?!

Налей, душа моя!
 Мондоръ здѣсь не рѣдки,
 Но я—плохой судья...
 Да здравствуютъ гризетки!..
 Лизета, выпьемъ вновь
 За старую любовь!..

Однажды вечеркомъ
 Открыль я двери спальной,
 Смотрю — прыгнулъ въ окно
 Какой-то воръ нахальный...
 Признайся — этотъ воръ
 Тебя вѣдь не обидѣлъ?!
 Бутылку мнѣ еще, —
 Чтобъ я воровъ не видѣлъ!..
 Лизеточка моя,
 Хоть воры-то не рѣдки,
 Да я имъ не судья .
 Да здравствуютъ гризетки!..
 Откупоримъ и — вновъ
 Пить станемъ за любовь!..

Твои друзья — мои,
 Люблю я, не ревную...
 Кого бросаешь ты, —
 И тѣхъ вѣдь поддержу я...
 Измѣнница, позволь
 Хоть пить-то вмѣстѣ съ вами!
 Будь милою для всѣхъ,
 Дари меня друзьями!..
 Повѣрь, душа моя,
 Друзья такіе рѣдки —
 Какъ старій твой судья...
 Да здравствуютъ гризетки!..
 Лизета, станемъ вновъ
 Пить дружно за любовь!..

К о ш к а.

Отчего это мяучить
Машка ночи напролеть?
Голодь бѣдненькую мучить,
Или мышка гдѣ скребеть?
Въ двери просится бѣдняжка,
А вѣдь выпусти — уйдетъ.
Мяу-мяу! Что ты, Машка?
Мяу-мяу! Кличеть котъ.

Чѣмъ помочь тебѣ — не знаю..
Не ласкайся — воли нѣтъ!
Я недугъ твой понимаю:
И сама въ пятнадцать лѣтъ,
Словно въ тѣсной клеткѣ пташка,
Заперта я круглый годъ...
Мяу-мяу! Что ты, Машка?
Мяу-мяу! Кличеть котъ.

Я сама люблю неволью,
Я сама горю огнемъ!
Защемить мнѣ сердце больно,
Какъ подумаю о немъ..
И теперь, гляди, рубашка
На груди копромъ встаетъ...
Мяу-мяу! Что ты, Машка?
Мяу-мяу! Кличеть котъ.

Это ты мнѣ, непосѣда,
Обдала грудь кипяткомъ!
Разбуди же хоть сосѣда —
Вотъ подъ этимъ чердакомъ:
Мой сосѣдъ такой милашка,
Такъ мнѣ бѣзпоко руку жметъ ..

Мяу-мяу! Что ты, Машка?
Мяу-мяу! Кличеть котъ.

Но постой: я шорохъ слышу..
Сумасшедшій! Это онъ —
Съ чердака полѣзъ на крышу..
Машка, вонъ! Скорѣ вонъ!
Брысь въ окошко!.. Ахъ, бѣдняжка,
Ну, какъ онъ да упадетъ?..
Мяу-мяу! Брысь ты, Машка!
Мяу-мяу! Вонъ твой котъ.

Прощаніе Маріи Стюартъ.

Прощай, о Франція! Прекрасная, прости!..
Страна любимая, душѣ моей родная!
Тебя покинуть мнѣ—для жизни умереть;
И я умру—тебя благословляя...

Страна, которая мнѣ родины милѣй,
Откуда рокъ влечетъ меня въ изгнанье,
Признаніе Маріи ты прими
И сохрани о ней воспоминанье!
Попутный вѣтеръ; берегъ—позади .
Не тронутый безумными слезами—
Богъ, чтобъ вернуть къ тебѣ меня опять,
Не поднялъ волнъ бурливыми валами..

Прощай, о Франція! Прекрасная, прости!
Страна любимая, душѣ моей родная!
Тебя покинуть мнѣ—для жизни умереть;
И я умру—тебя благословляя...

Когда я на глазахъ народа твоего
Себя гирляндой лилій увѣнчала,—
Онъ менѣе привѣтствовалъ мой санъ,
Чѣмъ прелести весны моей начала...
Напрасно ждетъ величіе меня
На берегахъ Шотландіи холодной,—
Я здѣсь хотѣла-бъ королевой быть
И Францію бы сдѣлала свободной...

Прощай, о Франція! Прекрасная, прости! .
Страна любимая, душѣ моей родная!
Тебя покинуть мнѣ—для жизни умереть;
И я умру—тебя благословляя...

Любовь и слава, геній юныхъ дней,—
Вы опьяняли жизнь мою собою;

Тамъ—въ Каледоніи *)—придется, можетъ быть,
Мнѣ встрѣтиться съ измѣнчивой судьбою...

Ужасный сонъ я видѣла на-дняхъ,—
Не вѣщее ли это мнѣ видѣнье?

Мнѣ эшафотъ приснился, для меня
Воздвигнутый по волѣ Провидѣнья...

Прощай, о Франція! Прекрасная, прости!..

Страна любимая, душѣ моей родная!

Тебя покинуть мнѣ—для жизни умереть;

И я умру—тебя благословляя...

Изъ сумрака грядущихъ золь и бѣдъ
Стюартовъ дочь—лишенная опоры —
Бъ тебѣ свой взоръ послѣдній обратитъ
Черезъ поля шотландскія и горы...

Но, Боже мой!.. Корабль уже плыветъ

Подъ чуждыми, другими небесами,

И ночь весь міръ скрываетъ отъ меня

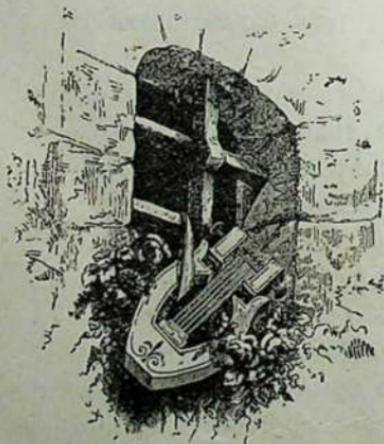
Съ любимыми, родными берегами...

Прощай, о Франція! Прекрасная, прости!..

Страна любимая, душѣ моей родная!

Тебя покинуть мнѣ—для жизни умереть;

И я умру—тебя благословляя..

*) Древнее названіе Шотландіи.

Парки.

Мудрецы и безумцы, бѣдняки и монархи!
Всѣмъ вамъ новость несу я въ подарокъ:
Добрый Бахусъ пустымъ весь сдѣлалъ полный свой погребъ,
Чтобы кубокъ наполнить для Парокъ...
Сдѣлалъ это онъ только лишь Амурамъ въ угоду,
Что пропѣли въ пылу вдохновенья:
„Пусть прибавятъ всѣ къ годамъ знойной юности свѣтлой
Счастья дни и блаженства мгновенья!“.

Вотъ ужъ младшая Парка, дочь вражды безысходной —
Злая Атропосъ, доли не минувъ,
Пьетъ большими глотками безъ воды нектаръ Вакха,—
Вдругъ заснула и, ножницы кинувъ...
Двѣ-жъ другія сестрицы—все прядутъ неустанно,
Имъ смѣшны тѣ, кто молить въ забвеньи:
„Пусть прибавятъ намъ къ годамъ знойной юности свѣтлой
Счастья дни и блаженства мгновенья!“.

Чу, и Лахезисъ—молча свою чашу наполнивъ—
Воскликаетъ: „Сестрица допрялась!..
Нить моя слишкомъ тонкой и сухой слишкомъ стала,—
Какъ бы вдругъ эта нить не порвалась!..
Чтобъ смочить ее снова, есть надежное средство—
Вакха даръ, укрѣпляющій рвенье...
Пусть прибавятъ всѣ къ годамъ знойной юности свѣтлой
Счастья дни и блаженства мгновенья!“.

Наполняя изъ кубка до краевъ свою чашу,
Ей Клото отвѣчаетъ лѣнливо:
„Станемъ дружно работать; а чтобъ ленъ не завялъ мой,
Я полю даромъ Вакха всю ниву,—
Эта дивная влага будетъ вѣчной росой
Въ пору всходовъ и въ пору цвѣтенья...“

Пусть прибавятъ всѣ къ годамъ знойной юности свѣтлой
Счастья дни и блаженства мгновенья!“.

И покуда двѣ пряхи—двѣ сестры—беззаботно

Дни прядутъ, не минуя подарка,—

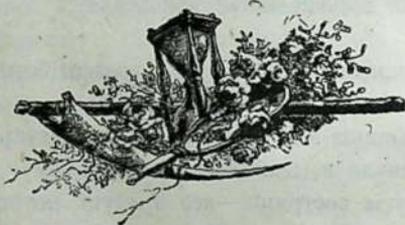
Мы, веселаго Вакха богомольцы, боимся,—

Не проснулась бы младшая Парка...

Пусть она спитъ въ угоду чародѣю Амуру;

Будемъ пѣть мы въ пылу упоенья:

„Прибавляйте всѣ къ годамъ знойной юности свѣтлой
Счастья дни и блаженства мгновенья!“.

200.900

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТ. ВЕРХОЛАНСКО-КОСОПОЛЬСКОГО РАЙОНА

БЕЛГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Аѳинскій жрецъ.

(Вольный переводъ).

Разъ жрецъ для новаго вина
Очистилъ бочку всю до дна,
Даръ Вакха прославляя.
Потомъ „племянницѣ“ своей
Сказалъ: Нельзя сдержать людей,
Объ ихъ грѣшкахъ болтая...
Что-бъ ни случилось, — ты — молчокъ!
Плутонъ свое возьметъ, дружокъ...
Цѣлуй меня,
Какъ я тебя, —
Другихъ не осуждая.

Держа свой посохъ про волковъ,
Вѣдь ни овечекъ, ни козловъ
Пастухъ не бьетъ, гоняя?
И я, блюдя аѳинскій храмъ,
Всегда твердилъ своимъ стадамъ.
Что въ мирѣ — счастье рая. .
Чтобъ было слушать имъ не лѣнь,
Я выбиралъ дождливый день...
Цѣлуй меня,
Какъ я тебя, —
Другихъ не осуждая.

Когда я жертвы приношу,
Я терпѣливо выношу,
Что рядомъ, не смолкаю,
Гудить въ столовыхъ пѣнье, смѣхъ...
По мнѣ, кутить — совсѣмъ не грѣхъ!
Порой и самъ туда я
Бѣгу просить — не такъ шумѣть.

И — если можно — тише пѣть...

Цѣлуй меня,
Какъ я тебя, —
Другихъ не осуждая.

Я никогда не бью въ набатъ,
Когда замѣчу, что въ обхватъ
Красавица иная
Полнѣй вдругъ стала... Не бѣда!
Я говорю потомъ всегда,
Чету благословляя,
Что незаконность прежнихъ узъ
Искупите брачный ихъ союзъ.
Цѣлуй меня,
Какъ я тебя, —
Другихъ не осуждая.

Въ боговъ не вѣрять нашъ судья...
И даже проповѣдь моя,
Его лишь утомляя,
Ему не нравится!.. Но самъ, —
Какъ говорятъ сосѣди намъ, —
Несчастливымъ помогая,
Онъ по стопамъ боговъ идетъ..
И что посѣть, то пожнетъ!
Цѣлуй меня,
Какъ я тебя, —
Другихъ не осуждая.

Итакъ, я съ паствою не строгъ;
Зато живу — любимъ, какъ богъ,
Ни въ чемъ нужды не зная..
Пусть главный жрецъ твердить тайкомъ,
Что отъ меня разить виномъ!..
Но вѣрь мнѣ, дорогая:
Чтобъ мы съ тобой, моя краса,
Попали вмѣстѣ въ небеса, —
Цѣлуй меня,
Какъ я тебя, —
Другихъ не осуждая!

Украденная бутылка.

Вчера въ мой уголокъ укромный
Шалунъ Амуръ проникъ тайкомъ,
Открылъ незапертый мой шкафикъ
И завладѣлъ моимъ виномъ.
Съ тѣхъ поръ мой звонкій голосъ дремлетъ...
Веселье вольное, прости!..
Амуръ, отдай мою бутылку,
Веселью пѣсни возврати!..

Ириса—дамочка-кокетка—
Подговорила обокрасть;
И пѣтъ рецепта для лекарства,
Что исцѣляетъ сердца страсть...
Съ тѣхъ поръ я день и ночь тоскую;
Куда-жь отъ ревности уйти?..
Амуръ, отдай мою бутылку,
Веселью пѣсни возврати!..

Эпикуреецъ беззаботный—
Мой другъ, сосѣдъ застольный мой—
Налить вина мнѣ предлагаетъ,
Стаканъ протягивая свой;
Другой сосѣдъ наставить просить
Его на вѣрные пути...
Амуръ, отдай мою бутылку,
Веселью пѣсни возврати!..

Пока войну вело съ Ирисой
Вино веселое мое,—
Одна красоточка гризетка
Дарила сердце мнѣ свое...
Никто съ Лизетой не сравнится
Въ умѣньи съ нами жизнь вести. .

Амуръ, отдай мою бутылку,
Веселью пѣсни возврати!..

Но плуть Амуръ неостороженъ,—
Вотъ онъ идетъ на мой призывъ:
Шалунъ-воришка пьянъ изрядно,
Всего стаканчикъ осушивъ...
О, пусть Ириса ваша—чудо,—
Но я о ней не загрузилъ:
Амуръ вернулъ мою бутылку,
Веселью пѣсни возвратилъ!..

Семидесятилѣтней Маргаритѣ.

Здѣсь — новой музыкѣ нѣтъ мѣста:
Предъ нами — тѣнь былыхъ временъ...
Пускай ласкаетъ слухъ нагѣвомъ
Куплетовъ старыхъ перезвонъ!..
Духъ нашихъ дней имѣетъ много
Своихъ достоинствъ, но — ей-ей! —
Я уважать ихъ очень склоненъ,
А самъ боюсь за нихъ скорѣй...
Чтобъ надлежащую оцѣнку
Имъ сдѣлать, чтобы ихъ понять, —
Порой пришлось бы непременно
Къ себѣ гадалокъ созывать...

Друзья, о нихъ вы не судите,
До нихъ намъ съ вами дѣла нѣтъ, —
Споемте лучше Маргаритѣ
Еще веселенькій куплетъ!..

Сама она куплеты пѣла, —
Была она и молода, —
Такіе, что теперь не пишутъ
И не напишутъ никогда...
Фаваръ писалъ ихъ очень нѣжно,
Панаръ всѣхъ ими обличалъ;
Весь ядъ эпохи дней минувшихъ
Противоядье въ нихъ встрѣчалъ...
Стихи шутливые поэтовъ,
Какъ остроумны были вы,
Какъ откровенны, какъ лукавы,
Какъ восхитительно-рѣзвы!..

Друзья, вы сами посудите,
Такихъ куплетовъ больше нѣтъ...
Напомнимъ доброй Маргаритѣ
Еще веселенькій куплетъ!..

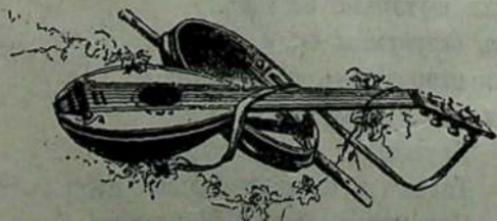
Вѣдь память—дней очарованье, —
 Съ ней старецъ станетъ молодымъ;
 Вѣдь пѣсни—лѣтопись событій,
 Въ нихъ—связь грядущаго съ былымъ...
 Такъ пусть же будутъ наши пѣсни
 Блестать весельемъ прошлыхъ дней,—
 Развеселимте наше время,
 На жизнь смотрящее мрачнѣй!
 Дадимъ толчокъ судьбѣ-старушкѣ,
 Помолодѣть и ей пора,—
 На нашей дружеской пирушкѣ
 Пусть веселится до утра!..

Друзья, веселья не гоните,
 Съ нимъ—даже черезъ тридцать лѣтъ
 Споемъ мы нашей Маргаритѣ
 Еще веселенькій куплетъ!..

Въ кружокъ такой же соберемся,
 За столъ усядемся тогда,
 Забывъ глубокія морщины,
 Припомнимъ юные года...
 Обнимемъ нѣжно мы другъ друга,
 Бѣля общей сѣдиной,
 Воспоминаній передъ нами
 Взлетитъ крылатый пестрый рой;
 Сердца у всѣхъ насъ будутъ полны
 Избыткомъ лучшихъ чувствъ и думъ...
 Такихъ божественныхъ мгновений
 Вмѣстить не можетъ трезвый умъ!..

Друзья, огонь въ душѣ храните,—
 Свѣтлѣ дружбы чувства нѣтъ...
 Еще столѣтней Маргаритѣ
 Пропѣть придется намъ куплетъ!..

Вологод. Центр. ж. д.
 БИБЛИОТЕКА

Вино и Лизета.

Любовь и дружба, и вино—
Прекраснѣйшій букетъ!
Пусть онъ украситъ этотъ пиръ
Въ честь нашихъ юныхъ лѣтъ!
Прочь—свѣтскій этикетъ!..
Бокаль кларета,
Къ нему—Лизета...
Прочь—всякій этикетъ!..

Любовь всему научитъ насъ,
Чѣмъ наша жизнь красна...
Настанетъ дружбы вольный часъ, —
И—счастье пей до дна!..
Прочь—свѣтскій этикетъ!..
Пришла Лизета...
Бокаль кларета!
Прочь—всякій этикетъ!..

Пусть графы съ золота ѣдятъ,
А намъ съ тобой нужна
Тарелка да въ придачу къ ней
Бутылочка вина...
Прочь—свѣтскій этикетъ!..
Бокаль кларета,
Къ нему—Лизета...
Прочь—всякій этикетъ!..

На тронѣ счастье развѣ есть?
Вѣдъ тамъ не сѣсть вдвоемъ...
Друзья! Да здравствуетъ диванъ
Дырявый за столомъ!.

Прочь — свѣтскій этикетъ!..
 Пришла Лизета...
 Бокаль кларета!
 Прочь — всякій этикетъ!..

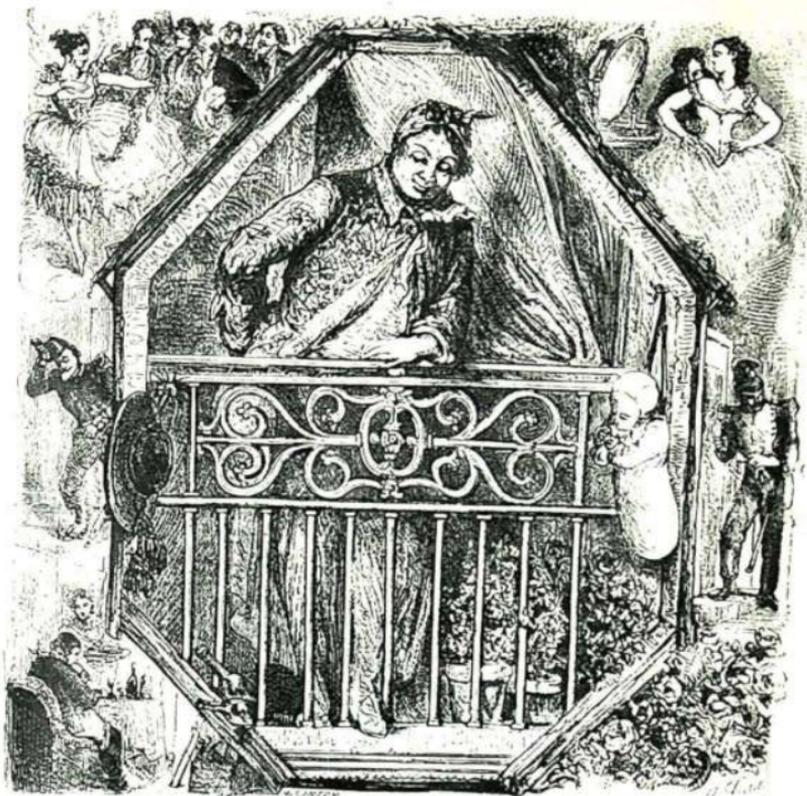
О, пусть у бѣдности нарядъ
 Въ заплаткахъ!.. Ничего!..
 Цвѣтами розъ, махровыхъ розъ,
 Мы уберемъ его!..

Прочь — свѣтскій этикетъ!
 Бокаль кларета,
 Къ нему — Лизета...
 Прочь — всякій этикетъ!..

Ахъ, впрочемъ, что я говорю! —
 Вѣдь платье можно снять, —
 Еще пріятнѣй безъ него
 Лизету обнимать!..

Прочь — свѣтскій этикетъ!
 Не правда-ль это,
 Дружокъ-Лизета?
 Прочь — всякій этикетъ!..

Сосѣдъ.

Ну, сосѣди, тонъ скабрезный
Бросить мнѣ теперь пора:
Служить ризничимъ мой дяди
И въ монахивяхъ сестра..
Соблазняетъ насъ лукаво
Дьяволъ въ цвѣтѣ нашихъ лѣтъ...
Что вы скажете, сосѣдка?
Что вы скажете, сосѣдъ?!

Поль, нашъ докторъ медицины,
Чтобъ здоровье сохранить, —
Мнѣ совѣтуетъ усердно
И не пить, и не любить...
Что мнѣ доктора запреты!
Лучше — дружескій совѣтъ...
Что вы скажете, сосѣдка?
Что вы скажете, сосѣдъ?!

Подозрительна для многихъ
 Жозефины полнота;
 Я же думаю, что слишкомъ
 На корсажѣ ткань толста...
 Это все—отъ канифаса. .
 Правъ я? Можетъ статься — нѣтъ?
 Что вы скажете, сосѣдка?
 Что вы скажете, сосѣдь?!

Вотъ у барышни Жюстины
 Родился сынишка Жакъ...
 Говорятъ — драгунь панаша,
 А другіе — что морякъ,
 А по моему — въ пѣхотѣ
 Онъ свершалъ свой путь побѣдъ.
 Что вы скажете, сосѣдка?
 Что вы скажете, сосѣдь?!

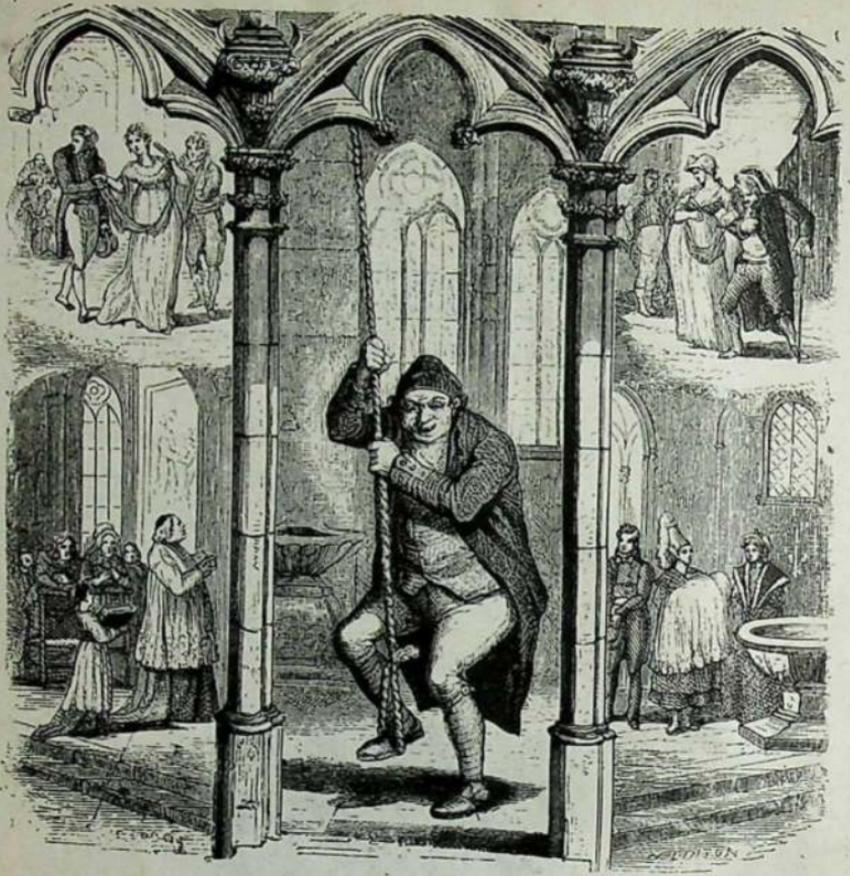
У кузины-богомолки,
 Постъ справлявшей въ карнавалъ,
 Вечерами сталъ частенько
 Появляться кардиналъ ..
 Не приходится-ль кузеномъ
 Мнѣ прелатъ, забывшій свѣтъ? —
 Что вы скажете, сосѣдка?
 Что вы скажете, сосѣдь?!

Знаменитая актриса,
 Что теперь у всѣхъ въ чести,
 Хочетъ сразу приглянуться
 Театраламъ десяти, —
 Разорить ихъ всѣхъ сумѣеть...
 Благороденъ рискъ, иль нѣтъ?
 Что вы скажете, сосѣдка?
 Что вы скажете, сосѣдь?!

Неужель необходимо,
 Чтобъ таили ядъ цвѣты?
 Лучше былъ бы онъ прививкой
 Отъ духовной нищеты. .
 Это было бы прекрасно,
 Возродился-бъ высшій свѣтъ!..
 Что вы скажете, сосѣдка?
 Что вы скажете, сосѣдь?!

Никакой болѣзнью модной
Нашъ кварталъ не заражонъ:
Ни мужей въ немъ нѣтъ рогатыхъ,
Ни къ измѣнѣ склонныхъ женъ .
Не кварталъ, а удивленье!
Онъ—далекъ отъ всякихъ бѣдъ!..
Что вы скажете, сосѣдка?
Что вы скажете, сосѣдъ?!

Звонарь.

Динь-динь-день! Динь-динь-дипь—донь!
 Веселяся и ликуя, —
 Не во гнѣвъ мужьямъ, —люблю я
 Заливной крестинный звонъ:
 Динь-динь-донь! Динь-динь-донь!

Все звонъ похоронный... Давно бы не худо
 Народу послушать порадостнѣй звонъ!
 И кстати: младенецъ отъ старца рождень...
 Во всё приударю: вотъ чудо, такъ чудо!
 Динь-динь-день! Динь-динь-дипь—донь!
 Веселяся и ликуя, —
 Не во гнѣвъ мужьямъ. —люблю я
 Заливной крестинный звонъ:
 Динь-динь-донь! Динь-динь-донь!

Мамаша — вся кровь съ молокомъ и отвага,
 Родитель — подагрикъ, невзраченъ на взглядъ,
 И знаетъ, что въ свѣтѣ про нихъ говорятъ...
 Во всѣ пріударю: брюзга онъ и скряга!
 Динь-динь-день! Динь-динь-динь — донъ!

Веселяся и ликуя, —
 Не во гнѣвъ мужьямъ, — люблю я
 Заливной крестинный звонъ:
 Динь-динь-донъ! Динь-динь-донъ!

Зато ужъ отецъ по купели — не плотскій!
 Сосѣдъ мой банкиръ: онъ далеко не мотъ,
 Да кумъ-то онъ щедрый, и денежкамъ водъ..
 Во всѣ пріударю: онъ ктиторъ приходскій!
 Динь-динь-день! Динь-динь-динь — донъ!

Веселяся и ликуя, —
 Не во гнѣвъ мужьямъ, — люблю я
 Заливной крестинный звонъ:
 Динь динь-донъ! Динь-динь-донъ!

Нашъ мэръ, говоритъ онъ, что будто все чахнетъ,
 Но знаю: голубчикъ — себѣ на умѣ,
 И больно ужъ ластился къ милой кумѣ...
 Во всѣ пріударю: тутъ выпивкой пахнетъ!
 Динь-динь-день! Динь-динь-динь — донъ!

Веселяся и ликуя, —
 Не во гнѣвъ мужьямъ, — люблю я
 Заливной крестинный звонъ:
 Динь-динь-донъ! Динь-динь-донъ!

Да какъ бы тамъ ни было, мнѣ гонорарій
 Хорошій придется за звонъ и обрядъ:
 Ребенка вѣдь крестить заочно прелать...
 Во всѣ пріударю: прелать — не викарій!
 Динь-динь-день! Динь-динь-динь — донъ!

Веселяся и ликуя, —
 Не во гнѣвъ мужьямъ, — люблю я
 Заливной крестинный звонъ:
 Динь динь-донъ! Динь-динь-донъ!

И самъ губернаторъ, блюститель закона,
 Малюткѣ отца замѣнилъ сей же часъ:
 Онъ въ метрикахъ кумомъ записанъ у насъ..
 Во всѣ пріударю: такая персона!

Динь-динь-день! Динь-дипь-динь -- донь!
 Веселяся и ликуя, —
 Не во гнѣвъ мужьямъ, — люблю я
 Заливной крестинный звонъ:
 Динь-динь-донь! Динь-динь-донь!

Малютка, ты выбралъ счастливый день святцевъ:
 Не вдругъ и отцовъ у тебя сосчитать!
 Ты выростешь, съ братцами будешь играть...
 Во всё приударю — за будущихъ братцевъ!
 Динь-динь-день! Динь-динь-динь -- донь!
 Веселяся и ликуя, —
 Не во гнѣвъ мужьямъ, — люблю я
 Заливной крестинный звонъ:
 Динь-динь-донь! Динь-динь-донь!

Старость.

Мы видимъ — время насъ торопить. —
Чело морщинами пестрить;
Хоть въ насъ есть много молодого, —
Друзья, насъ жизнь не молодить..
Но знать, что больше расцвѣтаетъ
Цвѣтовъ, чѣмъ можно ихъ сорвать,
И пить отраду полной чашей —
Еще не значить увядать!..

Да, да, друзья, — не значить это,
Что годы — старости примѣта!..

Не тщетно-ль мы веселье жизни
Виномъ и пѣсней придаемъ, —
Вѣдь все равно про старость вспомнить
Красотка съ нами за столомъ..
Но до послѣдней зорьки нашей
Въ рукахъ съ бокаломъ оживать,
Но пѣть хоть голосомъ дрожащимъ —
Еще не значить увядать!..

Да, да, друзья, — не значить это,
Что бодрость — старости примѣта!..

Приятно развѣ, что кокеткѣ
Мы воскуряемъ оиміамъ,
А та — принявъ его сначала —
Въ глаза смѣяться будетъ намъ..
Но тратить какъ возможно меньше
И больше даней съ жизни брать,
Искать въ возлюбленной подругу —
Еще не значить увядать!..

Да, да, друзья, — не значить это,
Что скромность — старости примѣта!..

Какъ долго мы бы ни старались
Питать любовь страстей огнемъ,
Вѣдь все-жь придется постарѣть намъ, --
Не лучше-ль старѣться вдвоемъ...
Изъ уголка, гдѣ мы сѣдѣемъ,
Печали дружно изгонять,
Идти одной дорогой къ цѣли --
Еще не значить увядать!..

Да, да, друзья, — не значить это,
Что вѣжность — дряхлости примѣта!..

Похоронные билеты.

Веселье наше слишком велико, —
Друзья, вѣдь въ это самое мгновенье
Хорошенькій застольный нашъ камадъ
Почувствовалъ кончины приближенье...
И нужно-жъ было на расцвѣтъ дней
Предчувствію создать свои законы
И превратить нашъ свадебный билетъ
Негаданно-нежданно въ похоронный...

Онъ знаетъ, что его подстережетъ
Амуръ сегодня, жаждою пылая
За ссоры всѣ отмстить и отплатить.
Ни устали, ни ўдержу не зная...
Готовъ сейчасъ побиться объ закладъ,
Что мысль о томъ въ немъ вызываетъ стоны.
И превращаетъ свадебный билетъ
Негаданно-нежданно въ похоронный...

Вотъ скоро въ бѣгство обратится онъ
И спрячется въ убѣжищѣ укромномъ:
Но грозный врагъ сейчасъ его найдетъ.
Преслѣдуя въ задорѣ неуёмномъ...
Взвѣется съ лука мѣткая стрѣла —
И не найти бѣдняжкѣ обороны,
И превратится свадебный билетъ
Негаданно-нежданно въ похоронный...

Спасенья нѣтъ и неоткуда ждать,
Его мольбамъ не внемлетъ врагъ ужасный. —
Поцалды нѣтъ!.. Еще одинъ лишь мигъ —
И передъ нимъ камада трупъ безгласный...
Стрѣлкомъ на рѣдкость мѣткимъ слылъ Амуръ —

Въ желаніяхъ завѣтныхъ непреклонный .
Друзья мои, вашъ свадебный билетъ
Нежданно превратился въ похоронный!..

Изъ глазъ бѣдняжки брызнетъ струйка слезъ,
Осушить ихъ Амуръ въ одно мгновенье,
Но ради званья перваго стрѣлка
Разкажетъ всѣмъ про это — въ подтвержденье...
Друзья мои, вѣдь много ли въ нашъ вѣкъ,
Проникнутый терпимостью законной,
Такихъ билетовъ свадебныхъ, чтобъ въ нихъ
Послышался призывъ всѣмъ похоронный! .

Двойная охота.

Ну, ну, охотникъ! Въ путь скорѣй!
Чу, слышенъ рога звонъ:
„Тонтонь, тонтонь, тонтэнь, тонтонь!“...
Теперь и у твоихъ дверей —
Охотничій сезонъ...

Тонтонь, тонтэнь, тонтонь! .

Вѣдь весь вы обойти должны
Швейцаріи кантонъ...
Тонтонь, тонтонь, тонтэнь, тонтонь!..
А сколько близъ твоей жены
Пажей со всѣхъ сторонъ!

Тонтонь, тонтэнь, тонтонь! .

Идешь къ оленю въ чащу ты
Совсѣмъ какъ фанфаронъ —

Тонтонъ, тонтонъ, тонтэнь, тонтонъ!..
 Женѣ твоей несеть цвѣты
 Охотникъ-саладонъ...
 Тонтонъ, тонтэнь, тонтонъ!..

Застигнуть сворой цсовъ твоихъ —
 Олень испустить стонъ:
 „Тонтонъ, тонтонъ, тонтэнь, тонтонъ!“...
 Жена — въ кругу друзей своихъ
 Возводитъ ложъ въ законъ:
 „Тонтонъ, тонтэнь, тонтонъ!“...

Одинъ твой выстрѣлъ изъ ружья, —
 Упалъ звѣрь на газонъ...
 Тонтонъ, тонтонъ, тонтэнь, тонтонъ!..
 Когда-жь къ себѣ домой придешь, —
 Олень — войдетъ въ салонъ...
 „Тонтонъ, тонтэнь, тонтонъ!“...

Маленькіе глотки.

Своихъ желаній господа—
Надъ ними царствовать всегда
Мы можемъ, безъ сомнѣнья!
Во всемъ излишество вредно,—
Да будетъ страшно намъ оно
И въ царствѣ наслажденья!..
За этимъ маленькимъ столомъ
Усѣвшись дружескимъ кружкомъ,
Всѣ счастливы мы съ вами,—
Давайте-жь счастье наше длить,
Давайте больше, больше пить,
Но—малыми глотками!..

Во избѣжанье многихъ бѣдъ
Идите всѣ за мной вослѣдъ:
Средины всѣ держитесь!
Одинъ вѣрнѣйшій путь къ добру:
Межъ двухъ бутылокъ на пиру,
Друзья, всегда садитесь!
Тотъ счастливъ, кто умѣетъ жить,
Кто можетъ жадность укротить;
Во всемъ—виной мы сами,—
Тотъ очень многого лишонъ,
Кто не умѣетъ свой крюшонъ
Пить малыми глотками!..

Напрасно жаловаться намъ
На бѣдность нашу: каждый—самъ
Съ ней можетъ примириться:
Довольно рюмочки винца,
Чтобъ снова—милостью Творца—
Къ надеждамъ возвратиться...
А вы—чья ласкова судьба,

Чья жизнь не вѣчная борьба,
 Чей путь повить цвѣтами,—
 Вамъ надо радостей бокаль,
 Чтобъ дольше онъ не изсякаль,
 Пить малыми глоткѣми!..

Филісъ! Смущаетъ что тебя?
 Ты, наставленій не любя,
 Совѣтамъ не внимаешь ..
 Иль, можетъ быть, ты при словахъ
 Объ этихъ маленькихъ глоткахъ
 Про цыяницъ вспоминаешь ..
 Пусть спотыкаются они,—
 Ты, другъ мой, лучше вспомяни,
 Что жизнь не вѣчно съ нами,
 Что и любви напитокъ намъ
 Полезнѣй—дань платя мечтамъ—
 Пить малыми глоткѣми!..

Чтобъ намъ до старости дожить,
 Чтобъ намъ здоровье сохранить
 Отъ пира и до пира,—
 Всегда безумствуя умно,
 Мы станемъ пить и пить вино
 Подъ мудрой сѣнью мира!..
 Друзья, прекрасенъ Вакха даръ,
 Здоровье—мудрыхъ гонораръ..
 И то, и это—съ нами..
 Давайте счастье наше длить,
 Давайте-жь нектаръ жизни пить,
 Но—малыми глоткѣми!..

6-48

7400

С
И
М
З
Е
С
Д
Е
Б
В
К
М
Б
П
У
Б
С

Оглавление I тома.

	СТР.
«Моя біографія»	9
Дополненіе къ «Моей біографіи»	129
Примѣчанія къ «Моей біографіи»	137

Пѣсни Беранже*):

Король Ивего, переводъ <i>А. А. Коринфскаго</i>	151
Вакханка, <i>его же</i>	156
Сенаторъ, <i>его же</i>	158
Академія и погребокъ, <i>его же</i>	161
Шутка, <i>его же</i>	163
Рожеръ Бонтанъ, <i>его же</i>	166
Парни, <i>его же</i>	170
Моя бабушка (вольный переводъ), <i>его же</i>	172
Живой мертвецъ, <i>его же</i>	175
Весна и осень, переводъ <i>В. С. Курочкина</i>	177
Слѣпая мать, переводъ <i>А. А. Коринфскаго</i>	179
«Какъ яблочко румянь», переводъ <i>В. С. Курочкина</i>	181
Добрая дѣвица, переводъ <i>А. А. Коринфскаго</i>	183
Быть посему, переводъ <i>Л. А. Мея</i>	186
Барышни, переводъ <i>В. С. Курочкина</i>	188
Благодарственная молитва эпикурейца, переводъ <i>А. А. Коринфскаго</i>	190
Вдова Грегуара, <i>его же</i>	193
Карль VII, <i>его же</i>	196
Мои волосы, <i>его же</i>	198
Бѣдняки, <i>его же</i>	200
Путешествіе въ адъ, <i>его же</i>	203
Уголокъ дружбы, <i>его же</i>	210
Будущій вѣкъ, <i>его же</i>	212
Старый холостякъ, <i>его же</i>	215

*) Алфавитный указатель всѣхъ пѣсень будетъ помѣщенъ въ концѣ I-го тома.

	СТР.
Другъ Робинъ, переводъ <i>А. А. Коринфскаго</i>	218
Галлы и франки, <i>его же</i>	221
Фретильонъ, <i>его же</i>	225
Побрякушка, <i>его же</i>	227
Двойное опыльнѣніе, <i>его же</i>	230
Путешествіе въ обѣтованную землю, <i>его же</i>	232
Начало путешествія, <i>его же</i>	236
Музыка, <i>его же</i>	238
Обжоры, <i>его же</i>	241
Моя, можетъ быть, послѣдняя пѣсня, переводъ <i>М. Л. Михайлова</i>	243
Похвальное слово каплунамъ, переводъ <i>Л. А. Мея</i>	244
Добрый французъ, переводъ <i>А. А. Коринфскаго</i>	244
Великая оргія, <i>его же</i>	25
День поминокъ, переводъ <i>М. Л. Михайлова</i>	255
Просьба знатныхъ собакъ, переводъ <i>А. А. Коринфскаго</i>	255
Смѣхъ, вольный переводъ <i>Иванъ-да-Марьи</i> (<i>П. Ф. и М. А. Тхоржевскихъ</i>)	260
Много любви, переводъ <i>А. А. Коринфскаго</i>	261
Боксеры, или англomаны, переводъ <i>М. П. Розенейма</i>	261
Третій мужъ, переводъ <i>А. А. Коринфскаго</i>	261
«Старога платья продать», переводъ <i>Л. А. Мея</i>	261
Новый Діогенъ, переводъ <i>А. А. Коринфскаго</i>	271
Школьный учитель, <i>его же</i>	271
Холостякъ, <i>его же</i>	271
«Чокнемся!», <i>его же</i>	281
Просьба эпикурейца, <i>его же</i>	281
Измѣна Лизеты, <i>его же</i>	281
Кошка, переводъ <i>Л. А. Мея</i>	281
Прощаніе Маріи Стюартъ, переводъ <i>А. А. Коринфскаго</i>	281
Парки, <i>его же</i>	291
Аѳинскій жрецъ, вольный переводъ <i>Иванъ-да-Марьи</i>	291
Украденная бутылка, переводъ <i>А. А. Коринфскаго</i>	291
Семидесятилѣтней Маргаритѣ, <i>его же</i>	291
Благоразумный человѣкъ, <i>его же</i>	301
Вино и Лизета, <i>его же</i>	301
Сосѣдъ, <i>его же</i>	301
Звоарь, переводъ <i>Л. А. Мея</i>	301
Старость, переводъ <i>А. А. Коринфскаго</i>	311
Похоронные билеты, <i>его же</i>	311
Двойная охота, <i>его же</i>	311
Маленькіе глотки, <i>его же</i>	311

6-2

Листок срока возврата книг

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ**
указанного здесь срока

1000-00

6-2

K/x